

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПМР
Государственное образовательное учреждение
дополнительного профессионального образования
«Институт развития образования и повышения квалификации»

ЛИТЕРАТУРА ПРИДНЕСТРОВЬЯ
(Литература родного края)

Учебник-хрестоматия
10–11 классы

*Допущено Министерством просвещения
Приднестровской Молдавской Республики*

Тирасполь
2019

ББК 83.3я72(4Мол5)
Л64

Авторы-составители:

Т.А. Арабаджи, Н.В. Плацында, О.В. Плацында

Рецензенты:

В.И. Кожушнян, А.А. Мельничук, О.Н. Молчанова, члены Союза писателей ПМР;

Т.С. Штырбул, учитель русского языка и литературы МОУ «Бендерский теоретический лицей».

Литература Приднестровья (Литература родного края). Учебник-хрестоматия. 10–11 кл. / авт.-сост. Т.А. Арабаджи, Н.В. Плацында, О.В. Плацында. — Тирасполь: ИРОиПК, 2019. — 224 с.

Учебник-хрестоматия «Литература Приднестровья (Литература родного края). 10–11 классы» является третьей книгой, завершающей линию учебников по литературе родного края (первая книга — для 5–6 классов, вторая книга — для 7–9 классов). Данные хрестоматии соответствуют Концепции преподавания литературы Приднестровья как составной части литературного образования (2005 г.) и Программе факультативного курса для организаций общего образования с русским языком обучения (2009 г.).

В учебнике-хрестоматии представлены произведения наиболее ярких писателей и поэтов Приднестровской Молдавской Республики, воспитывающие у учащихся любовь к родному краю и поднимающие вечные проблемы добра и зла, прекрасного в природе и человеческой жизни, интерес к родному языку и литературе народов, населяющих нашу республику.

Учебник-хрестоматия адресован учителям и учащимся школ, лицеев и гимназий, а также читателям, интересующимся литературой родного края.

ББК 83.3я72(4Мол5)

Дорогие ребята!

Перед вами третья книга из серии учебников по литературе родного края, интересной и своеобразной, которой можно гордиться, но при условии: ее нужно знать.

Мы предлагаем вашему вниманию произведения, в которых описано разное историческое время из жизни Приднестровья, отражены важнейшие исторические события и судьбы соотечественников, представлена многоплановая тематика, связанная с человеческим общением, нравственными поступками людей, природой родного края, что дает возможность увидеть жизнь приднестровцев во всем ее многообразии.

10 КЛАСС

ЖИЗНЬ В «КАПСУЛАХ ВРЕМЕНИ»: ДИАЛОГИ О ПРИДНЕСТРОВЬЕ

Своеобразие историко-литературного процесса в Приднестровье определяется тесной связью с русской культурой, которая оттеняет оригинальность видения мира приднестровскими авторами. Особый взгляд на историю и современность является результатом не только географического расположения страны, но и многоязычия народов, населяющих ПМР. После распада СССР, оказавшись на периферии культурной жизни России, молодое государство не утратило духовных связей с русским народом. Вместе с тем зарождающаяся приднестровская интеллигенция смогла увидеть свой путь становления и развития отечественной литературы.

Отправной точкой этого пути стали события 1992 года, когда Приднестровье отстаивало свою независимость. Политическому кризису и гражданскому хаосу приднестровские авторы противопоставили силу слова. Слово стало духовным ориентиром в тревожной атмосфере тех дней. Поэтическими строчками откликнулись на бендерскую трагедию Леонид Литвиненко, Александр Вырвич, Татьяна Карabet, Антонина Лосева, Анатолий Красницкий. В прозаических произведениях Георгия Панова, Юрия Самуся тема беды зазвучала трагически пронзительной нотой, потому что вчерашние кумовья, родственники в одночасье стали врагами. Пропустив через себя боль войны, проза Приднестровья обрела документально-хроникальный характер и все же не стала только публицистикой. Яркость деталей, психологическая достоверность образов, сочность языка — все то, что свидетельствует о высокой художественности произведений, превратилось для приднестровских авторов в «межнациональный язык». Приднестровье заговорило о себе и времени.

Валерий Иванович Кожушнян — председатель правления Союза писателей Приднестровья, президент Республиканского литературного фонда и член Президиума Международного сообщества писательских союзов (г. Москва).

Творчество В. Кожушняна иллюстрирует всю жанровую палитру приднестровской прозы. Социально-бытовые рассказы и повести во многом автобиографичны, но истории частного характера дают возможность поразмышлять о судьбе Приднестровья и проблемах сегодняшнего дня, о поколении, оказавшемся в полосе духовного кризиса.

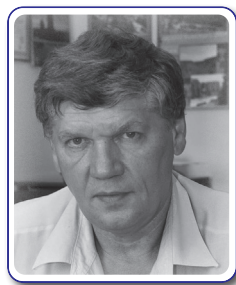
Повесть *«Горнюха»* затрагивает болезненные вопросы сегодняшнего дня. Семейная история Николая Горненко переплетается с общей историей народа, в жизни которого были шальные 90-е, перестройка, «перестрелки» и «беспредел». Повесть создана в традиционной манере: детство главного героя, учеба, жизнь, работа и смерть. Для языка повести характерны живописные интонации юга.

Главный герой Николай Горненко стремится завоевать себе в новой жизни надежное место. А уверенность и значимость дают деньги, ради которых гордый, своенравный герой готов на многое. Автор показывает, что мир после шальных 90-х пересмотрел шкалу ценностей, и человек ради собственного благополучия готов совершить небольшую, по мнению Нелли Руссу, «мимолетную» подлость. Ради иллюзий больших денег Горнюха, человек с «нормальным» уровнем нравственной требовательности, вступает в близкие отношения с сильной, властной и уже достаточно зрелой женщиной. Клавдия Матвеевна — работодатель и благодетельница. Сомнительная мораль этой героини не признает никаких нравственных норм и стоит в одном ряду с подлостью и преступлением. Когда Горнюха захотел свободы, его жестоко избили, так что месяц пришлось пролежать в больнице, а потом еще лечиться у бабы Насти-травницы. Возвращение Николая к «матушке» Клавдии счастья не приносит. Главный герой погибает, запутавшись в рутине беззакония, жестокости и меркантильности.

Перед многими героями В. Кожушняна стоит гамлетовский вопрос «Быть или не быть?». И отвечая на него, этим героям приходится устанавливать диалог со временем: прошлым, настоящим и будущим. Приходится осмысливать «хаос» настоящего и проводить параллели с прошлым. Такого героя мы видим в романе *«Записки прохожего»*. Литературоведы определяют жанровое своеобразие этого произведения как «роман в капсулах, в письмах, монологах, откровениях, снах и видениях».

«Записки прохожего» — это история о человеке, который в одночасье потерял все: жена уехала в Италию на заработки, сын с семьей осел в Сибири, а Анатолий Сергеевич (главный герой) «с не очень востребованной специальностью архивиста остался здесь, на юго-западном острове бывшего могучего государства, в качестве хранителя семейного очага».

Символично, что Анатолий Сергеевич работает в архиве. Очевидно, что наши современники, утратив прочные связи с прошлым, выпали из времени. И эту тему «заблудившихся душ» весьма оригинально Валерий Кожушнян подает в начале

романа. Главный герой видит странный сон. Анатолий Сергеевич вместе с четырьмя случайными попутчиками оказывается в длинном и мрачном коридоре с бесконечной перспективой. После нескольких реплик становится понятно, что четверо мужчин погибли весной 1992 года у села Кочиеры. Трое в военном камуфляже: один Дырявый, потому что в середине груди у него зияла большая дыра, — водитель обгоревшего БТРа; другой, с командирским голосом, — Обожженный (из российской армии); третий — Безногий, бендерчанин. А четвертый — Лодочник, с той стороны, молдаванин, в дедовском кителе, брюках колхозного покроя и в кедах. Самого Анатолия Сергеевича мужики называли Поэтом. Убитые говорили с Поэтом, как живые с живым, словно и не было смерти. Описали обстановку у Дубоссарской плотины весной 1992 года. Рассказали, что БТР стал их братской могилой. А Лодочнику не повезло: «свои» же на тот свет отправили, когда старик на середине реки заорал песню: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг»». Короткая очередь пулемета — и молдавский парламентар уже в том же темном коридоре, что и приднестровские ребята.

Реальность сна-видения пугает Анатолия Сергеевича. А заканчивается все тем, что туда Поэта не пускают. «В коридоре воцарилась на миг тишина. В стене напротив неожиданно засветилось пятно, словно кто-то неведомый ожидал конца истории. Через пару секунд стала вырисовываться на этом месте дверь. Через мгновение она отворилась, и оттуда вышел Некто в белом мерцающем одеянии. Раздался сильный голос, никак не соизмеримый по силе звука облику и росту. Это был Распределитель. Он указал пальцем на Поэта и сказал: «Тебе в другую дверь. Не твое время...» Затем все исчезло и наплыла тьма...».

Выпадая из капсулы военного времени, Анатолий Сергеевич должен как бывший журналист рассказать правду о прошлом и научить своих современников быть счастливыми в изломанном времени. Валерий Кожушник эту дорогу счастья проводит через серию писем, которые главный герой находит в архиве.

Замечательно об этом романе написала Александра Юнко в своей статье «На развалинах дня...» (г. Кишинев), глубоко проникая в самую суть произведения.

«Внутреннее пространство произведения куда более масштабно, чем love-story или adventure. Так у Стругацких старинный приземистый лабаз на поверку оказывается многоэтажным сказочным НИИЧАВО («Понедельник начинается в субботу»). В этих лабиринтах немудрено затеряться: но они же придают всей вещи неповторимость и емкость, вмещая всю боль, накопившуюся за годы развала Союза, все неустройство жизни, всю тоску по утраченному близким, все, о чем порой не скажешь вслух, и многое, многое другое. Отсюда в «Записках» ощущение большого пути, который проходишь вместе с писателем, а ведь 270 страниц — далеко не предельный объем подобной эпопеи.

Да, роман, в отличие от форм малой прозы, здание многоэтажное, с многочисленными закоулками, лестницами, ходами-переходами, запертыми дверьми, лабиринтами, но тем интересней исследовать это строение. Другое дело, куда заведет тебя автор. Встретит ли, приветит, накормит-напоит, найдет ли с тобой общий язык? Или бросит на произвол судьбы, так что вся эта сложная конструкция окажется всего лишь хитроумной ловушкой, за которой — ложный шик, блеск, красота? Или, наоборот, пшик, мрак, пустота?

Начиная читать «Записки», я опасалась, что на поверку они рассыплются на мелкие фрагменты, но нет, каким-то чудом Валерий Кожушнян все это соединил — и оно держится. Притом всевозможные экскурсы и «отклонения от генеральной линии» читателю и современнику порой важнее других, вроде бы более очевидных сюжетных ветвей. В напряжении держит не интрига, а внутренний нерв, личное отношение ко всему. Ну и, конечно, все, что автор накопил за жизнь как человек, мужчина (потому что это определенно очень мужская книга) и литератор».

В своем творчестве В. Кожушнян ориентируется на традиции русской литературы, для которой добро, мир, уважение старших, воспитание любви к Отечеству — неизменные человеческие ценности. Автор в своих произведениях словно переворачивает странички своей памяти для читателя, а тот в беседе со временем усваивает уроки жизни.

Во многих повестях и рассказах Валерия Кожушняна главными героями становятся дети и старики. Начало жизни и ее окончание философски обозначены возрастной метаморфозой: малые и старые близки к истоку и устью жизни. Одни еще не противопоставили себя миру и времени, другие уже способны поделиться своей мудростью. И вместе они пропускают через себя жизнь, воспринимая ее в изначальной красоте.

В повести «*Прощание в леваде*» самобытно воспринимаются дед Андрей и бабка Устинья, у которых живет внук Сережа. Ворчливая, строгая, но заботливая Устинья. Задиристый, вспльчивый, но искренне любящий внука дед Андрей. Очень разный — и радостный, и жестокий — мир окружает ребенка. И именно этот мир воспитывает в мальчике бережное отношение к родным. Сюжет повести связан с отъездом Сергея. Прощание с домом ребенок воспринимает с радостью, а дед искренне и горько плачет: «Лицо его застыло, а слезы текли, будто заслонки открылись в глубине дедовых глаз, падая на примятый пиджак, на все принимающую и понимающую землю».

Герои В. Кожушняна трудолюбивые, кристально честные праведники, своеобразные *донкихоты*, которые воюют не с мельницами, а с равнодушными людьми. Но порой даже души этих донкихотов надламываются и праведники-философы совершают ошибки. Об этом рассказ «*Магарыч*».

МАГАРЫЧ

(В сокращении)

Как-то толкаясь в книжном магазине (были и такие благословенные времена) среди книголюбов, я обратил внимание на одного человека. Одет он был не совсем опрятно, да и пахло от него спиртным. В руках он держал небольшой томик избранных стихотворений Николая Некрасова.

Сам по себе этот человек не вызвал бы моего любопытства, если бы не выражение лица, с каким он вчитывался в некрасовские строки. В его глазах неопределенного цвета таилась застывшая грусть. И все лицо, озаренное этим чувством, жило как бы отдельно. Весь облик неопрятного книголюбца всколыхнул мою

память, вызывая на поверхность давно исчезнувшие образы и события. Я подошел к нему еще ближе. словно бы невзначай, глянул, в глаза бросились строки: «...Одинокий, потерянный, я как в пустыне стою...»

Память моя, словно морозное стекло от теплого дыхания, все более прояснялась. Мне вспомнилась до подробностей одна встреча, случившаяся в пору моей таежной одиссеи. «Кто не был глуп, тот не был молод», — утверждают на Востоке. Я обладал этими качествами в квадрате.

Мне было лет семнадцать с небольшим. Провалившись на экзамене в мореходку, я, опустошенный, с уязвленным самолюбием, вернулся домой. Передо мной встало множество вопросов, главный из которых — что делать? Мне казалось, что жизнь потеряла всякий смысл. Вдобавок я рассорился со своей девушкой. Я видел лишь один выход — махнуть куда-нибудь подальше от людских глаз, от всего, что напоминало разбитые мечты и сердце.

Так я и сделал. И вот с такими же «перекати-поле» еду в неведомый мне таежный край прокладывать железную дорогу. Позже выяснилось, никакую ни магистраль, а так, небольшую ветку километров в восемьдесят. Обошлись без нашего энтузиазма.

В поезде нас четверо суток сопровождала популярная в те годы песня «А я еду за туманом». Как нельзя лучше она передавала мое тогдашнее состояние. В семнадцать лет удары судьбы кажутся столь болезненными, что не остается веры в лучший исход, но боль от них, как показало время, быстро преходяща. К концу пути я обрел некоторое душевное равновесие. Я вдруг обнаружил, что мне нравится ехать, нравится дорога с ее шумом и неожиданными встречами. Однако нет-нет да и постукивал в голове вопрос: «Куда я еду и зачем?».

Прибыли мы к месту утром. Прошли гулкой виадук и очутились в царстве вагончиков и барачков. Встретили нас неласково. <...> Кадрами в стройпоезде занимался заместитель начальника. Нам пришлось ждать достаточно долго. Настроение наше стало ухудшаться. Наконец нас, пятерых разнокалиберных удалцов, вызвали. За столом сидел пожилой обрюзгший человек с усталым лицом и красными веками. На нем была новенькая фуфайка.

— Откуда? — отрывисто бросил зам.

Мы ответили по возможности кратко и зашарили в карманах в поисках документов. У четверых были комсомольские путевки, у меня, кроме новенького паспорта, — ничего. Это еще раз доказывало мое легкомыслие.

Заместитель начальника стройпоезда неодобрительно покачал головой.

— Малолетка, значит? Какого приехал? Страна, конечно, без тебя не обойдется. А вы чего притащили его с собой?

В глазах у замначальника плавали веселые искорки, но брови сурово сдвинуты к переносью.

— А, ладно уж. Работал где?

Я ответил, что работал целое лето плотником и бетонщиком в стройуправлении у себя дома, разряд даже есть, и вообще, приехал не в пионерский лагерь и кое-что соображаю в строительных делах.

— «Сообража-аю», — передразнил он меня. — А если голову оторвут из-за тебя? «Сообража-аю». Ишь ты...

Я сочувственно посмотрел на его голову. Заместитель начальника перехватил мой взгляд и усмехнулся.

— Запеку вас вместе с малолеткой в тайгу от начальства подале, а там посмотрим. Он снял трубку.

— Милочка, мне Буланаш, Егорова, — через секунду зыкнул. — Егоров? Слушай, тебе рабсила нужна? А? Нужна, нужна, — категорично и ответил же. — Так вот у меня тут стоят пять мордovorотов, — он заговорщицки подмигнул нам. — Что? Ломовики, говорю. Да. Медвежатники. Зэки? Да нет вроде. Романтики. Сбегут? Не похоже. Ты их там прими, запрягай и давай мне к Седьмому ноября ветку. Понял?! Прими сначала, говорю. Не слышит, — понизил голос зам. — Алле, алле, милочка, что там у вас? Егоров?! Принимай, говорю, завтра рабсилу. Да. Пятеро. Сам же долдонил: людей нет! У тебя сбежало сколько там? Шестеро? Вот-вот. Почему через денька три? Ах, да! Завтра суббота. Некому, говоришь, встретить? Какая разница! Принимай, говорю! А я что? В кабинете их поселю? Егоров! Ах ты, распилюлькин! Тоже мне, аппендицит в проруби, понимать...

Рабсила смущенно переминалась с ноги на ногу, внимала перебранке ответственных за их судьбу людей и угодливо подхихикивала неожиданным сравнениям зама.

— В общем, дела такие. Сейчас оформляйтесь, получайте подъемные и — к коменданту. Она во втором бараке. Найдете. Три дня перекантуетесь здесь. А потом в Буланаш, к Егорову. И чтоб мне... Водку пьете? Ладно, вижу...

Что он там увидел, мы не поняли, но на всякий случай подтянулись и сделали умные лица.

— Денег получите половину, остальное — по прибытии на место. А то, чего доброго, оглобли повернете с пьяных глаз. Ну, айда отсюда!

Комендант — полная разбитная бабенка из местных — долго ругалась, абсолютно не стесняясь нас. Вслух решала, куда нас определить, будто рядом находились не живые люди, а табуретки.

— Может, в красный уголок их поселить? Мм? — и как-то загадочно улыбалась. — Правда, прохладненько тама. Да ить не зимовать же им тама. Ну-ка, ты, фитиль, — бесцеремонно обратилась к нашему товарищу комендантша, — сбегай, погляди уголок-то. Понравится — раскладушки выдам.

Самый высокий из нас, Виктор, вышел. Комендантша, обшаривая каждого из нас темными блудливыми глазками, принялась за расспросы. Немного привыкшие к бесцеремонному обращению, мы сдержанно и вежливо сообщали сведения о себе.

— Здесь не курорт ведь, — сбита с толку нашей выдержанностью, сообщила она. — Здесь, ох ты, господи, сами узнаете.

Загадки комендантши нас не встревожили. Мало ли, возможно, у человека характер такой, ернический. Минут десять прошло в ожидании.

— Да иде ваш длинный-то? Провалился, что ли?

Вошел растерянный Виктор и брякнул с порога:

— Покойник там.

— Да ну-у? — сделала удивленные глаза толстуха. И тут же расхохоталась. Смеялась она визгливо, истерично даже, чуть постанывая, и от этого вид ее

сделался еще более неприятным. Нам непонятны были причины ее смеха. Все же о покойнике шла речь. Если это юмор в ее понимании, то мы себя ощущали чайниками. Розыгрыш комендантши вконец испортил нам настроение.

Мы решительно сели на пол и поклялись не сдвинуться с места, пока она не найдет нам человеческое жилье. Своеобразный протест против комендантши коек и раскладушек длился более трех часов.

После затяжных криков, матюков и проклятий нам все-таки отыскали комнату с тремя свободными койками. И то дело. Хозяева их временно отдыхали пятнадцать суток в местном КПЗ. Комната была рассчитана на пятерых жильцов. Две койки были заняты. Обладатели койко-мест находились на работе. Двоим пришлось ютиться на раскладушках. Конечно, мне, как самому молодому, и еще одинокому нашему сподвижнику, Володе.

За хлопотами по устройству мы не заметили, как кончился рабочий день. В бараки и вагончики стекался стройпоездовский народ. Коллектив формировался большей частью из южан. Немало комсомольцев прибыло из Молдавии. Как раз к последним и относились знакомые Виктора. Сошлись мы с ними, на удивление, быстро. Биографии его корешей оказались далеко не кристальными. Вот они-то и вводили нас в тонкости и сложности местной житухи. Строительным поездам по заведенным кем-то правилам присваивались номера. У нашего был 299. Корешки уточняли: «299 голодных дней в году». Это был прозрачный намек на величину заработка.

Судя по рассказам новых друзей, здешние нравы не отличались особой строгостью.

К вечеру в комнату набилось порядочно народу. Пришли и девчонки. Вот не думал, что встречу тут землячек! Было много водки и песен, но мало закуски и трезвых. Повод для застолья немаловажный: принималось пополнение. Гулять здесь, видно, любили и делали это с размахом, до изнурения души и тела. От выпитой водки иные плакали, особенно потрепанные комсомолки, кое-кто из ребят выносливо плясал под лихие переборы гитары.

Помнится, я никак не мог прийти в себя от обрушившихся на меня впечатлений. Еще этот покойник в красном уголке не выходил из головы. Поговаривали, что убили его на такой же вот бесшабашной гулянке.

«Вести себя с этой братией нужно осторожно», — подумал я. С непривычки меня мутило от водки. Но как ни крепился, опыта у меня было маловато. Водку я никогда не пил у себя на родине, обходились с дружками иной раз вином. Я опьянел. <...> На вопросы, которые иногда задавали мне, отвечать не мог. В проблесках сознания мелькала одна мысль — не открывать рот и не влезать ни в какие дискуссии. Дури напороть в таком состоянии — плевое дело. Здесь маху не дадут: или кастет промеж глаз, или «перо» в бок.

<...> Наше предполагаемое трехдневное пребывание в бараке затянулось. То ли далекий Егоров заболел, то ли еще чего приключилось, «кантоваться» нам пришлось неделю с гаком. Деньги быстро таяли. До ручки мы еще не дошли, но на пятерых до Буланаша денег уже не хватало. Решили подработать на разгрузке вагонов в местном ОРСе (отдел рабочего снабжения). На узловую станцию почти ежедневно прибывали вагоны с продуктами. Грузчиков, конечно, не хватало.

Набирали первых попавшихся добровольцев, благо на вокзале таких болталось немало. Платили деньгами, но чаще натурой: вином, водкой, сигаретами, продуктами. Достались нам два вагона с мукой. Мешки были тяжеленные, и после двух ходок из вагона до склада меня буквально согнуло в дугу. Как я ни хорохорился, а грузчик из меня вышел никакой. Я только путался под ногами. Через час меня прогнали. Вдогонку мне дан был наказ сторожить комнату, ибо на одной из шальных гулянок выломали дверной замок...

Я прилег на чью-то койку в надежде вздремнуть. В бараке стояла непривычная тишина. Напряжение последних дней стало потихонечку отпускать, мысли настроились на мирный лад. Гулянки на какое-то время поутихли. Я просто наслаждался покоем. Меня стала одолевать дремота, но углубиться в сон не удалось. Кто-то тяжело прошаркал по коридору и вошел в нашу комнату.

«Соседа принесло, чтоб его понос пробрал, — мысленно ругнулся я, но глаза, дабы убедиться в своей правоте, открывать не хотелось. — Сосед так сосед, Бог с ним». Послышались сдерживаемое покашливание и осторожный шорох газеты. В комнате запахло селедкой и свежим хлебом. Мой живот предательски заурчал, откликнувшись на дразнящие ароматы. Я пришибленно лежал на койке, боясь шевельнуться. В углу тихо шуршал свертками сосед, затем слышался едва уловимый хруст челюстей. «Жрет, гад», — беззлобно отметил я, пытаясь снова окунуться в сон. Мне все больше хотелось есть. Я силился вспомнить имя жующего, но в памяти вертелась лишь кличка — Магарыч. Человека этого я не знал толком. За время нашего пребывания в комнате мы с ним и парой слов не перекинулись.

В комнате Магарыч старался быть незаметным. В кутежах участия не принимал. Тихо лежал в своем углу и умудрялся при страшном гвалте читать. За эти несколько дней я успел заметить, что этот человек обладает просто невероятным, каким-то религиозным терпением. На ум приходило не совсем деликатное сравнение с железнодорожной шпалой. Это же надо оставаться невозмутимым, когда к тебе подваливает вихлястый блатарь и начинает приставать подлым манером: то пепел сигаретный стряхнет на книжку, то «бычок» приставит к пятке, а то вырвет книжонку из рук и начинает, выпучив глаза, орать благим матом: «Гля, братва, стихи, с..а, учит! А ну-ка, шо там? — кое-как сложив в целое название книги, разочарованно цедит сквозь оттопыренную губу: «Избранное». Х...я какая-то! Ну не поц?!»

От стола доносилось ленивое: «Колян, оставь его. Подгребай, не заставляй нас грех брать на душу. Без пайка оставим». Предупреждение действует безотказно. Колян нехотя поднимается, швыряет в лицо каменно лежащему Магарычу книжонку. Заводиться ему не хочется, на столе имеются еще водка и закуска нехилая. Пир продолжается.

«Нет, — думаю, — надо быть круглым идиотом или, действительно, не иметь ни чести, ни нервов, чтобы выносить эти гнусные приставания. Как бы ни был затравлен или труслив человек, все же есть мера терпения...» По молодости лет такие вещи я еще не воспринимал как надо и потому, наверное, больше... презирал Магарыча, чем сочувствовал.

Вид его тоже не вызывал положительных эмоций. Небольшого росточка, в подпоясанной веревкой железнодорожной шинели, в огромных стоптанных

сапогах, в замасленной кепочке, которая ненужным предметом громоздилась на вдавленной в туловище голове, он вызывал во мне болезненные ощущения: и жалко было, и отвращение брало от его неопрятного вида, и неловко делалось от открытого взгляда, словно говорившего: «Вот, мол, что жизнь со мной сделала». Магарыч напоминал мне заржавленную, мятую консервную банку. Никто толком не знал, откуда и кто он такой на самом деле. В стройпоезде любознательность не поощрялась. Кличек у него было несколько. Но более всего прижилась последняя, исходившая из фамилии и благодаря бригадиру пущенная в обиход, — Магарыч.

Незаметно я заснул. Очнулся, когда по комнате бродили синие тени. День тихо угасал за дальней кромкой леса. Темнело рано, как и положено поздней осенью. В стекла окон ударил легкий морозец, и на его узорах искрились нити угасающей зари.

От неудобного лежания у меня затекла нога. Я шевельнулся. Тотчас из угла раздался голос Магарычѐва:

— Проснулся? А я ожидал, будить не хотел. Уж больно сладко спал.

«Да не так уж и сладко, — мелькнуло у меня. — Жрать хочется, жуть». Вслух сказал:

— Устал немного.

— Понимаю. Иди, как тебя, Евгений вроде? Перекуси малость, — он зашепестел газетой. — А то, гляжу, во сне жуешь.

Я невольно сглотнул слюну, но с полминуты решал: отказаться от угощения или нет? Преодолев гордыню и отвращение, решил принять приглашение: когда мои еще придут? В тот вечер мне показалось, что ничего вкуснее селедки и свежего черного хлеба я не ел.

— Слышь, Евгений, а друзья твои где? — нарушил молчание Магарычѐв.

— Должны скоро появиться.

Я испытывал в этот момент ущербное чувство благодарности к этому человеку. Хлебом поделился все-таки... Молчать с моей стороны было бы неприлично, посчитал нужным пояснить:

— На заработках они, вагоны разгружают. До Буланаша доехать не на что. Нас туда направили работать, а мы вот здесь застряли. Все подъемные в песню превратили, — вспомнил я выражение одного шутника.

— Да-а, песенники, — задумчиво протянул Магарычѐв. Он сидел на кровати, одной рукой облокотившись на тумбочку, размеренно мял пальцами сигарету. — Беда с этой водкой. Я вот гляжу, ты не шибко ею балуешься. А друзья твои... М-да, дела. Ты не гляди на них, сам кумекай, что к чему, — он помолчал, пыхнул дымом. — Хотя молод ты. Сколь тебе?

Я ответил. Он, словно обрадовавшись этому обстоятельству, воскликнул:

— Вот-вот, в эти года недолго и заблудиться, коль душа не окрепла.

Я чуть-чуть обиделся за корешей. Какие ни есть, а друзья. Мне показалось, что Магарычѐв начнет учить меня уму-разуму. Откровенно говоря, я не был расположен к беседам такого рода. Многое мне здесь пришлось не по душе. Хотелось самому в этом разобраться, понять окружающих меня людей, кипящую вокруг жизнь. Я был крайне самонадеян. Чтобы не разжигать дидактический зуд Магарычѐва, я поспешил закруглить разговор, поблагодарив его за еду.

— Чего там, — вздохнул Магарычѐв, — хлебом делиться всегда было проще, чем... он умолк, не закончив фразу.

В углу слабо светился воспаленный глаз сигареты. На некоторое время комнатой овладела тишина. Я облегченно вздохнул. Магарычѐв, словно угадав в этом вздохе мое тайное желание прекратить разговор, встал, прошлепал к ведру с водой: видно, давала себя знать селедка.

— Ты, милоч, — отфыркиваясь после выпитой кружки, опередил мои возражения Магарычѐв, — не думай, мозги вправлять тебе не собираюсь.

Подхватив оставленный на тумбочке окурок, он крепко затянулся. Красный огонек на миг выхватил из сумрака бледное, будто неживое лицо.

— Я вот часто думаю: отчего люди пьют? Иные, слышь, от лишнего здоровья, другие от болячек душевных спасаются водкой, третьи — кто их знает от чего. Скорее от глупости несусветной. Только я так мыслю себе: кто водку глотает — не умеет жизни радоваться. Душу взаперти держит. Она, бедная, тычется у него меж ребер, слепая, значит, будто в камере. Я тебе так скажу: незрячая душа пострашней истинной слепоты будет. Иной бедолага мается по свету, понять ни себя, ни людей не может, да давай водку жрать. М-да... Водка, если прихватит, бывает, и не отпустит вовсе.

Мне показалось, Магарычѐв волнуется. «Странный мужик», — отметил я про себя. Удивило и то, что он, оказывается, способен на нормальные рассуждения, правда, не совсем складные. Не знаю, поверял ли свою душу кому из соседей Магарыч, но ко мне он проникся доверием. Вероятно, надеялся, что я в свои семнадцать лет еще не настолько был исковеркан окружающей жизнью, чтобы занеметь душой. Возможно, он был прав. Молчание мое воспринял как одобрение и продолжил:

— Слышь, и я хлестал ее безбожно.

— Кого?

— Да не кого, а что! Водку... И что я за это время скопил в себе? Да окромя дряни — ничего. Эх, и напакостил я за свою жизнь, — он зло сплюнул и затушил о подошву сапога окурок. — Человеку крепкая вера нужна. Звезда, что ль, путеводная. Тогда он многое сможет.

Я пока не понимал, куда клонит Магарычѐв, а спросить опасался, дабы не услышать еще более чудовищную глупость. В эти минуты я ничуть не сомневался, мягко говоря, в природной ограниченности этого человека. Но Магарычѐва понесло не на шутку.

— Вот раньше человек с мусором душевным в церковь шел. Сходит и думает, дурень: Бог его все глупости прибрал. Получается вроде унитаза: опорожнил душу, смыл святой водицей — и всего-то делов. Нет, брат! Сейчас другое время. Человек другой стал, изломанней, что ли, заковыристей. Вера-то ему особенная нужна. А без веры ему — каюк.

— Религиозной? Да этого полно на земном шаре. Выбирай: христианство, ислам, буддизм, кришнаиты там всякие, сектанты разные, иудаизм, — блеснул и я своими познаниями.

— Да нет. Я в смысле общей веры.

— В коммунизм?

— Да что ты все прикидываешься! А хотя бы?.. Только нет, обгадили и это дело. Человеку надо опоры иметь в сердце. Веришь ли, и я искал своего Бога. Каждый, наверное, ищет, только не всегда сознается. Я даже, слышь, в церкву ходил, ну, красиво поют, дым пускают всякий, золото блестит в каждом углу и на попе тоже, а не то думаю, не то...

Магарычѣв умолк. Слышно было, как он стал снимать сапоги. Покряхтел, поворочался и прилег на койку, скрипнули пружины. Ни звука не раздавалось и во всем бараке. Люди рано улеглись спать. Это к полуночи шум и гам поднимутся, когда вернутся любители игрищ и кутежей с вокзала. Там гулякам всегда перепадало стакан-два водки или портвейну. Земляки мои явно припозднились. Наверное, еще вагоны подошли, а может, пошли обмывать полученный калым в пристанционный буфет.

— И таки нашел я свою опору, — вернул меня к действительности голос Магарычѣва. — Только ты не скалься, — уловив с моей стороны движение, предупредил он. — Имя ей — Жизнь. В ней, брат, все заложено. А более всего красоты. Только умеи находить ее, во всем она есть. Ты в Третьяковке был? — неожиданно спросил Магарычѣв.

— Нет, еще не довелось.

— Ну, ничего, какие твои годы, еще попадешь. Вот, доложу я тебе, красотища где! Умные были мужики, которые собрали эти чудеса воедино. Стоял я там перед одной картиной. «Ночь на Днепре» называется, ажно прослезился. До чего на мои родные места похоже! Смотрел и думал про художника: настрадался, видать, человек за свою жизнь, какую красоту сотворил. Боже ж ты мой! Нет, там имеются и другие картины, от которых мурашки по спине, но та все же достала меня — потому как про места мои напоминает. Я не призываю всех через испытания и страдания провести. Страдал — значит и тебя в музей пустить можно или в другие потребные для души места. Эдак ерунда выйдет. А вот как человека довести до принятия красоты, не знаю. И сказать не умею. Эх, кабы в каждую душу бросить семя доброе и взрастить! Многое из этого родиться должно хорошего на земле. Сам я недавно уразумел это. Женя, не спишь? — обеспокоившись моим долгим молчанием, спросил Магарычѣв.

Я что-то промычал в ответ и, крайне заинтересованный рассуждениями этого бродячего философа, приготовился снова слушать. Как-то незаметно к моему любопытству примешалось чувство доверия и стеснительности. Я впервые столкнулся с человеком, обнажающим так откровенно свою душу.

Магарыч неспешно разматывал передо мной пеструю ленту своей жизни. Я все больше испытывал неловкость: уж больно не подходил юнец к роли принимающего исповедь. Но моего собеседника это обстоятельство как будто нисколько не смущало. Он все глубже и глубже погружался в воспоминания.

— До «хозяина» я чуркой жил, можно сказать. Какие там картины, стихи, книжки, музыка? Была бы водка, пару товарищей да женка под боком...

— Какого хозяина? — перебил монолог Магарыча я вопросом.

— Как какого? — в свою очередь удивился Магарыч, — зоной руководит, начальник, значит. Да что там! От звонка до звонка проторчал за колючкой. Тех

годков не воротишь. Перечеркнул мне жизнь один гад, — и так это у него брезгливо вышло, что и меня невольно передернуло.

— Я не всю жизнь путейцем работал. Когда-то на большом заводе токарничал, и неплохо. Давно это было... Жил себе и в ус не дул, как говорится. А судьба для удара выбирает самое безмятежное для человека время. Вот в самый такой момент и я получил от нее под дых. До сих пор отдышаться не могу. Слушай, коли интересно.

— Интересно, валяй, честное слово...

Тон мой, вероятно, показался Магарычу не очень убедительным. Он замолчал, будто раздумывал, стоит ли с юнцом на такие серьезные темы разговоры разговаривать.

— Ладно, — решил он, — может, пригодится тебе. Жена у меня была. Не верится, да? — почуввав шевеление из моего угла, спросил Магарыч, но через секунду продолжил: — Однако была. Хозяйкой отменной слыла, хлопотунья, куда там иным... Да и что рассуждать, трое детей. Раз пришли ко мне ребята из бригады нашей, премию обмывали или праздник какой случился, сейчас и не упомню. Ну, как водится, стол накрыли, то да се. А с нами мастер один увязался. Парень, правда, он неплохой был, да без начальства все же спокойней. Ну, раз пришел, чего там... Пей, гуляй, не обеднеем. Грешок, правда, за ним водился — до баб был слабым, немоготу. Кого ни заприметит, тут же и подавай ее в наилучшем виде. А жена моя не то чтобы красавица была, а все же была в ней этакая изюминка, артисткам не многим уступала. Особо фигура у ней — точь-в-точь гимнастка. В то время, конечно. И заметь, трое детей. Мужики мне опасение выказывают: мол, гляди, не подкатил бы к твоей. Я беспечно только отмахивался. Моя-то половинка что крепость... Опять же дурак и тетеха! Он ведь, кобель бесхвостый, настырный был. Пока не окучит намеченную бабу, не успокоится. Ну, с моей Ольгой ему полный цугцванг выйдет. Да ошибся! Где и когда он с ней снюхался, я опосля узнал. Ну, моя-то, моя... Трое детей, а туда же... Эх, гадство!

Магарычѐв, почувдилось, застонал. Повозился, потом громко высморкался и продолжил:

— Не верил я, что можно вот так, за один мах жизнь перевернуть. Прихожу на работу однажды, а меня начальник цеха подзывает. Мол, готовься в командировку, поедешь в составе заводской делегации по обмену опытом к нашим коллегам в соседнюю область. Я, конечно, обрадовался сверх всякой меры. После работы с порога жене сию новость сообщаю. Перья распустил перед ней. Вишь, говорю, какую честь оказали. Уважают Магарычѐва! На самом деле все проще и паскудней оказалось. Мастер этот все и подстроил. Обычно он ездил по обмену, да пара-другая штатных наших передовиков. И как подкатил, гад! Надо, говорит, нам простых рабочих побольше вовлекать в такие мероприятия. Поездки, говорит, их расшевелят, творчески работать начнут, опыта наберутся... Творчески, сука! Знал ведь, что кроме пьянки совместной, нового ничего не увидишь. Две недели мы проболтались на том предприятии. Пару деталек я им сварганил не глядя. Попили изрядно и домой подались. Знал бы, что дома ждет меня, там бы и остался. Хмырь-то наш добился своего. Огулял женку. И-эх, солги она мне тогда, так бы и жил с ней до сих пор. Мало ли мужиков рогатых на свете, а ничего, живут. Не

смогла утаить. Впервой это у нее. Он, сука, обещался забрать ее к себе вместе с детьми. А та и развесила уши. Вот дура, прости Господи! Странное дело: вот солгала бы мне — и как-нибудь пережили бы ее грех. Да дело оказалось не только в моральном уроне, но и в физическом... Что-то с ней сделал такое, чего она ни разу со мной не испытывала. Потому и не сумела грех свой скрыть от меня. Поверишь ли, и любить стал больше, и ненавидеть одновременно. Вот где, паря, мука...

Я молча внимал рассказу Магарыча. Да и что тут скажешь? Любая реплика с моей стороны стала бы последней в нашей откровенной беседе. Я даже дух не решался перевести. Бездумно наблюдал за ночными зыбкими тенями и молчал. На улице изрядно стемнело, но мы не зажигали света, ни к чему было. Созревающая луна тяжело взгромоздилась на горбатые крыши соседней деревеньки и влезла третьим участником в наш разговор. Однако темень в комнате странным образом загустела, заштриховала все предметы, оставив в углу темное расплывчатое пятно — лицо Магарычѐва. Он полулежал на кровати, отчужденный и непонятный в своей отчаянной искренности.

— Эх, жизнь, круговерть наша! Повидать бы деток, а там и помереть не жалко. Большие, наверное. Батьку, поди, не признают, — голос Магарычѐва дрогнул. Он тяжело вздохнул и зашарил по тумбочке в поисках коробка спичек.

— Евгений, слышь, ты стихи любишь? — неожиданно спросил он.

Вопрос застал меня врасплох. Мысли мои были заняты его рассказом. Я не сразу ответил.

— Да так, не все.

— Это верно, — живо подхватил Магарычѐв, — все подряд любить нельзя. Вот прочтешь иной стих, а он в тебя, словно нож войдет, и не черта с собой не сделаешь.

Я все не мог отделаться от навязанных воспоминаниями своего собеседника мыслей и потому бестактно спросил его:

— А в тюрьму за что угодил?

— Да все за то же, — не раздумывая долго, ответил Магарыч. — Я того мастера на работе прищучил и допрос учинил. За что, говорю, ты такую пакость мне сотворил? Тебе что, баб одиноких мало? Смеется, сука! Это, говорит, доказать надо. Я ему: так ведь жена мне все рассказала. Не в себе она после содеянного. Он и бровью не повел. Ну и дура, говорит, и скалится. Хотел женщину настоящую в ней разбудить... Живете, понимаете, как дикари. Фрейд утверждает, что... Я ему закончить не дал. Наглый, как сто грузин. Дружка еще своего приплел, Фрейда... Хрясь я его болванкой чугунной по башке. Вроде как ослеп он. Я уж не помню, как колошматил уже лежачего. Мужики еле оторвали меня. Еще чуток — и зашиб бы насмерть. На суде выяснилось, что Фрейд этот — писатель или врач ненашенский — запрещенный у нас. Ты случаем его не читал?

— Нет.

— Так вот, коли встретится книжка его, лучше и не читай. Паскудник он. Намолол бабе моей этот мастер начитанный с легкой руки того психолога с три короба. Женщина, мол, лучше чувствует своего мужа, когда иногда изменяет ему. Ну не сволочь? Но она как решила на это?! Не возьму в толк. Подпоил, наверное, гад, и всего-то делов. На суде разобрались. Три года впяли. Адвокат дошлый

попался. Мужики подсуетились, нашли еврейчика одного. Ох, и чесал он там, на суде!.. А так светило бы мне все десять. «Особо тяжкие телесные повреждения», — так звучала статья. А особо тяжкие душевные в законы никто не надоумился вписать.

Голос моего собеседника через край наполнился непреходящей болью. Я даже смутился на какой-то миг. Решил подбодрить Магарычѐва и ляпнул:

— Домой тебе съездить надо. Может, и склеится еще...

— Пацан ты мой, пацан! Ну и советы загнул! Под самую печенку норовишь хряпнуть. Не боксер ли, случаем?

— Не понял.

— Да нельзя мне домой! Жена давно замужем за другим. Прошное не вернешь. Я уж больше десятка лет мотаюсь по Сибири да Уралам. Молод ты советы давать, не петришь в этих делах. Жизнь — штука длинная и сложная, разное встретится тебе — и плохое, и хорошее. Главное — себя не потеряй при плохом раскладе. Это мне вот больше некуда шагать. Дотлею где-нибудь, как огарок, и дело с концом.

Последнюю фразу Магарычѐв произнес неестественно бодрым тоном. Затем, ломая спички и чертыхаясь, прикурил.

— Ты Некрасова Николая Алексеевича читал? — без всякой связи с предыдущим разговором спросил он.

Я что-то промямлил в ответ, недоумевая: причем здесь классик? И Магарыч снова, как во время рассказа о себе, тяжело вздохнул:

— Русских поэтов, брат, нужно знать. Это народ особенный.

Неподдельное волнение послышалось в голосе Магарыча. Я поймал себя на мысли, что он вообще удивительно легко возбуждается при упоминании стихов. Вот тебе и «шпала»! Угадывалась в нем впечатлительная и беспокойная натура.

— Вот в школе почему-то не любят, когда поэт свою жизнь описывает. Мол, ребятам знать это необязательно. А ведь он душу выплакивает! Его стихи — это и есть жизнь его. Есенина, к примеру, возьми. Я так думаю: бояться они, что ли, ребят чувствами настоящими испугать, а, Жень?

— Не знаю. Только по правде скажу: о Некрасове мы мало что узнали в школе, в смысле личной жизни. «Поэт народной жизни» — вот и вся характеристика.

Я и в самом деле не читал и не слышал Некрасова-лирика, не говоря уже об интимной стороне его жизни. Скорее всего, по собственной лености и нерадивости. Честно говоря, и учителя не досаждали ученикам с подробностями.

— Слышь, стихи какие у Него есть?

Магарычѐв произнес это так, что иначе как с большой буквы представить обращение к поэту нельзя было. Не дожидаясь моего согласия, он стал читать. Его глуховатый безыскусный голос тревожил и волновал:

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки
И думали: не будет муки
В последнем роковом «прости».
Но даже плакать нету силы.
Пиши — прошу я одного...

Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы —
С могилы сердца моего!

Мне на миг показалось, что комната озарилась каким-то мягким и теплым светом. Сердце дернулось и затрепыхало, будто стометровку пробежал. Ну, надо же, и меня проняло.

— Неужели Некрасов?!

Я, кажется, излишне поднапряг голос. Магарычѐв поднялся на кровати и посмотрел в мою сторону.

— Э-э, брат, Николай Алексеевич... Да что там! Иной раз начнешь читать, и сил нету до конца дойти: «...Одинокий, потерянный, я как в пустыне стою». Слез полное сердце. Я так думаю: у каждого поэта, если он кровью пишет, не может быть плохих стихов. Великая сила в них заложена. Она-то и подымает нас: кого — с колен, кого — с корячек. Сила эта, брат, неодолимая.

Судя по интонациям, Магарычѐв снова впал в поэтический транс и потому с трудом подыскивал слова для выражения своих сложных чувств.

Когда полилась тихая и грустная песня, я не сразу понял, в чем дело. Магарычѐв пел о заветной своей звезде, и не было сомнений, что звезда именно его и что такой действительно никогда не будет. Голос у него был слабый, но пел он удивительно верно. Так же тихо, как и началась, песня улеглась, и комнату снова наполнили стихи:

Они горят!.. Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
Уж не горит ли с ними и любовь,
Которая их сердцу диктовала?
Их ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды их еще не доказала...
Но та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!

Магарычѐв остановился, задыхаясь, втянул в себя воздух, будто затягивался сигаретным дымом, и осторожно выдохнул. Бережно это у него получилось, словно боялся вместе с выдохом выпустить из себя слабую трепетную искорку счастья, зажженную строками поэта.

— Это после разрыва с Панаевой написал, — слегка изменившимся голосом пояснил Магарычѐв. — Слышал о такой?

Не получив от меня ответа, он обреченно обронил:

— У нас с Ольгой, вроде, тоже так, — и без паузы продолжил. — Тяжелая у них любовь была. Не любовь — мука! Читаешь стихи и чувствуешь — кровью писаны, а кровь та прямо из сердца. Ах, брат, хорошо как делается: и сладко, и горько в один миг.

Голос Магарычѐва оборвался. Мы долго молчали. Напротив меня находился совсем другой человек, открывшийся мне с неожиданно светлой стороны. В каждом человеке дерьма хватает, а вот увидеть его в первозданной чистоте — как это бывает трудно! И я почему-то обрадовался. Ага, думаю, что ни делай с нами жизнь-сука, а мы — вот какие, ничто нас не берет, никакое паскудство надолго

не прилипает. Какая бы ржа ни точила нас изнутри, а до глубины нутра черта два достанешь. Так уж...

Через день мы уехали. В Буланаше пробыли недолго. Нас переслали еще дальше. Егорову не до романтиков было. Очутились мы на маленьком полустанке Ясашная, что повисла маленьким узелком на железнодорожной ветви на Нижний Тагил. По каким-то причинам наш Виктор задержался в конторе стройпоезда. Прибыл он к нам через неделю, едва узнал своих земляков. Мы напялили на себя ватники, ушанки, кирзачи, хотя на дворе стоял октябрь и серьезных холодов не намечалось пока. Он удивленно оглядывал нас и все допытывался: не заболели ли мы? Пришлось объяснять, что местные ребята напугали нас, южан, непостоянством уральской погоды. Лучше не рисковать, мол, на дню может и пурга случиться, и мороз шарахнуть, так что лучше одеваться с утра потеплее. Работали мы на перегоне, километров за тридцать от своего полустанка, нашей основной базы. Виктор долго хохотал и тут же потребовал, чтобы мы переоделись. Мы охотно согласились. Виктору мы доверяли.

Он привез неплохие известия. Если наш участок, сообщил он, до седьмого ноября сдаст перегон до леспромхоза, есть шанс получить недельный отпуск. Конечно, не все от нас зависело, но за делом мы бы не постояли. Мы только и мечтали мотнуться хоть на недельку домой. Кто в молодые лета отрывался от дома, тот поймет, как тянуло нас первое время в родные места.

Вечером Виктор подозвал меня. Мы вышли из вагончика.

— Магарыча помнишь?

Я, не отвечая, смотрел на него, ожидая услышать худые вести. Он успокаивающе похлопал меня по плечу.

— Тебе большой привет и вот — подарок.

Виктор достал из кармана куртки небольшую книжицу, завернутую в газету. «Русские второстепенные поэты XIX века», — прочитал я на титульном листе.

— Где он сам?

— Рассчитался. Говорил, поедет в другие края, надоела ему тайга. Наверное, на родину потянуло. Мужик он, хоть и чокнутый, а не жмот. Вот денег дал на дорогу, — Виктор показал тугую пачку червонцев. — Я спросил: куда выслать тебе? Не надо, ответил. Передай тому, кто нуждаться будет. Здесь нам хватит и домой съездить на недельку...

— Значит, все-таки решился.

— О чем ты?

— Да так.

— А, ну ладно, идем к пацанам, а то всю водку выкушают.

Он взобрался на ступеньки вагончика, обернулся ко мне.

— Не дрейфь, скоро домой рванем. Подымайся к нам.

— Сейчас...

Я присел на бревна, бог весть кем заготовленные для постройки то ли избы, то ли сарая... Стояла великолепная уральская осень. Тихо и торжественно было вокруг. За увалом догорала слабая полоска заката, воздух был свеж и крепко настоен на терпких ароматах павших листьев, грибов и распиленной древесины.

В деревеньке базировался леспромхоз с обязательной пилорамой. Возвращаться в вагончик расхотелось и я побрел к лесу.

«Как много в жизни встреч, непросто угадать, какая войдет в судьбу твою...» — я силясь вспомнить следующие строки, но тщетно, даже автора не мог припомнить.

В лесу, где-то за сопкой, закричал паровоз. Это шел пассажирский, судя по времени, на Нижний Тагил. Я подумал о Магарычѐве. Едет он сейчас в таком вот поезде домой, и что ждет его там, никто не ведает. А пока едет — он счастлив, наверное. Дорога ведь к дому, и какие еще нужны слова?!

Днестровск, 1975 г.

Поразмышляем вместе

Приднестровские авторы в своих произведениях отмечают интересную жизненную тенденцию: мудрость жизни человек обретает (что отчасти парадоксально), когда теряет почти все, семью в том числе. Такого героя-философа показывает в своем рассказе «Магарыч» Валерий Кожушнян. В таежном мире бараков и вагончиков, где привыкли после работы до изнурения души и тела пить, герой воспринимается как отщепенец, отверженный. Он не ввязывается в драки. Не пьет. Во время частых гулянок в уголке барака читает! Это странно, дико, не по законам барачной жизни. Но у героя свои правила. И свой кодекс чести. Магарыч не простил жене, когда она ему изменила. За то, что избил начальника, соблазнившего жену, три года отсидел в тюрьме. Но вышел оттуда человеком со своей правдой жизни.

Ядро рассказа составляет исповедь Магарычѐва. Но исповедуется герой не батюшке, а 17-летнему юноше Евгению. Такой поворот событий не случаен. Валерий Кожушнян подчеркивает, как не хватает человеку веры, как задыхается грешник без покаяния, исповеди. Изломанный мир отражает изломанные судьбы, но вечные истины в нем остаются без изменений. «Кто водку глотает, — говорит главный герой, — не умеет жизни радоваться. Душу взаперти держит. Незрячая душа пострашней истинной слепоты будет». Человек со слепым сердцем и душой — вот кто интересует автора. Таких людей хочет вернуть к жизни Валерий Кожушнян, к таким людям обращается словами Магарычѐва: «И я хлестал водку безбожно... И что я за это время скопил себе? Да окромя дряни — ничего. Эх, и напакостил я за свою жизнь... Да, человеку крепкая вера нужна. Звезда, что ль. Путеводная. Тогда он многое сможет».

Во что верит главный герой? В жизнь, красоту и слово. «Как человека довести до принятия красоты, не знаю. Эх, кабы в каждую душу бросить семя доброе да и взрастить. Многие из этого родиться должно хорошего на земле», — эти рассуждения «бродячего философа» обнажают истину, которая отраженным светом горит на лице Магарычѐва. И выходит, что нет счастья без добра, без чистых помыслов и без слова, которое поднимает человека с колен. Главный герой своему собеседнику читает стихи Николая Алексеевича Некрасова. Читает так, что у Евгения подкатывает комок к горлу. Слово обретает силу очищения. Слово зарубцовывает обиды и боль. А слезы отражают первозданную чистоту человека.

Почему так страдает Магарычѐв? Потому что в поисках себя и счастья понял, что значит для него жена и семья. Слабая, трепетная искра счастья горит для него в воспоминаниях о доме. Но приехать к родным и покаяться герой еще не готов. Видимо, считает, что не всю долю страданий испил. И все же где-то далеко теплится надежда на встречу с родными, на обретение семьи.

Вопросы и задания

1. Ядро рассказа составляет исповедь Магарычѐва. В чем исповедуется герой и почему открывает душу не бабушке, а 17-летнему парню Евгению?

2. Прокомментируйте слова главного героя: «Кто водку глотает, не умеет жизни радоваться. Душу взаперти держит. Незрячая душа пострашней истинной слепоты будет».

3. Чтение — это возвращение к храму души. Как эта мысль реализуется в рассказе? Почему именно стихи Н.А. Некрасова для героя обретают целительную силу?

4. Притча о блудном сыне становится духовным лейтмотивом всего рассказа. Как это отражено в образной системе произведения? Составьте таблицу соответствий.

<i>Притча о блудном сыне</i>	<i>Рассказ «Магарыч»</i>
1. Блудный сын	1.
2. Мир страстей, поманивший младшего сына	2.
3. Испытания после утраты наследства	3.
4. Возвращение домой	4.
5. Все прощающий отец	5.

ЮРИЙ БАРАНОВ

Юрий Павлович Баранов (1961–2006 гг.) — ровесник семидесятых годов XX века. Тогда ценились честность и порядочность. Окончив филологический факультет Тираспольского ГПИ им. Т.Г. Шевченко, Баранов сначала работал в СМИ, потом старшим преподавателем кафедры журналистики Института языка и литературы ПГУ им. Т.Г. Шевченко, начал печататься в 1989 году.

В 2003 г. вышел в свет первый авторский *сборник рассказов* Юрия Баранова под общим заглавием «*Жажда денег*». Главными героями книги стали Сергей и Олег. Они окончили соответственно филологический и физико-математический факультеты ТППИ им. Т.Г. Шевченко и быстро осознали, что интеллигенты новому времени не нужны. Постперестроечное время диктует свои законы, ослепляя наивных соотечественников лживой рекламой новых возможностей. Герои рискуют пойти по скользкой дороге коммерции: сначала пробуют продавать помидоры, самопальную водку, потом — запчасти для автомашин. Но никакое дело не приносит желаемого результата. Героям хочется найти свою золотonosную жилу. Поискам этого Клондайка, по сути, посвящена книга.

Книга Ю. Баранова «*Жажда денег*» вызывает ассоциации с «*Жаждой жизни*» Джека Лондона. Водоворот «перестройки» и «демократии» затянул вчерашних инженеров, учителей, слесарей, не говоря уже о пенсионерах, на социальное дно общества, где джеклондоновские мечты о золотых слитках банально заменены желанием нормально жить.

Предприимчивые комбинаторы не падают духом. Писатель, иронизируя над неудачниками-капиталистами, не презирает их, а сочувствует им. Как ни смеется читатель над героями, все же ему жалко *робингудов*, оставшихся без страны, без работы и брошенных в стихию рынка, где царствует шакалий закон «кто кого?».

ПРЯНИКИ МОСКОВСКИЕ

(В сокращении)

Поезд «Кишинев–Москва» прибыл в столицу Российской Федерации поздним вечером. Из вагона № 13 на перрон стали вываливаться неподъемные сумки, забытые дарами щедрой молдавской земли авитаминозным москвичам. Вслед за стратегическим грузом показались взмыленные женские фигуры «лошадок» этого прогресса конца XX века. Громыхая стальными тележками, привокзальные носильщики со всех сторон спешили ободрать молдавскую липку, предлагая такие цены за перевозку тяжелого груза, что дешевле было бы в темном переулке повстречать парочку грабителей....

Последними из вагона вышли трое мужчин с небольшими чемоданами в руках и свежим перегаром в устах. Даже человек неопытный с первого взгляда определил бы в них шабашников, приехавших на заработки в первопрестольную матушку Москву. Что же тогда говорить об опытных работниках правоохранительных органов, сточивших зубы о кости «приезжих». Впрочем, местные милиционеры даже по-своему любили это специфическое племя человекoв разумных, с пугающей регулярностью вываливающихся на перроны московских вокзалов из поездов дальнего следования. Один из стражей порядка, не обделенный искрой божьей при рождении, даже сочинил на эту тему классические стихи с претензией на память потомков: «Люблю приезжих я, но странную любовью...».

<...> Пока три товарища добрались до эскалатора, их четыре раза останавливала милиция для проверки паспортов и «регистрации», отсутствие которой и давало охотнику право на меткий выстрел по кошельку «приезжего». Кроме того, вполне интеллигентное молдавское лицо Виорела Ивановича при наличии усoв давало повод подозревать его в принадлежности к лицам кавказской национальности, коих московская милиция любила особенно странной любовью за их гипотетическую денежность. <...>

Виорела Ивановича и его спутников спасли свежие билеты с датой прибытия поезда, согласно которой «приезжие» еще физически не могли быть ошастливлены таинственной «регистрацией». Но усы Виорел Иванович решил сбрить при первой же возможности, слишком дорогое удовольствие ходить в них по Москве, да еще при наличии смуглого оттенка загоревшей кожи лица.

Впрочем, мерить столицу шагами прибывшие на заработки тираспольчане и не собирались. Еще дома они прочли по телевизору заманчивое предложение поработать в Москве строителями, ну на очень выгодных условиях. В их число входили бесплатное проживание, отличное пятиразовое питание плюс приличная сумма вознаграждения за ударный труд. К тому же на работу их наняли не для какого-то там пустячного дела, а на строительство дачи самого генерала милиции К.А. ...кина! И единственная забота тираспольских строителей — добраться до дачи генерала...

— Давайте найдем такси, — который раз предложил товарищам Виорел Иванович, после того как, покатавшись в подземных лабиринтах добрых два часа, они вышли непонятно на какой станции. Самое печальное впечатление, которое

вынесли товарищи от поездов в метро: в Москве живут одни дебилы. Кого ни спросишь, как проехать до станции №..., все только пожимают плечами и огорченно кивают кочанами капусты поверх плеч. Единственный раз им подсказали, где надо пересесть и на какой маршрут. Но, во-первых, добрый человек оказался земляком, а во-вторых, то ли он что-то напутал, то ли товарищи его не так поняли, но указанная электричка завезла их к черту на кулички, да еще в такой час, когда метро закрывалось на ночь.

— Сначала надо перекусить, — предложил Николай Иванович, как практичный украинец, он привык решать сложные вопросы после доброго куска сала и глотка горилки из бутылки, заботливо уложенной жинкой на дно сумки с припасами.

По странной иронии судьбы, третьего спутника звали Сергей Иванович, и на старом месте работы в одном из тираспольских СУ (строительное управление. *Прим. авт.*) их так и называли: три Иваныча. Несмотря на полный интернационал, Иванычи были дружны с юных пор и за долгие годы совместного труда научились понимать друг друга с полуслова, тем более в таком мужском деле, как сообразить на троих... Единственное, чего не учили товарищи: в многомиллионной Москве тайком жевать сало и запивать его горилкой, да спрятавшись в темном скверике на скамейке, не только не рекомендуется, но и вызывает определенные подозрения соответствующих органов — как бы правопорядка. Поэтому дожидать сало им пришлось в уютном помещении, называемом в простонародье «обезьянником».

— Позвоните, пожалуйста, генералу ...кину! — сквозь железные прутья зоопарка для людей упрасивал Сергей Иванович дежурных милиционеров.

— Щ-щ-щ-щас! — со справедливым сарказмом отвечали ему слуги закона, снимая пробу с горилки и нахваливая таящее на губах сало: «Умеют же хохлы...» Тем не менее утром звонок был сделан, и добрый генерал даже прислал за своими строителями автомобиль, который без всяких приключений довез их до места строительства коммунизма на отдельно взятой даче. Хотя, если быть честным, на соседских дачах коммунизм был уже построен или находился в стадии последней пятилетки. Впрочем, и самое название «дача» было очень и очень условным. Конечно, не Кремль, и даже не Зимний дворец, так, один корпус...

— Е-мое, — присвистнул Николай Иванович, когда впервые увидел недостроенный генеральский дворец, — это же сколько он получает зарплаты?

— А нам какая разница, — неодобрительно откликнулись остальные Иванычи. — Ты бы, Колюня, поменьше свистел при посторонних. Сейчас в Москве все умные люди так живут. Главное, и для нас работенка есть, всем хватит...

«Работенки» действительно хватало всем. Кроме Ивановичей над строительством коммунизма для семьи отдельно взятого генерала от милиции трудился добрый десяток приезжих строителей с окраины когда-то необъятной бывшей родины. Единственное, не было среди них ни одного москвича, даже самого захудалого бомжа, которыми кишели подземные переходы и станции метро.

— Так они же м-а-а-асквици, — делились опытом старожилы-строители с новичками, — у них только одна забота: водки нажраться, да одна профессия: сдать комнату «приезжим» долларов за триста в месяц, а потом из твоих продуктов себе ужин и завтрак готовить. Хорошо еще, им лень на обед домой ходить. А здоровый

мужик будет в переходе с протянутой рукой стоять, инвалида из себя корчить, но только не работать. Не принято у них здесь потом обливаться, везде «приезжие» пашут...

Старожилы строили дачу, начиная с ранней весны, и уже успели достроить второй этаж шикарной «хижины» дяди ...кина. При плотном рабочем графике от рассвета и до заката они бы и сами закончили «хибарку», но в каждый свой приезд генерал воодушевлялся новой архитектурной идеей, подмеченной у соседей, и в итоге готовые стены при помощи отбойного молотка отправлялись на ближайшую мусорку, а свежая партия итальянского кирпича воплощала очередную «изюминку» новорусского взгляда на жилье человека разумного. Хотя, чего греха таить, и у генерала, и у его соседей партийные билеты с ликом впавшего сегодня в немилость вождя хранились свято и неприкосновенно на случай неясного дня завтрашнего. «Чем черт не шутит, пока Зюганов спит», — любил говаривать в узком кругу московский генерал....

Сколько денег уходило на стройку, можно было только догадываться, но, судя по цене итальянского кирпичика — доллар за штуку, — немалые. Но строители только радостно потирали руки, подсчитывая кладку кирпича в квадратных метрах, по которым и записывалась выработка, и умножали метры на количество долларов, договоренных заранее, как у людей честных, под крепкое мужское рукопожатие. К удивлению тираспольчан, среди старожилов было два таких умельца, которые выкладывали на глаз кирпич под расшивку, что даже поганый прораб-турок, пытавшийся всячески охаять работу строителей, не мог со всеми своими линейками и хитроумными отвесами найти хоть какой-нибудь брак. Даже Иванычи, выполнявшие отделочные работы, время от времени любовались мастерской работой. Не перевелись еще таланты на Руси, на зависть всем туркам. Даже генерал, на что мужик суровый, и то как-то в подпитии расчувствовался, глядя на выполненную работу, и пытался сформулировать что-то типа: «Архитектура — это музыка, застывшая в камне». Но по причине частого употребления слова «мать» выражение получилось довольно нецензурное и к искусству вообще никакого отношения не имеющее...

Даже нелепое нагромождение всяческих колонн, башенок и всякой дряни, рожденной воспаленным сознанием нуворишей, благодаря строгим линиям кирпичной кладки выглядело не совсем уж и безобразным.

К сожалению, новая волна нелепой моды захлестнула «дачи» отдельно взятых экс-коммунистов-миллионеров, и после очередного наезда милицейского генерала рабочие покрыли кирпичные стены нелепой «шубой» с густыми вкраплениями мраморной крошки, отчего многочисленные строения стали напоминать кладбищенские памятники павших в разборках «крутых». Но по бредовым понятиям новых хозяев жизни, с такими «наворотами» дачи якобы будут сверкать издалека, как бриллиантовые, символизируя богатство и могущество своих владельцев. Строителям некогда было разглядывать свое творение издали, но вблизи получилось сплошное уродство: гибрид средневекового замка и римского Колизея ...

Все два месяца строители спали вповалку в одном деревянном вагончике, мылись из шланга для полива огорода и питались какой-то бурдой, которую им

готовила специально нанятая толстая и неопрятная повариха. <...> на стройке строго-настрого соблюдался «сухой закон». Впрочем, Иванычи это неудобство переносили даже с облегчением, первый день знакомства убедительно доказал, что пить русские мастеровые умеют, но вот вести себя достойно после этого — не очень... Кроме того, во избежание соблазна, расчет за работу ожидал строителей только после завершения всех работ. А так как осень в Москве и Московской области наступает намного раньше, чем в родной Молдавии, то и строителям пришлось продлить свой рабочий день до полуночи при помощи двух сверхмощных прожекторов, используемых обычно при крупных милицейских облавах. И кто знает, сколько московских правонарушителей должны были бы благодарить строительство генеральской дачи за то, что им удалось ускользнуть от погони и раствориться в сумраке московских улиц. Впрочем, и сама бригада приобрела вид скорее шайки разбойников, чем представителей благородной профессии строителей. Не хватало времени даже помыть лицо, не говоря уже о бритве, стирке одежды и прочих бытовых мелочах. Но все неудобства с лихвой покрывали обещанные повышенные расценки за изматывающий труд. Тем более, строительство «коммунизма» неуклонно близилось к завершению. И как день сменяет ночь, так и каторжный труд сменил час расплаты....

С раннего утра к генеральской даче подъехали две милицейские спецмашины, любовно прозванные в народе «канарейками». Из автомобилей вывалил десяток дюжих служителей закона в пятнистой робе и в «шапках-невидимках», с прорезями для губ и глаз. Спящих работяг разбудили увесистыми пинками тяжелых подкованных ботинок и, не дав опомниться, полусонных людей утрамбовали в задние отделения «канареек», заботливо украшенных прочными решетками на окнах. Сквозь эти решетки получившие расчет строители уныло разглядывали хмурую Москву, готовящуюся встречать очередной бессмысленный день новой истории страны...

На Киевском вокзале «приезжих» бесцеремонно вытолкнули из «такси» и сдали на руки местному милиционеру в чине целого капитана. Широко улыбаясь, чин раздал бродягам их паспорта с заботливо вложенными в них билетами на поезд «Москва-Кишинев».

— Скажите спасибо генералу ...кину, — добродушно уговаривал капитан человеческий мусор, жалкой кучкой толпящийся перед ним. — У нас таких бродяг сразу в «обезьянник», чтобы не воняли на улицах. А вам генерал билеты домой купил, паспорта — и те вернул. Еще и по сто тысяч на каждого выделили (около 20 долларов. *Прим. авт.*). Да мы с ребятами их пропили, ха-ха-ха, — умилился веселый чин. — За ваше здоровье, чтоб не кашляли. Но если кто, — капитан перешел на серьезный тон, — не сядет в поезд и не уедет к чертовой матери, пеняйте на себя. Мало не покажется!

Три Иваныча с «обезьянником» имели короткое знакомство, которого, однако, им вполне хватило, чтобы поверить капитану на слово. Но и возвращаться домой без денег смысла не было. До отхода поезда было еще достаточно много времени, чтобы каждый смог высказать о генерале К.А. ...кине сотню самых добрых слов, включавших поминания его матушки. А если бы исполнился хотя бы один процент искренних пожеланий в адрес самого К.А. ...кина, лежать бы ему

в московском морге в самом ужасном виде. Но генерал в это хмурое утро даже не поперхнулся своей обычной чашечкой кофе под бутербродик с ветчиной и в полном здравии да на служебной машине убыл к своему рабочему месту, дабы продолжить беречь родину от преступников. Самое интересное, при этом генерал нисколько не сомневался в самом эффективном способе борьбы с организованной преступностью: отбирать у них деньги в толстых конвертах и даже в пухлых дипломатах.

<...> В ожидании поезда Сергей Иванович стал читать различные объявления, густо усеявшие столбы привокзальной площади. Одно из них привлекло его внимание: «Срочно! Строители, штукатуры, маляры! Оплату гарантируем!» И номер телефона фирмы, которая берется определить на работу строителей от чернорабочих до мастеров высшего разряда. Иванычи с трудом наскребли мелочи на «взятку» женщине в окошке, которая милостиво разрешила им позвонить по своему служебному телефону, что «строго-настрога запрещено инструкцией!» На другом конце провода Иванычами заинтересовались: в преддверии зимы каждая пара рук профессионалов такого разряда была на вес золота у многочисленных фирм, возводящих особняки для «новых русских» силами «старых дураков»...

И все же не так страшен черт, как его малюют. И в Москве не все люди сволочи, и не все москвичи — горькие пьяницы и тунеядцы. Да и не каждая фирма стремится обмануть — «кинуть» своих клиентов, есть и две-три порядочные. В одну из них, совершенно случайно, обратились горемыки-Иванычи и вытащили свой лотерейный билет с главным призом — работать за деньги. Мало того, что прямо с вокзала их на шикарной иномарке привезли в сверкающий зеркальными стеклами центральный офис, мало того, что им выдали мыло, полотенца, одноразовые бритвенные станки и две душевые кабинки в комнате отдыха персонала, так с ними еще, как с настоящими людьми, заключили контракты на гербовой бумаге фирмы с внушительными орластыми печатями! При этом в договоре были прописаны такие страшные слова, как форс-мажорные обстоятельства, и прочие юридические термины, для человека рабочего на слух не воспринимаемые...

А чудеса продолжали сыпаться на ошалевших от радости Иванычей, как из рога изобилия. Хозяин-работодатель приехал за ними прямо на фирму в новеньком шестисотом «Мерседесе», привез строителей на свою виллу и даже выдал по триста долларов аванса, что рассеяло последние подозрения друзей в каком-либо подвохе. «Новый русский» нувориш Ибрагим Исламбеков поселил Иванычей на первом этаже своего роскошного особняка. Совсем рядом, на соседнем участке, отец многочисленного семейства (одна жена в Москве, одна в Краснодаре, одна в Махачкале и две где-то в горных аулах Кавказа) строил небольшой трехэтажный домик для сына-студента, который учился на юриста в одном престижном московском вузе. Времени до заморозков оставалось мало, зато работы на стройке — непечатый край. Поэтому «новый русский» Ибрагим не скупился на обещания Иванычам:

— Вы мне сделайте работу, а я вам денег дам, сколько увезете, — твердо пообещал он строителям. — А то ребенок весной получит диплом, на работу придет, познакомиться надо, а ему даже некуда будет друзей повезти, отдохнуть. Вы уж постарайтесь....

И друзья старались изо всех сил. В качестве чернорабочего Иванычам был нанят московский бомж Тимоха, безобидный интеллигент, пропивший вместе с мозгами семью и трехкомнатную квартиру в престижном районе столицы. В условиях трезвости Тимоха немного пришел в себя и даже обрел утерянный было облик человека. Правда, поначалу работник с него был, что называется, никакой, но он старался наверстать отсутствие пролетарских навыков завидным усердием. А так как кормили на новом месте работы исключительно макаронами и мясными консервами по принципу «сколько съешь», то вскоре Тимоха трудился не хуже заправского пролетария! Вот только матом ругаться так и не научился — сказывалось тяжелое интеллигентное прошлое...

Если бы в недавнем прошлом Иванычи с подобным энтузиазмом трудились на стройках родного СУ, их Тирасполь наверняка был бы застроен вдоль и поперек. Но для советского строителя сочетание кирпича, свежего раствора, подъемного крана наряду с полным перечнем необходимых инструментов и приспособлений — в одном месте, в один час и даже в одну минуту — что-то из области фантастики. И даже когда последняя черепица финского производства легла в свою ячейку на крыше особняка, Иванычам все еще не верилось, что это великолепие, воплощение индивидуального проекта австрийских архитекторов, — создание их истертых в кровь мозолистых рук. Самое удивительное заключалось в том, что все окна и двери не только закрывались без помощи молотка, но и свободно открывались! Двери не скрипели, паркет не дыбился девятым валом ледовитого океана, обои не отклеивались, с потолка на голову не падала штукатурка. В общем, не хватало многих и многих привычных «сюрпризиков» обычной новостройки. И даже система отопления, заполненная тосолом во избежание замораживания в период зимнего отсутствия хозяев, не собиралась нигде течь или хотя бы «плакать».

— Вот что значит импортные материалы, — не уставал восхищаться Николай Иванович качеством продукции заморских производителей. — А я еще думаю: дурак Ибрагим, такие деньги тратит, нет, чтобы советское взять. И смотри, прав оказался чурбан, что доллары не пожалел, а мог бы сэкономить...

Ибрагим долго принимал работу, одобрительно кивал головой и называл Иванычей хорошими словами, что, впрочем, особого восторга у них не вызывало. Но опасения оказались напрасными. Хозяин честно отсчитал каждому Иванычу по десять тысяч долларов, да Тимохе за помощь пять. Кроме того, на обеденный стол шофер Ибрагима Аслан выложил целую гору разных деликатесов и десять бутылок водки. Со сдачей объекта «сухой закон» автоматически прекращал свое действие, и, пообещав утром прислать за работягами свою машину, Ибрагим оставил их праздновать окончание труда и убыл по своим делам....

— Вот видите, — корил приятелей Виорел Иванович, — а вы все трусились: обманет, черт нерусский, зажмет деньги. А вот они! — он похлопал себя по оттопыренному карману куртки. — Родные, кровно заработанные... А ты, Тимоха, чего не пьешь? Наливай, «халява, сэр!» На шару ведь, бери, не стесняйся!

— Да я, да не... — растерянно хлопал глазами московский бомж, борясь с искушением, — нельзя мне, ребята, боюсь, опять... это, лучше поехали бы мы прямо сейчас в Москву...

— Ну, ты даешь, ха-ха-ха! — от души рассмеялся Сергей Иванович. — На ночь глядя переться пять километров до шоссе, а там стоять, ловить машину... Да знаешь, сколько с нас сдерут за дорогу? Был ты бомжом, дураком и остался. Завтра, как люди, на шестисотом «Мерседесе», да по столице с ветерком... Ну, ты придумал, из-за такого стола уйти. Эх, был ты интеллигентом паршивым, так, видать, и помрешь, а жить не научишься, как люди. Наливай, Колноня, вот с той, я еще такой не пробовал...

Друзья засиделись далеко за полночь, разгоряченно обсуждая самые невероятные планы использования заработанных честным трудом денег. Правда, дальше покупки отдельно от тестя с тещей квартиры, машины и толстой золотой цепи на шею их фантазии так и не ушли. Но это же мужики, что с них взять. Вот у жен фантазии — что да, то да — побогаче...

Поздним утром Иванычи с трудом проснулись. Кровать Тимохи была аккуратно застелена покрывалом, а его зеленый вещмешок с какими-то двумя книжками пропал из платяного шкафа, где хранились вещи строителей.

— Ах ты, гад! — завопил Сергей Иванович, лихорадочно ощупывая карманы куртки. Остальные Иванычи также бросились к своим вещам. Но, к всеобщему удивлению, толстые пачки хрустящих сотенных купюр лежали там же, где вчера их оставили опьяневшие хозяева. Правда, пока они пересчитывали пачки, всякий раз то не хватало одной бумажки, то откуда-то появлялись лишние... В конечном итоге все подозрения, кроме того, что он полный дурак, были с Тимохи сняты, деньги пересчитаны и определены в надежные потайные места.

Как и обещал Ибрагим, «Мерседес» прибыл на дачу за строителями ровно в два часа, и довольные собой Иванычи важно расселись на скрипящих кожаных сиденьях. Какие-то десять часов отделяли их от поезда на Кишинев, да еще одни сутки под стук колес до родного Тирасполя.

— Шеф, трогай! — Виорел Иванович милостиво разрешил водителю начать движение шестисотого «Мерседеса» по направлению к Москве.

— Щас трону, мало не покажется, — огрызнулся Аслан. — А где ваш четвертый?

— Он добирается своим ходом, — снисходительно пояснил Сергей Иванович.

Аслан озадаченно покачал головой, прошелся по опустевшей даче, закрыл на замок ворота, и через несколько минут автомобиль уносил Иванычей навстречу счастью...

«Счастье» поджидало «Мерседес» в километрах трех от дачного поселка и выглядело довольно угрожающе. Четверо крепеньких парнишек в скромных пятнистых одеждах и «шапках-невидимках» с прорезями для глаз и рта перегородили лесную дорогу скромным БМВ. Пассажиров деловито вытащили из салона автомобиля, наскоро потыкали чугунными кулаками по бокам и с завидной сноровкой обшарили карманы, вытащив вождеденные пухлые пачки долларов. Аслан вместе со всеми стоял в неудобной позе: ноги на ширине плеч, руки на капоте — и только угрюмо косился на грабителей. Один из них злобно оскалится и что-то сказал Аслану на каком-то непонятном Иванычам языке. Водитель что-то недовольно проворчал в ответ и помотал головой. Старший сердито сплюнул, отдал команду своим соратникам, и они быстро затолкали Аслана на заднее

сиденье «Мерседеса», развернули БМВ и на полной скорости умчались вдаль, увозя с собой разбитые мечты Ивановычей.

Еще добрых полчаса Ивановычи смотрели вслед иномаркам, увозящим их кровные тридцать тысяч долларов, и все еще не верили свалившемуся на них «счастью».

— Е-мое, — машинально бормотал Виорел Иванович, похлопывая себя по опустевшему карману, где еще совсем недавно приятно грела сердце пухлая пачка денег. — Ну, и это же надо так «попасть»...

— Какое «попадалово», — грустно ворчал Сергей Иванович, — хозяин, сука, специально все подстроил. То-то он нам повторял: «Дам денег, сколько увезете»... И нате вам, «увезли»... Придурки, надо было нам Тимоху послушаться, уже давно бы в Москве были, и с деньгами. А теперь даже на билеты нету. Ну, что будем делать?

— Перекусить надо, — мудро заметил Николай Иванович. По своей практичности он не побрезговал смести в хозяйственную сумку остатки «праздничного» стола под насмешки товарищей. <...> Но самый приятный сюрприз Николай Иванович приберег напоследок, чем навсегда утвердил среди товарищей приоритет украинской нации над прочими славянскими и романскими народами.

— А я, мужики, — скромно начал Николай Иванович, — пятьсот рубликов «зеленых» в значачку спрятал, еще на даче, ну, от жинки, на мелкие расходы. Так что до дому доедем. Давайте, будем выбираться на шоссе...

Товарищи воспрянули духом и дружно зашагали по проселочной дороге. Столько добрых слов в свой адрес Николай Иванович не слышал от друзей за все последние двадцать лет...

На шоссе их поджидали скачущие молодчики из БМВ.

— Ну, что, — игриво помахивая бейсбольной битой, участливо спросил «бригадир» робингулов, — какая это падла пять «стволов» зажала? Мало того, что пять «штукарей» ушли, так еще... — возмущение «бригадира» переросло в неспортивные удары битой по спинам Ивановычей. Остальные робингуды лениво пинали «нехороших» строителей ногами в живот, приговаривая древнейшую присказку всех разбойников: «Деньги давай!» Пришлось расстаться с последней надеждой на то, чтобы благополучно выбраться из матушки Москвы в родимый Тирасполь. Попинав напоследок валяющихся в дорожной пыли Ивановычей, бандиты сели в БМВ и умчались в сторону столицы бывшего Союза...

До вечера ограбленные строители простояли на обочине дороги жизни. Благодушные москвичи, проносясь мимо на личных автомобилях, лишь лениво косились на кучку человеческих отбросов. И только тогда, когда растаяла последняя надежда, возле Ивановычей притормозил КАМАЗ. Приговаривая «мир не без добрых людей», мужики бросились к кабине самосвала. На счастье Ивановычей, единственный добрый человек в этой части мира оказался молдаванином из Ново-Аненского района, который только недавно сам нашел нормальную работу и не успел очерстветь сердцем, то есть стать москвичом. Узнав от земляков их печальную историю, водитель только хмыкнул.

— Не вы первые, не вы последние, — утешал он Ивановычей. — Если москвич молдаванина не обманет, то он ночью спать спокойно не будет. А наших тут — куда

ни плюнь. Где стройка, где завод — везде молдаване пашут, и везде их обманывают!

Водитель, конечно, значительно преувеличивал значимость молдавского народа — москвичи с удовольствием обманывали и украинцев, и белорусов. «Новые русские» ибрагимы не брезговали любым «старым русским» дураком, к какой бы национальности он ни принадлежал. Но останавливать хвастовство водителя у Ивановы просто язык не поворачивался.

<...> Пока Ивановы доехали до Москвы, водитель успел их порадовать добрым десятком подобных историй. На прощанье земляк подсказал им, как добраться на одну из московских площадей, где можно наняться на работу. <...> С трудом добравшись до подсказанной водителем КАМАЗа площади, Ивановы застали там тысяч тридцать, а то и пятьдесят своих коллег по несчастью. За тысячи километров люди спешили в столицу, наивно поверив в сказку «нового времени»: в Москве работы навалом и платят хорошо. Работы, впрочем, хватало, а вот насчет второй части сказки...

Время от времени к людскому муравейнику подъезжали «крутые» и не очень иномарки, из них выходили новые хозяева жизни и, лениво тыча пальцем в человеческий мусор, отбирали пару-тройку «бродяг». За две недели Ивановым несколько раз удавалось попасть под божественный перст хозяина «новой жизни» и заработать на хлеб. И даже кое-что отложить на обратную дорогу! Жизнь в асфальтовых джунглях матушки Москвы постепенно накладывала свой отпечаток на «приезжих» тираспольчан — волчьи законы столичной жизни еще больше сплотили их в единую стаю, и стоило какому-нибудь местному бомжу зацепить любого из Ивановы, как на местного бродягу тут же сыпались удары трех пар обуви производства фабрики «Тигина». К чести бендерских производителей, ботинки были сделаны на совесть, и даже удары по зубам лежащего противника не оставляли на них следов. А бить приходилось плотно, до полной «отключки», иначе подловатый бомжик мог вскочить и сунуть кому-нибудь из Ивановы 30 сантиметров лезвия кухонного ножа, который имелся в наличии практически у каждого жителя Москвы подземной. Такой нож легко резал хлеб, вскрывал консервные банки, а при необходимости, и чье-нибудь худое брюхо. Впрочем, к крови и смерти Ивановы привыкли быстро. Труднее было научиться «косить» под местных бомжей, дабы не вызывать повышенного внимания московской милиции. Суперпрофессионалы своего дела, доблестные слуги закона каким-то шестым чувством вычисляли в кучке человеческого мусора запах денег, после чего Ивановы извлекали на божий суд московского правосудия. Вся эта процедура заканчивалась «обезьянником» и изъятием благословенных денежных знаков из кармана «приезжих». Ивановы просто диву давались, когда же милиционерам удавалось еще и бороться с преступностью в Москве. Но, судя по криминальным сводкам, этого им как раз и не удавалось.

Гигантский мегаполис перемалывал кости все новых и новых «приезжих», выплевывая на обочину жизни жалкий человеческий фарш. Но любая дорога в конечном итоге куда-нибудь да выведет. В один из дней на «пятакче» найма рабов притормозил джип, из которого вышел ... Тимоха! Сперва Ивановы даже не поверили своим глазам, и у них были основания сомневаться. Подтянутый, одетый дорого,

но со вкусом господин мало чем напоминал жалкого московского бомжа двухмесячной давности. И проживи Иванычи бок о бок с Тимохой хотя бы на неделю меньше, они так бы и не поверили — случайное сходство... Но когда прилично одетый господин машинально покосился по сторонам, прикуривая сигарету, последние сомнения отпали, и Иванычи с криком: «Тимоха!» бросились к товарищу. Даже суровая жизнь по волчьим законам столицы еще не до конца выветрила из тираспольчан остатки провинциальной привычки к человеческим отношениям между людьми. Из-за спины Тимохи тут же выросла парочка двухметровых шкафчиков с чугунными кулаками, один из которых угодил прямо в зубы Сергея Ивановича.

— Вы шо, быдло, — сурово прикрикнул один из охранников. — Как это вы к Тимофею Ивановичу обращаетесь, а?

Так впервые Иванычи узнали отчество Тимохи...

Впрочем, четвертый Иваныч не стал третировать своих бывших коллег по строительному «бизнесу» и даже повел их в ближайшее кафе поговорить. По древним традициям матушки Москвы он заказал своим проголодавшимся друзьям по маленькой чашечке кофе и..., правильно, больше ничего. Если не считать доброго отношения и чудесного рассказа об Емеле дурачке, поймавшем в проруби волшебную щуку...

— В общем, вложил я две штуки в торговлю бананами, — с затуманенными глазами вспоминал господин Иванович, московский экс-бомж, — а через месяц напарник сделал ноги вместе с моей долей. И не знаю, как бы дальше, да тут подвернулся с бывшей работы лаборант, связи есть, а стартового капитала — ноль. Тут мы с ним в строительный бизнес и пошли, как-никак, а дело знакомое. И попали на золотую жилу — лесом торговать стали. Контракт заключили, на первое время денег раздать хватило, а там первый вагон леса продали, второй, третий... А потом белорусов «кинули», фирму одну закрыли, вторую открыли да в Карелию. Там местному бонзе дипломат денег приоткрыли, показали да вместе с ним в Финляндию махнули. В местном банке в ящик деньги упаковали, а ключик в карман. Вывезли лес на пять «лимонов» и ключик тот начальнику ихнему на стол — на! Он к финнам за дипломатом, а там — «куклы» одни, ну, сверху столько баксов, а внутри бумага. А мы — фирму закрыли, новую открыли...

— Вот это да, — ахнул Николай Иванович, ослепленный блеском чужих денег, — и это что, сейчас у тебя есть целый миллион долларов?!

— И не один, — скромно подтвердил Иваныч-не-дурак, — да и не у одного меня. Так вся Москва деньги делает, бизнес называется. Кто поумнее, уже давно и миллиарды имеет, да не здесь, там, в нормальном мире. И я вот еще немного заработаю, тоже за бугор буду двигать, в нормальную страну...

Иванычи-дураки только уныло разглядывали свои мозолистые ладони. По наивности своей они думали, что слово «заработать» имеет какое-то отношение к трудовым мозолям, а не к воровскому «кидалово». Ну, на то они и дураки, чтобы так думать....

Впрочем, блеск чужих денег хоть и ослепил, но нисколько не согрел. В голове бывшего московского бомжа, ныне господина-миллионера Тимофея Ивановича, даже не промелькнула глупая мыслишка помочь бывшим товарищам деньгами,

хотя бы на билет до «земли обетованной» — Тирасполя. Но и в наличии добрых чувств Тимохе отказать было нельзя.

— Вот сейчас валим лес в Подмоскowie, — продолжал миллионер свою сказку о чудесах нового времени в стране, где воистину зарытые в землю золотые монетки давали чудесные всходы деревьев с листиками хрустящей «зелени». — Дали денег местным чиновникам, так они нам бумагу специальную сочинили, что мы осуществляем санитарную очистку лесных массивов, так нам еще за работу государство деньги платит! И немалые, только делись! Кстати, как раз рабочие нужны. Вы ничем не заняты?

Иванычи искренне заверили миллионера, что особых занятий на данный момент в их рабочем графике не числится, так, по мелочам...

<...> Оставив им адрес подмосковного городка, где находился лесоповал, Тимофей Иванович убыл по своим срочным делам, даже не поинтересовавшись, есть ли у бывших товарищей деньги на проезд. К счастью, были...

На станцию подмосковного городка N друзья добрались к вечеру. Еще за пару часов они добрались до нужного места и предстали пред светлые очи бригадира, который неспешно распивал водочку в жарко натопленной избе на окраине городка. Судя по наколкам, густо украшавшим руки и видневшуюся из-под майки волосатую грудь, бригадир не один десяток лет отдал плодотворной работе в местах не столь отдаленных и, судя по этому, о лесоповале знал не понаслышке. Помощник бригадира, составивший ему компанию за столом, также не чурался нательной живописи и красноречивых мудрых надписей типа «Не забуду мать родную». Специалисты лесного хозяйства свободно владели иностранным языком «по фене», но также могли разговаривать на могучем русском языке, незбылемо покоящемся на словосочетании «... твою мать» в различных вариантах. Однако, поговорив с Иванычами двадцать минут, начальники уяснили, что у этих волчат зубы не только прорезались, но и начали оформляться в острые клыки. По суровым, но справедливым законам мира иного Иванычи попали в категорию «мужики» и с прочими бомжами не смешивались...

Определив свое место в большой избе, Иванычи легли спать, договорившись по очереди охранять сон товарищей. В первую же ночь им три раза пришлось просыпаться и в полной темноте топтаться по телу очередного воришки, который пытался добраться до содержимого их скромных зеленых рюкзаков. Определив свой статус-кво, остальные ночи друзья спали более-менее спокойно. Правда, для этого им пришлось немного потыкать ножами пару неугомонных старожилов, третирующих остальных бомжей. Но для озверевших в асфальтовых джунглях Москвы Иванычей такие привычные разборки уже давно стали нормой жизни...

К работе товарищи относились со всей серьезностью и быстро усвоили навыки обращения с бензопилой и топором для обрубки сучьев. Даже бригадир отдельно отмечал их успехи в своей тетради, по которой впоследствии рассчитывались заработки лесорубов...

— И что это за санитарная рубка леса, — ворчал Сергей Иванович, когда очередной ствол дерева с треском валился на землю, — позади же одни пеньки остаются. Пару лет такой санитарии, и одна пустыня здесь останется...

— А тебе какая разница? — недоумевал Виорел Иванович. — Приедем в Тирасполь, пойдем в посадку и высадим по десятку орехов для очистки совести, пусть нашим детям и внукам будут. А тут пусть они сами думают. А то горазды только водку жрать...

— Кстати, насчет пожрать, — откликнулся Николай Иванович на контрольное слово, — у нас уже все деньги заканчиваются, надо бы аванс попросить, а то два месяца пашем, как проклятые, а еду за свой счет покупаем...

Но бригадир наотрез отказался выдавать аванс, ссылаясь на полное отсутствие денег. Хотя, по наблюдениям Иванычей, отпуская лес стоящим в очередь клиентам, бригадир не забывал опустить в свой карман какие-то хрустящие бумажки. Но «любопытной Варваре» в этих условиях могли не только «нос оторвать», но заодно и голову. Один из неугомонных бомжей, который в прошлой жизни работал целым начальником планового отдела, проявив нездоровое любопытство, как-то незаметно исчез... И по дороге на работу лесорубы старались не смотреть на свежеприпотаннный снег метрах в десяти от тропинки...

В погожий солнечный день, когда весна уже заявила свои права, у избы остановился черный джип нового хозяина жизни. Лесорубы радостно бросились к автомобилю хозяина, но оттуда вышли только его телохранители со строгими лицами и печалью во взорах. На все вопросы работников парни отвечали коротко, но жестко:

— Все, проваливайте отсюда! Грохнули вашего хозяина, так что проваливайте!

Расчет был полный, окончательный и обжалованию не подлежал. Тем более кожаные куртки телохранителей заманчиво оттопыривались, предполагая в наличии пистолеты далеко не игрушечные.

Пока Иванычи собирали свои жалкие пожитки, телохранители кратко разъясняли бригадиру и его помощнику ситуацию, в которой, по московским меркам, не было ничего необычного.

— А лаборант делиться не захотел, мало ему, понимаешь, стало половины всех бабок, жаба заела, все захотел, — доносились до Иванычей обрывки разговоров. — А тут бригада сибирская нарисовалась. Он им Тимоху и заказал. Мы Тимофея Иваныча до подъезда довели, как обычно, не любил он, чтобы до самых дверей, он в дверь, а оттуда — пук! Готов. Мы чморя того живьем взяли, в подвал да под паяльную лампу. Кровью ссал, чтобы пристрелили. Всех сдал за пульку в лобешник. А лаборанта вместе с его хлопцами в машине «пластилином» и рванули. Набили ему стрелку с Тимохой, пусть на том свете сами разбираются. Зато рядышком лежат, памятники — черный мрамор, газ подвели, вечный огонь, все как полагается...

Телохранители еще долго смаковали подробности: сколько было машин, кто «отметился» из сильных мира сего, и прочие навороты «ново-русских» похорон. Но живых Иванычей эти сказы о мертвых не интересовали. Денег не осталось даже на проезд до Москвы. На пригородной станции усиленные наряды милиции отняли последние шансы друзей проскользнуть зайцами в электричку. Пришлось мерить шагами расстояние до следующей остановки. По дороге Иванычи даже стали машинально напевать великую песнь русского пешехода: «А я по шпалам, опять по шпалам...» Но, признаться, певцы с них были никакие...

<...> На вокзале, куда Иванович вывели блестящие рельсы дороги к жизни, бойко торговал десяток выносных лотков. В продавщице одного из них Николай Иванович с удивлением и, чего греха таить, с радостью узнал давнишнюю подругу своей жены Галинку. В прошлом году она оставила мужу на воспитание пятилетнюю дочь и годовалого сына и подалась на заработки в Москву. В ту самую Москву, где на десять миллионов жителей приходилось примерно столько же «приезжих». По всем математическим расчетам шанс повстречать ее в этом огромном мегаполисе соотносился как один к двадцати миллионам! Какая это доля процента вероятности, посчитать можно, но повстречать человека в Москве — чудо!

Вопреки некоторым опасениям пообтершихся в матушке Москве Иванович, Галинка встрече обрадовалась искренне. Забытое провинциальное гостеприимство настолько отогрело души друзей, что они с особой силой затосковали по родному Тирасполю, где их терпеливо ждали семьи. Правда, с заработанными деньгами... Дождавшись сменщицу, Галина сдала ей лоток с товаром и повела земляков к себе домой. Успевшие озвереть в асфальтовых джунглях Москвы, Ивановичи неожиданно оробели, как будто солнечным душем теплых человеческих отношений в одну секунду смыло с них коросту волчьей жизни в столице.

Повинуясь древним законам украинского народа, Галина первым делом накрыла на стол. Небогато: борщ да голубцы со сметаной. Но зато в изобилии. И только потом спросила: «А кушать будете?» Друзья промычали «угу» невыразительно, но дружно. Глядя, как Ивановичи поглощают тарелку за тарелкой густой наваристый борщ, Галинка тараторила без умолку под сытое икание отогревших-ся земляков....

— А мы тут, значит, приехали, а нам — дуля с маком! В Тирасполе все орал: «В Москве работы полно, платят хорошо, только успевай деньги лопатой грести!» Ага, держи карман шире. Никому мы здесь не нужны. <...> Работа не сахар — становится на лоток да и торговать на хозяина-азербайджанца. Ни документов тебе, ни разрешения на торговлю: поставили возле метро с товаром, и продавай, как хочешь. А если милиция — выкручивайся, как знаешь. То ли денег дай из своего кармана, то ли еще что другое. А платят хоть и не совсем гроши, так опять же, москвичу за квартиру уплати, да на еду немножко и остается. <...> Я домой по сто пятьдесят долларов каждый месяц посылаю, мужа с детьми кормлю. А мой то еще, наверное, и водочку на них попивает, паршивец. Вот такая она, Москва, злая, нехорошая, кто бы раньше сказал — ни за что бы не поехала, лучше бы улицы подметала, на хлеб заработала бы. А теперь, пока много денег не заработаю, в Тирасполь не вернусь. А как бы не дети, так и вообще не вернулась бы, лучше уж ... деньги зарабатывать. Та вы кушайте, родные мои, не стесняйтесь!

Но Ивановичам как-то не полез кусок в горло после бесхитростной болтовни землячки. Волчий оскал Москвы снова дыхнул на них своим зловонием прожорливой пасти.

— А вы-то как, — опомнилась Галинка, — а то все я да я. У вас-то хоть как дела?

— Да никак, — грустно признался Николай Иванович, — «кинули» нас с расчетом за работу, всю зиму мерзли, лес валили, и ничего. Пойдем завтра с утра на «пятак», будем деньги на обратную дорогу зарабатывать...

— Да что вы, в самом деле, — обиделась землячка. — Что я вам на дорогу денег не дам? Приедете в Тирасполь, заработаете да и мужу вернете, скажете, что я попросила передать. Что же мы уже в этой Москве совсем погаными стали, не поверим друг другу? Да, это, не говорите моему ничего, как я тут. Жалко мне его, все-таки родная кровинушка. Работал бы завод, и я бы здесь не кувыркалась на спине, и он бы себя человеком чувствовал... — Галинка даже немного всплакнула...

Ближе к вечеру друзья вышли из дома, где Галинка снимала квартиру, и направились к ближайшей станции метро. Внутренние карманы приятно согревали пятидесятидолларовые купюры, одолженные великодушной землячкой...

Сергей Иванович уже почти подошел к входу в метро, когда сзади послышался шум. По законам асфальтовых джунглей, Иваныч должен был, не меняя скорости движения, юркнуть в стеклянные двери людского аквариума и раствориться в толпе. Но сзади шли товарищи, и шум был явно связан с очередными неприятностями, подстерегавшими «приезжих» в матушке Москве на каждом шагу. И Сергей Иванович обернулся. Этого оказалось достаточным, чтобы на его плечо легла суровая длань закона.

— Что, дружков задержали? — раздался грозный глас слуги народа, олицетворявшего собой закон и справедливость в этом государстве. — Поедем за компанию?

Мог бы, мог бы Сергей Иванович откреститься от небритых товарищей, мог бы ускользнуть от карающего пинка правосудия и, упав на верхнюю полку спального вагона, избавиться в конце концов от этого кошмара. И никто из остальных Иванычей не осудил бы его за это! Тем более ничем помочь в эту минуту он не мог. Но ни в это мгновение и никогда потом сам Сергей Иванович так и не смог понять, почему он так не поступил...

В «обезьяннике» московские волки быстро обглодали молдавских барашков, отобрав деньги и паспорта.

— Ну, командир, — не сдавался Сергей Иванович. — Бог с ними, с деньгами, отдай нам паспорта да отвези на вокзал! Отпусти домой, командир...

«Командир» был еще совсем молоденьким лейтенантом. За неполные три месяца службы на новом месте сердце лейтенанта еще не успело покрыться черствой коркой равнодушия и после долгих уговоров — дрогнуло. Деньги, конечно, московский милиционер оставил себе и коллегам по нелегкой и опасной службе, но паспорта вернул и даже лично отвез Иванычей на служебном УАЗике к Киевскому вокзалу. Там лейтенант сказал самое ласковое слово, которое Иванычи слышали в Москве от работников внутренних органов за последние полгода: «Брысь!» Дважды повторять не пришлось...

На перроне Иванычей встретил капитан, с которым они уже имели честь встретиться еще в первую попытку отправиться домой. Когда сам генерал К.А. ...кин «рассчитался» с ними за строительство дачи покупкой билетов до самого Тирасполя! Эх, не оценили они тогда благородного поступка доброго генерала. Встреча с капитаном не сулила ничего хорошего. Днем раньше он немедленно вызвал бы наряд милиции и отправил бы друзей обратно в зоопарк для людей. Но именно в этот день у капитана после двух дочек родился сын!

— Ну что, дурачье! — благодушно приветствовал Иванычей милиционер. — Все деньги заработали? Москвичам ничего не оставили? Разбогатели? А я ведь вам по-доброму тогда советовал: мотайте домой! Это вам не Молдавия!

Такой радушный прием настолько удивил товарищей, что они несколько минут простояли с открытыми ртами, что еще больше развеселило капитана.

— Повезло вам, — благодушно продолжал капитан наставлять Иванычей-дураков, — сын у меня родился, будущий московский милиционер! Будет кому ваших детей по нашим вокзалам гонять, ловить да в «обезьянники» отправлять, не прервется династия, вот так! Ха-ха-ха!

<...> К перрону подали поезд «Москва–Кишинев» и друзья отправились по вагонам упрашивать проводников увезти их домой в долг. На молдавском поезде работали люди разных национальностей, но ни русская речь Сергея Ивановича, ни вкрадчивый украинский говорок Николая Ивановича, ни молдавский язык Виорела Ивановича должных результатов не давали. Все проводники принадлежали к великой нации «жлобов», готовых удавиться за копейку и нисколько не склонных брать бесплатных «зайцев» даже под залог их паспортов и обещания рассчитаться в ближайшем будущем по двойному тарифу.

Уже потеряв всякую надежду, Иванычи по инерции добрались до самого последнего от перрона вагона, за которым оставался только тепловоз. И тут нашлась добрая женщина, согласившаяся взять Иванычей в поезд под честное слово! Впрочем, ни национальность (как потом оказалось, проводница была болгаркой), ни молодость никакой особой роли не сыграли. Просто вагон был наполовину пустой, а все безбилетные пассажиры с деньгами оседали в ближайшей к вокзалу половине поезда. И, справедливо рассудив, что даже обещанная синица лучше полного отсутствия журавля в небе, проводница выделила Иванычам отдельное купе рядом с туалетом. Едва головы друзей коснулись подушек, как Иванычи тут же уснули тяжелым беспробудным кошмаром пережитых месяцев. Разбудили их глубокой ночью.

— Вставайте, вставайте, — поочередно трясла Иванычей проводница, — подъезжаем к границе, сейчас будет паспортный контроль, могут билеты проверить. Идемте, я вас спрячу. Быстрее!

Сонные Иванычи залезли в какой-то бункер тепловоза и, затаив дыхание, стали ожидать, скорчившись в неудобных позах. Поезд останавливался и, кряхтя, трогался с места, в вагон заходили и выходили люди, а замурованные в бункере «зайцы» сидели тихо, боясь даже чихнуть. И так прошел не час, и не два, а неизвестно сколько. Наконец Виорел Иванович не выдержал и чихнул. Еще через полчаса чихнул Николай Иванович. Еще через час все трое стали колотить ногами в железную крышку люка. И она открылась. За ней показалось встревоженное, а затем счастливое лицо проводницы.

— А, так это вы, — искренне радовалась женщина, — слава Богу! А то я про вас и забыла. А тут слышу, гул на весь вагон, так испугалась, так испугалась. Ой, не могу, вы на чертей похожи!

Женщина немного ошиблась. Это черти были похожи на перемазанных сажей и копотью Иванычей. Поезд уже давным-давно шел по Украине, и если бы не своевременное освобождение из железного плена, Иванычам пришлось бы выходить в Кишиневе...

Уже в Кучурганах мужики просто вышли па перрон, показали пограничникам паспорта и спокойно переждали все проверки и контроли, положенные при переходе новых государственных границ. Чем меньше оставалось километров до Тирасполя, тем больше росло беспокойство Ивановчей: как там их встретят родные половинки? Ведь они не просто возвращались домой без денег, но еще и оставались должны кучу долларов добрым людям, случайно повстречавшимся в московских джунглях.

Но страхи оказались напрасными. Конечно, семейная жизнь не сплошной праздник. Однако настоящая семья проверяется именно на таких изломах судьбы, когда отощавшего и побитого жизнью мужа встречает его кровинушка и разделяет с ним подлые удары судьбы. Ни в одной семье никто и полусловом не попрекнул Ивановчей. Это потом они долгими семейными вечерами будут рассказывать о своих «диких» заработках в матушке Москве и о «добрых» людях, ее населяющих. Это потом жены будут удрученно кивать головами, сожалея о том, что не послушали они Тимоху, и зря... Все будет потом. А сейчас три женщины, прижавшись к мужьям, на трех языках слово в слово произнесли одно и то же: «Слава Богу, живой...»

Разбирая котомку Николая Ивановича, жена наткнулась на какие-то два слипшихся грязных комочка. Любопытные дети терпеливо дождались выхода отца из ванной комнаты.

— Папа, а что это такое? — наконец-то спросили они.

— А, это, — Николай Иванович посмотрел на комочки, задумался и вспомнил. — А-а, это пря-а-аники ма-а-асковские, — по привычке акая и растягивая гласные, проговорил он, — го-о-остинцы вам привез...

— Ну, ты, Колюня, — удивилась жена, — совсем чокнулся, детей такой гадостью травить! Как ты сказал, «пря-а-аники ма-а-асковские»? Смешно так. Выкинь ты их лучше в ведро...

Чтобы рассчитаться с долгами, Ивановчам пришлось распродать кое-что из домашнего имущества. Николай продал импортный цветной телевизор, Виорел — мотоцикл. Сергей — золотые сережки жены, доставшиеся ей от бабушки. В следующий приход поезда «Кишинев — Москва» они сполна рассчитались с проводницей. Одолженные Галинкой деньги они передали ее мужу, который по такому поводу хорошенько их угостил и все допытывался: «А моя там ни с кем, а?». «Да ты что!» — в один голос возмутились Ивановчи...

Суровая закалка жизни в волчьем логове равнодушной столицы не прошла бесследно. Уяснив для себя раз и навсегда, что никто из них нигде и никому не нужен, Ивановчи внимательно огляделись по сторонам и принялись за работу. Поначалу они устроились в маленькую частную фирму, специализирующуюся на строительных работах самого широкого плана. Но после того как хозяин стал рассчитываться с ними то метрами ткани ХБ, то крышками для закаток, Ивановчи отделились в отдельную бригаду и через объявления в газетах стали постепенно расширять круг заказчиков на недорогой, но качественный квартирный ремонт. Работали мастера от рассвета и до заката. Со временем клиенты стали записываться к Ивановчам в очередь на месяц вперед. Попытались было конкуренты прочить наглых строителей, да как-то все наоборот получилось: сами Ивановчи по

очереди наведались к конкурентам домой, да с охотничьими ружьями за спинами, хотя и сезон был еще далеко не охотничий... И бандитов на них натравить не удалось — у тех, понимаешь ли, тоже какие-то свои понятия чести есть, а беспределом уже давно никто не занимается.

Мотоцикл Виорел так и не купил, довольствуется подержанным «Мерседесом», хотя и с грустью вспоминает своего стального коня, с которым не один ящик яблок вывез из садов. Сергей на день рождения подарил жене сережки с бриллиантами. Только она их не носит, боится, чтобы с ушами не оторвали. Николай и телевизор в дом вернул, и видеомагнитофон в придачу купил, вот только времени посмотреть совсем не бывает...

Многое изменилось в их жизни, и, главное, сгинула эта глупая кличка: «Три Иваныча». Теперь они «Пря-а-а-аники ма-а-а-асковские», потому что до сих пор не изжили акцент. Изменилось и отношение к власти. Тираспольская милиция, по их высказываниям, «если и не ангелы, то уж люди точно! Кто не верит — добро пожаловать в матушку Москву!»

Да, еще появился у них странный тост: «За Тимоху!» И только сами «пряники ма-асковские» знают, что пьют они не за господина Тимофея Ивановича, мир праху его и его деньгам наворованным, а за того вшивого московского бомжа, который благодаря совместному труду превратился в человека.

И последнее, для тех, кто захочет доказать Ивановичам, что Тирасполь — паршивая дыра, в которой остались жить одни дураки, от души советую: запаситесь йодом, гипсом и знакомым врачом в реанимации. Уж очень больно любят Ивановичи поспорить на эту тему...

О рассказе «Пряники московские»

Рассказ приднестровского автора «Пряники московские» о нашем времени. О мужчинах, которые вынуждены в поисках денег уезжать в далекую столицу, чтобы прокормить своих детей. Три Иваныча — русский, молдаванин и украинец (Сергей, Виорел и Николай) — проходят жестокую школу выживания. Если бы не дружба, мужчины бы сломались уже в первые месяцы жизни в Москве. Но, как говорится в русской сказке, легко поломать одну хворостину, но не под силу сломать целый веник. Иванычи не подводят друг друга, не перетягивают на себя одеяло: если голодают, то вместе; если находятся на волоске от смерти, то мобилизуют силы тоже вместе — оказываются «ушами», «глазами» и «кулаками» единого коллектива.

Как героям удалось вырваться из каменных джунглей Москвы, понять трудно. Иванычи работали на бандитов (особняки строили), на генералов, забывших о законе, но избежали смерти. Сохранить жизнь помогла взаимовыручка. Девиз мушкетеров «Один за всех и все за одного» стал своего рода талисманом этой троицы «авантюристов», и счастье улыбнулось. Но, что странно, улыбнулось не на московской земле, а на родной, приднестровской. В Тирасполе Иванычи организовали свое дело — фирму по ремонту квартир. И уже как бизнесмены не посрамили того, что с таким трудом обрели «за тридевять земель». Дружбу не променяли на выгоду от прибыльного дела.

Юрий Баранов, говоря о героях своих новелл, писал: «...герои маленьких новелл. Впрочем, какие они герои? Что они такое совершили? Обыкновенные наши соседи, с которыми мы каждый день встречаемся в магазинах, вместе едем в переполненном троллейбусе, вместе стоим на одной площади в День Республики. Они не лучше нас, но и не хуже. Просто они уже знают, что земная ось проходит именно через Тирасполь. Стоит очень и очень далеко отсюда уехать, чтобы по-настоящему вернуться на РОДИНУ».

Герои «Пряников московских» вписаны автором в образно-стилистическое пространство сказки. В сюжете рассказа даже появляется свой *Змей Горыныч*. Это Тимофей Иванович, бывший бомж, *поднявшийся* на бандитских разборках. Он заработал миллионы, потому что хорошо усвоил закон «кинь партнера». На первый взгляд, этот *новый русский Змей Горыныч* помогает приднестровским Иванычам-дуракам: устраивает их на лесоповал. Но все получается, как в русской сказке о бабе Яге и Иване-дураке, которого старуха готова была изжарить в печи. Этой русской печью становятся для героев жестокие воровские законы, и пусть Иванычи попали в категорию *мужиков* и их не трогали блатные, но деньги все же тираспольчане не заработали: хозяина Тимофея Ивановича убили — деньги платить никто не собирался.

Суровая закалка жизни в каменных джунглях равнодушной столицы не прошла бесследно. Сергей Иванович, Виорел Иванович и Николай Иванович избавились от детской наивности, поняли, что «где родился, там сгодился». А главное — научились избегать соблазна быстрых денег.

Для героев Баранова до конца жизни важными остались понятия долга, чести и дружбы. Есть дружба — будет милосердие, любовь и человечность. А деньги? Деньги — икона другого мира. И подмены не должно произойти.

Вопросы и задания

1. «Столичный муравейник», «асфальтовые джунгли» — такие определения дает Юрий Баранов Москве и москвичам. Какую Москву видят главные герои? Как сказочная формула «Избушка-избушка, повернись к лесу задом, ко мне — передом» обыграна в рассказе?

2. Создавая портрет постперестроечного времени, Юрий Баранов прибегает к иронии. Какая из приведенных ниже цитат ярче всего создает образ обманутых гастарбайтеров?

а) ««Канарейки» [милицейские машины] были заботливо украшены прочными решетками на окнах»;

б) «Московские менты сточили зубы о кости приезжих»;

в) «Через несколько минут автомобиль уносил Иванычей навстречу счастью... Счастье поджидало в километрах трех от дачного поселка и выглядело довольно угрожающе. Четверо крепеньких парнишек в скромных пятнистых одеждах и «шапках-невидимках» с прорезями для глаз и рта перегородили лесную дорогу скромным БМВ»;

г) «Не каждая фирма стремится обмануть — «кинуть» — своих клиентов, есть и двести порядочные. В одну из них, совершенно случайно, обратились горемыки Иванычи и вытащили свой лотерейный билет с главным призом — работать за деньги»;

д) «В «обезьяннике» московские волки быстро обглодали молдавских барашков, отобрав деньги и паспорта».

3. Чем объяснить следующую метаморфозу: московский бомж Тимоха, безбидный интеллигент, пропивший семью и трехкомнатную квартиру, стал миллионером? Почему автор сводит судьбы трех Иванычей с этим героем?

4. Какие качества помогают Иванычам выжить в каменных джунглях? Кто по-настоящему помогает героям на чужбине?

5. Какими пряниками заманивает наших соотечественников Москва? Раскройте смысл названия рассказа.

ЛЕТОПИСЬ ВРЕМЕНИ

Почти тридцать лет приднестровские авторы работают в особом режиме, отражая в своих произведениях военные события 1992 года, послевоенный период становления молодой республики и, что особенно важно, свои мечты о счастливой трудовой жизни. Поэты как никто другой остро и стремительно реагируют на события недавнего прошлого. В истории находят параллели и черпают веру в возрождение благодатного и гостеприимного края. Летопись времени нашла отражение в творчестве таких авторов, как Л. Литвиненко, Р. Кожухаров, А. Вырвич, А. Козбинов и др. И сегодня они продолжают рассказывать нам историю поколений.

ЛЕОНИД ЛИТВИНЕНКО

Леонид Литвиненко — Почетный гражданин города Бендеры, заслуженный учитель, отличный работник культуры. Его поэтические произведения публиковались в изданиях Москвы, Кишинева, Львова, переводились на украинский и болгарский языки. В Приднестровье его произведения издавались во многих коллективных сборниках, журналах и альманахе «Литературное Приднестровье». Он автор семи сборников стихов и прозы — «Бендеры», «Порыв», «Три возраста души» и других. По сценарию Леонида Литвиненко снят 10-серийный фильм «Дыхание времени», посвященный 600-летию города Бендеры.

ВСТРЕЧА С ВЕКАМИ

(Поэма о Бендерах. Отрывки)

Шуршат пожухлые страницы,
Бумага желтая бледна,
Но сквозь заглавных букв ресницы
Какие смотрят времена!

С. Городецкий

По мосту отстучали на стыках колеса,	Время, стой!
Полыхают вдали облака.	Над тобой зазвенят лихолетья.
И усталое солнце садится за плесом,	Время,
И внизу затихает река.	мчи меня в прошлую былль.
Я стою на холме у недавней границы,	Я один — и река.
Где сады теперь строятся в ряд,	Я один —
За спиной у меня крепостные бойницы	и столетья.
Из истории молча глядят.	И сухая полынь, и ковыль...

1

Огненный рассвет встает над лесом,
 Зажигая в травах блестящие росы.
 Воспаленный ветер Херсонеса
 Мне пожаров запахи донес.
 Рушатся,

ломаются границы.

На курганах шелестит ковыль,
 Мчатся гетты¹,

скифы²,
 киммерийцы³,

Дали заволакивает пыль.

Вижу:

входят в будущее страны,

Полыхая отблесками дня.

Скачут,

скачут кони маркоманнов⁴,

Каменными псалмами⁵ звеня.

Сколько крови землю оросило!

Сколько ей еще в огне гореть!

Время, стой!

Передо мной Аттила⁶,

На него хочу я посмотреть...

2

Слетают годы молча, как шпалеры.

Вновь поселенье вырастает тут.

И генуэзцев⁷ пышные галеры

С заморскими товарами плывут.

Разноязычье, суета базаров,

Но ловит вновь мой напряженный

взгляд:

Бесчисленную конницей татары

По бездорожью бешено пылят.

Дрожит земля в том разъяренном беге,

В безумстве люди убегают прочь.

А я —

я ведь живу в двадцатом веке,

И я ничем им не могу помочь.

Но вдруг кричу:

«Туда, малыш, в кустарник!»

И мой призыв пробился

сквозь туман...

Но бросился с седла кривой татарин

И надо мной заносит ятаган⁸.

Я говорю:

«Ты не услышишь стона,

И я не современник злой судьбы,

Я здесь — издалека!

Я здесь — потомок!

Ну а меня, потомка,

не убить!»

Он сел в седло

и вновь помчался в поле,

Взмахнув нагайкой

злобно надо мной.

Зато малыш

(и этим я доволен)

Успел укрыться в башне крепостной.

4

Плывут передо мною фески

И копыта,

небо подперев.

Я слышу,

как паша турецкий

Кричит упрямо:

«Бен дерем!»

О, город мой!

Я все запомнил,

Деревьев золото и медь.

Когда б ты знал,

как нелегко мне,

Как больно на тебя смотреть.

Несутся с гиком янычары⁹,

Вонзаясь в трепетную ночь.

Краснеет небо от пожаров

И отвергает землю прочь...

16

... Гремит в груди неистово гроза,

И мучает бессонница недаром.

Мне застилает прошлое глаза

Горячим дымом от больших пожаров.

Горит июнь. И в пламени огня

Спрессованы минуты и мгновенья

Того, войной оборванного дня,

Что пал на город мой зловещей тенью.

Измерить горе временем нельзя,

Ведь и сейчас я не могу поверить,

Что гибли в том горящем бэтээре
И Саша Дузь, и все его друзья.
И выплывают вновь из темноты
Пугающие заревом рассветы.
Стоят на шумных улицах кресты,
Как боль того расстрелянного лета.
И все опять: и кровь из-под бинтов.
И взрывами расколотые ночи,
И крики раздирающихся ртов,
Когда терпеть, когда молчать нет мочи.

... Вновь тихая прохлада у реки
Окутывает мягкие закаты,
И падают на землю лепестки,
Как падали защитники когда-то.
Печаль Бендер! Не отпускаешь ты!
Все это в нас, под сердцем, где-то близко!
И люди круглый год кладут цветы
На улицах к подножьям обелисков...

17

Гудит эпоха в многотруде буден,
Идущих лет уносит череду.
Я думаю:
какими будут люди,
Пришедшие в двухтысячном году?
Они придут крепки,
высоколобы,

Возвышенны,
естественно просты.
В них будет меньше зависти и злобы,
В них будет больше честной доброты.
Они придут не в злое лихолетье:
На них лежит грядущего печатъ.
Не просто новый век —
тысячелетье
Им будет суждено собой начать!
Каким он будет век:
упрямый, нервный,
Забывший навсегда военный бег,
Тот недалекий, близкий,
двадцать первый,
Счастливей век,
и поровну на всех?
Приходят люди,
и уходят люди.
Ушедшее стирается во мгле.
Я понимаю:
нас тогда не будет,
Ничто, увы,
не вечно на земле.
Но счастлив я,
что я сегодня с теми,
Кто делает эпоху каждый миг.
Да здравствует грядущее и время,
Идущее за нами
для других!

¹ *Геты* — древний воинственный фракийский народ, родственник дакам; жил во времена Геродота между Балканами и Дунаем.

² *Скифы* — общее название северных кочевых народов иранского происхождения в Европе и Азии, в древние времена (VIII в. до н. э. — IV в. н. э.).

³ *Киммерийцы* — кочевые индоевропейские (предположительно индоиранские или ираноязычные) племена, вторгшиеся в Закавказье во второй половине VIII века до н. э. и в VII веке до н. э., завоевавшие некоторые районы Малой Азии.

⁴ *Маркоманны* — наиболее развитое из германских племен, занимавшее области современной Чехии, западнее р. Моравы, напротив северо-западных рубежей Паннонии (конец I в. до н. э.).

⁵ *Пса́лли* — часть древнего уздечного набора, пара вертикальных стержней, прикреплявшихся перпендикулярно к концам удила для закрепления их во рту верхового коня.

⁶ *Атти́ла* — правитель гуннов в 434–453 годах, объединивший под своей властью тюркские, германские и другие племена, создавший державу, простиравшуюся от Рейна до Волги.

⁷ Генуэзская республика была независимым государством в Лигурии, на северо-западном побережье Апеннинского полуострова. Началом ее истории можно считать середину XI века, когда Генуя стала самостоятельным городом-коммуной.

⁸ *Ятаган* — клинковое колюще-режущее и рубяще-режущее холодное оружие с длинным однолезвийным клинком, имеющим двойной изгиб.

⁹ *Янычары* — регулярная пехота вооруженных сил Османской империи в 1365–1826 годах.

Вопросы и задания

1. Восприятие Приднестровья как государства немислимо без его истории, корнями уходящей в скифские времена. Герой поэмы Леонида Литвиненко «Встреча с веками» эту историю изучает не по учебникам, а путешествуя во времени. Что обретает герой, пропуская через себя тревожное время?

2. Бендеры, расположенные на пересечении торговых дорог, всегда привлекали внимание варварских народов. С помощью каких художественных средств создается образ кочевника-завоевателя?

3. В чем смысл диалога между варваром-завоевателем и человеком конца XX века? Прокомментируйте фразу «Я здесь — издалека! Я здесь — потомок! Ну, а меня, потомка, не убить!».

4. Бендеры пропускают через себя трагедию 1992 года, глубоко чувствуют «боль расстрелянного лета». Как это передается в образно-поэтическом пространстве поэмы?

5. По какому современнику тоскует лирический герой поэмы? Какие свои мечты о счастливом завтра воплощает в образе человека будущего?

ТЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ. *ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА (1941–1945 годы)*

Литература Приднестровья развивалась и развивается в духе русской классики. И все же, как цельное явление, она уникальна тем, что «впитала в себя корневую систему русского, украинского, молдавского и даже болгарского мышления» (О.Н. Шестинский), а потому сумела отразить разные вехи истории правдоподобно и психологически достоверно.

Тема исторической памяти помогает приднестровским авторам протянуть нить от прошлого к настоящему, что позволяет говорить о преемственности таких понятий, как честь, верность Отечеству, долг, милосердие и сострадание. Вся наша жизнь, по мнению Ларисы Черниковой, «состоит из дорог и перекрестков». На исторических перекрестках личность обретает себя, люди проверяются на прочность. И жизнь в такие моменты всегда тревожна и непроста. Но в ней пульсирует настоящее, которое обрело голос благодаря исторической памяти.

Поколение XXI века память о Великой Отечественной войне хранит в выцветших фотографиях, в пожелтевших письмах, в воспоминаниях фронтовиков. Книги об этом пропавшем порохом времени отражают историю, будто смонтированную из отдельных кадров жизни наших дедов и прадедов. Многие приднестровские писатели сами были участниками Великой Отечественной войны. Это Борис Чельшев, Петр Данич, Владимир Афанасьев. Кто-то запомнил войну по голодному детству — Анатолий Дрожжин, Анатолий Красницкий, Анатолий Медынский. Николаю Корытнику пришлось лицом к лицу столкнуться с ужасами войны: увидеть горе и страдания людей, их слезы и безысходность во время эвакуации под интенсивной вражеской бомбежкой.

Но о Великой Отечественной войне сегодня пишут не только ее участники и очевидцы. Обращаясь к героическому прошлому, приднестровские авторы пробуждают в читателях милосердие, возвышенные и добрые чувства, показывают

в своих героях великую преданность Отечеству. А эхо войны болью отзывается в душах и сердцах читателей. К таким авторам можно отнести **Романа Романовича Кожухарова**.

РОМАН КОЖУХАРОВ

Р. Кожухаров в литературе и жизни следует принципу «победить, успеть догresti, осуществиться». В предисловии к роману «Ударный Косточка» автор пишет: «Грести... Без устали! Потому что усталость в конце концов и есть старость». Роману Кожухарову под силу перевести стрелки жизненных часов и обмануть старость. В своих произведениях он воскрешает для нас прошлое, и мы оказываемся очевидцами событий Великой Отечественной войны.

Вопреки усталости написано десять книг о штрафной роте в годы Великой Отечественной войны. Штрафники составляли тогда только один процент действующего боевого состава, но им доставались самые опасные участки фронта. Книга «***Штрафники против „тигров“***» стала девятой в серии произведений, рассказывающих о тяжелых военных буднях.

Лето 1944 года. Красная Армия наносит шестой из легендарных «десяти сталинских ударов», который вошел в историю как Львовско-Сандомирская операция. Первыми на прорыв идут штрафные роты. Сокрушив вражескую оборону, советские войска выходят к Висле. Немцы отвечают контрударом на Сандомирском плацдарме, бросив в бой новейшие тяжелые танки «Королевский Тигр» и штрафников из 500-го «испытательного» батальона вермахта. Наши части получают приказ «стоять насмерть». Здесь советским и немецким штрафникам предстоит сойтись в смертельной схватке. Красная Армия укротит немецких «тигров» в лучших традициях русской доблести.

В будничных для штрафников днях Р. Кожухаров показывает героиню военного времени. И эта протянутая от житейского мира к философскому обобщению нить становится для читателя проводником по лабиринту человеческих ценностей.

ШТРАФНИКИ ПРОТИВ «ТИГРОВ»

(Главы из книги, в сокращении)

Глава 1. Истребители-камикадзе

I

Наконец-то объявили привал. Кто-то даже не нашел сил, чтобы выбраться из хлюпающей трясины дорожной грязи. Одни медленно осели, будто сраженные шальной пулей. А кто просто плюхнулся прямо в желто-бурую, тягучую жижу. Но это была не смертельная пуля. Это была смертельная усталость.

Она, как бурое болото, в которое превратилась дорога, цепко ухватывала на каждом шагу солдатские сапоги и лошадиные копыта. Телеги и лошади увязали намертво в колеях дороги.

И дорогой-то язык не поворачивался назвать. Проливные холодные дожди, гусеницы танков и самоходок превратили грунт в непроходимое многокиломет-

ровое месиво. На пригорке, слева от дороги, вповалку расположился почти весь взвод Аникина.

— Товарищ лейтенант, спасу нет... — не успев отдышаться, тут же подал голос Талатёнков. — Шутка ли, товарищ лейтенант, двадцать пять верст за день отмахали. Гонят, будто на убой...

Взводный молчал. Талатёнков, или Телок, как его прозвали в роте, за словом в карман не полезет. Да и все в его взводе оказались как на подбор — отчаянные, но без явных лагерных замашек. Когда Аникина вдруг в должности замкомвзвода направили в отдельную армейскую штрафную роту, он и думать не гадал, что так легко найдет общий язык с подчиненными. Видать, опыт все же сказывался. Как-никак, сам в «шуриках» отвоевался. Впрочем, об этом в роте знали только командир, майор Шибановский, и капитан Чувашов, ведавший делопроизводством. А если знали эти двое, считай, никто не знал.

— Ты, Талатёнков, про убой погоди пока каркать, — наконец веско произнес Аникин. — Приведи лучше форму в порядок, а то заместо пугала на огороде можно тебя использовать...

— А что, товарищ лейтенант... — несогласно замычал тот, тщетно пытаясь счистить со своей шинели толстый слой засохшей грязи.

— Не спорь с командиром, Телок... — устало, но основательно выговорил Жила (Жильцов). — На убой — это когда тебя с ходу на немцев бросают, а потом смотрят, откуда фрицы по тебе из пулеметов лупят, где у них, значит, огневые точки. А потом эти точки помечают у себя в планшетах.

Отставший обоз уже давно скрылся за поворотом холма. Уже не долетали до слуха ржание лошадей, хлесткие звуки ударов плетей и вожжей, матерная ругань обозников, а у Андрея Аникина все стояла перед глазами картина: вымокшие от дождя и пота солдаты в грязных шинелях в отчаянии бьют коней по самым мордам. А те в ответ лишь беспомощно рвут упряжь, отчаянно ржут и мотают изможденными мордами, разбрасывая в стороны кровавую пену.

II

На угрюмых, грязных лицах обозников застыл животный страх. Объяснялся он просто. Вчера немцы разбомбили полковой обоз, тянувшийся следом за пехотой. Те так же увязли посреди дороги. Ни лесочка, ни оврагов рядом не было.

Рота тогда как раз на марше находилась. Сразу после полудня. Дождь прекратился ненадолго, чуть прояснилось в сером небе. И сразу же гул моторов в небе. С северо-запада стал нарастать. Грохот взрывов доносился недолго, минут десять... Этого времени немцам в самый раз хватило, чтобы превратить в кровавую кашу, хорошенько перемешать с июльской грязью людей, лошадей и весь полковой скарб в придачу. Четыре «фоккера» вынырнули из-за туч и распотрошили полковой обоз в щепки.

Слышимость была отличная. «Шурики» прекрасно понимали, что за музыка доносится из-за холмов. Стиснув зубы, рота угрюмо молчала, из последних сил карабкаясь вперед. Ни командиры, ни личный состав никак внешне не реагировали на гул разгулявшейся за холмами смерти. Только глубокой ночью, на привале, штрафники разузнали, что произошло с пехотным обозом. Всех в ключья — и лошадей, и солдат, и вверенное имущество.

Так что обозникам штрафной роты завязнуть посреди марша никак не хотелось. Чувствовали, что здесь фашист из них всю душу вытрясет...

VI

После позавчерашнего форсирования Золотой Липы прямых боестолкновений не было. Но переправа через эту неширокую речушку останется в памяти штрафников на всю жизнь. У тех, кто выжил. Речушка поначалу показалась такой безобидной. Тишина стояла такая, будто никакой войны и в помине не было. Слышно было, как мелкий летний дождик моросит по водной глади, рождая над поверхностью реки звук умиротворяющего шелеста.

Андрейченко даже произнес:

— Благодать...

Андрейченко был пэтээровцем¹ в составе взвода лейтенанта Погибко, заместителем которого и являлся младший лейтенант Аникин. Андрей, лежа возле огромного трухлявого ствола, внимательно вглядывался в непроглядные, высокие кусты на том берегу. Что-то необъяснимо тревожило его. Противоположный берег казался вымершим.

В этот момент за спинами затаившихся штрафников из второго взвода возникли бойцы Каспревича.

— Куда претесь, олухи?! — гневным шепотом засипел Аникин. Но штрафники будто не слышали его.

— Командир приказал... — бурчали в ответ, бесцеремонно карабкаясь к кромке воды.

В этот же миг раздалась команда переправляться. Аникин узнал голос командира первого взвода старшего лейтенанта Каспревича. Андрей не удержался, высказав по адресу старлея несколько очень неласковых слов.

Тоже, как и Погибко, совсем еще юнец, но до чего же не похожи они были. Вроде оба уже успели повоевать, вкусить с лихвой окопной науки, первое правило которой — прикрой товарища. Но Каспревичу наука эта, как видно, впрок не пошла. Как говорится, не в коня корм.

Роту сформировали «с колес», на узловой станции под Могилев-Подольским. Авианалеты немцев накатывали один за другим, и в пропахшем гарью воздухе стоял грохот постоянно работающих зениток. Было ясно, что формирование роты продвигается через пень-колоду.

До сих пор часть офицеров в роту не прибыла. То есть штат был не укомплектован и «штрафникам» из «товарняка» выгружаться не разрешали, хотя эшелон с рядовым личным составом штрафной роты уже давно находился на станции. После очередной бомбежки станции командир роты майор Шибановский под свою ответственность приказал вывести людей из-под обстрела. «Из-за двух заср... цев в погонах личный состав гробить?! Не допущу!..» — ругался он, багровея на глазах.

VII

Ротный был настоящий кремень. Дважды ранен, в первый раз — под Сталинградом. Там же и орден Славы получил. Их у него еще два — Красной Звезды и Отечественной войны первой степени. И лицо у него — будто для ордена, из

металла отлито: борозды морщин вперемешку со шрамами, как «кровостоки», и глаза из прищура смотрят так, будто штык-ножом насквозь буравят.

Аникин случайно стал свидетелем разноса, который майор устроил опоздавшим лейтенантам. Последними прибывшими и были старший лейтенант Каспревич и его замкомвзвода.

С первых минут пребывания старшего лейтенанта Каспревича в роте стало ясно, что понятие фронтового товарищества у него отсутствовало напрочь. Свою манеру командования он тут же продемонстрировал на своих подчиненных.

У полевой кухни, у самого края шпал, он выстроил свой взвод — голодных, уставших с дороги, разозленных донельзя штрафников, — и принялся читать им нудную нотацию про дисциплину. Почти половину стоявших в двух шеренгах составляли бывшие заключенные, которых вместо лагерей отправили на фронт из следственных изоляторов Подмоскovie.

Были среди них и впервые осужденные, за преступления, которым в мирное время и ход вряд ли дали бы. На скамью подсудимых их привели украденная на рынке краюха хлеба или кочан капусты, брак в работе у станка, допущенный вследствие недоедания и хронического недосыпа и позже квалифицированный сволочным мастером как уголовно наказуемое вредительство. Эти люди, совершенно мирные, попросту не сумели вынести неподъемное бремя войны. Как говорили про таких сами уголовники — «случайные пассажиры».

Нескончаемый гул канонады, пропахший гарью и копотью железнодорожный вокзал пугали новичков близким дыханием смерти...

VIII

Командир взвода лейтенант Каспревич, брызгая слюной, толкал перед строем свои глупые речи.

— Ну, хорош пи... деть... — вдруг раздалось из строя. Все-таки кто-то из бывалых не выдержал. Слишком не стыковалась болтовня командира-зануды с тем великим шансом, к которому каждый из стоявших в строю внутренне, наедине с собой готовился.

Лейтенант Каспревич на долю секунды потерял дар своей нудной речи. Его перекосившаяся физиономия побелела, потом стала багровой и, наконец, пошла пятнами. Крупные капли испарины выступили под козырьком его щегольской новенькой фуражки.

— Кто?! — Воздух в его взбешенной гортани поначалу пошел «не туда», и крик вырвался из груди, словно сиплый кашель. Откашлявшись, он повторил еще разъяреннее:

— Кто посмел?! Коман... дира... Командира... — От бешенства он никак не мог подобрать нужного слова. Звуки, будто камни, застревали в его горле, с шумом и скрежетом кусками выскакивая наружу.

Беспомощной, будто переставшей его слушаться рукой он схватился за кобуру. Заплетающиеся пальцы с третьей попытки выхватили из кобуры пистолет. Сжимая «ТТ» в горсти и размахивая им перед строем, Каспревич снова заорал:

— Кто посмел раскрыть рот на командира?!

На этот раз у него получилось намного внятнее. Все так же размахивая пистолетом, он заходил из стороны в сторону.

— Кто? Шаг вперед!.. Быстро!

Никто в строю не шевельнулся.

— Шаг вперед, я сказал!..

Штрафники ответили ему дружным угрюмым молчанием.

— Последний раз спрашиваю... Кто?..

— Конь в пальто... — вдруг приглушенно раздалось с левого края построеного в две шеренги взвода.

IX

Рука Каспревича, сжимавшая пистолет, выпросталась вперед. Будто гадюка, она совершила бросок, не спросив разрешения у своего хозяина. От неожиданного выстрела строй вздрогнул. Ступок огня, как плевок, вылетел из ствола «ТТ», подбросив его вверх. Старший лейтенант выстрелил на голос. Стоявший в первой шеренге третьим с края коренастый молчун средних лет, с проседью на висках, со стоном упал на бок, прямо на щебень железнодорожной насыпи. Тот, кто находился за его спиной, высокий и крепкий солдат, схватился за руку и скорчился, но устоял на ногах.

— Сволота тюремная!.. — бился в истерике лейтенант. — Я вам покажу, мать вашу... командира не слушаться...

Его «ТТ» прыгал возле лица. Казалось, сейчас он начнет сыпать пулями направо и налево и уложит полвзвода. Ситуацию спас Карпенко.

— Товарищ старший лейтенант! — браво, как ни в чем не бывало, гаркнул штрафник. — Разрешите оказать бойцам первую помощь!

Обращение солдата подействовало на Каспревича как вовремя отвешенная пощечина. Тот будто опомнился, остановился и замолчал, вдруг резко опустив руку с пистолетом. «ТТ» отправился в кобуру.

— Всем вольно... — глухо пробурчал взводный и, развернувшись, кивнув в сторону лежащего на земле, через плечо бросил:

— Займитесь... Как вас?

— Карпенко, товарищ старший лейтенант.

Сказав это, он быстро зашагал прочь от строя.

В нынешнем, штрафном существовании — лишенный званий и наград «кандидат в солдаты», а в прошлой, строевой жизни — любимец всех медсестер и санинструкторш, герой, старший сержант, кавалер ордена Красного Знамени, медалей «За оборону Сталинграда» и «За отвагу», Карпенко умудрялся твердо держаться своих главных привычек — не унывать и не сдаваться. И здесь, когда запахло жареным и порохом, ситуация разрядилась благодаря ему.

— Ну ты молоток... — хлопали его по плечу остальные, пока они возились с ранеными.

— Чисто срезал этого золотопогонника...

— Лютый гад попался... Шаг вперед... шаг вперед...

— Лютый не лютый, да только нашего брата за людей он не считает... Пустит в расход и не поморщится.

— Расход — это дело тонкое... — произнес невысокий, крепко сбитый боец. Прищуренные, глубоко посаженные его глазки при этих словах сверкнули тяжелым свинцовым отблеском. Вид у него был неприметный. Но стоило с ним заговорить, как сразу чувствовалась необъяснимая сила, которая исходила от его фигуры, взгляда и слов. Карпенко узнал этот голос. Тот самый, с которого вся каша заварилась.

Х

— А здорово ты офицеру заткнул глотку-то... — негромко проговорил невысокий. — Вовремя павлина этого утихомирил. А то бы он еще народу из своего «ТТ» положил...

— Да ладно, че там... — довольно бурчал Карпенко. — Это как цыганочку с выходом сбачать... Музыка заиграла, а в круг никто не выходит. Это, значит, уверенности нету... в мастерстве. Ну, и ты тогда показываешь... так, что подметки трещат. Ну и само собой, все девки потом — твои...

Карпенко жмурился в лучах минутной славы.

— Скорее тащите Лавра в лазарет, — распорядился между тем невысокий. — А ты как, Быча? Сам дотопаешь?..

Он обращался к верзиле, которого ранило в руку. Тот, морщась от боли, кивнул головой и с усилием приподнялся. Рукав его шинели набряк багровым пятном выше локтя. Свободной рукой он бережно прижимал простреленную руку к животу. Слова его звучали как приказ и трое бойцов тут же взялись исполнять.

— Я проведу... — с готовностью вызвался Карпенко и хитро улыбнулся. — Пора уже с медсестричками поближе познакомиться...

— А-а, цыганочка с выходом... — ухмыльнулся свинцовоглазый. Даже когда лицо его изобразило подобие ухмылки, от него веяло недоброй угрозой. Но Карпенко не особо унывал.

— Она самая, братишка... На двадцать шесть колен...

В штрафную он угодил из пехоты вследствие неудачно закончившейся «самоволки». Отправился на любовное свидание в соседнее с расположением части село. Ему бы сделать намеченное по-быстрому и вернуться до света. Но гвардии старший сержант так изголодался и по любви, и по домашним харчам, а хозяйка попалась такая справная, что разомлевший герой задрых без задних ног, да так, что разбудить его не было никакой возможности. Так что полк перед зарей отправился на марш, а старший сержант Карпенко в сопровождении бойцов комендатуры, — под трибунал и далее, по намеченному маршруту, до самого Могилев-Подольского.

Не успели штрафники разбрестись, как прибежал ординарец ротного офицера-делопроизводителя.

— Что у вас тут? Почему раненые? — захрипел сержант. — Бегом их в лазарет... Остальные — на ротное построение. Выступаем, выступаем...

ХІ

В район города Броды войска перебрасывали сразу с нескольких направлений, в том числе и с юга, со стороны Черновцов и Каменец-Подольского. Для

усиления сжимавшегося бронированного кулака, которым ставка собиралась ударить по фашистской группировке «Северная Украина», сюда двигалась и танковая армия, к которой были приписаны бойцы ОАШР², иначе говоря — «шурики».

Танковые колонны, чтобы не демаскироваться, на марше отодвигались как можно дальше на восток. Для штрафников, передвигавшихся в пешем порядке, повторять этот крюк в глубину своих позиций было не по силам. И так они отставали от танкистов на несколько дней. В таком положении сохранялась возможность в любой момент нарваться на засаду или отступавшие части гитлеровцев. Так и случилось у переправы через днестровский приток.

Как только они уперлись в неширокое русло со стремительным течением, майор приказал готовиться к форсированию. А командир первого взвода понял этот приказ по-своему, с ходу погнав людей в воду.

— И куда он торопит?.. — сквозь зубы процедил Яким. Такая кличка была у штрафника Якимова, того самого свинцовоглазого из первого взвода, который спровоцировал пальбу командира взвода на железнодорожной станции. Он затаился за кустистым береговым пригорком, неподалеку от Аникина и его солдат. Андрей про себя ругал Каспревича на чем свет стоит. Людям из его взвода майор Шибановский наметил сектор переправы намного левее. Границей ротный определил то место, где заросли прибрежного ивняка делила пополам неширокая прогалина, скорее всего, обозначавшая место брода или водопоя для скота.

Каспревич перепутал ориентиры форсирования и погнал своих людей как раз на тот рубеж, где готовились к переправе Золотой Липы аникинские бойцы. Возникшая неразбериха к чертовой матери отправляла все старания по маскировке и скрытной подготовке к нападению на левый берег.

ХII

Для того чтобы облегчить переправу, решили натянуть трос. Перетащить его на другой берег вызвался Карпенко, ординарец командира первого взвода. Свой небольшой рост он восполнял необычайной физической силой и отчаянностью поступков. Не успели подготовить к переправе подручные плавсредства, а Карпенко уже притащил к реке толстенную корягу. Зацепив край троса и свой ППШ за длинный сук, он столкнул корягу в воду.левой рукой солдат держался за дерево, а правой делал сильные гребки, от которых вокруг него и коряги вспенивались буруны.

Андрейченко пристраивал свое противотанковое ружье под прицельную стрельбу.

— Вот и кончилась твоя благодать, Андрейченко... — резко сказал Аникин, уже не приглушая свой голос. — Чувствую: опять щас адская кухня начнется...

— Как же-шь, товарищ командир, она кончится, благодать-то... — все твердил боец. — Ручеек, он ведь — как у нас в деревне... Скупаться бы, товарищ лейтенант...

— Ручеек... — передразнил Талатёнков, подгаскивая бревно к самой кромке воды. — Ты видишь, какая глыба?.. Ручеек... Ты видишь, уже полвзвода первого купаεται...

— Э, нет, Телок... — перебил его Андрейченко. — Скупаться — это значит скинуть с себя шмотки эти вонючие и просоленные и окунуться в реку в чем мать

родила. Вот это значит — скупаться... Так, чтоб каждой родинкой своей чутять, как она, прохладная, журчит и тебя омывает... Вот это, Телок, ску...

Андрей Аникин успел только вжаться в примятую прибрежную траву. Мокрые кусты на противоположном берегу будто взорвало, тряхнув на глинистую землю миллионы капель. Трассирующие пунктыры прошили речное пространство.

XIII

Штрафная рота и не подозревала, что всего метрах в пятнадцати впереди, в зарослях осоки и прибрежного ивняка, ее ждала немецкая засада. Выдержки фашистам было не занимать. Они переждали затеянную на противоположном берегу первым и вторым взводами суматоху, дотерпели, пока передовые плоты и бревна с уцепившимися за них бойцами достигнут середины протока. Первой силу течения мощно преодолевала коряга Карпенко. Он уже пересек середину, когда вдруг пулемет и несколько автоматов, винтовки и карабины открыли по вошедшим в реку бойцам беспорядочный плотный огонь.

Один за другим бойцы начали уходить под воду. Погибли почти все. Пулеметчик выкосил и многих из тех, кто оказался на берегу. Андрейченко рухнул в воду плашмя, лицом, во все свои сто девяносто сантиметров.

Аникин, падая на мокрый песок, успел увидеть, как пуля вошла штрафнику прямо в кадык, пробив шею навывлет. Он хотел оттащить Андрейченко подальше от реки, но течение уже тянуло его к середине, туда, где кипела от пуль вода. Основной удар пришелся на переправлявшихся, и это помогло тем, кто был на берегу, прийти в себя. Сразу несколько гранатометчиков крадучись выдвинулись вперед.

— Щас, товарищ командир, щас закину, — примериваясь, приговаривал Девятков из второго взвода. Сам с виду невысокий, щупленький, весь он был словно скручен из жгутов мышц. Не обращая внимания на свистевшие вокруг пули, он, подойдя к самой границе воды, неторопливо прицелился и будто играючи кинул через реку связку гранат. Подарок от Девятова ушел в аккурат к расщелине из двух старых ив, из которой строчил немецкий пулеметчик. Ухнул взрыв, и ствол одного из деревьев, не выдержав, с треском переломился.

Тут же на том берегу раздался отчаянный крик. Его заглушил второй взрыв, потом третий. Девятков посылал одну связку за другой, четко и метко, как машина.

— Ну дает, Девятков... чистый гранатомет... — восхищенно приговаривал кто-то неподалеку от Аникина. Но он уже не успевал рассмотреть кто.

— Вперед!.. На тот берег!.. — подымая своих людей на переправу, закричал Андрей и, поднимая фонтан брызг, вбежал в воду.

XIV

Из взвода Аникина на той переправе через Золотые Липы до противоположного берега не добрались девятеро. Еще троих второй взвод потерял во время рукопашной схватки, которая разгорелась на захваченном берегу. Она отняла последние силы у штрафников. Обессиленные, они лежали вповалку вместе с трупами убитых ими врагов и убитых товарищей. В первом взводе потери были еще более существенными. Главное — погиб командир взвода Каспревич.

Об этом вполголоса переговаривались на коротком привале, организованном после непрерывного многочасового марша.

— А ить в первом же бою... — как бы про себя, но вслух рассуждал Талатёнков.

— Да, не повезло старлею... — вторил ему развалившийся на пригорке Чесничанский, проще говоря — Чеснок.

— Знамо дело — не повезло, если пуля ему в аккурат в затылок вошла... — со знанием дела, еще больше понижая голос, почти шептал Талатёнков.

— Что ты хочешь сказать? — переспрашивал Чеснок. — Что его это... свои?

— Я ничего не хочу сказать... — перебивал Телок. — Да только я не наблюдал, чтобы старлей затылком вперед наступал. Понял теперь? То-то, и нечего дурачком прикидываться...

— Слышь, Телок... я тебя прикину щас... между рог... — угрожающе возразил Чесничанский.

— А ну, тише вы! — остудил пыл подошедший Аникин. — Языком чесать силенок хватает, а как вперед топать, так запала нету...

Андрей краем глаза уже заметил, что в их сторону изо всех сил торопился Карпенко. Неужто по его душу? Передохнуть не дадут, едрен батон...

XV

<...>

— Срочно, к ротному... — выпалил Карпенко, переводя дух. — Всех собирает, не иначе что-то серьезное. Уж очень майор насупимшись...

XVI

Лицо майора было непроницаемо сурово. Собрался почти весь офицерский состав, тут же был и старшина роты.

— Обоз задерживается... — тяжело произнес Шибановский. — Мы не можем тут к чертовой матери застрять. Двигаемся вперед на сухом пайке. Танкисты ждут нас к вечеру завтрашнего дня. И мы не имеем права опоздать ни на час.

Майор сделал паузу, как бы размечая по пунктам сообщаемую им информацию.

— Дальше... Двигаемся в район Бродов. Здесь хозяйничает «Галичина» — эсэсовцы из числа украинских националистов. Они на переднем крае против нас. Мы на их территории, считай, каждый местный — их потенциальный пособник. Поэтому ухо держать востро. Никаких контактов с местными. Только повернешься, получишь нож в спину или пулю из обреза.

— Каспревич погиб... — какая-то неясная тень мелькнула в зрачках майора. — Угробил половину своего взвода... Все, что он успел накомандовать... И пуля ему за это — поделом... А вам урок, товарищи командиры... Помните: штрафники — это ваши бойцы. Вам с ними на смерть идти, с ними приказы командования выполнять... Других у вас не будет.

На последнем слове ротный сделал особое ударение. Сплюнув, он передохнул и продолжил:

— Теперь вот что...

Он перевел взгляд на лейтенанта Погибко, а потом на Аникина. Андрей с трудом выдержал тяжелый взгляд майора. Но глаз не отвел.

— На марше первый и второй взводы временно объединяем под командой лейтенанта Погибко. Из числа бойцов второго взвода создаем группу из восьми человек. Командиром группы назначается младший лейтенант Аникин. Останется после совещания, Аникин.

— Слушаюсь, товарищ майор! — вытянувшись по стойке «смирно», откликнулся Андрей.

Когда все разошлись, остались только ротный, начальник штаба Костянский и капитан Чувашов. Майор достал серебряный портсигар и предложил всем папиросы, в том числе и Аникину. Все закурили.

— Слушай внимательно, младший лейтенант... — негромко проговорил ротный. Голос Шибановского прозвучал с какой-то несвойственной ему ноткой теплоты.

— Твоя группа, Аникин, получает особое задание. Пойдете напрямик, в тыл врага. Ты и твои парни должны будете преодолеть переднюю линию обороны фашистов, где базируются местные из дивизии СС «Галичина». Сделать это надо по возможности как можно тише, не обнаруживая себя раньше времени. Не разменивайтесь на местных. Вы — истребители танков. Ваша цель — танки в районе города Броды. Есть оперативные данные, что там расположился ударный танковый батальон фрицев. Будете выводить их из строя партизанскими методами: то есть — все средства хороши. Но чем меньше шума, тем лучше для вас. Получишь карту местности, примерные точки дислокации противника.

Майор на минуту умолк, делая глубокую никотиновую затяжку.

— В группу отобрать лучших. Самых отчаянных сорвиголов. Но чтобы мозги у ребят фурычили. А то дров наломаете зазря. Группа не за продуктами в тыл отправляется. Истребители танков... Я уже отдал приказ. Соберут по роте для вас вооружение: патронов побольше, диски для «ППШ», два пулемета — «дэг-тять» и немецкий, трофейный, гранаты кумулятивные. И главное: возьмете запас противотанковых мин. Они — ваше главное оружие. Минами нас хорошенько на станции снабдили. Когда отберешь людей, Аникин, вместе со старшиной отправляйтесь к обозу.

— Товарищ майор, так мои бойцы минно-взрывному делу не обучены...

Майор еще раз затянулся и, взяв Аникина выше локтя за руку, отвел в сторону.

— Что касается минно-взрывного дела... Приставлю к вам специалиста. Девятова знаешь?

— Знаю...

— Вот... Он в пехоте служил, но в противотанковом отделении. В этом деле толк знает. Научит твоих. На ходу, правда, придется, а только других вариантов нет.

— И я немного в минах кумекаю...

— Вот и хорошо. Вы с сержантом должны подготовить мне группу настоящих истребителей танков...

Майор бросил окурок на землю.

— Смотри, Аникин... Задание — не фунт изюма. Навести надо шороху у немцев, да так, чтоб они начисто про передовую забыли. Хотя бы на время. Бойцов на исполнение представляю. Так и скажи им. Как стемнеет, мы должны до лесочка добраться. Там вы за линию фронта и уйдете. Начальник штаба тебе подробно на карте маршрут объяснит. А сейчас отбери личный состав, вооружись и сухой паек получи. Эти вопросы тоже со старшиной решишь. Времени у тебя мало... Вопросы есть?

— Никак нет, товарищ майор...

— Ну и хорошо. С богом... Действуй...

Глава 2. Смертельный рейд

I

Как только стемнело, группа углубилась в лесок. Уже около трех часов они без передышки двигались по непролазной лесной чаще. Заросли становились все непроходимее, а темнота — все непрогляднее.

Аникин строго держался азимута по компасу, выданному вместе с картой, на которой красными точками были отмечены районы возможной дислокации вражеских танков. По данным авиаразведки, немецкий танковый батальон разделился на несколько групп. Эти группы рассредоточились в нескольких селах по дуге, основание которой проходило вблизи города Броды. Для группы Аникина было указано направление в район села Гончаровка.

— Не иначе как заблудились, командир... — прохрипел Талатёнков. Он шел третьим по счету, вслед за Карпенко и Жилой. Андрей двигался следом за ним, получалось — в середине группы.

— Не бзди, боец, — шепотом отозвался Карпенко. — Думай о тех, кто идет следом. А то товарищам дышать нечем будет... Думай лучше, как правильно мину под гусеницу ставить.

Битый час перед этим бывший гвардии сержант рассказывал своим товарищам-штрафникам об устройстве и принципах работы противотанковых мин. Каждый тащил сейчас в своем вещмешке по три, по четыре.

— Скорей бы уж их использовать к чертовой матери, — не выдержал Талатёнков. — А то они мне весь хребет отбили. Тяжеленные, сволочи...

— Меньше шума, Талатёнков... — произнес Аникин. — Мы тут возле хутора кружимся. В любой момент на местных можем нарваться.

— А почему бы и нет, товарищ командир... — отозвался намного тише Телок. — На хуторах обычно хозяйские дочки такие ядреные. А по уму — чистая пшеница. Делай с ней что хошь: хошь — просевай, хошь — обмолочивай... Опыту никакого.

— Слышь ты, опытный... — глухо откликнулся Жила. — Зато батьки у этих дочек такие опытные... В момент тебя и просеет, и обмолотит. Три шкуры спустит с тебя и в амбаре повесит их, сохнуть... Себе на сапоги...

— Я бы с превеликим удовольствием сейчас подсох, — сострил Талатёнков. Об этом же наверняка думал каждый в группе. От сырого ночного воздуха и мокрой листвы бойцы промокли до нитки — от шинелей и кацавеек до надетых под низ гимнастерок и исподнего.

— Да, костерок бы теперича... — задумчиво произнес чей-то голос из шедших позади Аникина. Он был такой силпый, что Андрей не сразу признал в его обладателе Чесничанского.

— Не понимаешь ты, дурья башка, что местные — ээсовцы, до зубов вооруженные... — откликнулся Карпенко. — Фашисты из них целую дивизию сколотили. Да еще танки им в подмогу наслали. А теперь думай: если у этих сельских и хуторских братья, мужья, сыновья — в фашистах, кому они помогать будут?

А, скумекал? Только сунься к ним, они тебе такой костерок сделают... Дымок от тебя останется.

— Ну, это мы еще посмотрим... — так же сипло ответил Чеснок.

II

— Слышите... — вдруг замер шедший вторым Талатёнков. Он остановился так неожиданно, что Аникин чуть на него не налетел.

— Ты чего?.. Черт... — выругался Андрей, толкнув бойца автоматом вперед.

Растянувшаяся было цепь подтянулась и встала.

— Девятов... — окликнул Аникин.

— Да, товарищ командир, — раздался бодрый голос. Вот боец, ни дождь, ни усталость его не берет.

— У кого там котелок звенит? Черт подери... — выругался младший лейтенант. — Я же сказал: уложить вещи так, чтобы никакого шума и звону при движении не было.

— Это у Мадана, товарищ командир... — со смешком ответил Девятов.

— Это он об мины, товарищ командир, — откликнулся сам Мадан. Голос его звучал так жалобно, что, казалось, он вот-вот расплачется.

— Так зафиксируй его так, чтобы он, мать твою, не гремел на весь лес... — раздраженно выговорил Аникин. Зря он взял этого салагу в группу. Тоже, нашелся еще... доброволец... Теперь одно мучение с ним. Аникин был зол на себя и из-за Мадана, и из-за того, что они плутали по этому чертовому лесу, которому не было ни конца, ни края.

Жила и следом за ним Карпенко продолжали трещать ветками, расчищая группе путь впереди.

— Товарищ командир, слышите... — опять проговорил Телок.

— Ну что там... Что я должен услышать? Жильцов, Карпенко, приторможите чуть... Тише все... — устало проговорил Аникин.

Когда наконец наступила тишина, до слуха Андрея донеслось глухое урчание. Где-то впереди, в непроглядной темноте лесной чащи будто рычал огромный неведомый зверь. Угрожающий этот звук то почти исчезал, то вновь появлялся.

— Ой, кто это? — раздался испуганный лепет Мадана.

— Кто, кто... конь в пальто, — не преминул процедить сквозь зубы Якимов. Он шел следом за Чесничанским.

— Только в бронированном пальто... — отозвался Аникин.

— Так это ж... товарищ младший лейтенант... — обернулся Карпенко.

— Соображаешь, Карпенко... — откликнулся Андрей. И добавил: — А Талатёнков — молоток. Издалека засек вражью силу. Не разобрать, правда, танки там или самоходки. Ну, для нас особой разницы это не имеет.

III

Усталость от этого звука как рукой сняло. Бойцы подобрались. Еще бы, ведь они наконец подобрались к главной, заветной цели их боевой задачи. Грозная опасность оказалась где-то здесь, совсем рядом.

Где-то неподалеку за лесом маневрировали танки. Этот периодически возникавший и пропадающий рык не был похож на то, что моторы работают на марше.

— Двигаемся вперед... крайне осторожно... — по-деловому, без всяких эмоций, приказал Аникин, и группа тронулась. Не успели они сделать несколько шагов, как чаща вдруг расступилась. Здесь, на открытом пространстве, сразу прояснело.

— Похоже на просеку, — предположил вслух Аникин.

Прогалина шириной метра в четыре тянулась наискосок через лес, уходя влево. Оттуда и доносилось рычание моторов. Теперь оно стало громче и явственнее.

Карпенко наклонился, пытаясь что-то рассмотреть на земле.

— Командир, не иначе танки эту дорожку и проложили, — произнес он, распрямившись.

— Да, их работа... — подтвердил командир, ощупывая рукой свежеспеломанный ствол дерева.

— Теперь все — ко мне и слушаем внимательно... — негромко приказал Аникин. Бойцы окружили командира неясными тенями.

— Разделимся на две группы... — Андрей старался произносить каждое слово четко, отделяя его от предыдущего. — Я поведу первую. Старший второй группы — Карпенко. С тобой, Николай, идут Жильцов, Талатёнков, Чесничанский и Мадан. Со мной — двое, Девятов и Якимов. Идем вдоль просеки, по краям... Группа Карпенко — по правую руку, двадцать метров позади нас. Мы — слева. В случае обнаружения вражеских танков мы выходим на подрыв. Вы прикрываете. Ждете нас в лесу... Раскрываться в самом крайнем случае... Так, Девятов, передай Чесноку пулемет. А ты, Яким, свое ПТР — Талатёнкову. И мины распределите. Идем налегке — берем по одной мине. И гранаты...

Разделившись, бойцы крадучись двинулись вперед. Вдруг рокот моторов смолк. Тишина наступила так неожиданно, что все трое из группы Аникина, двигавшиеся по левому краю просеки, на минуту замерли. До слуха Аникина донеслись отрывистые выкрики. Кричали по-немецки, совсем близко.

Выждав еще несколько секунд, Андрей жестом руки показал остальным «Вперед», и они двинулись вдоль лесной чащи.

IV

Впереди, за деревьями, замелькали желтые огни, послышался собачий лай и гомон голосов. Просека, поворачивая влево, заканчивалась и выходила на открытое пространство. Пройдя еще несколько шагов, Андрей решил срезать угол и углубился в лес, а следом за ним — Девятов с Якимовым.

Подобравшись по-пластунски к самому краю лесной опушки, Аникин и его бойцы внимательно взгляделись в открывшуюся перед ними картину.

Перед ними на поле, размером примерно с гектар в охвате, расположился хутор. В большом доме горел желтый свет керосинок. Сам дом добротный, широкий, примыкавшие к нему строения были освещены несколькими прожекторами. Два установлены на земле, один висел на заборе. Тут же, во дворе, за сметанным гусеницами плетнем, стояли они.

Аникин поначалу даже принял их за хозпостройки. Это были танки. Возле них копошились черные тени, доносилась немецкая речь, смех, восклицания. Свет прожекторов выхватывал из темноты корпуса трех машин. Контуры одной, с приплюснутой башней и широким передом, были хорошо видны. Похоже на «пантеру».

Один из фонарей вдруг сдвинулся с места. Андрей не сразу понял, что его понес на руках немецкий танкист. Он установил фонарь возле днища, так, чтобы свет падал на ходовую часть. Затем он и еще двое принялись возиться с гусеничным траком.

Такую же возню затеяли возле танка, стоявшего поодаль. Прыгающий свет прожектора выхватил из темноты еще один хуторской дом. Возле него стояли еще два танка.

Железный лязг инструментов сопровождался таким же металлическим лязгом немецкой речи. Скорее всего, машин не больше пяти. Похоже, что танковый взвод фашистских «пантер» расположился на хуторе на ночевку. А может быть, и на более длительную стоянку. Почему они поперли напролом, прокладывая просеку, а не приехали по грунтовой дороге, которую рассеянный луч света выхватывал в лесной прогалине, метрах в ста по левую руку? Наверняка заблудились. Черт побери, и по численности личного состава здесь скопился целый взвод фрицев. Силы для открытого столкновения были слишком неравны. Оставалось ждать.

V

Прошло минут десять, и лязганье прекратилось. Один за другим потухли два прожектора. Остался только один, тот, что висел на заборе, освещая два танка, стоявших ближе к лесу. Немцы, а, судя по всему, это были механики, негромко разговаривая, направились в глубь хуторского двора. Перед танками замаячила неясная тень. Вот он вышел на свет. В шинели, поеживаясь и переминаясь с ноги на ногу, ходил солдат. С автоматом наперевес. Часовой. Спустил еще несколько минут двое вернулись к дому. На пороге они окликнули часового. Он что-то бодро сказал им в ответ. Наверное, удачи пожелали. Или спокойной ночи. Ну, это уж кому как повезет.

Немцы вошли внутрь. Свет керосинки в окнах погас. Над хутором повисла тишина. Казалось, она лишь усиливалась от тарыхтения дизельной электростанции. Аникин отполз чуть назад, к Девятову и Якимову. Они терпеливо молчали, ожидая его указаний.

— Надо сейчас действовать... — еле слышно прошептал Андрей. — Скоро начнет светать. Они опять повылазят, и тогда нечего нам ловить...

— А может, товарищ командир... вдарить по ним? — так же бесшумно отозвался Девятов. — По тепленьким? А?

— Их там человек двадцать пять, судя по экипажам. А вдруг еще больше? — не согласился Аникин. — Расположение их мы не знаем, похоже, они по всем сараям расползлись. Вяжемся в бой, шуму будет много, а толку — ноль. Наша цель — танки, по ней и будем бить. Тихо надо сработать. Убрать часового и мины под гусеницы заложить. Ты, Девятов, умеешь с запалом обращаться?

— А как же, товарищ командир. Я в запасном полку и деревянные ящики учился ставить, и «лепешки» металлические. Уж очень они напоминают коровье, извиняюсь...

— Ладно... — перебил его Аникин. — Под гусеницы одну заложишь, самому крайнему слева. Под переднюю левую ставь. Там удобнее подойти. Задом он не будет сдавать, ему сарай мешает.

Молча слушавший Якимов вдруг произнес:

— Товарищ начальник... Я это... со штуками этими не силен обращаться... Я лучше вертухая фашистского... Того... сработаю его.

Он опустил руку к сапогу и резко что-то выхватил из голенища. В сырой полумгле неясно блеснуло длинное лезвие.

Аникин не стал ни о чем его спрашивать. Только отрывисто сказал:

— Действуй, Яким. Мину свою оставь мне. Мы сразу за тобой...

Кивнув и хищно ослабившись, Якимов тут же бесшумно исчез в кустах.

VI

Силуэт часового то четко прорисовывался на фоне рассеянного луча прожектора, то растворялся на границе света, возле танков, чернеющих страшными, неясными грудями. Он выбрал себе для перемещения одну из сторон периметра, направленную как раз к лесу, на опушке которого пряталась группа Аникина.

Какое-то еле заметное, бесшумное движение тени обозначилось у крайнего слева танка. Двигавшаяся тень часового замерла. Аникин стиснул зубы. Руки невольно сжали ствол «ППШ», и палец лег на курок. Фашист стоял так, не шелохнувшись, еще с минуту. Потом он взял автомат на изготовку и направился к темнеющей громаде танка. Он двигался медленнее, чем обычно, выставив вперед ствол своего «шмайссера». Андрей взял его силуэт на мушку и вел до начала зоны мглы. Различить его там не было никакой возможности. Вдруг до них долетели неясные шорохи и, следом, тут же кто-то тяжело и неясно охнул.

— Похоже, Яким дело сделал... — вслух прошептал Девятов.

— Вперед, — только бросил в ответ Аникин и, вскочив на ноги, на полусогнутых засеменял к танкам.

Навстречу к ним из тьмы выскочил Яким. Его глаза и все лицо было каким-то нечеловечески перекошенным и ошалелым. Он по-прежнему сжимал в руке нож. Его лезвие было запачкано чем-то густым и черным на свету.

— Сторожи выход из дома, — шепнул ему Аникин, падая на колени возле гусеничного трака. Танковая громада вблизи показалась еще огромнее. Она нависла над ним. Аникину показалось, что еще секунда, и она его раздавит. «К черту, к черту», — почему-то твердил он, судорожно выкапывая грунт из-под широкой, ледяной на ощупь гусеницы. Андрей установил в подготовленное углубление массивный металлический цилиндр и аккуратно вытащил из вещмешка круглую шашечку взрывателя.

Так, теперь запал. Ввинчиваем. Аккуратно, вот сюда, по центру... Пальцы Андрея на ощупь скользили по гофрированной поверхности мины, нащупывая по центру гнездо для взрывателя. Теперь крышечка. Опять крутим, аккуратноенько... Аникин отер пот со лба и стал спешно засыпать землей гостинец для фашистов,

приведенный в боевую готовность. Разровнять, вот так. Есть... Теперь к следующему танку.

VII

Где-то совсем рядом скрипнула и распахнулась настежь дверь. Будто чья-то огромная рука вбросила в разлитую над хутором темень порцию света. Андрей прижался к гусеничному траку и замер. Дверь захлопнулась, и снова стало темно. Аникин успел заметить торчащие из-за танка сапоги убитого Якимом немца.

Раздались голоса. Разговаривали двое или трое, по-немецки. Женский голос, глухой и сдавленный. «Не можно, пан Фогель... не можно...» то и дело вклинивалось в немецкое «гыр-гыр-гыр». Эти вышли из другого строения, стоявшего поодаль, за ближним к лесу домом. Один остался курить на крыльце, а две тени двинулись прямо в сторону Аникина. Тот, что остался на крыльце, что-то сказал вдогонку удалявшимся.

— Йа, йа, Отто... Du ist folgend...³ — ответил ему второй, тот, что шел с женщиной в их сторону. Отто бросил окурочок. Красный глазок описал дугу и потух. Немец тяжело вздохнул и вошел внутрь.

Свет из времянки на миг выхватил приближавшихся. Немец с автоматом на плече, стволом вниз, правая рука придерживает ремень. Левая обнимает за талию женщину так крепко, как будто переламывает ее податливое тело пополам. На ней расстегнутый мужской пиджак, платок и длинная темная юбка, и вся она из-за одежды кажется бесформенной. Вот они снова погрузились в темноту, и Аникин только слышит бессвязный шепот немца и негромкий голос женщины. В голосе все больше беспомощности и отчаяния.

Они остановились.

— Франц... Du da? Anblicke, wer ich dir führte...⁴ Франц!..

Наверное, он звал часового. Тот уже не ответит. Послышался шорох одежды, неясное бормотание и то же «не можно», все более настойчивое. Они расположились по ту сторону машины. Вот черт, никакого маневра. Аникин крадучись пробрался вдоль борта к задней части «пантеры». Времени переждать нету. Яким теперь вряд ли подберется незамеченным от дома к танку. Это пространство хорошо освещалось единственным включенным фонарем. Похоже, убрать эту парочку придется Аникину.

Андрей выглянул из-за края брони. Свет фонаря бил прямо на эту часть борта. Со стороны дома немца и женщину было видно плохо, но для Аникина они были как на ладони. Немец прижал ее к броне, навалившись всем телом. Платок ее упал с волос на плечи, открыв коротко стриженные волосы и молоджавое курносое лицо. «Не можно, не можно», — уже прерывисто, с учащенным дыханием повторяла женщина, но губы немца ловили ее рот, не давая говорить. Аникин напрягся, вытащив из голенища трофейный финский нож. Вот момент. Ударить его под левую лопатку, потом эту подстилку фашистскую — под правую грудь...

В миг, когда Андрей уже сделал было шаг из своего укрытия, из-за второй машины метнулась широкая тень. Немец даже не успел повернуться, как приклад

девятовского автомата ударил его со всей силы в затылок. Череп фашиста раскололся, как орех.

Девятов еще два раза с силой ударил упавшего прикладом в висок.

— Хорош... — прошептал подоспевший Яким. — Фашист готов. А с бабой что делать?

Она лежала без сознания рядом, забрызганная кровью своего несостоявшегося кавалера.

— А что делать, добить ее... — в горячке выпалил Девятов и опять замахнулся своим прикладом.

— погоди... — остановил его Аникин. — оставь ее. Она и так в отключке. А местных нам против себя восстанавливать резона нет. Что с миной?

— Стоит, товарищ командир... — шепотом отрапортовал Девятов.

— Черт, еще бы одну...

VIII

Не успел Аникин ответить, как дверь дома распахнулась. Один за другим трое немцев в расстегнутых гимнастерках вышли на крыльцо. Первый, потянувшись, так и застыл на месте. Он смотрел прямо на Аникина и его бойцов, вернее, вглядывался в полумглу, видимо, не мог различить, что здесь происходит.

— Франц?.. — заплетающимся языком спросил он. Голос его вдруг в момент протрезвел. — Франц... Wo ist...

Договорить он не успел. Аникин выпустил по ним очередь из своего «ППШ» и крикнул Девятову и Якимову:

— Отходите!.. Я прикрою...

Шум и крики раздались в доме. Сразу несколько вспышек с грохотом взорвали темноту ночи. Стрельбу вели с другого конца поля, где наверняка тоже были выставлены часовые. По танковой броне защелкали пули. Андрей упал на землю и отполз за катки танковых гусениц. Немцы один за другим выбегали на улицу и тут же падали, как подкошенные, под пулями его автомата.

Раздался звон стекла. Из разбитого окна гулками очередями заработал пулемет. Скорее всего, ручной «МГ». Он стрелял в сторону Андрея и куда-то в лес, наверное, по отступающим товарищам Аникина.

Короткой очередью Андрей погасил единственный горевший фонарь. Вся местность погрузилась во тьму, то и дело озаряемую вспышками выстрелов. Пулемет не унимался. У Аникина на миг мелькнула мысль о хutorянах, которые могли находиться в доме. Но ничего не оставалось делать. Андрей выхватил из вещмешка оборонительную гранату и, примерившись, метнул в оконный проем. Сноп пламени озарил деревянное нутро дома. Раздался истошный крик. Андрей почувствовал запах дыма. В темноте его не было видно, но клубы его наверняка валили из окна.

Пули градом сыпались на остов немецкого танка, прикрывавший Аникина слева. Спросонья немцы не могли разобраться, что происходит, кричали, палили во все стороны.

Андрей, стреляя по мечущимся теням, стал отползать в сторону леса. Огибая бронированную громадину, он успел заметить, как лежавшая возле убитого

немца женщина шевельнулась. Андрей расстегнул шинель и гимнастерку фашиста, нащупал в кармане бумаги и вытащил. В этот момент вспыхнули два прожектора. Желтые лучи заматались по территории хутора, по полю, по чернеющей метрах в тридцати стене спасительного леса.

Андрею надо было туда. Налегке, с одной оставшейся в вещмешке миной и гранатами, он пополз по пашне. Свист пуль усиливался. И тут со стороны леса по хутору открылся шквал огня. Значит, подоспел Карпенко с остальными. Ребята прикрывали отход своего командира. Били из «Дегтярева» и трофейного немецкого пулемета, из автоматов и винтовок. Теперь немцы окончательно сообразили, откуда на них обрушились все напасти. Истошные команды на мгновение перекрыли гул стрельбы.

Пламя внутри хуторского дома разгоралось, и в его отсветах было хорошо видно, как сразу несколько групп бросились к силуэтам танков и принялись карабкаться на броню. Спустя всего несколько секунд взревел мотор одной из машин, потом второй.

Неужели они собирались броситься в погоню на танках? Нет, скорее всего, немцы решили использовать для подавления огневых точек противника танковые пушки и пулеметы.

IX

Андрей судорожно полз по земле, ощущая всем телом, как дрожит земля от разогревающихся моторов фашистских «пантер».

— Командир, сюда, сюда... — Аникин услышал голос Карпенко. Вот из кустов, прямо перед взмыленным лицом Аникина, вынырнула его счастливая физиономия. Руки с двух сторон подхватили командира под мышки и втащили в заслоненную кустарником ложбину.

— Сматываться надо, товарищ младший лейтенант... — все тем же счастливым шепотом тараторил Карпенко. — Они щас вдарят по нам из орудий своих. Размажут, как масло по хлебцу...

— По... годи... — переводя дух, выговорил Андрей. — Им, чтобы башни в нашу сторону развернуть, для начала надо маневр небольшой сделать.

В этот миг прямо на башне одного из танков с грохотом вспыхнул снап огня. Черные тела с криками скатились на землю. Новая волна паники накрыла хутор.

— Ага! Есть сюрприз... — со злой радостью вскричал Девятков. — Я ить третью машину не успел заминировать. Так им оставил гостинчик. Гранату к люку прикрепил, на манер растяжки. Если открыть, чека и выдернется. Сработало!..

— Ух, молодец, Девятков... — выдохнул Андрей. — Работает голова...

— Ничего... кумекаем малость... — пробормотал солдат, снова припав к прицелу автомата.

— Эх, что там мины наши... не подкачали бы... — нетерпеливо выговорил Яким.

— А ты что их, ставил? — с иронией спросил Девятков.

— Слышишь, ты... — с обидой в голосе ответил Якимов. — Чтобы ты их поставил, я сначала гада фашистского пришил.

— Ладно вам... — урезонил их Аникин. — Оба дело свое сделали как надо. И нечего мериться теперь, кто больший молодец...

Тут мотор ближнего из танков — того самого, под который заложил мину Аникин, — несколько раз взревел, будто предупреждая: «Разойдись, поеду». Машина тронулась, и тут же прогремел взрыв.

С опушки было хорошо видно, как вся правая сторона ходовой разлетелась на катки и звенья гусениц. Машина встала, завалившись на правый бок и уперев ствол пушки в землю. Заревела вторая машина, и снова грохнуло. Этот танк уже был девятюшкой работой. Машину подбросило передом вверх. Двигатель второго танка сразу заглох.

— Приготовься, ребята... — проговорил Андрей. — Сейчас экипаж полезет. Тут их и принимайте... Только не сразу...

С минуту никакого движения внутри танков не намечалось. Наверное, взрывной волной экипажи обеих машин здорово контузило. Зато снаружи гам и беспорядочная стрельба только усилились. «Партизанен! Партизанен!» — вперемешку с другими немецкими словами несло над хуторскими крышами. Паники добавляло пожараще. Огонь уже полностью овладел деревянным домом. Бревенчатые стены горели, как порох, озаряя все вокруг зловещим кроваво-красным светом.

2011 г.

¹ *Пэтээровец* — боец с противотанковым ружьем (ПТР).

² *ОАШР* — отдельная армейская штрафная рота.

³ *Ты — следующий...* (нем.)

⁴ *Ты здесь? Смотри, кого я тебе привел...* (нем.)

Вопросы и задания

1. Романа Кожухарова можно назвать мастером психологического портрета. Приведите примеры таких портретов, прокомментируйте художественные детали.

2. Что можно сказать об отношении офицеров к штрафникам? Одинаково ли воспринимают своих подчиненных лейтенант Аникин и командир первого взвода Каспревич? Как складываются судьбы одного и другого?

3. Какое лицо войны показывает автор? Почему ключевыми в создании этого образа являются словосочетания «смертельная усталость», «животный страх», «кровавая каша»? Прокомментируйте метафору «гул разгулявшейся за холмами смерти».

4. Художественное мастерство Р. Кожухарова воплощено в сценах смерти солдат. Найдите в XIII подглавке главы 1 эпизод, иллюстрирующий смерть с кинематографической достоверностью.

5. Какое задание поручает майор Шибановский лейтенанту Аникину? Как группа справляется с поставленной задачей? Перескажите самые напряженные моменты главы 2.

МОЙ ТИРАСПОЛЬ

«Старательно возделывай лозу
И поминай венцом брожения предков». —
И я по тряской лестнице ползу,
Заветом деда постригаю ветки.

Секатор, по-редакторски вполне,
Рядит «глазки», пространство умножая
Для осени, когда лозу в окне
Наполнит содержанье урожая.

Так мой отец, а до него — мой дед
Хранили виноградные скрижали.
Родной Тирасполь охранив от бед,
Побеги для потомков возрождали.

Майорский китель моего отца
И знаки восклицательных медалей...
И дядя Сэм сходил на «нет» с лица,
Лишь только «Ту» под звезды
подымали!..

И гулом наполняли небеса
Умноженную крыльями державу.
Теперь я знаю: буквы СА
Наследовали доблесть, честь и славу.

Наследие... Как дедов дом и сад.
И, значит, надо следовать по следу.
А дед, налив воскресший виноград,
Звенел рубином жгучим: «За Победу!»

Молох трех войн солдата не смолод,
Ряды врагов дед правил без истерик.
Начало редактуры — Халхин-Гол,
А после был Карельский перешеек.

Ну, а потом — Москва и Сталинград,
И пот, и кровь, и так — до самой Вены.
Маршрут — он весь в названии наград,
И Май победный — точкой незабвенной.

А бабушке уж прочили вдовой
Остаться. Десять лет — в атаку...
А он вернулся, он пришел домой —
В свою благословенную Итаку,

В Тирасполь. Как везунчик Одиссей,
Из бездн огня и зыбей в утлой зыбке
Он вынырнул. И радостью бы всей
Вселенной не затмить ее улыбки...

Они ушли... Но снова по весне
Лоза строчит убористые почки,
И после Пасхи встретимся мы все
И помянем до дна, до самой точки.

А после точки — будет все с большой...
Хоть так поверьте или бьемся на спор.
И мы поредактируем еще
С тобой, мой стольный град,
родной Тирасполь!

Вопросы и задания

1. У Р. Кожухарова есть небольшой поэтический сборник с символическим названием «Виноград». Центральным образом сборника стала виноградная лоза как символ преемственности поколений, как средоточие духовной памяти, как продолжение пастушьей свирели, в своей мелодии отражающей жизнь. Какое развитие образ лозы получает в стихотворении «Мой Тирасполь»?

2. Писательский труд метафорически воплощен в труде виноградарей. Раскройте глубину образа. Прокомментируйте строчки «Так мой отец, а до него — мой дед // Хранили виноградные скрижали».

3. Как история Великой Отечественной войны и победы вписана в сюжет стихотворения?

4. Что дают культурные ассоциации с Одиссеем, Итакой? Какое место в палитре исторических образов занимает Тирасполь?

АЛЕКСАНДР ВЫРВИЧ

Профессиональный военный, офицер, участник первой чеченской войны, **Александр Леонидович Вырвич** хорошо знает цену жизни, поэтому в своих поэтических сборниках и прозаических произведениях пишет о хрупкости этого мира, защищать который обязаны мужчины.

Служебные дороги российского офицера Александра Вырвича, которые пролегли через Чехословакию и Оренбуржье, Казахстан и США, Южную Осетию, Абхазию и Чечню, привели его в 1992 году в Приднестровье. Здесь он сначала выполнял функции объединенного военного наблюдателя, представителя Министерства обороны РФ, а затем, с образованием миротворческих сил России, — командира миротворческого батальона. Позже он снова вернулся в Тирасполь для выполнения специфических служебных задач, в том числе и по обеспечению миротворческой операции в Приднестровье. К тому времени Александр Вырвич уже приобщился к поэзии и публицистике и его взаимодействие с Союзом писателей Приднестровья оказалось весьма плодотворным.

В современной литературе Приднестровья Александр Вырвич прочно закрепился в ряду лучших писателей. Доминирующей особенностью его личного почерка стала ярко выраженная гражданская позиция. Сочетание лирического и эпического, личностного и широкомасштабного — неотъемлемые, органические черты его поэзии и прозы.

КУПЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

(Отрывок)

Отпуск начался совсем не так, как было запланировано, хотя билеты на самолет до Адлера, как и положено, были приобретены заранее. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. За несколько дней до вылета Сергей узнал, что большая группа бывших «кремлевских курсантов» собирается в училище по случаю «круглой даты» со дня их выпуска. Получалось, что собираются они как раз в тот день, когда Сергей с женой должны были улетать на юг. На семейном совете было решено, что Марина улетает одна и ждет мужа в Адлере. А Сергей улетает или уезжает, как получится, на следующий день после встречи с сокурсниками.

На следующий день с помощью военного коменданта Сергей получил одно место в купейном вагоне пассажирского поезда «Москва–Адлер», к которому только что и подошел.

Купе уже было заполнено двумя мужчинами и женщиной. Судя по их поведению, знакомы они не были. Пока укладывали вещи, поезд тронулся.

— Ну что же, — сказал Сергей, — так как ехать вместе нам в направлении Черного моря долго, то есть смысл познакомиться. Меня зовут Сергей. Я — военнослужащий.

— Судя по вашему возрасту, вы даже не майор, — сказала женщина, — а званием повыше.

Сергей посмотрел на нее и, подумав, что чертами лица она очень похожа на поэтессу-песенницу Ларису Рубальскую, только волосы более темные, произнес:

— Почему же «не майор»? Есть такое слово в моем звании.

— Понятно, товарищ генерал, нас не обманешь, — включился в их разговор невысокий коренастый мужчина с густой шевелюрой седеющих волос.

— Вы тут что, все имеете отношение к военной службе, раз так легко меня вычислили? — спросил Сергей.

Оказалось, что, действительно, так оно и было.

Женщина, назвавшаяся Татьяной Алексеевной, сначала с отцом, бывшим военным, а затем и с мужем немало поколесила по военным гарнизонам. И знала военную жизнь не понаслышке, а изнутри. Сейчас она ехала к своей дочери, семья которой жила в Туапсе.

Мужчина, назвавшийся Николаем, оказался бывшим военным летчиком, а сейчас ни много, ни мало — бизнесменом. Он ехал по делам своей фирмы в Сочи.

Второй мужчина, высокий, с очень короткой стрижкой, представился Егором Потаповичем. «Можно просто — Егор», — пояснил он. Ехал домой в станицу под Краснодаром. Был он постарше всех пассажиров этого купе. К военной службе отношение имел тоже, потому что отслужил, как и положено нормальному мужчине, срочную службу в армии, а точнее — во флоте.

— А после демобилизации я все больше по сельскому хозяйству, — закончил короткий рассказ о себе Егор.

— А возвращаетесь откуда? С выставки достижений сельского хозяйства? — спросил Николай.

Пришлось Егору, пусть и коротко, но рассказать причину своего отъезда из дома. Оказалось, что его отец — участник первого парада Победы на Красной площади, который состоялся 24 июня 1945 года. И периодически, когда ветераны собирались в Москве, то отец тоже туда приезжал. И в этом году у них была запланирована встреча. Отец пообещал, что привезет какие-то старые фотографии, которые недавно нашлись. Но буквально за неделю до отъезда отец заболел и сейчас лежит в госпитале. А сыну велел обязательно поехать на встречу, передать всем привет и, соответственно, — фотографии.

— Вот с этой встречи я и возвращаюсь, — закончил свой рассказ Егор.

— Кстати, — заметил Николай, — я очень долго считал, что парад Победы проходил именно 9 мая 1945 года. Только сравнительно недавно я понял, что это не так. 9 мая войска еще воевали, а не готовились к параду. Ту же Прагу еще освобождали.

— Я даже знаю, почему ты так считал, — улыбнулся включившийся в разговор Сергей. — Потому что в тот июньский день в Москве шел сильный дождь, и авиационная часть парада была отменена. Поэтому в твоём учебном летном заведении и не вспоминали об участии летчиков в первом параде Победы. Егор, можете подтвердить, что тогда был дождь?

— Да. Отец рассказывал, что дождь был проливной. Все участники парада промокли, как говорится, до нитки. И я читал воспоминания маршала Жукова, принимавшего парад, где он писал, что вода с козырьков фуражек стекала буквально струйками. Но был такой душевный подъем, что дождь никто и не замечал.

— А я бы в Берлине провела победный парад и целый месяц не ждала бы. Вот почему он состоялся именно 24 июня? — спросила Татьяна Алексеевна.

— Отец говорил, что они к параду готовились месяц, и все это время для участников парада шили новую парадную форму. И как только ее пошили, а это около сорока тысяч комплектов, то и было окончательно определено время парада.

Николай покачал головой и сказал:

— Сорок тысяч человек! В советское время и сейчас таких масштабных парадов больше не проводят.

— У меня хорошая память на цифры, — уточнил Егор. — Да и отец часто эти цифры повторял: 24, 249, 2 536 и 31 116. Это как номер телефона.

— Не тяните резину и сразу расшифровывайте, — попросила Татьяна Алексеевна.

— А тут все просто. В первом параде Победы 24 июня участвовало: двадцать четыре маршала, двести сорок девять генералов, две тысячи пятьсот тридцать шесть офицеров и тридцать одна тысяча сто шестнадцать солдат и сержантов. И около двух тысяч единиц техники. Я прав? — в свою очередь адресовал вопрос Сергею Егору.

— Почти, — ответил Сергей. — Но давайте последовательно разбираться. В Берлине, Татьяна Алексеевна, парад был, и не один. Самый первый победный парад советских войск состоялся в Берлине еще 4 мая 1945 года. Те, кто брал Берлин и в чем они его штурмовали, в том и прошли строем у Бранденбургских ворот. А в двадцатых числах мая, когда обсуждался вопрос о необходимости проведения парада Победы в Москве, Генштаб предложил Сталину провести такой парад через два месяца, учитывая, что подготовка такого грандиозного масштабного мероприятия требует тщательной и кропотливой подготовки, включая и пошив парадной формы. Но Сталин уточнил, что парад должен состояться не позже, чем через месяц. Парадной формы не надо было сорок тысяч комплектов, так как ее не было только у фронтовиков, прибывающих в Москву из действующей армии, а это где-то половина участников парада. Основной заказ на пошив формы был размещен на московской швейной фабрике «Большевичка», которой помогали и другие фабрики Москвы и Подмосковья. А форму маршалам и генералам шили специализированные мастерские и ателье Москвы. Так что пошив формы особо на сроки парада не влиял. Главное, от чего, по моему мнению, отталкивался Сталин при определении сроков, — это 22 июня, день нападения Германии на Советский Союз. А так как первое воскресенье после 22 июня выпало на 24-е, то этот день и был определен для проведения такого парада. Осталось добавить, что 7 сентября 1945 года в ознаменование завершения Второй мировой войны в Берлине был проведен еще один парад, в котором, кроме советских частей, участвовали войска и, соответственно, боевая техника США, Великобритании и Франции.

— Ну да, ну да.... Как же без них? — протянул Егор. — Отец говорил, что при прохождении парадных расчетов торжественным маршем по Красной площади все поворачивали голову направо, в сторону Мавзолея, где на трибуне стояло руководство страны во главе со Сталиным. А за Мавзолеем размещалась трибуна с почетными зарубежными гостями, послами и военными атташе иностранных

государств, включая тех же США и Англию. Так вот при прохождении мимо этой трибуны участники парада головы держали прямо, мол, что-то долго вы собирались на войну и не спешили с открытием своего второго фронта.

— А я читала, что, когда немцы подписывали акт о капитуляции, то немецкий генерал, увидев, что в это время в комнате находятся представители Франции и Америки, спросил у маршала Жукова: «А эти что, тоже нас победили?».

— А я вот что еще думаю, — сказал Сергей. — Понятна роль Жукова и влияние его полководческого таланта на основные сражения той войны и на ход войны в целом. Даже парад Победы принимал не Сталин, а Жуков...

— На правах заместителя Верховного Главнокомандующего, — добавил Егор.

— Ну да! И звания у них были одинаковые, — продолжил Сергей. — На момент парада Победы у Сталина и у Жукова были одинаковые воинские звания — Маршал Советского Союза. А тут еще незадолго до парада Жуков получил третью «Золотую Звезду». А на следующий день после парада в Кремле состоялся прием, где присутствовали все крупные военачальники, которые, наряду с упоминанием имени Сталина в своих тостах, не могли не воздать честь и Жукову, потому что именно он рядом с ними прошел по дорогам войны от Москвы до Берлина. Возможно, поэтому на следующий день, то есть 26 июня, Сталину было присвоено звание «Герой Советского Союза», а также было учреждено новое воинское звание «генералиссимус», которое 27 июня 1945 года было официально присвоено Сталину.

— Чтобы всем было ясно, кто в доме хозяин, — подытожила мысль Сергея Татьяна Алексеевна. — Но мне до сих пор непонятен один вопрос. А Знамя Победы, которое было поднято над рейхстагом Егоровым и Кантарией, оно-то участвовало в первом параде Победы или нет?

— По-моему, нет, — отозвался Егор. — Во всяком случае, отец никогда о нем не вспоминал. Но точно я не знаю. А что об этом скажет товарищ генерал?

— Вы что издеваетесь? — вопросом на вопрос ответил Сергей. — Я же не историк вообще и не военный историк в частности. И в первом параде Победы, как отец Егора, я не участвовал, потому что тогда еще не родился. Правда, потом, пока я учился в Москве, то четыре раза принимал участие в военных парадах на Красной площади то суворовцем, то курсантом. Однако все знать о парадах я не могу. Но...

Сергей сделал небольшую паузу и закончил свою речь:

— Вам всем и особенно Татьяне Алексеевне повезло, потому что я знаю точный ответ на ее вопрос. Планировалось, что Знамя Победы откроет парад. Для чего его за несколько дней до парада доставили в Москву из Берлина. Мало того, по замыслу его должны были нести те люди, которые водружали его над рейхстагом.

— Егоров и Кантария?! — удивленно спросила женщина.

— Именно они! С ними Знамя Победы должен был нести и командир их батальона, по-моему, если мне не изменяет память, капитан Нестеров.... Нет, капитан Неустроев. Но на генеральной репетиции они так пронесли это знамя, что из-за их плохой строевой выучки Жуков принял решение не выносить это знамя на парад.... Искать другую знаменную группу было уже поздно. А тот факт, что

знаменосец капитан Неустроев за войну был пять раз ранен и у него были повреждены ноги, — никого не интересовал.

— Ясно, — сказала Татьяна Алексеевна, — но раз так получилось, что мы говорим о параде Победы, то я хочу задать еще один вопрос ...

— Подождите, — прервал женщину Егор, — а меня сейчас интересует вопрос перекура. Знакомиться мы уже закончили и успели наговориться, так что пора и спокойно перекурить. Кто со мной?

Никто на этот призыв не откликнулся, так как оказалось, что курящих в купе больше нет. Когда Егор ушел, Татьяна Алексеевна спросила:

— Так кто мне ответит на мой вопрос?

Николай удивленно посмотрел на женщину и громко сказал:

— Так вы его сначала задайте!

— Задаю, — спокойноотреагировала Татьяна Алексеевна на эмоциональное высказывание попутчика. — Несколько лет тому назад где-то прочитала, уже и не помню где, историю об участии собак в параде Победы...

— Были там собаки.... И даже лошади были, — ответил Николай.

— Да я сама знаю, что были. Но говорят, что одну заслуженную собаку, награжденную за свои заслуги даже медалью, из-за того, что она перед парадом получила какую-то травму или ранение и сама не могла идти по Красной площади, — нес на руках ее вожатый. А подстилкой, на которой он ее нес, служил китель чуть ли не самого Сталина.

— Ого! — удивился Николай. — Вот это история! И что?

— Это могло быть правдой? Или вся эта история с собакой — выдумка? Вот в чем и состоит суть моего вопроса, — закончила женщина и с ожиданием посмотрела на Сергея, так как поняла, что надеяться на помощь Николая в этом вопросе бесполезно.

Туда же посмотрел и Николай.

— Я, конечно, не специалист по собакам и даже не их любитель, впрочем, как и кошек, — начал Сергей, — но так получилось, что где-то полгода назад я разговаривал со специалистом по собаководству, он даже книгу написал о роли собак в годы войны. Собаки и раненых вытаскивали с поля боя, и мины искали, и даже немецкие танки взрывали. В основном это были, по иронии судьбы, немецкие овчарки... Порода такая. Не потому, что они самые умные, а потому, что всякие болонки, пудели, пекинесы и эти, как их..., как, вроде, чихаешь..., чих..., чихуа...

— Чихуахуа? — подсказал Николай.

— Вот, вот, — согласился с ним Сергей, — на которых сейчас мода и которых хозяйка зимой в одежды наряжают, выводя или вынося их на прогулку, хилые и беспомощные, в отличие от сильных и выносливых овчарок. Вот Вы, Татьяна Алексеевна, представляете, сколько весит взрослая овчарка?

Татьяна Алексеевна пожала плечами:

— Точно не знаю, у нас никогда дома собак не было, но, думаю, что килограммов тридцать-сорок, а то и больше.

— А длина Красной площади?

В купе зависла пауза, которую прервал Николай:

— Все ясно! Если бы довольно тяжелую собаку надо было пронести несколько десятков метров — это одно, а нести ее несколько сот метров.... В то время, когда участники парада идут очень скорым шагом, строевым.... Тут ответ ясен.

— Да, — согласилась с мужчинами женщина. — Ответ ясен! Выдумка или, как сейчас модно говорить, «фейк». Если уж хромающего комбата со Знаменем Победы к параду не допустили, то нести хромую собаку — и подавно.

— А мне вот что непонятно. Вы вспомнили о собаках, которые подрывали танки.... Неужели нельзя было без этого обойтись? — спросил Николай, обращаясь к Сергею. — Все-таки собака — друг человека, а тут.... Они же гибли вместе с подорванными танками.

— Ох, Николай! — покачал головой Сергей. — Ты, я вижу, на «гражданке» совсем «огражданился». По твоей логике получается, что если бы в самолете вместе с боевым летчиком Николаем Гастелло была и его любимая собака, то он, жалея собаку, ни за что не направил бы свой самолет на вражескую колонну. Так? Тут дело вот в чем. К началу Великой Отечественной войны в Красной армии, в принципе, было все: самолеты, танки, пушки, корабли, стрелковое оружие — все, что надо для ведения полномасштабных боевых действий. Одного не было — нормальных противотанковых средств. А разницу между бутылкой с зажигательной смесью, которую надо солдату перед смертью разбить об этот самый танк, и нормальным противотанковым орудием, которое, находясь за километр от танка, может его подбить, мы все понимаем. Не было в Красной армии, кроме бутылок, никакой эффективной противотанковой артиллерии. И единственным средством, которое специально готовилось перед войной и в ходе самой войны, как ни странно, были собаки. Были целые подразделения таких собак.

— Ого! — удивился Николай. — А эффективность-то какая была от этих собачьих рот?

— По-разному.... Где-то немцы, только услышав собачий лай, поворачивали назад. А где-то собаки, подготовленные бегать под гул тракторов, а не танков, бежали обратно... Но более трехсот танков в ходе войны были взорваны с помощью собак. В переводе на другое исчисление это две немецкие танковые дивизии.

— Конечно, собачек жалко, но сколько солдатских жизней они спасли! — подытожила разговор Татьяна Алексеевна.

Вопросы и задания

1. Почему попутчики с таким интересом слушают историю о параде Победы 1945 г.? Что нового вы узнали об этом историческом событии?

2. Почему было принято решение отказаться от Знамени Победы, которое должны были пронести по Красной площади Егоров и Кантария?

3. Такие непохожие герои войны... А. Вырвич реалистично создает портреты тех, кто ковал Победу своими руками. Приведите примеры.

4. Что узнает читатель о роли собак в ходе Великой Отечественной войны?

5. Почему история о параде Победы обрывает легендами?

СЕРГЕЙ ЧЕРНОЛЕВ

«ПОГРЕБИТЕ В ЗЕМЛЕ...»

*Памяти моряков-подводников атомной подлодки «Курск»,
12 августа 2000 года*

Не смирившись со страшной судьбиной, Люди гибнут в душливой мгле. И восходит из толщи глубинной: — Погребите нас, братья, в земле.	Все погибнут... и вновь величаво Засияет бескрайняя гладь. Не лишайте их вечного права На родимых погостах лежать.
---	---

С каждым днем все тревожнее сводки. Видно, близок печальный конец. Снова бьют по обшивке подлодки. Это зов обреченных сердец.	Ведь не зря по велениям свыше Эта тихая радость дана. Лишь тогда души павших услышат, Как в смятении плачет страна.
--	--

Не стереть имена на граните
И не вытравить горечь в груди...
Вы хоть мертвых со дна поднимите,
Коль живых не сумели спасти.

АЛЕКСАНДР ВЫРВИЧ

ГОРЕ БЕСЛАНА

«Чужого горя не бывает», — Не скажешь этих слов точней. А по России вновь стреляют, На этот раз — в ее детей.	Какою мерой боль измерить? Чернеет снег Кавказских гор. Душа отказывает в вере, Что миром править стал террор.
--	---

Века Россию не согнули, Всем вопреки она жила. Пронзают будущее пули, Впиваясь в детские тела.	Молюсь сегодня за Россию, Ведущую смертельный бой. И знаю точно: черпать силы Она должна в себе самой.
---	---

АЛЛА МЕЛЬНИЧУК

ЦХИНВАЛ, ОКТЯБРЬ 2008 ГОДА

I

Поверх — улыбка, а под нею страх, Тревога, не оставившая вовсе. Так долго мира не было в горах, Что, кажется, робеет даже осень.	Несмелой медью тронут виноград, В багрянце сливы, катятся орехи. И тишина, ценимая стократ, Надежды светлой пройденная веха.
---	---

II

Поверх — улыбка, а под нею страх,
Накопленный за два десятилетия.
А так хотелось счастья и добра,
Осмысленного будущего детям.

Чтоб было место им и языку,
Достоинству и гордости за предков.
И нет прощенья вражьему стрелку,
Убившему на древе жизни ветку.

Вопросы и задания

1. Что вы знаете о трагедии атомной подлодки «Курск», произошедшей 12 августа 2000 года? Почему Сергей Чернолев чувствует собственную вину в смерти моряков?

2. Террористический акт в Беслане — захват заложников в школе № 1 города Беслана (Северная Осетия) — был совершен террористами утром 1 сентября 2004 года во время торжественной линейки, посвященной началу учебного года. Как трагедия в Беслане затронула души приднестровцев? Прокомментируйте строчку «Чужого горя не бывает».

3. Бои за Цхинвал — один из этапов противостояния в зоне южно-осетинского конфликта, когда грузинские правительственные силы предприняли в ночь на 8 августа 2008 года штурм столицы Южной Осетии Цхинвала с использованием реактивной артиллерии, в ходе которого погибли как гражданское население, так и российские миротворцы. Алла Мельничук в стихотворении «Цхинвал, октябрь 2008 года» показывает, что печать войны отражается и на лицах людей, и в осенних пейзажах. Докажите это строчками стихотворения.

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА И ПРОЗА

Многообразна палитра философской лирики и прозы приднестровских авторов. Размышления над смыслом жизни и вечными человеческими ценностями становятся тернистой дорогой постижения самих себя. К истине путь непрост, он выстрадан временем и творческими исканиями. А если человек еще прошел дорогами войны, как **Николай Сергеевич Фридман**, этот путь отдает горечью потерь. Участник Великой Отечественной войны, майор ВВС, Н.С. Фридман поднимается над болью и философски осмысляет тишину, которая в образной системе его лирики становится синонимом «великого чуда Жизни». В стихотворении «Без трофеев домой я вернулся с войны...» поэт отмечает:

*... Ничего не везли мы с треклятой войны,
Может, зря прошагали полсвета?
Ничего... Только полный вагон тишины
И спасенную нами планету.*

В другом стихотворении «Пейзаж с луной» Н.С. Фридман признается:

*Желтый свет, сочащийся сквозь листья,
Умиротворяющая гладь...
Ни строкой, ни нотами, ни кистью
Тишины такой не передать.
<...> Я не сплю и думаю о вечном...*

*И в чуть слышном шелесте дубрав
Бережность безветренной погоды,
Зелени густая благодать...
Вслушиваюсь в добрую природу
И учусь безмолвье понимать.*

Мир открывает свои тайны тому, кто постигает гармонию Жизни, и тогда этот диалог человека с миром превращается в «Сто бесед о вечности». Так назвал свой сборник стихов **Сергей Ратмиров (Сергей Заяц)**. Знаковым в сборнике стало стихотворение «Звучит мелодия дудуки...». В нем чувствуются восточные мотивы, навеянные творчеством Максимилиана Волошина. Дудук – музыкальный духовой инструмент, распространенный среди народов Ближнего Востока. Он издает грустные звуки, похожие на завывание ветра в расщелинах гор или в кронах деревьев. Такие мелодии заставляют забыть обо всем земном и задуматься о душе и вечности. Воображение рисует спящие пустыни и оазисы, небольшие восточные хижины, неспешные ручьи и теплый ветер, несущий запах моря. Эта музыка сладко томит душу печалью, словно человек скучает по кому-то или чему-то очень близкому и дорогому: «Звучит мелодия дудуки, / Как будто древняя мольба». И мольба в звуках дудука рождает атмосферу тянуще-острой грусти и неземного томления души, ищущей Христа: «Звучит мелодия дудуки, / Ведет в земную жизнь Христа...».

Образы пути, дороги, путника весьма распространены в поэзии Ратмирова. Они имеют философский или религиозный смысл, символизируя жизнь в целом и духовное становление в частности. Блуждание человека в скудных лучах ночных светил – это аналогия с жизнью, смысл которой человеку зачастую неясен.

Тему осмысления своего предназначения и жизненного пути продолжает стихотворение «Что осталось мне от детства?». У Ратмирова особое отношение к детству, сформировавшееся под влиянием евангельского стиха: «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 2-3). Состояние детской чистоты и простоты не раз упоминается Сергеем Ратмировым как однажды утерянное и уже недосыгаемое, но тем не менее вожаделенное. Детство в понимании поэта не просто эпизод в самом начале жизни, а «неиспорченная первожданность души, время чистых и светлых стремлений и воспоминаний» (Анна Козырина). Автор говорит с читателем на равных, призывая к совместному поиску Истины.

Владимир Скоробогатый – отец Владимир – был удивительным человеком: священник, мыслитель, богослов, философ, поэт, художник и музыкант. О нем тепло и проникновенно писал духовно близкий ему человек и друг С. Ратмиров:

«Путь отца Владимира рядом с Христом. Его жизнь дает право так утверждать. Поэты приходят, чтобы зажечь уже погасшие светильники. Но они не просто их зажигают, но сами начинают гореть божественным огнем.

Батюшка верил, что творчество дает способность человеку взлететь. В этом полете силы тьмы крошечной «накладывают сеть / И бьют ногами...», но в этом огненном полете совершается преобразование человеческого естества. В этом, видимо, кроется многогранность бытия отца Владимира».

НИКОЛАЙ ФРИДМАН

ЖИЗНЬ

А жизнь одна и такая короткая.
Кто ты, Жизнь?
Глоток озона,
Хлеб с водой, клочок земли?
Голос девочки влюбленной,
Парус, тающий вдали?
В чем твое предназначенье?
Знамя бунта ради всех?
Крылья веры, боль сомненья,
Незатейливость утех?
Чтоб на множество вопросов
Дать какой-нибудь ответ,
Опираюсь, как на посох,
Я на опыт прежних лет.
И приходят в думы дети
И заветная тетрадь...

Как печально все на свете:
Обрести, чтоб потерять.
Наши жизни — лотереи,
Судьбы — тоненькая нить...
Жизнь, прости, что я умнее
Не сумел тебя прожить.
Слишком много было вздора,
Неудач и просто бед...
Жизнь — игра, игра, в которой,
Видно, выигрыша нет.
И сквозь трудных мыслей призму
Шелухой слетает прыть...
О великом чуде — Жизни —
Надо тихо говорить,
Сокровенными словами,
Словно о любви. О маме...

СЕРГЕЙ РАТМИРОВ

* * *

Звучит мелодия дудуки.
Жизнь совершается с листа,
И веришь, что кому-то нужен,
Что все проходит неспроста.

Звучит мелодия дудуки,
Ведет в земную жизнь Христа,
И я так чувствую разлуку,
Как будто было все вчера.

Звучит мелодия дудуки,
Но слышу важные слова,
И нет отчаянья и скуки,
Полна Неведомым душа.

Звучит мелодия дудуки,
Как будто древняя мольба,
Уже не чувствую разлуки,
Вся суть вещей изменена.

* * *

Что осталось мне от детства?
Стая диких сизых голубей,
Отлетевших в голубое небо
И распявших пригоршню лучей.

Что осталось мне на время?
Дом, что бабушки древней,
За околицу сошедший
Мифов сладостный ручей.

Что осталось мне в наследство?
Книги жизни-смерти не моей,
Высекавших искры мудро,
И любовь евангельских Камней.

Что осталось мне навечно?
Слово, сказанное вскользь,
И шептание молитвы,
Превратившееся в стих!

* * *

Кто-то сказал, что жизнь игра, в которой погибает или воскресает душа. Видимо, так и есть. Грустной старушкой приходит осень, разбрасывая желто-красно-бурую листву и затапливая печь, приглашает к разговору. Ты в доме! Тепло и уютно! Дуют ветры за окном, но не страшно. Окружен любовью близких. Миф радостен и глубокомыслен. Но, бывает, осень — старушка-вдова — берет под руку и идет с тобой, поеживаясь, по дороге вдаль от разбитого дома, где гуляют ветры в проемах бывших окон и дверей. Зябко и холодно. Страх одолевает. Рядом нет любимых. Одиноко. Тебя играючи выгнали из радостного мифа где-то умирать в пути. Тоскливо. Мятажно. Ненависти нет. Такая вот игра, в которой воскреснет душа и придет на Суд, прикрываясь снежной порошей. (15. 11. 09.)

* * *

Слышу странную мелодию, несущуюся из-под небес. На душе смутно, но хорошо. Пророческий трепет входит в сознание. Неведомый шепчет о былом, в котором узнаем будущее. Впереди зимняя дорога и снежно-звездная пыль. Морозный ветер рассекает лицо, превращая его либо в маску, либо в лик. Несусь по снежному насту, навстречу неизведанному. Мелькают застывшие деревья и обожженные стужей кустарники. Странная всегда, первослышимая песнь и дорога давно стали смыслом моего бытия.

* * *

Весна! Не новость, но цветет душа. Хотя... где-то плачут вдали острова-облака, ветер гонит перистые паруса и стоишь на лесном берегу, скрестив руки на груди. Тоска, надежда и мольба!

ВЛАДИМИР СКОРОБОГАТЫЙ

РАССКАЖИ

Расскажи, как убегает море?
Расскажи, зачем так ветер воет?
Расскажи, куда несутся тучи?
И зачем себя так люди мучат?
Расскажи, о чем ручей вздыхает,
Если рядом люди «отдыхают»?
Расскажи, куда уходят люди
И что с ними после смерти будет?
Можно спеть, но лучше бы послушать.
Говорить? – Нет, лучше не нарушить
Мир тиши, где больше, глубже, выше,
И не лезть на городские крыши!
Расскажи, когда мы умираем,
То, о чем в последний час вздыхаем?
Расскажи, о чем тогда толкуем?
О любви? Или о жизни все?..

Вопросы и задания

1. Найдите в стихотворении Н. Фрийдмана «Жизнь» строчки, в которых рисуется образ лирического героя-странника. Прокомментируйте этот образ. Можно ли поспорить с авторским утверждением «Как печально все на свете: / Обрести, чтоб потерять...»? Что автор вкладывает в понятие жизни как великого чуда?

2. Как образ крестного пути воплощен в стихах С. Ратмирова? Какое развитие в лирике Ратмирова получает метафора «алтарь из вязи слов»?

3. В стихотворении «Звучит мелодия дудуки...» первая строчка задает тон повествованию. К какому стилистическому приему прибегает автор и чего добивается? Как образная структура стихотворения отражает мировоззрение автора?

4. В стихотворении «Что осталось мне от детства?...» все строфы содержат вопросы, найти ответы на которые пытается не только лирический герой. Что вписано в круг ценностей человека, узревшего Бога?

5. Прозаические миниатюры С. Ратмирова отличаются глубокой философичностью. Определите тематику этих стихотворений в прозе. Назовите основные мотивы и образы.

6. Стихотворение В. Скоробогатого «Расскажи» представляет собой просьбу-молитву, обращенную к Творцу. Что мучает лирического героя? Что хочет он услышать в суете земного мира?

СЕРГЕЙ БАГНЮК

Тирасполь всегда был средоточием православия, оплотом несгибаемого славянского духа на берегах родного Днестра. Так повелось со времен Суворова, который заложил здесь оборонительную крепость. Святая вера, заветы прадедов, соборно создававших свою жизнь, великое славянское братство — таковы лейтмотивы поэтического творчества **Сергея Александровича Багнюка**. Наследуя духовные традиции Ф.М. Достоевского, Сергей Багнюк так же, как русский писатель-пророк, может утверждать: «Кто православный, тот и русский».

Поэтический сборник С. Багнюка «*Благодатный путь*» можно назвать путеводной нитью для всех, кто потерял свет истины и веру. Стихи приднестровского автора возвращают эту веру и дарят умиротворение и тихую радость, словно сошедшую с рублевской «Троицы». А строчки стихов, пронизанные неусыпными молитвами о Родине, погружают читателя в атмосферу православного храма, дарят благодать и успокоение.

Бесценное духовное наследие С. Багнюк видит в вере:

*Поверьте, что без веры нет народа,
Есть лишь толпа, бродящая во тьме.
Нет нации без веры — есть порода,
Пригодная для жизни лишь в ярме.*

Защиту от лакейской кабалы предлагает автор в своих поэтических этюдах. Говоря о целительной силе икон, о духовном родстве с Родиной, об островках святости, таких как Валаам, Сергей Багнюк созидает жизнь, вписанную в пространство духа и веры.

НАБАТ

Руси не знаю без Христа, И нет Москвы не златоглавой. Россия — храм, покрытый славой От основанья до креста.	О русич, вспомни времена, Когда твой предок православный, В руках клинок сжимая славный, Разил поганых племена.
---	--

Да сгинет нечестивый род, Что Землю русскую злословит, Ей участь горькую готовит И злые замыслы кует.	Кто в сердце Господа хранит, Тому негоже быть покорным Пред тем, кто смотрит взглядом черным И нашу Родину хулит.
--	--

Пусть громче колокол звучит,
Народ на подвиг поднимая:
Россия, вспомни — ты святая,
Вставай с колен — Господь велит!!!

ВАЛААМ

Где ледяные дремлют воды, Лежит, подаренный ветрам, В объятьях северной природы Священный остров Валаам.	И топоры здесь застучали, Ввысь устремились купола, Во славу Бога зазвучали Здесь в первый раз колокола.
---	---

Средь зарослей деревьев хвойных Чернеет всюду скал гранит. И каждый камень дел достойных Немало в памяти хранит.	Все в первый раз когда-то было, Уж миновали сотни лет, Не все история хранила, И многого затерян след.
---	---

Когда-то в первый раз ступила Сюда славянская нога, Рука монаха осенила Знаменем крестным берега.	Но древняя стоит святыня, Как память о благих делах, Несокрушимая твердыня, Благословенная в веках.
--	--

Бесстрастно знаменное пенье
Над краем девственным плывет.
Замри, блаженное мгновенье, —
Русь православная поет.

ИКОНЫ

Гляжу на вас, привычные иконы:
Как много глаз, печальных и родных.
В них видятся бессмертные законы
Христа Спасителя — Владыки всех святых.

Что претерпели вы, невинные страдальцы,
Что зрите вы чрез пелену веков?

В благословенье сложенные пальцы —
Посланье ваше сквозь столетия — без слов.

Я помню с детства вас, попутчики благие.
Святые нимбы ваши дышат теплотой.
Согрели душу вы в года мои земные.
Дай Бог мне видеть вас пред смертною чертой.

Вопросы и задания

1. Тема защиты Родины основная в стихотворении «Набат». Какие микротемы развивают основную тему? Как заветы наших дедов и прадедов отражены в этом стихотворении?
2. Уголками святой веры становятся православные монастыри, один из которых расположен на острове Валаам. В чем аскетическая красота северной святыни и в каких образах она воплощена в стихотворении «Валаам»?
3. Стихотворение «Иконы» представляет собой внутренний диалог верующего с иконами. Прокомментируйте риторический вопрос «Что претерпели вы, невинные страдальцы, // Что зрите вы чрез пелену веков?». Почему печальные лики на иконах лирический герой запоминает в энергетике взгляда и что читается в ликах святых?

КЛЯТВА

История, рассказанная моей бабушкой Еленой Петровной

(В сокращении)

Ой не ходи, Грицю, тай на вечорниці,
Бо на вечорницях дівки чарівниці.
Украинская народная песня

I

После окончания Балканской войны 1878 г. демобилизованные солдаты русской армии возвращались на родину — как раз заканчивалась пасхальная седмица. Они двигались группами, пешком, останавливаясь на ночлег где придется. Шагали, оставляя позади версты, и двое боевых друзей — Тихон Фурсов и Петро Драч, о которых далее и пойдет речь. Петро был родом из украинского города Гайсина Винницкой губернии, а дорога Тихона лежала гораздо дальше — в Курскую губернию. Там ждали его мать, отец, братья и сестры. Тихон — высокий белокурый бородач, с типично русской внешностью. Петро — смугловатый парень среднего роста с усами на украинский манер. Поздним вечером друзья наконец увидели долгожданный Гайсин. Они предвкушали уютный вечер за чаркой доброй украинской горилки в родительском доме Петра и вожделенный отдых. Вот они, милые украинские хатки под соломенной крышей, тихие улочки, знакомые с детства деревья, плетеные заборчики, запах родной дорожной пыли. Многие скажут: «Ну, вот еще ценность — пыль». Э, нет — пыль в городе детства, пахнет по-особому!

Первой еще издали одного из путников узнала собака, оповестив его приход приветливым лаем. Скрипнула дверь, и на пороге показался отец. «Ой, Господи, Петро приїхав, живий». «Христос Воскрес!» — поприветствовал родителей сын. «Воістину Воскрес!» — послышался ответ. Вышла мать и со слезами радости

заклЮчила сына в объяття. Выбежали навстречу сестра и повзрослевший брат — в общем, встреча традиционная для всех времен и поколений. Вот уже накрыт наскоро собранный стол, на котором в один миг оказались крашенки, пасха, вареники, тушеная капуста, сало и традиционная украинская шпаготивка. Вскоре сошлись родственники и соседи, совершенно не известно каким образом столь быстро узнавшие о возвращении домой долгожданного воина. Стол по мере их прихода наполнялся новыми и новыми яствами. Петру все наперебой задавали вопросы, на которые последний отвечал неторопливо, делая паузы, браво поглаживая усы и то и дело лукаво подмаргивая своему другу. После того как гости вдоволь угостились и наговорились, разлилась эхом по всей округе широкая, как Днепр, украинская хоровая песня.

<...>

Нужно добавить, что в те времена пели залиvisto, душевно, с раскладкой по голосам, как в наши дни давно уже не поют.

Расхотдились гости поздно, неторопливо, помногу раз прощаясь.

Утром следующего дня Тихон начал собираться в дорогу. Петро, не желая так быстро расставаться с другом, попытался удержать его: «Слушай, Тиша, а куда тебе спешить? Поживи у нас пару дней, отдохни, а там и ступай с Божьей помощью. Места у нас достаточно». Тихон, недолго думая, согласился.

После домашних объятий обычно, как круги по воде, начинает расходиться радость встречи от родного дома по всем друзьям и знакомым. Тут уж никак не избежать длинных разговоров о судьбах старых товарищей и посещения главной местной «достопримечательности» — шинка. Общительный русский парень Тихон, везде сопровождавший Петра, отличался веселым нравом, умением поддерживать разговор и запальчиво смеяться, чем быстро расположил к себе украинских ребят. Но самым сильным впечатлением было посещение знаменитых украинских вечорниць. Вечорницы — старинная малороссийская традиция общения молодежи — посиделки у девушек на выданье дома, в присутствии родителей, с целью ближе познакомиться и сделать свой выбор, да и просто отдохнуть после трудового дня. Каждый из парней приносил чекушку, а молодые хозяйки накрывали стол «чем Бог послал». За столом велась непринужденная беседа, пелись песни.

Буквально на третий день пребывания в Гайсине оказались на посиделках и Тихон с другом. Он сразу обратил внимание на одну улыбчивую красавицу с вьющимися волосами, которую все называли Наталка, и ему показалось, что она тоже засматривается на него.

Вечером, когда друзья возвращались домой, Тихон между делом спросил:

— Петро, а мог бы ты еще раз устроить встречу с Наташей?

— Запросто.

Обещание Петро сдержал. Через пару дней веселая гурьба молодых людей отправилась к Наталке.

«Мамо, дайте щось на стіл покласти — треба хлопців чимось вгостити». В короткий срок появились на столе разносолы. На пасхальных вечорницах еще имела место и особая традиция. Накануне Пасхи молодые невесты готовили писанки, нанося на вареные яйца разнообразные узоры. Все это творчество

предназначалось специально для дарения парубкам на вечерницах. Раздавались писанки в определенном порядке: самому желанному доставался самый красивый узор, остальным — попроще. Таким образом, каждый парубок мог судить о расположении дивчины к себе.

Так было и на сей раз. Наталья, обмениваясь улыбкой с гостями, протягивала каждому плоды своего труда. Тихону досталась очень красивая писанка. Изящные тонкие разноцветные извилистые линии чередовались с изображением листьев деревьев и пестрых цветов. Он украдкой огляделся. У дверей сидел парень, всем своим видом выражая конфуз и явное сожаление. Минуту последний раздумывал, как ему поступить, затем, неожиданно для всех, встал и, ни слова не говоря, покинул хату.

Многие заметили расположение Наталки к чужаку и подумали про себя: «Ех, якби не Петро, показав би я тобі як до наших дівок чіплятись». Но Тихона мало волновали косые взгляды сотрапезников: он был не из робкого десятка.

Однако за столом сидел человек лет сорока пяти, с мнением которого очень даже стоило считаться. Это был Савва — отец Наталки, мужик крепкий и задристый. Пришел он недавно слегка подвыпивший и всем видом демонстрировал свое недовольство по поводу выбора дочери. Он долго молчал, затем, улыбнувшись, полушутя-полусерьез схватив Тихона своей цепкой пятерней за бороду, сказал: «Ну, нехай це наші хлопці зібрались, а цей кацап чого сюди заліз?». Наталка испуганно замерла, а остальные глядели внимательно на Тихона, ожидая его ответных действий. Тихон, молча, своими сильными пальцами мягко разнял его кулак, затем смиренно и с любовью поцеловал руку Саввы, демонстрируя свое уважение и покорность. Отец Наталки был обезоружен. Всем стало очевидно, что он в глубине души стыдится своей выходки.

Вскоре гости разошлись. Петро подмигнул другу, мол, я уйду, а ты оставайся, уйдешь последним. Тихон немного погодя встал, поблагодарил хозяев за гостеприимство и вышел. Наталка взялась его провожать. Вот он, первый, короткий, но долгожданный миг наедине. Долго разговаривать не было возможности, да и парни еще имели в то время свойство несколько робеть перед девушками. Задержавшись у ворот, он остановился и, посмотрев ей прямо в глаза, спросил: «Наташа, можно я буду иногда у вас бывать?» Девушка кокетливо улыбнулась той самой улыбкой, от которой у молодых парней мурашки пробегают по спине, и ответила: «Попробуйте». Парень не шел, а летел к своему другу, сердце пело, и Тихону казалось, что этот день самый счастливый в его жизни.

<...>

Наталка не выходила у парня из головы. В те времена назначить девушке свидание вне ее дома было не так просто. Пообщаться с ней наедине можно было, разве что встретившись ненадолго у колодца или в церкви после богослужения.

Оказываясь в храме, Тихон внимательно осматривал прихожан, ища знакомые черты. Сердце его наполнялось радостью, когда он узнавал знакомый платок. Это чувство восторга сопутствует всем влюбленным. После «Отче наш» прихожане обычно выходили из храма пообщаться. Здесь Наталья и Тихон могли встретиться, обменяться улыбками и поговорить. Постепенно Тихон пришел к твердому решению: «Без молодой жены домой не поеду».

Однако дома у Натальи начали возникать размолвки: «Он поиграет с тобой, уедет в Россию и поминай, как звали».

Однажды, при встрече с Тихоном, Наталка, опустив глаза, неожиданно сказала: «Ты — москаль, сегодня здесь, а завтра уедешь, и я одна лышусь». Тихон огляделся по сторонам и, увидев вдалеке купол храма, увенчанный сверкающим на солнце крестом, произнес: «Вот крест — свидетель, что я буду тебе верен». Наталья, осенив себя крестным знаменем, ответила: «Клянусь и я, что останусь тебе верна». Нужно добавить, что такие клятвы в те времена просто так не давались. Нет большего греха, чем нарушить обет, данный Господу.

<...>

II

Наступила зима. Пришло время решать. Тихон напрямую обратился к девушке с такими словами: «Наташа, не пора ли нам обвенчаться? Завтра же приду к твоим родителям свататься».

Вечером Наталья рассказала об этом родным.

— Наталко, одумайся, доки не пізно, невже немає наших хлопців? — сказала сестра.

— Так я же вже клятву дала, куди тепер дітись? Як я йому зможу відказати?

— Дурна була, того й клялась. От що я тобі раджу: збирайся скоренько зараз, та йди до Ладижина до тітки Марфи. Завтра він прийде, а ми йому скажемо: Наталки немає — приходь коли вернеться. А ти там поживи, може йому надість чекати, тай поїде додому. Так ти і не відкажеш і не вийдеш заміж за нього.

Наталка, покоровшись родителям, отправилась в дорогу. Знакомый путь пролегал через поле и представлял собой две колеи от саней в снегу. День выдался морозный. Тяжелые мысли угнетали девушку, они словно лежали на сердце свинцовой плитой, а ноги, будто сами, послушные не ее воле, а какой-то жестокой неизбежности, шли и шли, уводя Наталью все дальше от счастья, которое еще только вчера она держала в руках. Периодически ее взгляд устремлялся в небо, казалось, посылавшее ей немой укор: «Ты же клялась!». Вот уж скрылся из виду родной городок. Тишину полей нарушал только хруст снега под ногами. До самого горизонта не видно было ни души. Вот осталось перевалить холм, а там и покажется село — место ее будущего временного «заточения». Неожиданно от тяжелых мыслей девушку оторвали две черные точки, стремительно движущиеся ей навстречу. «Волки», — поняла Наталья. Она замерла, не зная куда укрыться. Сердце сжалось от страха. Невольно зашептали уста: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешную». Животные бежали трусцой, занимая обе колеи. «Это мне наказание за то, что я нарушила клятву, данную Тебе, Господи. Если Ты помилуешь меня, если не дашь погибнуть, вернись и выйду за него замуж». Хищники тем временем приближались. Наталья инстинктивно чувствовала, что со зверьми лучше не встречаться взглядами и, опустив глаза, положила на волю Божию. Ее губы повторяли молитву: «Господи помилуй, Господи прости». Вдруг волк, оказавшийся в одной колее с Наталкой, перескочил на соседнюю, и животные, следуя один за другим, прошли мимо.

Долго стояла Наталка, выходя из оцепенения, затем отправилась в обратный путь. Поздно вечером она постучалась в окно своей хаты. Все были в недоумении:

— Наталко, що сталося, чого ти повернулася?

— Ось чекайте, що я вам зараз розповім...

Наталья подробно поведала близким о своем приключении. Присутствующие перекрестились на иконный угол, и после долгого молчания одна из сестер сказала: «Пробач нас, Наталко, що ми тебе підкусили на гріх». «Ну що ж доню, така видно твоя доля — бути його жінкою», — добавила мать.

На другой день явился Тихон. К встрече с ним уже готовились. Мать с отцом иконой благословили молодых, счастьем которых не было границ.

Весной сыграли свадьбу. Тихон собирался уехать в Россию с молодой женой, написал об этом родителям письмо. Ответ разрушил все его планы: «Ты женился без благословения родителей. Раз ты взял в жены хохлушку — знать тебя не желаем». Особенно обидно это узнать было Наталье.

Эх, славяне, славяне, упрямый народ. Во что бы вас бить еще, каких волков наслать на вас, чтобы смягчились ваши сердца и восторжествовал, наконец, разум взамен вашего жестокосердия...

Вскоре Тихон узнал, что в соседнем селе Чечельник построен новый сахарный завод и там требуются рабочие. Он с молодой женой переехал туда жить. Односельчане сначала относились к чужаку настороженно, однако он постепенно сумел расположить к себе всех. Веселый «кацап» любил петь частушки, каких здесь отродясь не слыхивали, рассказывал много о России, о тамошних народных обрядах и традициях, вызывавших живой интерес у новых друзей.

Спустя некоторое время вновь пришло из России письмо: «Тиша, дорогой, скучаем без тебя, бери жену и приезжай к нам — ждем тебя с нетерпением». Тихон показал письмо супруге. Наталья сказала: «Нет, Тихон, раз они так отозвались обо мне, я не поеду — а ты поезжай сам, я подожду». Тихон обнял жену: «Куда же я, Наташенька, без тебя поеду? Не судьба видно».

Прожили они счастливую жизнь и в глубокой старости в Бозе почили.

Послал им Господь четырех дочерей — Марию, Ольгу, Анастасию, Евдокию. Мария и приходится матерью моей бабушке.

Вопросы и задания

1. Назовите основные события в жизни героев. Какие из этих событий можно назвать судьбоносными?

2. Тема вражды украинского и русского народов находит отражение в эпизодах сватовства и реакции родителей Тихона на выбор сына. Какой выход из национального конфликта видит Сергей Багнюк? Как это отражается в сюжетной линии рассказа?

3. Украинским колоритом пронизаны страницы рассказа. С любовью повествуя о традициях украинцев, автор утверждает, что плохих народов не бывает. Просто порой люди совершают ошибки. Как эта мысль отражена в рассказе?

4. В названии рассказа прочитывается несколько смыслов. Прокомментируйте их.

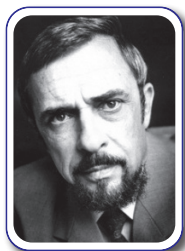
«ЛЮБОВЬ — ОГРОМНАЯ СТРАНА...»

Литература в целом (а приднестровская литература в частности) — один из способов познания мира и себя. Она корнями уходит в национальную почву и историю и помогает читателю ощутить свое кровное родство с Отечеством. Признать свою привязанность к сложной и многообразной жизни приднестровского народа, чувствовать себя приднестровцем наши соотечественники начинают тогда, когда в душе рождается благоговение перед родной землей. И истоки этого благоговения в любовании живописными пейзажами. Если человек не замечает красоты родного края и не гордится его природой, он не способен любить Родину — свою страну. О любви к своей земле, семье, другому человеку вы можете прочитать в этом разделе.

АНАТОЛИЙ ДРОЖЖИН

Поэты приходят к своим читателям, оставляя им свою душу, которая находит приют в стихах. Таким щедрым на человеческое тепло был **Анатолий Сергеевич Дрожжин** (1937–1994 гг.). Он шел к людям с открытым сердцем и учил их любить бескорыстно и искренне. В своем рвении «отстоять» в земляках чувство признательности родине А. Дрожжин был похож на скульптора, у которого оживает камень. Жить для людей и сеять в их душах семена любви к Отечеству — творческое кредо этого поэта.

Анатолий Сергеевич Дрожжин родился 27 октября 1937 года в деревне Козинке Комаричского района Брянской области. В 1972 году в Приокском книжном издательстве вышла его первая книга стихотворений «Белые Берега*» (*название города). Потом к читателю пришли стихотворные сборники «Березняк» (1979 г.), «Воскресный зов» (1982 г.), «Линия жизни» (1987 г.), «Светлая полоса», «Белый день», «Отчий дом» (1992 г.), «Родичи» (1992 г.). Профессор Литературного института им. Горького Владимир Мильков говорил об Анатолии Дрожжине: «Талантливый, дерзкий, а главное — слово чувствует, как охотничья собака след дичи. Ему стоит только взять тему. Образы обступают неожиданными ассоциациями, параллелизмами, сквозными, точными эпитетами и метафорами».

Вся жизнь А. Дрожжина — в его стихах. Он предстает в них во всей трепетно-ранимой гамме чувств, переживаний и настроений. В стихотворении «Куда ни глянь — родные все места!» он говорит: «Я волей рока в городе живу, когда ж тоска затянет петлю туго, ищу, как пес целебную траву, в деревне исцеляясь от недуга». А далее размышляет: «Моя судьба, как радуга над бором, одним концом на поле оперлась, другим — лежит за заводским забором...» Эта радуга судьбы соединила прошлое и настоящее, войну и мир, деревню и город и явилась своеобразным символом жизни поэта.

В начале 90-х Анатолий Дрожжин был избран в секретариат Союза писателей России. Одновременно он возглавил правление Союза писателей Приднестровской

Молдавской Республики, обосновавшись в Тирасполе на место жительства. Он создал крупнейшее литературное объединение «Взаимость».

У А. Дрожжина был своеобразный тембр голоса, запоминающаяся внешность. Чем-то он напоминал В. Высоцкого, но при этом имел свой шарм: твердая походка, чуть сутуловатая фигура и выделяющаяся из толпы одежда. За внешней суровостью жила ранимая душа. В Тирасполе А. Дрожжин радушно принимал у себя друзей и просто знакомых, а с родины — особенно. В нем жил талант актера, чтеца, азарт игрока и спортсмена.

А. Дрожжин любил Брянщину нежно и преданно, как и свою мать, старость которой решил скрасить, вернувшись на родину. Ехал писать стихи. Строил планы, которых было «громадь». Не суждено. 12 ноября 1994 года, когда мчался на родину, машина с большой скоростью сошла на обочину и врезалась в одиноко стоящее дерево, намертво ушедшее корнями в почву... Это случилось на Украине. Похоронен поэт в Брянске.

НАШИ МАТЕРИ

Кто взять Берлин, кто голову сложить —	Мужья войну прогнали со двора — к победе путь
Мужья ушли на фронт за ротой рота.	пришлось крестами вышить.
У вас была одна задача: жить	Владела вами новая пора:
во что бы то ни стало, —	работать и работать, —
чтоб работать,	чтобы выжить.
Осилить беды, одолеть поля, Фронты и накормить, и обеспечить.	Вы думали о Родине, о нас, И судьбы наши стерлись, как подошвы.
Тяжелая ребристая земля	В земном поклоне
сползла с китов	заклинаем вас:
и вам легла на плечи.	живите, ненаглядные, подольше!

* * *

Доброту не растим и не сеем. В роковую минуту, заметь, мы сочувствуем да сожалеем, разучившись любить да жалеть.	Испокон повелось на Руси: коль ругаем кого — в хвост и в гриву, коль гуляем — святых выноси!
Это кто же для нас постарался, чтоб скудели душа и земля? Изогвавшийся мир простирался от порога и аж до Кремля.	Будто в карты, в слова проиграли сострадание — было и нет. Верить хочется: в школьной программе будет Жалость — хороший предмет.
Руки грели, знамена багрили...	

Из цикла «МАМА»

* * *

Родное царство законное,
Где ветры — словно соловьи.
Все проходящие — знакомые,
Все приходящие — свои.

Родные люди —
И с улыбками,
И с явной болью на лице.
Я жму им руки за калиткою
И обнимаю на крыльце.

Родная мама
Ходит, радуясь:
Сынок приехал — торжество.
И что ни улица —
Как радиус —
Идет от дома моего.

Вопросы и задания

1. Как Анатолий Дрожжин относился к миру и к людям, в чем видел свое поэтическое предназначение?
2. Лиризм и патриотизм — характерные черты поэзии А. Дрожжина. Проиллюстрируйте эту особенность творчества строчками стихотворений.
3. Что выпало на долю матерей в годы войны? Ответьте на вопрос, опираясь на стихотворение «Наши матери». Прокомментируйте яркие метафоры: «тяжелая ребристая земля / сползла с китов / и вам легла на плечи», «к победе путь / пришлось крестами вышить» — и сравнение «судьбы наши стерлись, как подошвы».
4. Что привело к тому, что в мире не осталось места для жалости, сострадания и добра? Ответьте на вопрос, опираясь на стихотворение «Доброту не растим и не сеем...».

ЛЮДМИЛА КУДРЯВЦЕВА

Кудрявцева Людмила Леонидовна (1931–2015 гг.) родилась в г. Омске. В 1972 году приехала жить и работать в г. Тирасполь. Серьезно начала заниматься стихами с 1999 года, когда стала лауреатом Приднестровского конкурса, посвященного А.С. Пушкину (первая премия). Печаталась в республиканских СМИ, в журналах «Рассвет» (г. Кишинев), «Тирасполь–Москва», была постоянным участником ЛИТО «Взаимость» и «Светоч». С 1995 года — ведущая Дней поэзии в государственном ботаническом саду. В 2013 году вышел в свет поэтический сборник «Перезвоны».

Поэзия Кудрявцевой невидимыми нитями связана с русской классической традицией, поэтому так часто в ее лирике встречаются посвящения Лермонтову, Пушкину, реминисценции и перифразы из стихотворений М. Цветаевой, А. Ахматовой и К. Бальмонта. Это не плагиат, а дань любви к русской культуре, соприкасаясь с которой становишься лучше и чище, проникаешься чувством того, что творчество есть пылающий глагол в твоей душе.

ТРИ ВОЗРАСТА

Ей только семнадцать,
улыбки ликуют,
И в мыслях, и в сердце весна.
«Но жизнь быстротечна», —
кукушки кукуют,
Глядь, женщина-лето она.
А годы все мчатся...
Вот осень прохладой
дохнула уже у окна.
Косметика дарит
румянец помадой,

И брови рисует сама.
Снежинки-пушинки,
морщин паутинки,
На зеркало сыплет зима.
От этой картины
немного взгрустнулось.
Вновь в зеркало смотрит она —
Исчезли грустинки,
она улыбнулась:
Ведь сзади-то
внучка-весна!

ВОСПОМИНАНИЕ

Былое так часто мне снится,
Всплеск памяти — ваши слова.
Вам было тогда чуть за тридцать,
А мне девятнадцать едва.

К моим проявлениям робким
Внимательны были, нежны.
Дарили конфеты в коробках,
Духи с ароматом луны.

О, как же безумно любила,
Как грезила Вами во сне.
При имени Вашем знобило,
Ваш голос звучал в тишине.

С мальчишкою я целовалась,
Но все это было не то.
А Ваших лобзаний боялась,
Хоть в зимнем стояла пальто:

От Вашего взгляда знобило...
О, как я безумно любила!

2004

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

(Мужское)

Горел камин, плясали тени,
Негромко музыка плыла.
На оголенные колени
Упали руки — два крыла.

Как были трепетны, как страстны
Всего лишь пять минут назад.
Неосторожностью напрасной
Я потушил твой яркий взгляд.

2005

ПОБЕДА ГОРЬКАЯ

Я поступаю некрасиво,
Я предаю любовь твою.
Даны мне разум, воли сила,
Чтоб победить свое «люблю».

С другим сию я в ресторане,
Другой мне шепчет о любви,
А предо мной, как на экране,
Глаза зовущие твои.

Другой берет меня за плечи,
Кружит по залу под оркестр,
А я с тобою в этот вечер,
Твоя любовь — мой тяжкий крест.

И не понять тебе, мой милый,
Зачем любовь я предаю,
Давлю бунтарской, дерзкой силой,
Чтоб сохранить твою семью.

Вопросы и задания

1. Девушка-весна, женщина-лето, «морщин паутинки» — образная палитра стихотворения «Три возраста» определяет тему лирических размышлений автора о себе и жизни. Как относится автор к приближающейся старости?

2. В стихотворении «Воспоминание» мы видим лирическую героиню, которая спустя годы пробует оценить свое первое чувство. Какой была эта первая любовь? Что слышится в последней строчке — риторическом восклицании: «О, как я безумно любила!»?

3. Эпитет в названии стихотворения «Победа горькая» определяет внутреннее состояние лирической героини. Что вы можете сказать о ее чувствах? Как это отражено на синтаксическом и лексическом уровнях? Почему любовь-расставание героиня называет победой?

ОЛЬГА МОЛЧАНОВА

Ольга Николаевна Молчанова — приднестровская поэтесса, член Союза писателей Приднестровья и России, автор 4-х поэтических сборников — «Ключи к лету» (1994), «Капли звон», «Миг прозрения» (2006), «Весны — мои рубежи» (2012). В настоящее время к выходу готовится ее пятая книга — «Сомнений альфа и омега». За годы своей творческой деятельности ею написано более пятисот поэтических произведений. Многие произведения Ольги Николаевны — это попытка найти смысл жизни, осознать предназначение человека.

ОДНОКЛАССНИЦА

Все перепробовала, переискала сотни работ. Обходила со своим красным дипломом десятки фирм. Ничего. Ничегошеньки. Мой крик вопиющего в пустыне не был услышан никем. Родители, отчаявшись устроить меня хоть куда-нибудь, в конце концов отправили на море, дабы я не впала в депрессию.

Однако не помогло и это. Я скучала. Я хотела работать и приносить пользу обществу или своим родителям (не зря же они учили меня пять лет?!). Чувство вины выросло до неимоверных размеров. И вместо того, чтобы предаваться солнышку и морской воде, искать приключений и новых впечатлений вдали от родного дома, я целыми днями и ночами размышляла о том, как изменить ситуацию с моим ничегонеделаньем.

Это бесполезное времяпровождение, это гуляние в полном одиночестве по пляжу в любое время суток (молодые люди шарахались от меня, т.к. взгляд мой был слишком красноречивым, а вид отрешенным) привели к тому, что я стала самым молодым философом планеты — хоть в Книгу Гиннеса заноси.

Много позже я поняла: существуют такие понятия, как «судьба», стечение обстоятельств, связи, «волосатые руки». Но тогда считала, что могу рассчитывать только на свои собственные силы.

После поездки (а полезность ее недооценивать было никак нельзя) я выглядела сногсшибательно! Загоревшая, с выгоревшими слегка на солнце светлыми волосами, длинноногая, голубоглазая, в короткой юбчонке — я имела вид весьма соблазнительный. Предложения посыпались одно за другим от молодых и не очень директоров сомнительных фирм и фирмочек. Однако откровенно плотоядные взгляды этих доморощенных начальников останавливали меня в последний момент.

Дочь своих родителей, интеллигентных, образованных, честных и порядочных, я внутренне содрогалась от притязаний чужих и неприятных мне людей. Я даже помыслить не могла о том, чтобы изменить самой себе, своим принципам в той ситуации, в которой оказалась после окончания университета.

В один прекрасный день, когда я бесцельно бродила по улице и уже не искала работу, услышала:

— Привет, Наталия!

Обернувшись, я увидела свою одноклассницу Светлану, с которой не дружила, более того — у нас с ней было больше разногласий, чем общего. Мы частенько спорили, ссорились. Слишком разные взгляды на жизнь, на замужество, на трудовую деятельность (будь она неладна!). Однако сейчас я ей несказанно обрадовалась.

— Привет! Как поживаешь? — но одноклассница не дала мне больше рта раскрыть.

— Я вышла замуж. Удачно. Работаю в фирме мужа. Жду ребенка. — Она замолчала, с видимым удовольствием наслаждаясь тем впечатлением, которое произвела на меня. Я молчала. Моя юная голова не в состоянии была переварить эти новости. Я слишком далека была еще и от замужества, и, тем более, от рождения ребенка.

Наконец, я выдохнула:

— Господи, зачем тебе это?!

— Зачем? Ты говоришь зачем? Но разве сама ты об этом не мечтала?

— Ты любишь его? — я задала вопрос тихо, почти шепотом.

Кажется, я вывела ее из равновесия. Она, такая уверенная, такая благополучная, хорошо одетая, растерялась.

— Люблю ли я? Станный вопрос... Я встретила, кого хотела. Он богат, из хорошей семьи, он умен. И он очень любит меня. Послушай, Наталья, ты опять витаешь в облаках. Что такое любовь? Ты можешь ответить на этот вопрос? Лучшие из людей не ответили. Ладно, потом поговорим. Чем занимаешься ты?

— Ищу работу, — я махнула рукой обреченно.

— Ищешь работу и не можешь ее найти. Как мне знакома такая ситуация. Очень многие не могут ее найти. Кстати, наши общие знакомые: и Лена Зимина, и Борька, и Лариса. Знаешь, кажется, я могу тебе помочь. Жди моего звонка. Пока.

Она упорхнула, оставив меня размышлять посреди дороги о превратностях судьбы. Я мысленно спорила с ней о любви, о том, что хоть и не ответили лучшие из лучших на этот вопрос, интуитивно мы все знаем ответ на него. Во всяком случае, я знала. Знала, что выйду замуж только по любви. А если (страшно даже себе представить) она, любовь, ко мне не явится, буду жить одна.

Неделя подходила к концу. Я решила, что Светлана забыла обо мне. О своем обещании. Но долгожданный звонок все же прозвучал.

— Привет, дорогая! Заждалась? — затараторила она, не давая мне промолвить хоть словечко. — Есть работа! Лучший друг моего мужа предлагает тебе работу

пока только секретарем-референтом, ну а потом, если проявишь себя, станешь начальником отдела.

Светлана выдохнула адрес фирмы, телефон — я едва успевала записывать. Почти шепотом сказала: «Целую, пока», — и положила трубку. Честно говоря, я была несколько обескуражена. Я представляла себе, что она пойдет со мной, представит меня другу своего супруга. Но...

Впрочем, все оказалось проще, чем я себе рисовала в своем воображении. Фирма находилась в небольшом здании, довольно далеко от центра и от моего дома. Начальник, или директор ее, был очень молодым, даже юным. Мельком взглянув на меня, он уткнулся в бумаги, долго и утомительно чиркал карандашом, что-то считал на калькуляторе. Он смешно морщил нос, бормотал что-то невразумительное, поглядывал на часы. Я приуныла. Не дожидаясь приглашения сесть, села и стала рассматривать кабинет.

В интерьере ничего не вдохновляло на работу. Более того, хотелось немедленно покинуть это помещение, совершенно неуютное, неудобное. Комната была захламлена, завалена бумагами, газетами, проспектами, журналами и т.п. Голые стены, пыльные окна, паутина. Безотрадно.

— Да, да. Неуютно, — как будто прочитав мои мысли, проговорил директор. — Только что переехали в новое помещение. Собственно говоря, как раз и придется наводить здесь порядок, если вы готовы, конечно.

Я молчала. «Директор» даже не удосужился поинтересоваться: радует ли меня такая перспектива — разгрести эти «авгиевы конюшни». Впрочем, делать было нечего. Очень уж хотелось работать.

— С чего начинать? — спросила я.

Юноша совершенно преобразился. Улыбка расцветила его лицо. «Довольно симпатичный», — подумала я и принялась за уборку, терпеливо выслушивая рекомендации моего шефа.

Работа предстояла большая. Присутствие начальника меня напрягло. К моему удовольствию, его скоро вызвали по делам, и он укатил куда-то на бэушном «жигуленке». «Тоже мне машина у начальника фирмы!» — мысленно сыронизировала я. Мысль эта почему-то была мне неприятна. Очень долго преследовало ощущение дискомфорта, сожаления и даже жалости по отношению к себе самой. Но я решила подумать об этом досадном моменте завтра (как делала Скарлетт О'Хара из «Унесенных ветром») и принялась за работу с большим рвением.

Домой приплелась поздно. Предвкушая назавтра похвалы и дифирамбы со стороны шефа, забралась под одеяло и уснула почти мгновенно. Снился мне мой начальник, с которым я почему-то вальсировала в прекрасном вечернем платье, но с недовольным выражением лица. Видимо, даже во сне я понимала всю нелепость ситуации. Проснулась страшно недовольная собой, своим сном, своим внешним видом. На работу явилась вовремя.

Здесь царила суматоха. Компания из трех человек провожала начальника в какую-то длительную и очень важную командировку. Поразила не суматоха, а присутствие моей одноклассницы — Светланы. Она-то что тут делает?! Та подмигнула мне вместо приветствия. Продолжая руководить малым составом провожающих, Светлана давала довольно дельные распоряжения, а команда исполняла их с видимым удовольствием. Наконец все присели, включая меня, на дорожку.

Несколько секунд длилось молчание. Отъезжающие уселись в машину (мой начальник и Светлана!) и укатили в неизвестном направлении. На этот раз машина была первоклассной, тоненькой, вытянутой, серебристой!

Видимо, о «неизвестном направлении» я пробурчала вслух. На мое резюме мгновенно среагировала симпатичная Алина.

— Ну, положим, направление известно, — слегка растягивая слова, улыбаясь, промолвила она. — Ребята отправились на отдых в Египет. Это так модно теперь. — Несколько обескураженная моим растерянным видом, она добавила:

— Ты че, не в курсе? — Я помогала отрицательно головой. — Голубушка моя, так слушай, совершенно потрясающая история. Светка замужем. Но она не любит своего мужа.

— Она беременна.

— О, не от мужа.

— От кого? — Я потеряла дар речи. Я не любила сплетен, но сейчас была вся во внимании.

— От Вадима, нашего шефа. Они полюбили друг друга.

— Так Света изменила мужу? Она бросила его одного?

— Она любит Вадима. Она ждет от него ребенка. Понимаешь?

— Нет, не понимаю. Это в высшей степени непорядочно — бросить мужа и неизвестно с кем укатить на курорт. Это некрасиво.

Сама не знаю почему я так разволновалась. Мне было жаль покинутого Светланой мужа. Я его не знала. Может, он монстр какой-нибудь или дурак. Однако интуиция подсказывала мне, что все не так просто в этой истории. Я жаждала разгадки. Во мне проснулся вдруг психолог, настоящий профессионал, тонко чувствующий, владеющий ситуацией (не зря я училась в университете!).

— Дай мне адрес ее мужа, — холодно попросила я.

Теперь дар речи потеряла моя собеседница. Она вытаращила глаза и спрятала руки за спиной, как будто листочек с адресом уже был у нее в руках.

— Ни за что. Пойдешь докладывать?

— Она моя одноклассница.

— Ну и что. Ты не имеешь права вмешиваться. Они сами разберутся. Умоляю тебя, не делай этого. Это тайна. Муж ни о чем не догадывается.

— Тем более. Я должна помочь.

— Да кто ты такая! Я тебе доверилась, а ты... Кстати, в нашей фирме ты больше не работаешь. За время командировок шефа его заменяю я. За начальника я! Поняла? Дуй отсюда, пока я... — она не знала, что сказать, как оскорбить меня наиболее изощренной.

Я собирала свои вещи. Бесславно закончился мой второй рабочий день. Надежды рухнули в одночасье. Молча я ушла из странного помещения, странной фирмы, провожаемая подозрительными взглядами сотрудников.

На душе было пасмурно. Во что бы то ни стало я решила раздобыть адрес Светланы и ее благоверного. Все делалось мною интуитивно, разум мой словно помутился. Как сомнамбула бродила я по городу в поисках злосчастного адреса. Конечно же, я его нашла! И в один прекрасный момент оказалась у ворот симпатичного дома, двухэтажного, respectable, окруженного ажурной оградой. Поразило отсутствие охраны, отсутствие вообще людей. Тишина. Территория и

дом казались совершенно безлюдными. Впору развернуться и ретироваться. Однако я решила идти до конца. Будь что будет.

Проникнуть за ограду не представлялось возможным — ворота и калитка были заперты. Я позвонила в звонок на калитке. И вдруг опешила: из диктофона прозвучало грубовато и устало: «Кто?». Я растерялась. Уверенная, что дом пуст, я действовала так храбро. Теперь моя смелость куда-то улетучилась. Я молчала. Но надо было что-то отвечать. «Кто?» — опять прогудел диктофон.

— Меня зовут Наталья. Я психолог.

— В услугах психолога не нуждаюсь.

— Я одноклассница Светланы... Мне очень нужно с вами поговорить.

С ужасом ожидала я окончания диалога. Но... щелкнул замок, и калитка открылась. Я не двигалась с места. «Бежать отсюда, бежать как можно быстрее», — эта мысль обожгла меня. Но любопытство взяло верх над страхом и неуверенностью. Я пошла навстречу то ли судьбе, то ли разочарованию или (еще хуже) — навстречу беде.

Входная дверь была открыта. На пороге никто не встречал. Волосы зашевелились на моей голове, когда я проникла в святая святых богатого человека, мужа моей одноклассницы! Полусумрак царил в доме. Мне было не до разглядывания интерьеров, мебели и прочей утвари. Но я ощущала всеми фибрами души: прихожая и комнаты, небольшой холл с лестницей, ведущей на второй этаж, оформлены с большим вкусом. Решительно не знала я, куда дальше идти. Дом хранил молчание.

— Входите в маленькую комнату слева, — прервал молчание мужской усталый голос. И вдруг я успокоилась. Вошла. Увидела в кресле силуэт довольно крупного человека. Левой рукой он прикрыл глаза.

— Садитесь, психолог, или одноклассница. Рассказывайте. Один доброхот уже рассказал.

— Так вы все знаете?

— Все.

— К сожаленью, я всего не знаю. Рассказывайте.

От удивления, от моей неожиданной выходки собеседник поднял голову и уставился на меня. Я совсем близко увидела... — глаза, полные страдания и боли.

— Вы издеваетесь надо мной? А впрочем... мне уже все равно. Я очень долго делал карьеру. Выстраивал свой бизнес. Накапливал капитал. Мне было не до любви, не до семьи, не до детей — ни до чего. Главное — встать на ноги. Я не смотрел по сторонам: работал, работал, работал. К тридцати двум годам построил прекрасный дом, сделал карьеру, стал богатым. И вдруг задумался: для чего все это, если я совершенно одинок. Друзья пошли «другим путем». Завели семьи, детишек. Знакомые девушки повыходили замуж. От этих мыслей волосы встали дыбом. Я впервые бесцельно пошел бродить по городу. Впервые посмотрел по сторонам. Увидел девчонок. Совсем молоденьких. И подумал: неужели я опоздал? Неужели никогда не полюблю никого?

Собеседник мой замолчал. Я молчала тоже. Боялась нарушить тишину, боялась даже пошевелиться.

— Зачем вы здесь? Может вы такая же охотница за богатыми мужчинами, как она?! Как другие милые нынешние девочки, желающие даром получить то, что мне досталось таким трудом. Вы такая же? — голос его сорвался, он перешел на

крик, приподнялся в кресле, но... осел. Вскоре продолжил свое непростое повествование.

— Извините. Я продолжу. Я буду вести себя спокойно... Я встретил Светлану в один из таких дней, когда просто без всякой цели гулял по городу. В стайке девчонок, проходивших мимо, она была самой яркой, самой красивой, самой умной. Во всяком случае, так мне показалось тогда. Она произнесла фразу: «Вот, девочки, еще один одинокий мужчина. Который уже по счету. Но ни один не обращает на нас внимания. Поистине рыцари в наше время перевелись». Девочки заулыбались, загалдели. А одна из них выкрикнула: «Богатые перевелись. Мужчина сегодня не в состоянии содержать семью, детей, сделать любимую женщину счастливой». Эта фраза задела меня. Я сказал им, что я-то как раз человек богатый. Очень богатый. Светлана среагировала мгновенно: «Как вы это докажете?» Пришлось доказывать — повел всю честную компанию в ресторан, накрыл стол, заказал все, что они хотели. Я впервые так безрассудно трагил деньги и сам хотел их трагить. Я веселился от души. Музыка, девочки, шампанское вскружили мне голову. После веселого вечера проводил девчонок домой. Со Светланой договорился о новой встрече.

Встречались мы недолго — я совершенно потерял голову. Через месяц сделал предложение, еще через месяц сыграли свадьбу. Мне казалось, счастливее меня нет человека на земле.

Недоразумения начались в самом начале семейной жизни. Уже через месяц супруга мне заявила, что она меня не любит, что вышла за меня из-за денег, то есть по расчету. Она-де не собирается кривить душой, притворяться, поэтому настаивает на раздельном проживании. Она попросила денег, много денег на то, чтобы открыть свое маленькое дело.

Долго, очень долго убеждал я Светлану подумать, присмотреться ко мне, понять меня. Напрасно. Потом я и кричал, и плакал, и ласково уговаривал, шептал неземные слова о любви к ней. Ничего не помогало. Жена моя оставалась непреклонной. Я дал ей денег. Она вложила их в какое-то дело, но уже этим я не интересовался. Я с головой окунулся в свой бизнес, заброшенный в одночасье мною после описанной ранее встречи.

— И вот теперь новая беда. Позор на мою голову! — собеседник мой помолчал. И вдруг выдал такое, от чего меня бросило в дрожь: — Спасибо вам, вы не представляете себе, как вовремя вы явились сюда. Еще мгновение — и меня бы не было на этой земле. Спасибо... А теперь уходите. Да, да, уходите, теперь все будет хорошо.

Я удалилась молча. На душе было и тяжело, и легко одновременно. Интуиция меня не подвела. Я была более чем удовлетворена. Во-первых, я убедилась в том, что супруг моей одноклассницы человек глубоко порядочный, умный, добрый. Он никого не обвинял. Достоинно и мужественно справлялся со своей бедой. Во-вторых, я выполнила свою миссию.

...Сколько времени прошло — дней, недель или месяцев после моей беседы, — я не знала. Выполняя обязанности по дому, встречаясь с друзьями, работая (я нашла другую работу), всегда помнила: моя жизнь разделилась на до и после той встречи. Я изменилась, я повзрослела что ли. Что бы я ни делала, меня не удовлетворяли ни дела, ни работа, ни друзья.

Очень часто я бродила одна по парку, по улицам города и размышляла. Я рассуждала так: разве человека любят за то, что он богат? Нет. Может быть, за то, что

он беден? Тоже нет. Я перебирала, выстраивала разные комбинации: умен, красив и добр. Чепуха. Деловит, некрасив, но щедр. Красив, строен, но не умен. Нет, нет и нет. Ответа не было. Его не было, потому что я не могла объяснить себе самой, за что полюбила совершенно незнакомого мне человека! Долго, очень долго не могла в этом признаться. Я сохла от любви, я погибала, не могла спать, есть, работать, просто не могла жить.

Однако в душе теплилась надежда. Во мне жило ожидание чего-то. Оно ширилось, с каждым днем я все больше и больше понимала, что та встреча не могла пройти бесследно и для него. Чутко прислушивалась я к звукам в комнате у себя дома, на работе. Очень чутко спала, просыпаясь от малейшего шума. И однажды раздался телефонный звонок. А в трубке прозвучал долгожданный голос: «Ты мне нужна, психолог. Очень нужна. Жду. Приходи». В ту же минуту я почувствовала: улыбка озаряет мое лицо, необыкновенно счастливая улыбка. И я ответила: «Да. Да. Да».

Вопросы и задания

1. Брак по расчету и настоящее чувство — как эти разные образы любви-нелюбви находят отражение в рассказе?
2. Героиня Наталья всему дает свою оценку: человеческим взаимоотношениям, несправедливости жизни, непростому времени. Что она думает об однокласснице Светлане, считает ли ее поступок предательством?
3. Один из поэтических сборников О. Молчановой называется «Миг прозрения». В жизни каких героев рассказа наступает этот миг прозрения? Какая истина открывается каждому?
4. «За что любят человека?» — этот вопрос задает автор читателю. Как отвечает на него Наталья? Как ответили бы вы?
5. Какая героиня подразумевается в названии рассказа — Наталья или Светлана? Прокомментируйте свой ответ.

ШТРИХИ К ЛИТЕРАТУРНОМУ ПОРТРЕТУ

ПОЭТЫ ПРИДНЕСТРОВЬЯ О ПУШКИНЕ И ЛЕРМОНТОВЕ

У каждого русского свой А.С. Пушкин. Наша приднестровско-молдавская земля тоже знала Пушкина. 21 сентября 1820 года Александр Сергеевич со своим дядькой Никитой Козловым прибыл в Кишинев. В Бессарабии не было недостатка во впечатлениях. «Болтливый грек и турок молчаливый, и важный перс, и хитрый армянин...» — все просилось на острие пера, и Пушкин делал наброски за набросками. Встречи с молдавскими боярами, офицерами, цыганами рождали живой интерес. А многочисленным купцам и помещикам Пушкин отвечал, что он гораздо богаче их, так как те прожигали жизнь на доходы с имений, а ростовщиками Пушкина были 33 буквы, а с них доход надежный.

Современники видели в Пушкине только остроумного повесу, картежника, страстного бильярдиста и неисправимого дуэлянта. А Пушкин был ПОЭТ. Встречи, новые знакомства и дороги — как много их было в его жизни. Дорога для

Пушкина-пленника была спасением. Поэт забывал, что он в изгнании. И гостеприимная Молдавия не давала Александру Сергеевичу скучать и хандрить. Предания, обычаи, легенды — все это было подарком для поэта.

Когда в середине января 1824 года Пушкин с Липранди совершал трехдневную поездку в Тирасполь и Бендеры, поэт искал следы лагеря Карла XII. Здесь же Пушкин встретился с казаком Искрой. Именно он рассказал поэту о шведском короле Карле XII.

В Варнице Александр Сергеевич пытался найти, правда безуспешно, следы могилы Мазепы. На берегах Днестра Пушкин искал следы римского поэта Овидия. Дорога никогда не обманывала поэта, всегда дарила ему интересные встречи.

В 1821 году в шумной, пляшущей, пестрой, веселой толпе цыган, в Кодрах, в центре Долны, Пушкин стал добровольным пленником любви. Звуки скрипки, вихрь цыганских юбок, пламя огня пьянили кровь. Африканский темперамент искал выхода и нашел его в страстном увлечении цыганкой Земфирой. Она помогла Пушкину забыть «неволю душных городов», показала свободу молдавских раздолий, сняла боль разлуки с северным краем, подарив утреннюю прохладу свободной земли. И Пушкин был счастлив, своим оптимизмом утверждая, что для открытого человека нет границ, нет языкового барьера.

33 месяца, почти счастливых, ярких на впечатления и встречи, провел Александр Сергеевич Пушкин в Молдавии. И когда покинул Бессарабию в 1823 году, понял, как сроднился с этой землей. Прошли столетия, а память о поэте не угасла. Он пришел к нам в строчках приднестровских поэтов.

ЛЮДМИЛА КУДРЯВЦЕВА

ПОЕЗДКА В ДОЛНУ¹

Холмистой Долны очертанья.
Тропой протоптанной идем,
В душе смятенье, ликованье...
Помещичий старинный дом.

Скрипучи шаткие ступени...
Здесь Пушкин некогда стоял,
Лились из дома песнопенья...
О чем он в этот час мечтал?

Какие жаркие лобзанья
Цыганке юной он дарил?
Какие страстные свиданья
Земфире вольной посвятил?

А в этой комнате турецкой
Курил, наверно, фимиам
И с непосредственностью детской
Пленял надменных светских дам.

Былых времен прикосновенье,
Из зала в зал переводя,
С поэтом дарит нам общенье,
Под монотонный шум дождя

Рождает вероощущенье,
Завесу века приоткрыв:
Поэт не умер,
Пушкин жив!

¹ Долна — село в Страшенском районе Молдавии. Село знаменито тем, что в нем находится дом-музей «Усадьба семьи Ралли». В этом доме А.С. Пушкин прожил около двух месяцев во время своего пребывания в Бессарабии.

РАИСА СТУКАЛО

БЕНДЕРСКИЙ АРБАТ

А в Бендерах опять листопад — Золотое грядет ликованье! Я иду на Бендерский Арбат — Я к поэту спешу на свиданье.	Отдохнуть он присел на скамью, Щегольской фрак небрежно откинув, Натали вспоминает свою, Сожалея, что рано покинул.
Упоительный сеется свет От продрогших березок-кокеток. И к ногам его, как эполет, Золотой лист срывается с веток.	Африканский на лбу завиток, Крепко держит в плену черный мрамор. На полу мелом надпись у ног: «Пушкин, вы замечательный самый!»

Не пустеет Бендерский Арбат,
Признаются в любви здесь мальчишки.
А в Бендерах опять листопад,
Плачет желтой слезой на манишку.

Вопросы и задания

1. В каких строчках прочитывается благоговение приднестровских поэтов перед гением А.С. Пушкина? Какие приемы и художественные средства используют авторы?
2. Какие моменты биографии А.С. Пушкина нашли отражение в стихотворениях Л. Кудрявцевой? Попробуйте создать клип-презентацию по сюжету одного из стихотворений Людмилы Кудрявцевой.
3. Как встречу наших современников с А.С. Пушкиным отразила в стихотворении «Бендерский Арбат» Раиса Стукало? Почему эту встречу она называет свиданием? Мастер поэтического портрета, Р. Стукало с подкупающей достоверностью создает образ Александра Сергеевича. На какие детали обращает внимание автор? Определите идею стихотворения. Докажите, что «поэт не умер, Пушкин жив».

ЛЮДМИЛА КУДРЯВЦЕВА

М. ЛЕРМОНТОВУ

Его душа — загадка, Его стихи — глубины, А жизнь — кометой краткой По ленточке судьбины. Седой Машук лохматый В миг роковой дуэли	Чуть вздрогнул. Крови пятна На зелени алели. Мгновенье не возвратно, Дождь плакал в серость света, Лишь времени понятно, Какого нет Поэта!
--	---

СОНЕТ

(М.Ю. Лермонтову)

Стихи — бездонные лагуны — Работа сердцу и уму. Поэта чуден мир подлунный, Я эту ночь дарю ему.	Уснут житейские буруны. Власть надо мной приобретают, Сердечные волнует струны, Стихи — поют и «звучи тают».
--	---

Уж утро. «Тучка золотая»
В лазури неба исчезает.
Настольной лампы бледен свет.
Дух гения под ним витает.
И будни грезы омывают...
До встречи, главный мой поэт!

ОЛЬГА СИЗОВА

* * *

Поэты уходят рано.	Плывут над горами тучи,
Их принимает планета.	Чтоб взойти слезами –
Зажав огнестрельные раны,	Сражен наповал поручик
Уходят от нас поэты.	С печальнейшими глазами.

Прицел дрожит непослушно,	Усмешка искривит губы –
Свинцовая тяжесть в ногах,	В себя бы не промахнуться.
И падает навзничь Пушкин	И рухнет могучим дубом
В распахнутые снега.	Певец и трибун революции.

Незаживающей раной
В их сердце все боли планеты,
Поэтому слишком рано
Уходят от нас поэты.

Вопросы и задания

1. Великие поэты уходят, но оставляют о себе память — в строчках стихов, в ярких моментах биографии. Память о М.Ю. Лермонтове в стихотворении Л. Кудрявцевой «Его душа — загадка...» вспыхивает мерцающими звездами на небосклоне трагической судьбы. Возможно, этим объясняется преобладание существительных в стихотворении. Глаголы «вздрогнул», «алели» и «плакал» тем не менее не теряются в образной структуре произведения: они передают реакцию мира на смерть Лермонтова. Проанализируйте образы стихотворения «Его душа — загадка».

2. Что характерно для сонета как поэтического жанра? Почему такую форму выбирает Л. Кудрявцева? Впечатление от творчества М. Лермонтова находит отражение в сюжете «Сонета». Кем М.Ю. Лермонтов стал для Л. Кудрявцевой?

3. Поэт всегда пропускает через себя всю боль сердца и души, а настоящий поэт — еще и всю боль времени. О судьбе каких поэтов говорит О. Сизова?

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ КАК ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖАНР

БОРИС ЧЕЛЫШЕВ

Пальма первенства в приднестровской публицистике принадлежит **Борису Дмитриевичу Челышеву** (1922–2014 гг.). Это был известный журналист, писатель, краевед, педагог. Родился Борис Челышев в 1922 году. В юности играл в Ярославском академическом театре им. Федора Волкова. В первые дни Великой Отечественной войны он 19-летним юношей ушел на фронт. В документальной

автобиографической повести «Раскрывая тайны врага» рассказал о своем первом бое, о первом убитом им человеке и первом ранении. После окончания авиационного училища, получив военную специальность дешифровщика, в составе эскадрильи в сентябре 1942 года принял участие в наступательной операции по освобождению Воронежа. Воздушный разведчик, Борис Чельшев участвовал в боях за освобождение Кривого Рога, Одессы, Тирасполя, Будапешта, а закончил боевой путь в столице Австрии.

Свой первый журналистский опыт Борис Чельшев получил тоже на фронте, в период Яско-Кишиневской операции, когда выпускал «Боевые листки». В них были репортажи с фронта, стихи бойцов и хроника солдатской жизни. Никто тогда не мог предположить, что спустя полвека Борису Чельшеву снова придется писать репортажи с мест боевых действий — лето 1992 года осталось на страницах очерков Бориса Дмитриевича.

Выпускник Ярославского педагогического института, Б. Чельшев быстро нашел себя на журналистском поприще. Один из его любимых жанров — *зарисовка*. Будучи уже в Тирасполе, он часто публиковал свои короткие и точные, как фото, словесные картинки в газетах «Приднестровье» и «Днестровская правда».

Деятельность Чельшева-исследователя была связана с постоянным поиском редких книг, потерянных рукописей. Поэтому слово «поиск» определило его главное дело — долгую и кропотливую работу в библиотеках, в государственных и частных архивах, беседы с коллекционерами книг. Так появились книги «Заманчивые поиски», «Поиски, встречи, находки», «В поисках *исчезающих* книг», «В поисках пропавших рукописей», «В поисках фронтовых писем». В книге «Имеют свое лицо» Б. Чельшев, кроме разысканий и находок книголюба, рассказывает о встречах и переписке с А. Толстым, К. Паустовским, А. Твардовским, К. Чуковским и другими писателями, публикует материалы о классиках русской и советской литературы.

Борис Чельшев, член Союза журналистов СССР, Союзов писателей Приднестровья и России, долгие годы преподавал на филологическом факультете Приднестровского государственного университета. Жизненный путь воина и ученого Бориса Дмитриевича Чельшева можно проследить по его наградам. К боевым давно причислены мирные, трудовые: высшая награда ПМР — Орден Республики, Орден Почета, орден «За заслуги» II степени, медали «Защитнику Приднестровья», «За трудовую доблесть».

«В СТЕПИ МОЛДАВАНСКОЙ...»

Я познакомился с поэтом и певцом Александром Вертинским, еще не видя его самого.

Только что окончилась Великая Отечественная война. Мы, пехотинцы, артиллеристы, танкисты, авиаторы вдруг оказались на «беспутье» — а что же дальше? Мечтали: вот-вот отправят на родину, в Россию, нашу многомиллионную армаду! Собирались. Обменивались адресами. Наскоро писали открытки родным и близким о своем «немедленном приезде». Но, увы, в реальности оставалось одно — ждать и ждать.

По военной службе мне нередко приходилось бывать в крупных городах различных государств. На шумных проспектах, на тихих улочках, в ресторанах играла

музыка, слышались голоса певцов с патефонных пластинок. Особенно стали популярны русские мелодии дореволюционной записи — того, что позднее мы стали называть «серебряным веком» в музыке. Алла Баянова, Петр Лещенко, «цыганский хор» Соколовского. В Советском Союзе они как будто бы и не существовали!

...И вот небольшая книжечка — мемуары «Четверть века без родины». Автор — Александр Вертинский. Издана в Киеве уже в наше время.

Жизнь знаменитого в свое время певца Александра Николаевича Вертинского прошла по всему белу свету: Румыния и Польша, Италия и Франция, Китай и Турция, Соединенные Штаты и Англия. Да разве перечислишь все страны, государства, где он пел на небольших эстрадах, в кабаре, в огромных залах, залитых тысячами огней. Всегда с потрясающе шумным успехом. А граммофонные пластинки с его записями были за рубежом чуть ли не в каждом доме. И слушали Вертинского от воров, напиханных в камеры румынской сигуранцы (куда, кстати, и его однажды посадили!), до принца Уэллского в фешенебельном лондонском ресторане!

Он пел на потребу публике свои задушевные песенки, есенинские и цыганские романсы. Пел, а глаза помимо воли ловили в тысячеголовой массе родные лица — славянские. Но кроваво-страстные губы, блестящие восторгом глаза в черных, сиреневых полукружиях намалеванной помады, стрелы наклеенных ресниц, сбритых и заново нарисованных бровей — все было чужим и далеким:

*Что за ветер в степи молдаванской,
Как поет под ногами земля...*

Одобрительный свист, выкрики, пушечное хлопанье ладоней. Нет, не отпускают певца! А он, Вертинский, стоит в огне рампы, утомленный небывалой славой. Наконец, поднимает руку, и зал затихает. Вновь звуки рояля и его голос. А они, внимая его песне, пронизанной тоской, ловят мелодию и в такт покачиваются в своих креслах...

Такое было в Нью-Йорке, в Париже, в Шанхае. В миллионах блиставших огней, в выкриках и громе аплодисментов.

... На столе книжечка воспоминаний знаменитого артиста. А сейчас я хочу найти то, что писал он о Молдавии, о Днестре, о далеких и уже канувших в историю годах, но впечатанных в страницы истории нашего края.

Началось его бегство от Родины, обуреваемой революциями, в Бессарабию. Один из знакомых купил ему греческий паспорт на имя Александра Вертилиса, с таким документом молодой певец и отправился в далекую дорогу. На этом пути славы он часто думал об оставленной Родине — стоило лишь переплыть Днестр. «Трудно передать чувства, охватившие меня при виде нашей русской земли, такой знакомой, такой близкой и дорогой сердцу и в то же время такой „чужой“, — вспоминал он. Русские вывески на бессарабских улочках: „Аптека“, „Трактир“, „Бакалейная торговля“ — вызывали во мне чувство нежности. Словно повстречался с милыми, давно забытыми людьми моей юности. Носильщики на вокзалах, извозчики, продавцы в магазинах, нищие — все говорили по-русски».

Здесь, в Бендерах, родилась и стала популярной песня «В степи молдаванской». Здесь были и глубокие размышления о настоящем, будущем. «В Бендерах мы остановились в маленькой гостинице. Нам принесли самовар. Хозяин пришел поговорить с нами. У окон собралось посмотреть на меня все местечко. Это было так по-русски.

До концерта оставалось полтора дня. Я располагал временем и решил пойти на берег Днестра, посмотреть на родную землю. Было часов восемь вечера. На той стороне реки нежно синели маковки церквей. Тихий звон едва уловимо долетал до меня. По берегу ходил часовой. Стадо мирно паслось у самой реки.

Все это было невероятно, безжалостно, обидно, близко, совсем рядом. Казалось, всего несколько десятков саженей отделяли меня от Родины. «Броситься в воду! Доплыть! Никого нет, — мелькало в голове. — А там? Там что? Часовой спокойно выстрелит в упор, и все... Кому мы нужны? Беглецы! Трусы! Я сел на камень и заплакал».

Придя в комнату гостиницы, он закончил песню «В степи молдаванской»:

А когда засыпают березы,

И поляны отходят ко сну,

Ох, как сладко, как больно сквозь слезы

Хоть взглянуть на родную страну.

Даже отдельные бытовые эпизоды вызывали у Вертинского ностальгию о покинутой Родине: «Однажды в степи, около Сорок, мы встретили мальчишку-пастуха. В руках у него на веревке, головой вниз, висел полузамученный большеглазый степной орленок.

Мы остановили лошадей.

— Продай птицу, — предложил я.

Мальчик согласился. Он рассказал, что птица прилетела «с той стороны». Я дал ему денег, взял орленка и, доехав до берега Днестра, вышел из экипажа... Я развязал орленку крылья и лапы, положил его в густую траву у самого берега, присел возле него на корточки.

— Когда ты отдохнешь и поправишься, — тихо сказал я, — и сможешь летать, возвращайся на Родину и поцелуй нашу землю. Скажи, что это от меня...

Орленок взглянул мне в глаза. На секунду его взор стал строгим и пристальным. Он точно читал правду. И вдруг, к моему восторгу, взмахнул крыльями и взвился в небо. Через несколько секунд он был на середине Днестра. Потом, становясь все меньше и меньше, черной точкой исчез на том берегу, где синели леса моей Родины».

... В 1943 году Александр Николаевич Вертинский вернулся на Родину. Здесь он продолжал писать стихи о пережитом, воспоминания, рассказы о встречах с интересными людьми. Снимался в фильмах «Заговор обреченных», «Великий воин Албании Скандерберг», «Анна на шее». Конечно же, пел, гастролировал. Но... время было уже другое, с другими песнями, стихами. И понемногу знаменитый некогда певец оказался забытым. Даже в Большой Советской энциклопедии (том 4, 1971) ему не нашлось и нескольких строк.

Умер А.Н. Вертинский в мае 1957 года.

Вопросы и задания

1. Что становится лейтмотивом очерка «В степи молдаванской»? Какие образы оттеняют тему кровной привязанности к Родине?

2. Докажите, что Бендеры стали для Александра Вертинского щемлящим напоминанием о России. Какую бурю страстей иллюстрируют строчки: «Все это было невероятно, безжалостно <...> Я сел на камень и заплакал»».

3. Почему не все эмигранты обретают на чужбине вторую родину?

11 КЛАСС

ХАРАКТЕРИСТИКА ТРЕХ ЭТАПОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Историко-литературное наследие Приднестровья объясняется спецификой взаимодействия трех культур — русской, молдавской, украинской. Взаимовлияние и взаимопроникновение культур — это доминанта развития единой полиэтнической литературы края в исторической ретроспективе. И все же стержневой основой, формирующей целостный литературный процесс, является русская или написанная на русском языке литература края, которая несет организующее, объединяющее начало.

ВАЛЕРИЙ КОЖУШНЯН

КРОВНАЯ СВЯЗЬ

Не зная, для чего ему жизнь, человек скорее истребит себя, даже если кругом все будут хлеба... ибо тайна человеческого бытия не в том, чтобы только жить, а для чего жить.

Ф.М. Достоевский

Путь формирования Союза писателей Приднестровья, как и становление самой республики, был сложен и драматичен. Базой для создания нового союза стала Тираспольская писательская организация Союза писателей России. Принцип полилингвизма, традиции писательского сотрудничества и взаимопомощи, культурная ориентация на славянский мир были заложены еще в начале XX века.

Еще в двадцатых годах прошлого столетия был создан Союз писателей МАССР «Рэсэритул» («Восход»), успешно действовавший в 1928–1932 годах. Неоценимый вклад в становление подлинно многонациональной литературы автономии внесли писатели тех лет: Т. Малай, И. Канна, М. Андриеску, Д. Милев, С. Лехтцир, М. Кахана, И. Василенко, П. Корнелиу, Н. Марков, Н. Кабак, Л. Барский, И. Корчинский, П. Кьор-Янаки... Этот период принято считать *первым этапом литературного процесса* в Приднестровье.

Стоит отметить здесь создание оргкомитета Союза советских писателей МАССР. В 1934 году писательская организация автономии отправила двоих своих делегатов на I Всесоюзный съезд советских писателей — это были Дмитрий Милев и Самуил Лехтцир. До 1940 года писательская организация МАССР входила в состав Союза писателей Украины. После освобождения Бессарабии в ряды писателей бывшей автономии влились творческие силы с правобережья. Организация стала называться Союзом писателей МССР.

Годы военного лихолетья, а затем и репрессий, трудный послевоенный период несколько снизили, но не остановили развитие литературы в Молдавии. Писатели все более завоевывали симпатии широких читательских кругов, укреплялись межнациональные связи. Получили широкую известность в Советском Союзе имена молдавских писателей: П. Боцу, П. Дариенко, П. Крученюка, И.К. Чобану, И. Друцэ, А. Моспана, Анны и Андрея Лупан, Н. Савостина и К. Семеновского, С. Шляху и репрессированного во времена Сталина, но реабилитированного позже Н. Цуркана.

Расцвет творчества *второй, «военной» волны* (Николай Фридман, Борис Крапчан, Петр Илюхин) приходится на 60–80 годы XX века. Этот период неразрывно связан с именем поэта Анатолия Дрожжина, который тираспольское литературное объединение «Взаимость» превратил в творческую лабораторию, во многом определив направление развития третьей волны литературы Приднестровья.

Третий этап литературного процесса в Приднестровье берет отсчет с 1991 года. В октябре 1991 года было объявлено о формировании Тираспольской писательской организации в рамках отделения Союза писателей России. Первыми откликнулись на инициативу тираспольчан и оказали им конкретную помощь писатели из Москвы П. Проскурин, В. Ганичев, Ю. Лопусов, В. Сорокин и другие. В период дальнейшего становления организацию поддерживали многие известные советские писатели: С. Михалков, Ф. Чуев, Т. Пулатов, Ю. Бондарев, А. Облог, Е. Исаев, А. Ларионов, С. Куняев и многие другие.

Союз писателей Приднестровья и Республиканский литературный фонд Приднестровья были созданы 25 февраля 1995 года на учредительном съезде, созванном по инициативе членов тираспольской организации Союза писателей России и литературных объединений республики.

В течение семи лет (1995–2002) Председателем Союза писателей Приднестровья избирался Виталий Пищенко, с 2002 по 2010 г. — Владимир Иванович Афанасьев. В настоящее время Председателем правления Союза писателей Приднестровья является Валерий Иванович Кожушняя.

Сегодня в составе Союза писателей ПМР функционируют городские организации и литературные объединения «Взаимость» (Тирасполь), «Горизонт» (Бендеры), «Парус» (Днестровск), «Гармония» (Дубоссары), «Родник» (Рыбница), выходят в свет коллективные и авторские сборники, выпускается ежегодный альманах «Литературное Приднестровье» (с 2000) и журнал «Днестр» (с 2003).

В марте 2015 года состоялся VIII съезд Союза писателей Приднестровья, который подвел итоги 20-летнего периода создания и становления творческой организации. В силу многонациональности уникальная по своему характеру литература Приднестровья сегодня развивается и обогащается в тесном взаимодействии с русской, украинской, молдавской, белорусской и болгарской литературой. Свидетельством этому служат Дни литературы Приднестровья в Москве (2000 г., 2003 г.), участие писателей в выездном пленуме Союза писателей России с представителями Казахстана, Молдовы, Эстонии, Украины в Тирасполе (октябрь 2000 г.).

Литература Приднестровья с двадцатых годов прошлого столетия развивалась в русле русской классики: писатели республики тоже вышли из гоголевской

«Шинели» и, конечно же, из советского периода. Именно на этом направлении развития литературы советского периода приднестровские писатели обрели свой почерк, свою неповторимую индивидуальность. Сегодня литература Приднестровья представлена целым спектром жанровых и стилевых особенностей, литературных направлений и школ. Все вместе они составляют великолепный приднестровский букет.

«...Главное для писателя — это с наибольшей полнотой и щедростью выразить себя в любой вещи, даже в маленьком рассказе, и тем самым выразить время и свой народ», — наставлял молодых литераторов Константин Паустовский. И эту задачу воплощают в реальность наши писатели.

Еще родоначальниками творческого союза Приднестровья определена была стержневая цель для авторов — воздействовать на души людские, пробуждать в них милосердие, сочувствие, возвышенные и добрые чувства, воспитывать истинных сынов нашего края. Одним словом, «отображаться в общественном сознании». Задача не сиюминутная, рассчитанная на долгую перспективу, она требует от каждого пишущего неимоверных усилий. Такая жертвенная самоотдача рано или поздно приносит свои плоды.

Прозаиков и поэтов нашей республики читают и хорошо знают не только в России, странах СНГ, но и в дальнем зарубежье. Имена современных приднестровских писателей, таких как Анатолий Дрожжин, Валентин Ткачев, Анатолий Красницкий, Борис Челышев, Борис Крапчан, Николай Фридман, Николай Золотарев (Якутский), Владимир Худяков, Николай Цуркану, Валерий Сенник, Николай Корытник, Николай Кулик, Атанас Стоев, Ольга Сизова, Юрий Баранов, Борис Парменов, Василий Маслов, Лариса Черникова, Андрей Хропотинский, Владимир Афанасьев, Борис Бочагов, Геннадий Барабаш, Олег Епифанов, Борис Кравец, Сергей Чернолев, Людмила Кудрявцева, Петр Данич, ушедших из жизни, но успевших внести весомый вклад в становление и укрепление писательской организации, — золотыми буквами вписаны в историю литературы Приднестровья.

Ныне продолжают активно работать в поэзии и прозе наиболее известные в республике и за ее пределами авторы: Леонид Литвиненко, Андрей Белозеров, Андрей Облог, Виктория Пилецкая, Роман Кожухаров, Владимир Полушин, Владимир Ахмеров, Ольга Молчанова, Алла Мельничук, Галина Гурски, Игорь Ильин, Владимир Яштылов, Юрий Анников, Александр Вырвич, Никандр Елагин, Тамара Пономарева, Лариса Стойлова, Оксана Кириллова, Марина Сычева, Валентин Ловицкий, Идалия Шевцова, Анатолий Медынский, Виталий Сайнчин, Сергей Багнюк, Светлана Мазерина, Георгий Скрипкарь, Георгий Панов, Галина Васютинская, Ольга Николаева, Валерий Овчарук, Анатолий Демин, Николай Антонов, Елена Степанова, Евгений Зубов, Лариса Ладыка, Татьяна Зубкова и многие другие.

Литераторы СНГ (и прежде всего России) уже давно признали неоспоримый факт существования Союза писателей Приднестровья как полноценной и успешной творческой организации. В подтверждение сказанному будет уместно привести оценку, данную поэтом, классиком советской русской литературы Олегом Николаевичем Шестинским: *«Литература Приднестровья поистине уникальна. Во-первых, она создавалась героической историей, она как бы вспыхнула*

пламенем надежды, потому что народ не мог жить без созвучной ему поддержки Словом.

Во-вторых, она поистине братская, потому что впитала в себя корневую систему русского, украинского, молдавского и даже болгарского мышления. Она как новое явление одарена творческими, фольклорными особенностями других словесностей.

В-третьих, мы, русские, по-своему олицетворяем ее как ветвь великой русской реалистической литературы.

Но русская литература не заменит ее. У каждой сформировавшейся народной общности должно быть свое выразительное художественное Слово. И у Приднестровья оно есть».

Все наши литераторы за годы существования Союза писателей в разных жанрах были представлены в периодических изданиях: альманахе «Литературное Приднестровье», журнале «Днестр» и в обновленном журнале «Литературное Приднестровье». Многие поэты и прозаики республики публиковались в журналах России: «Наш современник», «Аврора», «Москва», «Форум», «Отражение», «Московский вестник», «Молодая гвардия», «Полдень», в литературных справочниках и других региональных изданиях России, Молдовы, Украины и Германии. Самые знаковые произведения приднестровцев вошли в фундаментальные издания — антологии современной литературы Приднестровья, которых за эти годы издано три. Последнее учебное издание (2013 г.) было выпущено совместно с учеными-филологами ПГУ им. Т.Г. Шевченко в серии «История литературы Приднестровья».

Литература родного края, осуществляя познавательную и воспитательную функции, заслуживает внимания, поэтому представляет интерес не только для граждан Приднестровья, но и для граждан других стран мира. Она существует, развивается, каждый год к процессу творчества присоединяются новые имена. Ей присуще разнообразие тем и жанров, ее отличает многонациональная особенность. Произведения приднестровских авторов интересны и поучительны. А потому вопрос изучения литературы Приднестровья всегда актуален.

ИСТОРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПРИДНЕСТРОВСКИХ АВТОРОВ

УРОКИ ПРОШЕДШИХ ВЕКОВ

Писателей по праву можно называть поверенными Истории, хранителями памяти человеческой, так как они в своих произведениях воссоздают картины современности и прошлого, находят в былом ответы на многие вопросы сегодняшнего дня. У приднестровской земли богатая история. Оказавшийся на пересечении многих европейских дорог, наш край пропустил через себя культуру не одного народа. Целая плеяда ярких исторических личностей, таких как

Карл XII, Мазепа, А.В. Суворов, князь Г.А. Потемкин, М.И. Кутузов, А.С. Пушкин, П.Х. Витгенштейн, Г.И. Котовский, привлекла внимание наших соотечественников, которые смогли в документальных и художественных произведениях показать роль незаурядных людей в истории Приднестровья.

Одним из таких авторов является **Виктор Васильевич Худяков** (1950–1999). Его роман-хроника «Под сенью крепости Бендерской, или История южной интриги Карла XII» (Бендеры, 1996) — это повествование о событиях XVIII века, связанных с пребыванием шведского короля вблизи Бендерской крепости, находившейся тогда в черте турецких владений. На страницах книги, помимо двух главных героев, даны портреты гетмана Мазепы, султана Ахмеда III, молдавского господаря Дмитрия Кантемира, сподвижников Петра и других деятелей описываемой эпохи. Более шести лет отдал писатель этой работе.

Виктор Васильевич оставил потомкам и уникальный роман-признание в любви к родному городу — «В цветущих акациях город... Бендеры: люди, события, факты» (1999). Эта книга — синтез истории, публицистики и мемуарных традиций, это, по сути, энциклопедия города Бендеры.

В книгу «В цветущих акациях город...» автору удалось вместить все самое замечательное и занимательное о Бендерах. «Эта земля помнит и вольницу скифов, и укрепленные поселения славян, противостоявших хищным степнякам, и дикую конницу Бату-хана, и трепещущие на ветру знамена Штефана чел Маре, и кривые сабли янычар, и доблесть русского оружия, освободившего край от турецкого владычества, и кумачовые лозунги революции, и зарницы бендерского восстания против румынского господства, и бои с гитлеровцами, и героическую оборону Бендер летом 1992 года от кишиневских агрессоров... Я приглашаю вас на встречу с веками. Ведь без прошлого нет настоящего и тем более — будущего», — пишет автор в начале книги.

Перу Виктора Худякова принадлежат посвященные разным историческим событиям рассказы «Свеча и ладонь», «Дутар и пулемет». Тема Великой Отечественной войны является основной в его коротком рассказе «Девочка, говорившая по-немецки».

Разносторонне талантливый, в журналистике Виктор Худяков ценил лаконичность, сенсационность без бульварщины. С карандашом в руках читал серьезную литературу по философии, геополитике, психологии. Однажды он сказал: «Я остаюсь в двадцатом веке». И напроорочил: умер 6 декабря 1999 года. Неизлечимая болезнь победила, унеся талантливого литератора и незаурядного человека.

Виктор Худяков в своих книгах, Ольга Сизова в книге «Последний гайдук, или Жизнь и смерть Григория Котовского» в истории видели корни становления нашего народа и его духовных ценностей.

Для **Валентина Ткачёва** история, причем история, выросшая на почве былин и сказаний, стала зеркалом будущего. Мало кто из современников Валентина Ткачева так остро и болезненно предчувствовал надвигающиеся трагические перемены нового смутного времени. Мало кто понимал, что переходное время — это отражение извечной борьбы добра и зла. А Валентин Ткачев, читающий свои стихи вслух, словно говорил с вечностью... Его манера чтения поражала.

«Обыденный» голос исчезал. Звучали не то плач, не то заговор — распевно и на такой раненой высокой ноте. Он читал, и казалось, что взгляд его, раздвигая стены, времена и пространства, прозревает истину.

Проблема добра и зла, их сосуществования и вечного противоборства находит отражение в поэме В. Ткачева «Добрыня». Жанровое своеобразие — поэма-былина — позволяет читателю погрузиться во времена Киевской Руси, когда защита отечества от степных кочевников была главной задачей богатырей. Былинные запевы, традиционное обращение к друзьям и противникам, описание сборов богатыря в дорогу — все это сближает поэму «Добрыня» с былинным эпосом. Ритм русских былин, всегда плавный, напевный, без резких переходов, психологически настраивает на победу добра над злом. Но легкой победы не получается: Кошей, князь Бессмертный, всегда уходит от смерти. Более того, вступивший в схватку со злом, сам Добрыня обретает личину зла. В деревне от Добрыни шарохаются, воспринимая его как упыря. И только жена Алена, «цветочек степной», видит в муже прежнего богатыря:

*Обнимает его.
И светлеет лицом
Богатырь.
И, ступив на порог,
Просыпается он и стоит молодцом.
А личина дымится у ног.*

Поэма «Добрыня» — это не просто талантливая стилизация. Это взгляд в будущее через призму прошлого. Магический кристалл героического эпоса позволяет В. Ткачеву увидеть главное — зло побеждается не злом, а добрым делом:

*А Добрыня Никитич на бой не идет.
Поднимаясь у всех на виду,
Он стоит над деревней, как громоотвод,
Отводящий огонь и беду.

Там, где сломано дерево, два посадил.
Был колодец — струится река.
Он не может забыть, что стоит позади
Деревенька, светла и легка...

На безгневном и неувидленном лице
Не оттиснется ярости след,
Словно это лицо пребывает в кольце,
Из которого движется свет.*

В финале поэмы (глава «Песня Добрыни») автор предлагает парадоксальный вывод: «...враг необходим, / Чтоб светоч не потух». Видимо, проблемы современности В. Ткачев рассматривал как противоядие от очерствения души. Вдали от России этот русский поэт оставался верным ей без остатка, понимая призвание русского человека как вселенскую ответственность за сохранение человеческой души и долг перед Всевышним и своей землей.

ТРОПА ВОЙНЫ

*(Глава из книги «Под сенью крепости Бендерской,
или История южной интриги Карла XII»)*

В Бендерах вновь наступила пора навевающих светлую печаль листопадов и первых ночных заморозков. Но в полуземлянках пронизанного надеждами и ожиданиями Карлополиса еще не топили. Король велел разводить греющий огонь лишь с появлением снега под ногами да льда на Днестре.

В то бодрое осеннее утро в шведском лагере неожиданно появился Исмаил-паша. Его сопровождали слуги. Они вели под уздцы трех лошадей. Карл сразу распознал в них редких арабских скакунов, ценившихся повсюду за свою несравненную красоту. Король с удовлетворением оглядел их плотное сложение, высоко посаженный хвост, маленькие уши и ноздри, большие, низко расположенные глаза с густыми ресницами, особую грацию.

— Осмелюсь передать Вашему Величеству слова приветия и подарок нашего султана, — бархатным голосом сказал сераскир Бендерской крепости.

Карл улыбнулся и ответил:

— Мой поклон Его Величеству, владыке правоверных, и выражение благодарности.

Толмач с веселыми усами перевел эти взаимные любезности. Карл подошел к одному из скакунов и ласково погладил его по крепкому, отливающему живым блеском боку.

— У нас есть старинное предание, — сказал Исмаил-паша, — о том, что пророк Мухамед, большой любитель лошадей, как-то оставил на несколько дней табун без воды. Когда же загон был открыт, Мухамед позвал каждую из кобылиц, но почти все они умчались к воде. И только пятеро из них окружили пророка, преодолевая жажду. Это были Дахма, Сакланиа, Швейма, Абиа и Кухейла. С тех пор эти имена используются на Востоке для обозначения основных пяти видов арабских скакунов. Принято считать, что они больше привязаны к людям, чем лошади других пород.

— О, все это очень любопытно, — воскликнул Карл. — А к каким генеалогическим линиям восходят эти три благородных скакуна?

— Вам подарены потомки Кухейлы, Дахмы и Абиа, — ответил сераскир¹.

Скакунов увели в глубь лагеря драбанты². Карл же пригласил Исмаила-пашу в свой отнюдь не королевский дом, но последовал вежливый отказ со ссылкой на неотложные дела. А заботы и впрямь собирались навалиться на плечи сераскира. Похоже, что вскоре султан объявит России войну, хотя и обещал послу Толстому в начале года мир — по крайней мере, на тридцать ближайших лет. Но Исмаил-паша хорошо знал переменчивость своего капризного владыки.

Если война все же будет объявлена, то в крепости размеренные и спокойные будни уступят место иной поре, наполненной строевыми смотрами, учениями, барабанным боем, трудами по заготовке провианта и фуража. Непременно из

империи придут дополнительные силы, солдат нужно будет размещать, кормить, а это новые хлопоты. Чтобы не быть застигнутым врасплох, Исмаил-паша должен уже сегодня прикинуть план действий и потихоньку начинать подготовку.

Война с Россией представлялась ему делом почти неизбежным. Тому были явные предвестники. Сераскиру Бендерской крепости, разумеется, было известно, что минувшим летом нынешнего 1710 года в Стамбуле с поста должности великого визиря, ведавшего прежде всего внешней политикой, был свергнут Али-паша. Он придерживался точки зрения, что с загадочной Россией надо скрещивать оружие лишь в крайнем случае, особенно теперь, после ее успеха под Полтавой. Что ни говори, а Петр разгромил первоклассную армию, которую боялась вся Европа. А Турция переживает не лучшую свою пору. Исмаил-паша в глубине души разделял позицию бывшего великого визиря, но свои мысли держал при себе, предпочитая строго следовать официальному мнению Стамбула.

Подходя к воротам крепости, сераскир недоуменно пожал плечами. Сторонний наблюдатель не нашел бы повода для объяснения жеста — внешний мир, казалось, не давал для этого почвы. Но внутренне жест недоумения был вполне оправдан. Ибо в тот момент сераскир подумал о некоей странности: новый великий визирь Нуман-паша продержался лишь два месяца — до щедрой осени. И вот недавно его сменил неистовый Мехмед-паша, слывший яростным противником России и доброжелателем Карла. Сераскир готов биться об заклад, что в ближайшее время очередной высший сановник постарается сделать все, чтобы склонить и без того взрывного султана к войне с Москвией. Тем более что ходили упорные слухи: он стал великим визирем в результате интриги и больших денег, выплаченных кому следует сторонниками Карла и побивших на этот раз превосходящим весом золотых монет тоже немалые взятки Толстого.

Ведомо было Исмаилу-паше и то, что Стамбул потребовал от Петра отодвинуть свои тревожащие османов войска от границы с империей, дать возможность шведскому королю беспрепятственно проехать через Польшу с эскортом в сорок тысяч турецких солдат. Тут сераскир усмехнулся в бороду. Любому ясно, что русский царь не мог дать добро на появление в Польше такого лихого воинства — ему ничего не стоило соединиться с бравым корпусом генерала Крассау и объявить шах на игральной доске Померании русским войскам — в польских пределах их было всего тридцать тысяч. Поэтому для сераскира, не новичка в военных делах, было неудивительно, что Петр прислал султану незлобивую грамоту, соглашаясь на проезд шведского короля, но только в умеренном сопровождении трех тысяч османов. Ответа из высокомерного Стамбула не последовало. А вот послу Толстому вскоре передали: русские войска должны полностью покинуть Польшу. Как сообщили Исмаилу-паше его осведомители в султанском дворце, Петр направил туда еще одно послание. По содержанию оно было жестче первого. Русский царь настаивал на соблюдении провозглашенного Ахмедом III мира и скорой высылке строптивного шведа на разумных условиях. И вновь на это требовательное письмо не последовало ничего, кроме красноречивого южного молчания. Свяжав все эти события в одну нить, сераскир еще раз сказал себе: следует ждать войны.

...В конце полного смутными предчувствиями ноября в Каушаны, ставку безжалостных буджакских татар, прибыл защищенный злыми духами крымский хан Девлет-Гирей. Он собирался вскоре посетить Карла в Бендерах, но тот решил осесть, совершив конную прогулку в городок, находившийся от крепости всего в двадцати пяти верстах. Оседлав одного из почти скульптурных арабских скакунов, подаренных Исмаилом-пашой от имени султана, и взяв с собой небольшой, но надежный отряд, состоящий из синих мундиров и тюрбанов со страусовыми перьями, король двинулся в путь. Всадники проехали посад, пустоши. Над ними господствовал высокий холм. Через два столетия местные жители ошибочно назовут его Суворовской горой. Дальше равнодушный ландшафт тоже будет обычным для Молдавии — живописная холмистая земля. В шестнадцатом веке княжество, напомним, было завоевано пассионарными османами. Вслед за тигром в междуречье Прута и Днестра вошли мелкие хищники. Татарам захмелевший от удач Стамбул милостиво пожаловал степные просторы Буджака. А селение Кешенев Рошу, переименованное в Каушаны, станет оседлым центром Буджакской орды.

Когда отряд Карла подъехал к цели своего недолгого путешествия, охранявшие въезд бдительные татары засуетились, забряцали оружием, но янычары несколькими гортанными выкриками быстро их успокоили. Путь к дворцу Каушан-воеводы, турецкого наместника, был свободен.

Проезжая по задрапированным чужой и непонятной жизнью Каушанам, Карл отметил, что городок многолюден, криклив и весел, словно глотнул гашиша. Острый взгляд короля вдруг наткнулся на странное здание. По внешнему виду оно напоминало амбар, но было увенчано крестом. Этакий местный сфинкс. Карл велел своему эскорту остановиться и спешился. Войдя за ограду небывалой церкви, он вошел в раскрытую дверь. Король увидел семь стертых ступенек, ведущих вниз, словно в катакомбы ранних христиан. Спустившись по этим каменным клавишам, заигранным временем, он очутился в неожиданно просторном православном храме. Со всех сторон на него отрешенно смотрели лики святых. На фоне иконостаса пожилой священник благословлял группу молящихся молдавских крестьян, одетых в белые узкие штаны и такого же цвета рубашки с вышивкой. Это явно была праздничная одежда.

Постояв немного, король вернулся назад, продолжив свой путь. Во дворце Каушан-воеводы удовлетворят его любопытство по поводу загадочной церкви. Как выяснилось, обрести высоту храма его углублением строителям пришлось из-за того, что по законам Османской империи уровень возвышения над землей церкви презренных иноверцев не мог превышать двух метров, чтобы не соперничать с мечетями. Карл узнал и о том, что те, кто возводил храм, маскировали стройку под строительство убогого помещения для хозяйственных нужд, отсюда и вид амбара. Но потом татары и турки узнали об истинном назначении здания и, разгневавшись, ввели туда коней, что осложнило отношения с местным православным населением. Происходило это более чем столетие назад. Теперь же проявляется куда большая религиозная терпимость, и в подобревших Каушанах уж больше не поступают столь жестоко с христианами,

Встреча Карла с Девлет-Гиреем преподнесла королю долгожданный подарок судьбы. Крымский хан сообщил, что неделю назад, 20 ноября, Великий Диван постановил объявить России войну.

— Наконец-то! — вне себя от радости воскликнул Карл.

Своему гостю Девлет-Гирей сообщил некоторые важные подробности. Первым на заседании Дивана выступил он, обосновав неотвратимость противоборства с Петром. Главный довод был таков: после Полтавской победы и удачных военных операций в Прибалтике и Финляндии Московия непременно захочет добыть силой оружия выход к Черному морю. Кроме того, балканские народы спят и видят, что русские рано или поздно окажут помощь в их мятежных намерениях выйти из огады Османской империи. Девлет-Гирея поддержали великий визирь Мехмед-паша, влиятельный глава черных евнухов, другие сановники. С учетом их мнения султан дал свое согласие на хищный бросок против русских.

Крымский хан не утаил от шведского короля и секретные сведения: встать на тропу войны поручено поначалу именно ему, и это произойдет в январе будущего года, то есть буквально через месяц. Свой удар татары собираются нанести по Украине.

— А еще, Ваше Величество, — сказал Девлет-Гирей, я порадою вас вестью о том, что в предстоящей войне на два фронта Россия останется в полном одиночестве. Англия, Франция, Австрия, Голландия ей не друзья и полностью на вашей стороне.

— Но есть же еще Польша и Дания, связанные с Петром союзническими договорами, — возразил Карл.

— Наши осведомители при дворе Августа II донесли в Стамбул и Бахчисарай, что в ближайшее время России со стороны так называемого союзника будут предъявлены требования: передать Польше южно-украинские крепости, вывести из страны русские войска, отдать Ригу и всю Лифляндию. Дании тоже не следует опасаться. Есть сведения о том, что она не спешит всерьез помогать России.

— Ну и аппетиты у Августа, каков наглец! Впрочем, так Петру и надо! — рассмехался Карл.

Его примеру тут же последовали хан, Каушан-воевода, толмач.

Общее веселье царило и во время обильного обеда, данного во дворце в честь шведского короля. Но он не стал задерживаться в Каушанах и к звездному вечеру уже был в своем притихшем лагере.

Сразу же по возвращении радостный Карл, даже не стряхнув пыль с ботфорт, нанес визит Исмаилу-паше. Весть о войне, прибывшая с крымским ханом, обогнала гонца из Стамбула, и сераскир узнал новость от короля. Воспринял ее сдержанно, что не вязалось с экзальтированным состоянием шведа.

Через несколько дней в Бендеры прибыли из омываемой водами Босфора метрополии около десяти тысяч усталых турецких солдат, на подходе были артиллерия и специально обученные мастера по осадным работам. От приехавших офицеров сераскир узнал, что после объявления России войны в Стамбуле был начисто разграблен дом посла Толстого, а сам он брошен в гибельное подземелье Семибашенного замка.

Пройдет немного времени, и крымский хан, как и намечалось, первым встанет на тропу войны. В заснеженном январе 1711 года татары вторгнутся на земли ничего не подозревающей Украины. Девлет-Гирей разорит несколько богатых поселений и вплотную подойдет к Харькову, поджидая здесь Кубанскую орду, чтобы двинуться дальше. Но калмыки, верные Москве, остановят вражью стаю. Лазутчики донесут хану и о приближающемся русском войске. Не желая рисковать, Девлет-Гирей

повернет в степной Крым. Петр же, понимая, что вассал турецкого султана действует отнюдь не самостоятельно, усмотрит в татарском рейде часть стратегического плана, направленного против России. Терпение царя лопнет, и он в конце февраля подпишет манифест о начале войны с османами. Но серьезные боевые действия двух противников, к неудовольствию Карла, начнутся еще не скоро. Не раньше, чем раскаленное июльское солнце обрушит свой небесный гнев на молдавские земли.

¹ *Сераскир* — командующий турецкими войсками.

² *Драбант* — солдат личной охраны командующего.

Вопросы и задания

1. Почему война с Россией, по мнению сераскира Бендерской крепости, была делом неизбежным? Докажите, что в лице сераскира автор показывает серьезность таких противников, как турки и шведы.

2. Какими воспринимает Карл XII Каушаны? Что поразило вас в описании этого поселения? Почему православная церковь вызвала любопытство у шведского короля?

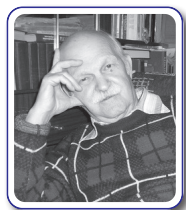
3. Прокомментируйте название «Тропа войны».

ПРИДНЕСТРОВСКИЕ АВТОРЫ **О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Есть события, даты, имена людей, которые входят в историю города, страны и даже всего человечества. О них пишут книги, рассказывают легенды, сочиняют стихи, музыку — о них помнят. И эта память передается из поколения в поколение и не дает померкнуть далеким дням. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала таким событием и в литературе Приднестровья зазвучала болью незаживающей раны. Многие приднестровцы сами были фронтовиками и не понаслышке знали, что такое разрушенные города и сожженные села, какой жестокой и несправедливой бывает смерть на войне. Всю боль и героизм того времени они пропустили через себя и оставили в своих произведениях, а потомкам завещали бережно хранить память о героях-фронтовиках.

Рассказы и очерки Б. Чельшева, П. Данича, Г. Панова, П. Шпакова проникнуты ощущением исторической памяти. Избежав мемуарной публицистичности, эти авторы сумели тему войны раскрыть на психологическом материале. Сборник рассказов «По приказу и без приказа» (1986) Петра Шпакова — о Герое Советского Союза летчике-бомбардировщике полковнике А.П. Карпенко, освобождавшем г. Бендеры во время Великой Отечественной войны. Также в сборник включены очерки о героях войны и труда: об уроженце г. Бендеры летчике С.А. Шестакове, об участнике бендерского подполья Д.А. Иванченко и др. В неразрывной связи тема Великой Отечественной войны и проблемы сегодняшнего дня даны в книге П. Шпакова «По зову сердца и долга» (2001). Книга посвящена 60-летию 170-го Военного госпиталя, это дань памяти людям в белых халатах, отдавшим благородному делу спасения раненых все свои силы, знания, жизненный опыт.

Борис Дмитриевич Челышев (1922–2014 гг.) жил в двух эпохах — дне сегодняшнем и дне вчерашнем. Война не отпустила память писателя. В 19 лет он ушел на фронт. Был летчиком-штурманом. Участвовал в освобождении Кривого Рога, Воронежа и Тирасполя.

Б. Челышеву присылали фронтовые письма со всего Советского Союза. Более 10 тысяч переживаний, надежд легли в основу уникального труда «Народная летопись Великой Отечественной войны» (шесть книг). Воин, журналист, писатель, педагог, исследователь, краевед, человек энциклопедических знаний — Бориса Челышева вполне можно было назвать приднестровским Лихачевым. Не зря при жизни на лацкане его пиджака красовалась высшая приднестровская награда — Орден Республики. Служа в авиационном полку картографом, Б. Челышев освобождал приднестровское небо. От его точности и скрупулезности при выполнении работы в ходе разведывательных полетов зависел успех наступления на земле. В благодарность Родина наградила Б. Челышева медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией».

«Соль земли, ее сущность» — так можно охарактеризовать еще одного нашего земляка **Петра Хрисанфовича Данича** (1925–2016 гг.). Уроженец Незавертайловки, он всего один раз надолго покидал родное село. Уезжал на войну с фашизмом, громил врага в Молдавии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии. В перерывах между ожесточенными боями П. Данич буквально «на коленках» записывал в истрепанные тетрадки все увиденное и услышанное, вел военные дневники. Часть из них публиковалась в дивизионных и окружных многотиражках. Позднее эти записи легли в основу сюжетов его рассказов и повестей о настоящих героях.

После войны П. Данич всю жизнь учительствовал. Трепетное отношение к наследию предков, истории родной Незавертайловки подвигло его на создание местного музея. Педагогическую и музейную деятельность П. Данич умело сочетал с писательской и журналистской. Главными героями его литературных произведений становились земляки и те, с кем солдат Второй мировой воевал. Вот как писал о П.Х. Даниче Владимир Иванович Афанасьев: «Все, о чем пишет Петр Данич, талантливо и искренне. Это его биография и биография его сверстников, тех, кто вместе с ним участвовал в борьбе за независимость нашей Родины».

Включенные в учебник-хрестоматию произведения разноплановы по жанру и системе авторских оценок. Рассказ-очерк П. Данича «*Первый день Победы*» представляет собой психологическую зарисовку. Автор запомнил «лицо Победы» в сиянии захмелевших от счастья фронтовиков. Сдерживающие слезы командиры, обнимающие друг друга солдаты, отдельные фрагменты биографии бойцов — все это вписано в ликование победного мая. И к месту тысячами голосов звучащая «Катюша». И не стыдно за слезы. И только где-то в глубине души болью отдается осознание того, какой ценой завоеван мир.

Рассказ-быль П. Данича «Солдатская дорожка» представляет собой рассказ в рассказе. Письмо фронтовика Александра Иосифовича Диулина организует сюжет, и мы становимся свидетелями страшных в своей обыденности будней

войны. Форсирование Днестра, когда враг тебя поливает смертельным огнем, ожесточенные рукопашные бои, километры дорог — из этих привычных вещей соткана фронтовая жизнь. Но даже после победы эхо войны отголосками звучит в мирной жизни. Героя рассказа ранили в ногу, ампутации не избежать, но Александр Диулин по-солдатски начинает бороться за свое право не быть калеккой. И побеждает.

По-иному рассматривает тему противостояния Б. Чельшев в рассказе «*Дезертир*». За военными буднями скрывается трагедия человеческих взаимоотношений. В рассказе нет коллективного портрета солдат. Характер каждого из героев психологически обрисован. Поэтому так неоднозначно воспринимается тема трудности, воплощенная в нравственной коллизии рассказа. Дезертир — фельдшер Соломон — и старшина эскадрильи Косилкин образно воплощают идеологическое столкновение. Первоначальная инвектива «Дезертир — это враг и предатель» в контексте сюжета начинает восприниматься как ошибочное суждение. Соломон не враг. Раненный войной, сломленный, растоптанный — но не враг. Он убегает от войны, потому что, как и доктор Живаго, призван в этом мире защищать тишину. Так же, как и герой Бориса Пастернака, Соломон пишет стихи, в них пробует остановить ускользающую гармонию довоенного прошлого. Но жестокость настоящего оказывается реальнее.

Повествование ведется от первого лица, благодаря чему взаимосвязь героя и рассказчика особенно осязаема. Единственный, кто понимает Соломона, — это 19-летний боец-рассказчик. Между ними устанавливаются доверительные, почти родственные отношения. И как это ни парадоксально, Соломон, который на десять лет старше 19-летнего мальчишки, ищет у него защиты во время фашистских авианалетов. Но во время одного из налетов Соломон исчезает. Нацарапанная старшиной запись в списке личного состава 56-й разведывательной эскадрильи «Пропал без вести», однако, не ставит точку в истории жизни Соломона. Дезертира возвращают в часть и устраивают над ним суд.

Б. Чельшев смещает акценты в изображении жестокости войны. Страх во время боя уступает место страху от творящейся несправедливости. В мертвую тишину падают последние слова: «Приговаривается к расстрелу». И время для Соломона начинает отбивать обратный отсчет. В этой ситуации виноватым себя чувствует 19-летний рассказчик. Это он болезненно воспринимает неизбежность расстрела: «Молотком в голове стучали слова: «К расстрелу... к расстрелу!». Да нет, что-то не так. Надо всем сказать: завтра же у него день рождения — тридцать лет!» Но, к сожалению, одно доброе сердце не в силах остановить огромные жернова безапелляционных решений трибунала.

Рассказ заканчивается лаконичной, но глубокой по своей сути репликой, адресованной 19-летнему пареньку: «Да ты никак седеешь... С чего это?». Художественный эффект такой концовки более убедителен, чем долгие разговоры о жестокости войны.

Б. Чельшев, П. Данич, П. Шпаков вынесли с дорог войны свой фронтовой опыт, который стал частью их жизненной мудрости. Литературные традиции этого поколения поддержали те, кто войну не видел, но осознал силу нравственной

памяти. Среди таких авторов — Лариса Стойлова. Ее рассказ «Последний праздник» о непростой судьбе ветеранов в наше время.

История фронтовика Петра Григорьевича начинается с пронзительных до боли слов: «В больнице старик стал покорным и тихим». То, что не сделала война, сделала старость: широкоскулое лицо осунулось, тело разбила слабость, старик стал заговариваться. Надежда на исцеление оказалась призрачной. Ветерана «подлечили» и отправили домой, чтобы «не мешался под ногами».

Лариса Стойлова задается вопросом, почему таким циничным стало время. Герой-победитель лишний среди людей. Своей оказывается только природа. Петр Григорьевич с наслаждением вдыхает ароматы весны, бережно теревит в руках ивовые листочки, а приезжая домой, радуется плачущей лозе. А еще фронтовику спокойно, когда он перебирает в памяти минувшее. И там, в этом прошлом, перед нами вырастает недюжинный богатырь, под силу которому и переправа через Вислу, когда у тебя оторвало руку, и переход через минное поле, когда ты, контуженный, бредешь к медсанбату. А в 1947 г. Петр Григорьевич уберег от тюрьмы односельчанку, которая, спасая от голода шестерых детей, вынесла с поля 8 килограммов колосков. Так всегда и боролся с трудностями. А сейчас усталость ододела.

Кульминацией рассказа становится 9 Мая — день, который ветеран предать не мог. Петр Григорьевич сам вышел во двор. Старику накинули на плечи парадный пиджак с орденом, налили водочки, и Петр Григорьевич героически махнул стопку за Победу. Всенародный праздник в последний раз выхватил ветерана-фронтовика из забвения, а через несколько дней Петра Григорьевича не стало.

В рассказе нет обличительного пафоса, Лариса Стойлова не осуждает родных, которые не спасли. И все же какая-то грусть и чувство вины остаются на сердце, когда читаешь последние строчки рассказа: «Легко отлетела его душа, как облетает черешневый цвет».

Как это ни парадоксально, произведения о Великой Отечественной войне позволяют нам очиститься от шелухи повседневности. Благодаря нашим землякам, в мире продолжают цениться честь, мужество, святой долг защиты Родины и безмерная любовь к Отечеству.

ПЕТР ДАНИЧ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Девятое мая 1945 года. И цветут яблони... И цветут тюльпаны и сирень. Эта дата запечатлена в нашей памяти только заглавными буквами. Тот далекий самый первый день Победы над фашистской Германией уходит в глубины времени. Но сердцу тех, кто причастен к нему, он всегда близок. Оно не забудет необыкновенную тишину, которая с утра окутала землю. До этого великого дня казалось, что внутри земного шара были спрятаны какие-то огромные жернова, непрестанно четыре года подряд молотившие тяжелые глыбы и сотрясавшие его... И вдруг они остановились. Стало так тихо, что от непривычки болели барабанные перепонки.

Да, от того дня нас отделяют десятилетия, но чем дальше мы от весны сорок пятого, тем больше обжигает сердца современников правда о жертвах, страданиях и беспримерном мужестве людей, совершивших на той войне все возможное и невозможное во имя мирного будущего людей. Этот день, по каким-то странным законам, более и более отдаляясь во времени, приближается в памяти. Особенно тех, кому было свыше предназначено пройти по путям войны. Вот и мне довелось изведать солдатской доли и прошагать от родной Незавертайловки до самой Победы.

В конце апреля 1945 года нашу дивизию перебросили из Югославии в Болгарию. Бушевала весна, война была на исходе. Утром 9 мая нас построили, и колонна направилась в лес. Остановились на большой поляне. В центре стоял грузовик. На него быстро вскочили наши командиры. Первым к нам обратился командир дивизии С.И. Титов. «Дорогие мои друзья», — начал он и вдруг замолчал. Мы заметили, что он с трудом сдерживает слезы. Справившись с волнением, он снова, оглядев нас, выкрикнул: «Товарищи бойцы!..» Но не смог больше произнести ни слова. На помощь ему пришел начальник штаба, который сказал только: «Окончилась война!». Стало так тихо, мы словно остолбенели. И через несколько секунд лес уже сотрясало мощное «ура!». Что тут началось! Мы не помнили себя от радости, обнимали, целовали друг друга, почти все плакали. Самокрутки сворачивались одна за другой. Солдаты падали на молодую траву и катались по ней, как дети, выкрикивая имена матерей, родных, напевали какие-то песни... Радость выплескивалась из нас, мы словно все в один миг захмелели от счастья. В нас бурлили весна и победа.

Костя Кондрашкин, сибиряк, взобрался на самое высокое дерево и кричал во весь голос: «Тоня, любимая, ты слышишь меня?! Я остался жив! Скоро вернусь! Жди меня на железнодорожной станции!..».

Один боец подошел ко мне и говорит: «Браток, достань из кармана гимнастерки мою красноармейскую книжку». Я достал, а он продолжил: «Теперь прочитай мое имя, отчество и фамилию». Я его спрашиваю, мол, что с тобой, забыл, как тебя зовут? А он отвечает: «Нет, браток, не верю, что это я остался жив». Тогда я прочел: «Долголенко Николай Яковлевич». Теперь, говорит он, прочитай еще одну фамилию на обложке. Я прочитал: «Подснежник». Спросил, что это значит. И он рассказал мне о прозвище, которое он получил после того, как в горах Кавказа его накрыла лавина. Воевали тогда на высоких снежных перевалах. Он был разведчиком. От гибели под снегом его спасла длинная лента, которую специально привязывали к рукаву. Благодаря этой ленте его нашли и откопали товарищи, после чего подарили спасенному новое имя: «Подснежник». Им Николай дорожил и гордился не менее, чем данным родителями.

Откуда-то появился баян, и полилась любимая «Катюша». Тысячи голосов пели, пели и плакали. С нами ее пели и птицы, и весь лес, и каждый весенний цветок, и небо, и солнце. Вся земля ликовала. Тогда я увидел «лицо Победы». Это милое, теплое, ласковое и чистое небо, сладкая полдневная тишина в лесу и непередаваемое чувство свободы.

В этот день мы как будто забыли о 1418 днях и ночах кровавой непрерывной бойни, преодоления невиданных испытаний плоти и духа, страха и смерти. Мы забыли, как мерзли в окопах и землянках, шли в атаки на сожженных врагами

полях, брели по пояс в ледяных реках, как кричали от боли и гибли на наших глазах тысячи боевых товарищей. Как полуголодные, израненные, мы не сдавались врагу, телом закрывая командиров и вражеские пулеметы. Как били ненавистную фашистскую гадину, посягнувшую на самое святое: право человека на жизнь и счастье. Вот таким был первый день нашей долгожданной Победы.

Для нас радость великого дня торжества мира приправлена болью и горечью душевных и телесных ран, что не утихли за прошедшие долгие годы. Прав был поэт, написавший об этом так:

Уже война теряется из виду,
Уже комдивы — не фронтовики,
Но все ж у Мира, как у инвалида,
Болит ладонь потерянной руки...

Как прекрасна жизнь! Пусть всегда будет мирной наша земля, пусть дарит нам сладость плодов, соловьиные песни, буйство красок цветения, шепот золотой поспевающей пшеницы и тихое журчание речки в лесной тенистой чаще. Прекрасна тишина Мира!

Вопросы и задания

1. Какое «лицо Победы» рисует Петр Данич? Какие средства художественной выразительности преобладают в авторском стиле?
2. Психологический портрет бойца Долголенко воссоздан очень подробно. Чем интересна история этого солдата?
3. Прокомментируйте строчки стихотворения, включенные в очерк. Какую цену заплатил советский народ за Победу?

БОРИС ЧЕЛЫШЕВ

ДЕЗЕРТИР

Авиабомба выла и, ухая, разрывалась. Земля дрожала до другого разрыва. Снова надсадный свист, вой и громоподобный разрыв. Что-то с треском лопаются. словно яростно рвут коленкоровый лоскут. На тебя, распластанного вдоль стены, сыплется штукатурка. Всплеск огня сквозь сомкнутые веки и уходящий в небо гул. А в уши бьется кашель зенитной пушки. Сжавшись, приоткрываю глаза и через обрушенный потолок слежу за огненными точками трассирующих пуль. Они уплывают в черное небо, изрезанное лучами прожекторов. Доносится крик сквозь лай зенитки:

— Э-э-эй! До-ктора-а! Соломо-о-он! — Это орет старшина эскадрильи Косилкин. Кого-то ранило. Не поворачивая головы, шарю рукой. Тут рядом, у стены, лежал фельдшер. В таких переделках он никогда не отходил от меня. Как будто искал защиты. Но сейчас под рукой только его сумка. Да где же он, черт возьми! Хватаю сумку за лямку, выползаю из разбитой хаты. Под свистящий вой очередной авиабомбы бегу на крик. Вдруг у крайнего капонира¹ над самым ухом:

— Где Соломон?! Штурмана ранило. Бинт, бинт доставай!

Пальцы мигом стянули лямки. Сама собой раскрылась сумка. Вот и бинт. Старшина вырывает ее из моих рук. Только тут я замечаю штурмана эскадрильи. Он яростно укачивает руку, словно запеленатого младенца успокаивает.

— Где доктор?

— Не знаю. Мы у стены...

Рядом выплеснулся огонь, и тут же раздался грохот.

Под утро летчики, механики потянулись к штабу. Ночной налет немецких бомбардировщиков на полевой аэродром не причинил нам большого вреда. Испорчена кое-где взлетная полоса да легко ранило штурмана и прибориста.

— А где же доктор? Погиб, видно. Надо поискать. — Старшина Косилкин уставился на меня светящимся глазом. Не говоря ни слова, я направился по тропинке вниз, где ночью укрывался от бомбежки. Ходил по заснеженному огороду, разгребал сапогом снег, заглядывал во все закутки. Было чувство тревоги. Еще не совсем осознанной, однако с минуты на минуту нарастающей: да нет, не может быть, чтоб...

Соломон был из породы тех, кого называют нескладными. Тощий, с длинными, до колен руками, он ходил, словно старик, шаркая подошвами. Стоптаные сапоги его «просили каши». Фельдшер перетягивал их то куском бинта, то проволокой. Оглядывал влажными глазами. Вздыхал и шептал: «Неплохо бы отправить...» А куда отправить обувку? В починку? А вот мне казалось, совсем не о сапогах думал он в эту минуту...

Когда надо было оказать первую помощь, Соломон раскрывал санитарную сумку, перебирал в ней сухими, как у скелета, пальцами. Смазывал раны, перебинтовывал. Вздыхая, покачивал головой на длинной гусиной шее, изрекал то же самое: «Неплохо бы отправить...».

Не знаю, помогало ли его врачевание. Скорее всего, ребята вылечивались сами, без отправки в госпиталь.

Все безразлично относились к «доктору Соломону»: есть он или нет, никого не волновало. Прикипел он душой только ко мне. Или я напоминал ему кого-то близкого, или было во мне то, чего ему не хватало — живости да разудалой веселости, особенно в компании. Я же по-мальчишески был горд, что изо всех он выделял именно меня, и даже покровительствовал ему.

И вот в списке личного состава 56-й разведывательной эскадрильи против фамилии фельдшера Соломона Ронинсона старшина нацарапал: «Пропал без вести». Сумка с красным крестом по наследству перешла ко мне. Я поймал какого-то санинструктора-пехотинца, и он за бутылку самогона перевел мне латинскую премудрость на порошках и мазах. Стало ясно и понятно: «от язв», «от чесотки», «головная боль», «сыпать на рану», «от насморка». То, что было ни ему, ни мне непонятно, выкинули. Сумка полегчала. О Соломоне все позабыли. Только мне и являлся он живым кстати и некстати. Нескладная фигура, водянистые серые глаза, обрывки разговоров. Словно и не разлучались ни на стоянках самолетов, ни в казарме или во время перебазировки. А вот теперь «пропал без вести»...

Особенно вспоминался один разговор. Как-то мы забрались на холм. Лежим на пожухлой траве. Внизу хутор, в стороне посадка маслин, а за нею наш полевой аэродром.

— Соля, кем ты будешь после войны?

Кусает травинку и, не мигая, смотрит вдаль. Не расслышал? Повторю-ка вопрос. Но Соломон мечтательно улыбнулся:

— Мне скоро тридцать. Еще в институт успею. В медицинский. И стихи писать буду. Хочешь, почитаю?

— Мне скоро двадцать. Не знаю, куда пойду. У меня только восемь классов и военное училище. А дни рождения мы обязательно отметим — обещаю.

Читали стихи. Он — свои, я — Есенина.

Сверху доносится прерывистый гул. На большой высоте идет вражеский разведчик «рама». Видно, снимать станцию. Через несколько секунд над нашими головами со свистом проносится пара наших истребителей — пошли на перехват. Мы, как кровные братья, плечо к плечу идем на стоянку.

А теперь — без него. Что подлаешь — сколько уже погибло наших ребят...

Но однажды в снегопадный полдень у кирпичной школы, где располагался наш штаб, остановилась полуторка. Два солдата, открыв борт, выволокли парня со связанными за спиной руками. Он был в порьжелой фуфайке с оторванным воротником. Грязный, заросший рыжей щетиной до самых глаз. Кашлял с присвистом и водил из стороны в сторону тощей шеей. Я чуть не вскрикнул: это был Соломон!

Из кабины вылез чужой лейтенант. Расстегнул планшет и передал командиру эскадрильи бумагу. Тот хмуро прочитал, вздохнул и молча расписался.

Вечером эскадрилью облетело: в клубе будут судить дезертира. Явиться всему личному составу и солдатам батальона аэродромного обслуживания. Вьюжило. Самолеты не летали, и к вечеру в сельском клубе толпилось много народу. Солдаты покуривали, тихо переговаривались.

Появилась «тройка»: капитан из контрразведки корпуса, сержант и наш политрук. Двое солдат ввели Соломона, усадили на скамью. Все происходило в мертвой тишине, степенно и неторопливо, словно пришедшие готовились выполнить важный ритуал.

Я незаметно прокрался в конец зала, скрылся за чьей-то спиной. Как-то чувствовал себя виноватым, хотя умом и понимал: ничто от меня здесь не зависит. Прислушивался к словам выступавших. Многие выходили на сцену, возмущались поступком дезертира, один даже что-то считывал с бумажки. Давали клятвы. Я же боялся поднять голову: мне казалось, как подниму, Соломон тут же увидит меня. Тройка удалилась. Вскоре судьи вернулись. Капитан зачитал бумагу. В мертвую тишину упали последние слова: «Приговаривается к расстрелу».

Нет, я, наверное, не так понял, как это — «к расстрелу»? Кого? Соломона?! За что?..

Меня вдруг зазнобило. С трудом разжал зубы, хотел переспросить. Но старшина Косилкин, почуяв неладное, сунул мне в онемевшие губы раскуренную сигарку. Глубоко затянулся. Молотком в голове стучали слова: «К расстрелу... к расстрелу!» Да нет, что-то не так. Надо всем сказать: завтра же у него день рождения — тридцать лет! Я хорошо помню, еще отметить хотели...

Поздно вечером, когда все улеглись, я бездумно ходил вдоль нар. Со стороны могло показаться: разыскиваю что-то потерянное. Старшина придержал меня за локоть, отвел в сторону:

— Все спят. Бери трех солдат, выводи из чулана этого. Туда, в балку, к сараю. Приговор к исполнению. Ты старший.

— Может, не я. Другой, — прошептал я.

— Приказ политрука ясен? Выполняй!

И он, грузный, неповоротливый, потопал в глубину школьного спортивного зала, уселся за стол, погрузившись в глубокую думу. Я бессильно опустил на край дощатых нар.

Старшина эскадрильи Косилкин был тучен, одутловат. Перетянутый ремнями португеи, он походил на пузатую бочку, обтянутую обручами. Кочанообразная голова его была посажена прямо на плечи меж могучих лопаток. Чтоб глянуть в сторону, он поворачивал все туловище. Больше всего впечатляли глаза. Когда он осматривал что-нибудь, на левый глаз спадало морщинистое тяжелое веко, как у старого беркута; правый глаз делался большим, наливался, словно отбирал силы у левого, — свирепо пучился, а в гневе вертелся колесом. Не всякий выдерживал взгляд старшины. Соломон же всегда замирал, как кролик перед удавом, и мелко дрожал.

— Так... Ты, дохтур, айда за почтой. Тащи газеты! — Просверлив бедного Соломона вертящимся глазом, старшина ждал выполнения приказа. Соломон испуганно отдавал честь не правой, а левой рукой, суетно совал мне санитарную сумку и бежал, как ошпаренный, искать ППС — полевую почтовую станцию. Левое веко старшины ползло вверх, глаза становились добрыми, человеческими. Он поворачивался туловищем в мою сторону, замечал удовлетворенно: «Так-то вот...»

... Темная ночь. С аспидного неба сыплется ледяная крупа. Набегающие порывы ветра кидают ее мне в лицо, слепят глаза. Нас пятеро на скользкой тропе. Впереди ефрейтор, за ним в белой нательной рубаше и накинутой на плечи шинели Соломон. Еще двое солдат. И я — замыкающий.

Скользя и падая, дошли до разбитой хаты, где мы неделю назад такой же вот ночью укрывались с фельдшером от бомбежки. Остановились. Над ухом шепот ефрейтора:

— Здесь?

Я киваю головой. Тягостное молчание. Тот же голос, уже крепче:

— Становись, ребята. А ты вон туда, лицом к стене.

Соломон, как автомат, шаркая подошвами, бредет к дому. Останавливается. Глядит на меня: хочет о чем-то спросить? Никнет голова на тощей шее. Фельдшер делает еще несколько шагов и становится у стены. Опять вопрошающий взгляд в мою сторону. Хриплый шепот:

— Маме не пишите... Не надо.

Не слышу винтовочных затворов. Команды ефрейтора тоже как будто не было. Лишь вздрагиваю от залпа. В глазах последнее: секунды две-три Соломон продолжает стоять. Потом медленно оседает.

В моей ладони холодеет рукоять пистолета. Зачем и когда я вытащил его из кобуры? Сам не понимаю... А вдруг он видел мою руку с пистолетом?! Но я же не стрелял!

Поворачиваясь, как на ватных ногах, бреду по тропе за солдатами. Только бы не упасть!

... Стол в глубине зала. С нар доносится чей-то храп. Тяжелое дыхание. Две коптилки и мои обессилевшие руки на топографической карте, исчерченной мар-

шрутами полетов. Поднимаю голову, и передо мной выплывают вдруг глаза Соломона. Спокойные, внимательные. Явственно над ухом: «Неплохо бы отправить... отправить...»

На плечо опускается тяжелая ладонь. Голос, как через подушку:

— Ты того... не переживай. Приказ выполнил, и вся недолга. Мне в штрафбате хлеще доставалось. Взвод в штыковую водил.

Вся эскадрилья знала, за что старшина угодил в штрафбат. Но говорили об этом шепотом, оглядываясь. После разгрома под Сталинградом группировки Паулюса Косилкин во время перебазировок, завидя в степи убитых немцев, румын, итальянцев, отставал от нас. Прodelывал в снегу от дороги тропинку. Осматривал закоченевшие трупы и, заметив палец с кольцом, отбивал его рукояткой револьвера. Опускал в карман куртки. Один, другой, третий. Заледеневшие, пальцы отбивались легко. Труднее снимать с них, оттаявших, золотые и серебряные кольца. Он срезал их плоским штыком-байонетом. Кость с мясом — в сторону; кольцо — в ближайшем хуторе на самогон. Кто-то и донес в контрразведку. А там разговор короткий — разжаловать и в штрафбат.

Через две недели Косилкин вернулся с орденом Красной Звезды и с тремя лычками сержанта на погонах. Как ни в чем не бывало прибрал в умелые руки хозяйство эскадрильи. И все пошло своим чередом.

... Сижу, склонив голову на карту. Сколько проходит времени: час? может, три? Вдруг испуганный выкрик:

— Старшина, на выход!

Вижу, Косилкин лезет в сапоги, набрасывает, словно подпругу, португеею с наганом — и к выходу. Поднимаюсь, иду за ним. Испуганный дневальный икает и кивает на дверь. Старшина пинком распахивает ее — и мы в крутящейся метели. Снежные вихри бьют в лицо, за ворот гимнастерки. В прищуре глаз крутит снежное марево. А прямо передо мной, у ступенек — Соломо-о-он!!!

Он стоит, схватившись рукой за перила. Иссиня-бледный, в окровавленной рубахе. Одни лишь глаза на сером лице. Вижу, как ходят скулы: пытается что-то сказать и не может. Лишь беззвучно шевелит губами. Потом бессильно опускается на колени, словно на молитву становится. Тянет ко мне руки-плети: защити меня, защити! Ты же знаешь: Соломон по-еврейски — «мирный»! Я хочу сделать шаг вниз по ступенькам. Но тут над ухом хлопает: тр-а-ахх!

Поворачиваю голову. Косилкин опускает дымящийся пороховой гарью наган. А внизу на белом снегу — белое.

... Прежде чем войти в казарму, старшина твердо и настойчиво держит меня за плечо. Сверлит расширенным глазом:

— Никому об этом. А то и тебе, и ребятам хана. За невыполнение приказа — самих к стенке. Ясно? — Я молчу.

Утром командир эскадрильи, всмотревшись в меня, протянул задумчиво:

— Да ты никак седеешь... С чего это?

¹ *Капонир* (фр. *caponniere* — ниша) — это сооружение для ведения флангового огня по двум противоположным направлениям.

Вопросы и задания

1. Кто, с вашей точки зрения, является главным героем рассказа — фельдшер Соломон или 19-летний рассказчик? Что роднит этих героев?
2. Страх на войне может стать дорогой дезертирства, но не дорогой предательства. Докажите это, раскрыв систему нравственных ценностей Соломона. Почему герой рождает ассоциации с доктором Живаго из романа Бориса Пастернака?
3. Какую роль в образной системе играет старшина Косилкин? Можно ли утверждать, что у героя говорящая фамилия? Почему этот персонаж вызывает антипатию?
4. Докажите, что Борис Челышев — мастер психологического портрета. Какие детали внешности героев отражают отношение автора к персонажам?
5. «Дважды расстрелянный» — в этой фразе отражена трагичность судьбы Соломона. Почему автор именно так выстраивает цепь жизненных эпизодов?
6. Определите идею рассказа. Отражает ли ее название? Как еще можно было бы назвать рассказ?

ПЕТР ШПАКОВ

Из сборника «Кантата мужеству»

* * *

Чем дальше мы уходим от войны,	... Был розов снег.
Чем реже черный лик ее нам снится,	Была седою пыль.
Тем явственней разливы тишины,	В свинцовой замети
Тем многозвучнее напевы птицы.	И гарью пахнувший степной ковыль
	Хлестал в лицо...
	Все это было, было...

МЕДСЕСТРЫ

...Сгущаются тучи.	Какой раз по счету?!
Все ниже и ниже.	Не время считать.
То стихнет, то вновь разгорается бой.	
На грани переднего края	И каждая шла —
все ближе,	и в жару,
Все яростней	и в метели,
мечется смерть над тобой.	Где пылью свинцовой поземка мела,
Тебе же дано —	С солдатским оружием,
самой сутью,	в солдатской шинели,
по долгу —	Солдатскую долю
От смерти собою бойца укрывать,	на равных
Ползти под обстрелом	несла...
мучительно долго...	

* * *

Опушка рощи вся черна от дыма. Поэт к сраженьям рвался,
Нам через час идти в атаку вновь. как боец:
Усталость наземь валит «Увижу кровь,
нестерпимо. увижу праздник мести,
С лица стираю вместе с потом Засвищит вокруг меня
кровь. губительный свинец». И чем смелей,
И вижу: запевала батальонный доходчивей
Откуда-то достал, читать готов, И чем смелей,
Неведомо как в битвах сохраненный, доходчивей
Потертый томик и проше
пушкинских Читал, и чем взволнованнее был,
стихов. Тем все заметней оживала роща,
И стало вдруг светлее И белый цвет черемух в небе плыл.
в роще дымной. И не страшил нас грохот
Иной, вражьих пушек
в необозримой широте, И предстоящих
Открылся мир... жарких
Высокой нотой битв накал —
гимна Ведь рядом с нами
Он звал нас к благородству, шел великий Пушкин,
доброте. Глагол из сердца
На смертный бой, искру высекал.
«К знаменам бранной чести» —

Вопросы и задания

1. Определите микротемы стихотворений. Как они отражают главную тему «подвиг солдата»?
2. Для стиля П. Шпакова характерна «лесенка»: это способ записи стиха с разрывами строк на определенном слове и продолжением записи с новой строки. Чего добивается автор, разрывая фразы на отрезки? Что, с вашей точки зрения, более выразительно у П. Шпакова — тропы или фигуры речи?
3. Как реагируют фронтовики на пушкинские строчки? (По стихотворению «Опушка рощи вся черна от дыма...»). В чем, кроме поэтических строчек, черпали солдаты веру в победу?

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ТЕМАТИКА

В течение жизни каждый стремится доказать, что имеет право называться человеком. Независимо от регалий, достижений, чинов и должностей с годами приходит осознание того, что жить в стороне от проблем государства — значит уподобляться Иванам, не помнящим родства. Не изменять себе и Отечеству учит литература. Идеологический вектор приднестровских авторов направлен на

воспитание гражданина-гуманиста. Пройдя через молох войны, молодое наше государство на осколках распавшейся советской империи сумело сохранить интернационализм и терпимость по отношению к инакомыслящим. А литература в художественных образах отразила эту тенденцию.

Мерой ответственности и любовью к родному краю, желанием постигнуть истоки духовного возрождения проникнут *Гимн Приднестровской Молдавской Республики*. Его авторы **Борис Парменов, Николай Божко и Виталий Пищенко** славное прошлое, настоящее и будущее Приднестровья связали с народом, сила которого в единстве. Идею гимна предложил Борис Николаевич Парменов. Тирасполь стал для этого человека второй родиной. Когда в 1992 году разгорелась война, он не остался в стороне. Несмотря на физические ограничения, он был в гуще событий, на передовой: пел для таких же ребят, как он, вынужденных взять в руки оружие, чтобы защищать свои дома, свои семьи. Пел всюду, где нужен был его голос, его дух, его патриотизм. Пел о войне, которую навязали Приднестровью, о невозможности оставаться безучастным к происходящему, пел о наших мужчинах-героях, которые вовсе не собирались становиться героями, не собирались воевать. Еще вчера они были просто сыновьями, отцами, братьями и вот стали защитниками. В песнях Парменова нет пафоса, но есть правда — такая нужная во все времена.

«Принято считать, что человек должен оставить после себя след, ибо надо же чем-то оправдать наше быстротечное пребывание на этой земле», — так писала **Ольга Сизова** в предисловии к своему сборнику произведений «*След на песке*».

Талантливая поэтесса в своих произведениях поднимает вечные темы любви, памяти, тонкого ощущения прошлого и грядущего. И говорит об этом необычно просто и удивительно проникновенно. Неравнодушно, прямо и страстно поэтесса говорит о том, что произошло в некогда великой стране:

*Посреди невиданной разрухи,
Где эпохи свищут сквозняки,
Чем помочь вам, милые старухи,
Чем помочь, родные старики?
Сгорбленные, сырые, седые,
С горечью глядящие на нас...
Что же ты наделала, Россия,
С теми, кто тебя когда-то спас...*

Но было бы несправедливо и неполно говорить об Ольге Сизовой только как о поэте. Она великолепный прозаик и очеркист. Читателя не оставит равнодушным ее замечательные рассказы «Романтическое путешествие», «Другие игры», «Провинциальные поэты» и др.

У Ольги Сизовой свое видение приднестровского конфликта. Через судьбу главной героини рассказа «Спас рукотворный» прошла линия огня «этой странной войны». Страшное потрясение, щемящая боль заставляет рваться на части сердце и поднимает из глубин души память предков. «Из непроглядной тьмы веков... проступают живые глаза Спаса..., чтобы сейчас в конце страшного века, среди грохота орудий и смерти, вновь осветить путь человеческий...»

Настоящий ты человек или нет, проверяет время. А еще и экстремальные ситуации, когда с каждого спадает суетная шелуха и остается одна правда о человеке.

Об этом пишет **Никандр Елагин** в книге *«Побратимы Арктики»*. Книга вобрала в себя множество малоизвестных фактов из истории обороны северных рубежей и арктических конвоев союзников, доставлявших военные и гражданские грузы Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны. Тысячи имен, тысячи судеб и не меньше боевых эпизодов освещены в книге Н. Елагина. 28 лет работал над ней автор. Есть в ней имена и наших приднестровцев, участвовавших в обороне острова Диксон на суше и море. Герои Н. Елагина своей жизнью показывают пример гражданского служения Отечеству.

Оставаться патриотом своей страны, когда тебя вычеркивают из списка благонадежных, порой просто невозможно. Только сильные духом способны пережить предательство и остаться верными родной земле. О такой силе патриотизма пишет **Леонид Литвиненко** в рассказе *«Человек должен быть морем»*. Бендерский поэт показал свое мастерство в прозаическом жанре. Леонид Алексеевич предложил своему читателю ретроспективу жизни непростого героя — бывшего военнопленного, бывшего заключенного (15 лет отсидел в советских лагерях).

Кто он, этот сын своей страны? Разочаровавшийся в людях репрессированный? Сломавшийся интеллигент? Нет, человек, которому испытания позволяют стать судьей времени. В лагерях, чтобы не потерять веру, герой начинает писать: «Задумал я романище! О времени и о себе. Восемь лет этим жил, тюрьмы не чувствовал, знал, что сижу не без пользы. Восемь лет верил в жизнь и в то, что она не потеряна. Восемь лет каждый день по мысли вынашивал, каждый день строчки строгал». Но жизнь снова показала свой звериный оскал: рукопись в шестьсот страниц конвоир сжег в печке. Чтобы не обозлиться на человечество, герой стал писать без чернил и бумаги — «на память». Это и помогло выжить и не сойти с ума. Один из написанных таким образом рассказов герой предлагает случайному встречному. И снова читатель видит человека, живущего по принципу: «Люди, не лгите! Не торгуйте совестью».

«Не торговать совестью!» — основной постулат приднестровской литературы. И гражданская тематика — тому подтверждение. О чем бы ни писали наши соотечественники, какую бы эпоху ни отражали в своих произведениях, все становится материалом для глубокого размышления.

БОРИС ПАРМЕНОВ, НИКОЛАЙ БОЖКО, ВИТАЛИЙ ПИЩЕНКО

ГИМН ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

I

Мы славу поем Приднестровью,
Здесь дружба народов крепка,
Великой сыновней любовью
Мы спаяны с ним на века.
Восславим сады и заводы,
Поселки, поля, города —
В них долгие славные годы
На благо Отчизны труда.

Припев:

Пронесем через годы
Имя гордой страны
И Республике свободы,
Как правде, мы будем верны.

II

Мы славим родные долины,
Седого Днестра берега.
О подвигах помним былинных,
Нам слава отцов дорога.
Восславим мы всех поименно,
Погибших за наш отчий дом.
Пред памятью павших священной
Отечеству клятву даем.

П р и п е в :

Пронесем через годы
Имя гордой страны
И Республике свободы,
Как правде, мы будем верны.

Вопросы и задания

1. Какие традиции создания гимнов отражены в стилистике гимна Приднестровской Молдавской Республики?
2. Какие строчки гимна свидетельствуют о гражданственной сознательности авторов?

ОЛЬГА СИЗОВА

СПАС РУКОТВОРНЫЙ

С самого первого дня, с 19 июня, когда осами завизжали первые пули, а потом тяжело заухала канонада, мать и дочь превратились в сиамских близнецов. Света, в последнее время все больше и больше отдалявшаяся от Ларисы, казалось, вновь стала трехлетней, шагу не могушей ступить без матери, и Лариса вцепилась в младшенькую всем своим существом, ибо нет на свете ничего сильнее всепобеждающего материнского инстинкта, жертвенного стремления спасти свое продолжение от гибели, хотя, что могла она, слабая женщина? Разве что закрыть дочь своим телом от пули? Но сколько тел нужно было иметь, чтобы защитить от всех шальных пуль и осколков? Со старшим, Сашей, было сложнее. В мае перед самой войной он дембельнулся, считал себя совершенно взрослым мужчиной, которому мать не указ и, конечно же, сразу ушел в ополчение. До Ларисы доходили слухи, что находится он где-то в районе моста. Иногда сын присылал короткие записки на обрывках грязной бумаги, в которых уверял, что пребывает в полной безопасности, и жизнь его напоминает каникулы в пионерском лагере. Залихватский тон этих записок заставлял на части рваться Ларисино сердце, но и здесь она была бессильна. В несколько дней кровавая волна войны докатилась из центра города до микрорайона Ленинский и здесь застыла железобетонной глыбой, казалось, навечно. Каждую ночь сумасшедшая пальба кнутом била по барабанным перепонкам и нервам. И каждую ночь мать и дочь лежали в подполе на матрацах, вздрагивая от особенно сильных разрывов, уже хорошо различая, где мина, где «Алазань», где сухие автоматные очереди, словно палкой по забору. Каждая ночь была адом, привыкнуть к которому невозможно. Спали днем как воюющие стороны, так и загадочная «третья сила», о которой без конца твердил исправно работающий телевизор. Эта магическая «третья сила» была похожа на Бэтмена, распростершего свой крылатый плащ: такая же вездесущая и нереальная.

Опоновцы-молдаване, прочно обосновавшиеся на Ленинском, днем были пьяны и даже дружелюбны. Что происходило в центре города, Лариса знала лишь по рассказам соседей, там стояли наши, то есть гвардейцы и казаки. Странная была война. На крохотном клочке земли, в маленьком городе взаправду лилась кровь и гибли люди. А вокруг, в соседних городах и селах, шла обычная жизнь с ее повседневными проблемами. Это вам не «вставай, страна огромная».

Лариса жила в частном секторе у кинопроката, в доме, оставшемся от мужа и свекрови. Свекровь умерла два года назад. Муж, смолоду пристрастившийся к выпивке, в тридцать шесть лет повесился в приступе белой горячки. Саше было тогда восемь, Свете шесть лет.

Лариса ставила их на ноги одна, свекровь, конечно, помогала, да от ее родителей кое-что перепало. Но основной груз лег на Ларисины плечи. Работала она на шелковом, да еще заочно в техникуме училась. Немного полегчало, когда мастером ее назначили, но стало сдавать здоровье. В последнее время, чуть ли не каждый год, лежала в кардиологии. Родом Лариса была из старообрядческого села Плоское, что на левом берегу Днестра. Старообрядцы, которых в Приднестровье издавна звали «кацапами», жили замкнуто, своими кланами и районами в городах. В Бендерах таким районом была Балка. Обычаи предков и веру кацапы старались блюсти, с «никонианцами», отступниками от старой веры не рождались. Имена у всех были особые, глубокой древностью, могучим русским духом веяло от Аполлонов, Егоров, Марф да Анфис. А фамилии! Каким набатом звучали – Аввакумовы, Иконниковы, Перстневы, Китаевы! Только вот все больше и больше молодежи впадало в безверие, уходило в города, где, стыдясь своих «деревенских» имен, становились Александрями, Игорями, Маринами. Вот и Анфиса Аввакумова стала Ларисой, а потом и вовсе Коваленко. Пропали раскольничьи корни за иностранным именем да «хохляцкой» фамилией. Если и осталось что, то только нехарактерная для здешних мест, чисто русская красота: прямые белокурые волосы, не знавшие краски, большие голубые глаза да девическая стать. Красота эта была холодноватой и строгой, лишеной южной чувственности, присущей женщинам с обоих берегов Днестра, которые славятся своей броской внешностью благодаря гремучей смеси кровей, текущих в жилах обитателей этого перекрестка Европы, где оставили свой след чуть ли не все существующие на земле национальности. И если Лариса выглядела как Василиса из русской сказки, то Светка ... вот в ком с избытком воплотилось все то, о чем говорилось выше. Кого только не было в роду покойного Сергея Коваленко: украинцы, молдаване, турки, даже француз какой-то затесался, как рассказывала покойная свекровь. Светка так и полыхала жаром пробуждающейся чувственности. В лице ее не было материнской правильности черт и строгости линий, но если неброская красота Ларисы раскрывалась не сразу, требовала пристального созерцания, то Светкины горящие глаза и влажные губы, оттененные темным пушком, были видны за версту. А что уже говорить о воинственно торчащей груди, которую не могло скрыть просторное платье, нарочно надетое на дочь Ларисой: при ходьбе крепкие колени упирались в длинный балахон, ткань натягивалась, соблазнительно подчеркивая полные бедра и маленький округлый живот. «Хоть пальто на нее надевай!» – в отчаянии сокрушалась Лариса, сжимая Светкину руку. Правда, опасаться было

вроде бы нечего. Дорога была исхоженной и безопасной, но тревога не покидала ее. Они шли мимо здания кинопроката к тетке Анне, сестре покойной свекрови. Та категорически отказалась перебраться к Ларисе, хоть и ноги не слушались, и сердце шалило, но все твердила она упрямо: «Чем всего добра лишиться, лучше вовсе помереть». А добра-то было пара кур да старый телевизор. Вот и ходили они к тетке чуть не каждый день то просто поведать, то несли что-то из своих скудных съестных припасов — как-никак единственная родня в городе.

У открытых ворот кинопроката топтались опоновцы. Лариса не боялась их, почти всех знала в лицо, те чаще всего не обращали на женщин внимания, лишь иногда отпускали вслед плоские шуточки. Но на этот раз резкий окрик заставил мать и дочь вздрогнуть: «Мэй, фетиць, стай оляк!» Краем глаза Лариса увидела, что опоновцы незнакомые, молодые и уже с утра в изрядном подпитии. Склонив голову, она ускорила шаг, все сильнее сжимая руку дочери.

— Что, не понимаете по-румынски, суки? — низкорослый парень с белой повязкой вокруг лба заступил им дорогу, выставив перед собой автомат. Мать и дочь, отшатнувшись, молчали. Опонец ухмылялся, переведя хмельной взгляд с одной на другую. Лариса сделала шаг в сторону, загораживая собой Светку. Вояка дулом автомата с силой оттолкнул ее.

— Стоять! Куда идете?

— Мы к бабушке... Она тут рядом живет. Мы только еду ей отнесем и обратно. Пропустите нас... Пожалуйста... Пофтим, — быстро заговорила Лариса.

— Ха-ха-ха! Говоришь, значит, по-румынски. А ну, еще скажи что-нибудь. Вот как вас учить надо. А ну, вспоминай!

Лариса закусила губу, осознав унижительность ситуации. Откуда у нее, смолоду слывшей гордячкой, взялся этот заискивающий тон, откуда вырвалось «пофтим»? Страх за Светку. Иначе плюнула бы в эту наглую рожу — и будь, что будет!

— Молчишь. Ну, пусть девка вспомнит. У нее память лучше.

Лариса метнула панический взгляд на дочь, у той в расширенных глазах уже стояли слезы. Вдруг опонец протянул вперед руку с растопыренными грязными пальцами и схватил Светку за грудь. Девчонка завизжала и шарахнулась от него, но тот, изловчившись, схватил ее за подол, ткань затрещала. Светка, путаясь в разорванном платье и стараясь увильнуть от своего мучителя, упала в пыль, ее ноги заголились выше колен. Опонец, гогоча как жеребец и все больше распаясь, рухнул на девушку, по-хозяйски подминая ее под себя. В этот момент Лариса разъяренной тигрицей впиалась ему в волосы. Тот взвыл, одним движением отбросил ее, и, вскочив на ноги, пальнул в воздух из автомата.

— Встать, б... — заорал он, наведя на Светку ствол, и кивнул в сторону кинопроката. — Пошла! А ты стой тут, а то пристрелю на месте. Подерешься у меня...

— Нет! — не своим голосом завопила Лариса — Оставь ее! Богом прошу, оставь! Я пойду!

— Ты! — почти добродушно ухмыльнулся вояка. — И ты сгодишься. Мэй, Василий! — крикнул он своему товарищу, который до сих пор наблюдал за происходящим, привалившись к стене и даже не пытаясь вмешаться, теперь же он, сильно пошатываясь, двинулся вперед. Кривая усмешка играла на его мокрых губах. Он был моложе и выше первого. Дурнота накатила на Ларису, мир качнулся перед

глазами, резким толчком ударило в грудь сердце, она стала оседать на землю.

— Ма-а-а-ма! — как сквозь вату донесся до нее голос дочери, которую уже волок за руку второй опоновец. Сознание покинуло женщину.

Первое, что она увидела, открыв глаза, было залитое слезами лицо Светки. Лариса приподнялась на локте, движение острой болью отозвалось в сердце. Двое их мучителей вытянулись по стойке смирно перед высоким человеком в камуфляже, что-то громко говорившем им по-молдавски, рядом стояла белая «шестерка». Высокий оглянулся.

— Вам лучше? Можете идти? — он говорил совсем без акцента. Лариса уже встала, опираясь на Светкину руку.

— Идите, да побыстрее. Дома надо сидеть в такое время.

Домой они бежали, не помня себя. Переступив порог, Светка бросилась на пол и забилась в истерике. Лариса, преодолевая боль в сердце, дотащила ее до кровати, попыталась напоить, но зубы Светки стучали о край стакана, вода лилась мимо. Рыдания вдруг сменились истерическим смехом. И тогда Лариса наотмашь ударила дочь по лицу, голова ее мотнулась в сторону, всхлипнув еще раз, она затихла. Лариса нежно обняла дочь: «Ну, все, доченька. Все хорошо. Попей водички. Ложись поспи. Я тебе сейчас валерьяночки дам. Все хорошо».

— Ты знаешь, мам, как все было, — вдруг заговорила Светка почти спокойно, — как только ты сознание потеряла, эта машина, откуда ми возьмишь, появилась, и из нее тот высокий дядька выскочил. Сразу все понял, этим подонкам разгон устроил, а тут ты очнулась. Какое счастье, мамочка, что так все кончилось. Бабушка бы сказала: Бог его нам послал.

— Так и есть, наверное, Светочка. Ну все, ложись. — Она посидела над затихшей дочерью, подождала, пока та задышала, наконец, ровно. Поднялась, прижав руку к ноющему сердцу, и пошла в комнату покойной свекрови, где над никелированной кроватью с подзорами в углу висели дешевые иконы в жестяных окладах с голубыми и розовыми бумажными цветами под стеклом. Лариса поднесла сложенные щепотью пальцы ко лбу, чтобы перекреститься, но рука ее медленно опустилась, она повернулась и вышла из комнаты.

На веранде стоял старый сундук, она подняла крышку, встала на колени, запустила руку под кучу тряпья и нашарила на самом дне обернутую в газету доску. Это была старообрядческая икона, которой четверть века назад благословила ее мать. Икона была без оклада, почти черная, неясный контур полуфигуры Христа был едва виден на ней, он словно проступал из непроглядной тьмы веков. Лариса пристально всмотрелась в тонкий коричневый лик с пронизывающим взглядом огромных глаз и припала к нему губами. Потом бережно поставила икону на сундук и стала истоиво креститься двумя перстами и бить поклоны. Шестилетней девочкой рядом с бабкой вот так стояла она в последний раз. Она забыла слова молитв и шептала простые земные слова раскаяния, прощения, благодарности, и с каждым словом падала с ее души частица страшного груза. Пристально и неотступно следил за ней Спас. В каком древнем скиту при чадающих лучинах молодой или старый иконописец создавал этот лик? Давно сгнили в земле или сгорели в огне самосожжения его кости. Ушли в небытие поколения тех, кто склонял перед этой иконой колени: женщины в низко повязанных платках, мужчины с длинными окладистыми

бородами. Двадцать пять лет пролежала во тьме икона, сокрытая от света и людских глаз, чтобы сейчас в конце страшного века, среди грохота орудий и смерти, вновь осветить путь человеческий.

Стемнело. Лариса, словно окаменев, все всматривалась в черный прямоугольник. Слишком тяжелым был день, слишком сильны потрясения, обострены чувства. Сколько еще выдержит ее истерзанное сердце? Кто защитит ее, увидит в ней несчастную испуганную девочку, у которой больше нет сил страдать, бороться. Ей казалось, что мерцают с иконы живые глаза Спаса. Казалось... Снова заухала канонада. Где-то там, в неразберихе ночного боя был ее мальчик, ее Саша. И она стала молиться о сыне.

2002 г.

Вопросы и задания

1. Почему автор говорит, что страшные события 1992 года превратили мать и дочь в «сиамских близнецов»?
2. Как вы думаете, почему «залихватский тон» записок сына заставлял «на части рваться Ларисино сердце»?
3. Что мы узнаем из прошлой жизни Ларисы, о вере ее предков?
4. Прокомментируйте, какой глубинный смысл скрыт в словах «Пристально и неотступно следил за ней Спас».

НИКАНДР ЕЛАГИН

ПОБРАТИМЫ АРКТИКИ

(Главы из книги)

Проходят дни, недели, годы... Стоило мне отыскать одного из дежнёвцев, как через него дорога пролегла ко второму, третьему...

С годами у каждого журналиста формируется главное направление в творчестве. У меня, наверное, уже больше не будет более важной темы. О судьбах защитников арктического Диксона много написано в последнее время. Но каждый пишущий имеет свой взгляд, свое отношение к этой теме.

Каждый год, когда май спешит к девятому, а июнь — к двадцать второму, спокойно спят ветераны. Это волнение передается и мне... Я уже не могу проехать мимо во время отпуска, если знаю, что где-то рядом по известным адресам живут североморцы. Я снова спешу на одну из таких встреч.

В конце октября в Причерноморье властвует бабье лето. Оно разжигает такие осенние костры на деревьях, что диву даешься их палитре: яркий пурпур и червонное золото, светлая охра и бурая зелень...

Хоть говорят, что рано в гости не ходят, мне надо было успеть к пятичасовому утреннему маршрутному автобусу «Днестровск–Одесса». И вот он катит по широкой трассе, разрывая лучами фар черную южную ночь, выхватывая из темноты буйные деревья, то красные, то желтые, то еще вовсе зеленые. Отраженный от них свет веет то грустью увядающей природы, то теплом уходящего лета. Может, весь этот наряд осени как-то согласовывался с моим душевным состоянием — я ехал

на встречу еще с одним дежнёвцем. Он жил под Одессой, в пригороде Ильичёвска.

Ранним утром, пройдя через калитку и чисто прибранный дворик, я постучал в дверь небольшого, почти дачного, домика. Заспанная, седенькая женщина громко спросила:

— Кого вам надо?

Объясняю: здесь должен жить дежнёвец Павел Данилович Орлов.

— Павел Данилович болен. Сейчас спрошу, сможет ли он вас принять...

На летнюю веранду, приспособленную под кухню, вышел высокий пожилой мужчина. Знакомимся. Наше письмо он получил, но по болезни все откладывал ответ. Руки его вздрагивали, на щеках появился румянец. Глаза, еще не отошедшие ото сна, вдруг потеплели, засияли молодым блеском.

...Родился и вырос Павел Данилович в многодетной семье под Ростовом, отец его разъезжал в почтовых вагонах, а сына притянуло к себе море.

— На всю жизнь, — подтверждает Павел Данилович. — Сначала — на «Сибирякове», затем — на «Дежнёве». Начинал кочегаром. На «Дежнёве» — машинист. Третий механик — на «Седове». Весь Север обошел, все острова, все полярные станции и зимовки. Везде подставлял свой горб Арктике. Тяжелая же эта ноша! Испытал коварство пролива Вилькицкого. Туда он тебя пустит, а обратно — надо с ним бороться. И кто — кого... Перед войной, в зиму с тридцать седьмого на тридцать восьмой год, зимовал у Северной Земли. Трудная была зимовка. Что запомнилось? Утром подушку от борта отдираешь, примерзла... Из бочки смастерили печку. Уголь экономили. Зима длинная, полярная. Но не было отчаяния, одиночества...

Пожалуй, именно после знакомства с Орловым я стал искать и находить в биографиях «Сибирякова» и «Дежнёва» неразрывную связь. Вместе они выполняли мирные операции, не раз участвовали в совместных конвоях. Да и подвиг «Сибирякова» как бы предвосхитил подвиг «Дежнёва».

— Что еще объединяет эти ледокольные пароходы? — переспрашивает Павел Данилович. — Люди. Эти корабли, не для громкого словца, настоящие побратимы. Их экипажи дополняли и пополняли друг друга. Да вот хотя бы меня возьмите. На «Сибирякове» прошел школу моряка под руководством Павла Вавилова. Да, того самого Вавилова! Спасся на шлюпочке, много дней голодал, пока его не снял с острова полярный летчик Черевичный. Хороший человек! Наставлял умразуму не назиданиями, а личным примером. Сильный и добрый... Бой «Шеера» с «Сибиряковым» походил на борьбу слона и мышонка. Как дал крейсер дуплетом, так насквозь и просадил «Сибирякова». В одну такую пробойну чудом удалось пройти Вавилону... Долго он плавал на «Сибирякове», усидчивый был, что ли... Другие рвались в загранку, а мы — на зверобойку, в Арктику...

Как тут не вспомнить слова бывалого моряка Константина Бадигина? В своей книге «На морских дорогах» он с гордостью писал, что пришел из Главсевморпути. И на капитанский мостик он вновь решил вернуться в разгар войны. «Все-таки это мое первое дело. Я, моряк торгового флота, капитан дальнего плавания, люблю море и свои корабли и теплоходы. Все они мне дороги, — писал он. — На каждом судне можно встретить кого-нибудь из знакомых, с кем стоял на вахте в пути или выгружал груз на зимовке в Арктике... Или, может быть, наши

пароходы стояли когда-то на соседних причалах. Особенно приятны встречи с однокашниками, с кем постигал в мореходке мудрость судовождения». В разговоре я припомнил эти слова. А Павел Данилович как будто процитировал далее слова из книги, что сразу же с начала войны стало ясно, что вчерашние мирные корабли — первые помощники фронту. Взять хотя бы тот же «Сибиряков» или «Дежнёв», которому присвоили даже военное звание «СКР-19»...

Разбередил я душу Павла Даниловича. Он уже не жаловался на болезнь, как бы вскользь обмолвился, что вот, мол, уж на пенсии несколько лет. И сейчас бы работал, если бы несчастье не подстерегло. Случилось, машина наехала...

Жена Тамара Игнатьевна (вместе сорок лет прожили) заметила тень на лице мужа, забеспокоилась, вступила в наш разговор, чтобы увести его в сторонку.

— Совсем глухая! Без аппарата ничего не слышу... Ждем вот — зять должен подъехать. Тоже плавает, в Архангельске живет с Ириной, дочкой нашей. Сын Аркадий тоже моряк. Морская семья!

...Выхожу на улицу. Солнце к зениту подбирается. Тепло, как в середине лета. Осень... Может, мне просто кажется. И до осени еще далеко.

Глава «ОДИН НА СКАЛЕ»

...Вавилов и еще два его товарища метались по горящему судну. Пылали палубные надстройки. Стена огня отрезала им путь к корме. Оставалось повыше забраться на мачту и прыгать. Из троих вынырнул только Павел.

На воде горел разлившийся бензин. Черным стало море от всплывшей угольной пыли. Плясали доски, бревна, ящики, чемоданы. Увидел неподалеку шлюпку. Пока плыл к ней, затонул и израненный, но не сдавшийся ледекол.

Когда взобрался в шлюпку, почувствовал, как болят обожженные руки. Озноб бил так, что не попадал зуб на зуб. Разделся, выжал одежду, снова надел на себя. Осмотрел ящики, устроенные вдоль бортов. В них хранился неприкосновенный запас: галеты, запаянная банка со спичками, в парусиновом мешочке ракеты. Но ракетного пистолета не оказалось. Нашлись два топора, ведро, три анкера с водой, спиртовка, шлюпочный компас, кобура с наганом и запасной обоймой.

К борту прибило мешок с мукой. Сил поднять его не было. Он привязал его шкериком к кольцу на корме шлюпки. Подобрал потом плавающий неподалеку спальный мешок с теплой одеждой, еще несколько нужных вещей.

Вдали проглядывались берега небольшого острова. На берегу моряк закрепил конец со шлюпки, съел галету. Немного передохнул и по крутому скалистому берегу начал карабкаться вверх, где стояла решетчатая башенка маяка-мигалки. Подошел к ней, увидел на одной из стоек прибитую доску с надписью «Белуха» — так назывался остров.

«Надо вести счет дням», — подумал Вавилов и провел на бревне, найденном тут же, черной краской жирную полосу. Спустившись к месту высадки, он перенес к маяку все оставленные вещи и сделал, как оказалось, вовремя. Назавтра крутые штормовые волны разбили шлюпку о камни, мешок выбросило на берег, но в нем оказалась не мука, а отруби.

Павел сколотил небольшой домик, укрывший его от дождя и ветра. День за днем он обследовал остров. Как-то раз увидел в ложбинке матерую медведицу

с двумя медведжатами. Но что сделаешь с ними, имея в руках один наган? Опасаясь нашествия непрошенных гостей, перебрался из домика на верхнюю площадку маяка, перенес наверх все свои припасы.

Мучительно тянулись дни. Сберегая спички, Павел раз в три дня разжигал костер и варил в ведре месиво из отрубей и галет, согревался кипятком, сушил одежду. А между тем на столбе становилось все больше и больше черных полос, их было уже более двадцати. Дни становились все холоднее, пронзительнее дули ветры, выпадали снежные заряды. Одиночество становилось все невыносимее. Когда-то, обходя остров, он увидел под скалой белое пятно. Павел принял его за спящую медведицу. Вынув из кобуры наган, начал медленно подкрадываться. И только приблизившись, понял, что это снег.

«Плохи твои дела, Вавилов, — подумал он, — если уже галлюцинации начались...»

Может, галлюцинацией были и появляющиеся изредка на краю горизонта силуэты судов и гул самолетов, пролетающих над островом? Но на тридцать второй день его пребывания на острове, когда в коробке осталось всего несколько спичек, он явственно увидел пароход. Схватив шест с прибитым к нему брезентом, он забегал по острову.

Но видели ли его? Не могли не видеть. А если заметили, помощь придет непременно. Теперь уж недолго ее ждать. Назавтра над островом появился гидросамолет. Вот от него отделился мешок и упал на землю. В мешке были теплые вещи, шоколад, сгущенное молоко, жареная рыба, чайник, примус. В записке, находившейся там же, он прочел: «На крутой волне сесть не смогли, но при первом же случае прилетим за тобой...»

Спустя несколько дней, когда море немного успокоилось, И.И. Черевичный поднял в воздух свой гидросамолет, сел на воду, подрулил к берегу. «Человек бросился в холодные волны, нам навстречу, — вспоминал Иван Иванович. — Он назвался Павлом Ивановичем Вавиловым, кочегаром с погибшего «Сибирякова». Так впервые о подвиге сибиряковцев узнали во всех подробностях от Вавилова вначале на острове Диксон, а затем и в Москве, куда Вавилов срочно был отправлен...

... Мы сидим с женой Павла Ивановича — Анной Степановной — в ее небольшой, уютно убранной квартире. Выросли дочери Женя и Ольга, сама она стала не только бабушкой, но и прабабушкой. Годы идут.

Она показывает дорогие ей фотографии, книги, газеты, журнальные статьи о Павле, его документы. Боевые награды, орден Ленина и звезду Героя Социалистического Труда. А вот и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1960 года о присвоении ему высокого звания.

— Недолго пожил Павел после этого, — рассказывает Анна Степановна. — Здоровье-то было сильно подорвано, но никогда ни одной жалобы не слышала от него. Да и дома в отпуске все переделает сам — побелит, покрасит и валенки подошьет, и кастрюлю запаяет. Никакое дело не валилось из рук.

Читаю недавно полученную радиограмму с Диксона: «Уважаемая Анна Степановна! В день сорокалетия легендарного подвига команды ледокольного парохода «Сибиряков», членом которой был Ваш муж, примите на память самые лучшие пожелания в жизни. Райкомпарт Шлыков, райисполком Лашенковский».

Подобная телеграмма пришла и с борта теплохода «Павел Вавилов» от капитана Колесова и первого помощника Иванова. «Замечательное судно, — говорит Анна Степановна, — только осмотреть его не один час нужен. Долгая память будет Павлу».

Вопросы и задания

1. Что ценит в человеке Никандр Елагин и о каких героях рассказывает в своей книге?
2. Первая часть книги «Побратимы Арктики» называется «И память проступает вновь». В чем сила памяти? Почему понятие гражданственности немислимо без исторической памяти?
3. Что помогает выжить человеку в экстремальных ситуациях? Какие герои художественных произведений могли бы стать «побратимами» Павла Вавилова?
4. Прокомментируйте названия книги «Побратимы Арктики» и главы «Один на скале».

ЛЕОНИД ЛИТВИНЕНКО

«ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН БЫТЬ МОРЕМ...»

Ах, война, что ж ты сделала, подлая?

Б. Окуджава

Море было цветным. Темно-синее и зеленое с позолотой — оно искрилось, слепило глаза, казалось, кто-то расплескал по нему разноцветные краски.

Держа в руке маленького краба, пойманного на отмели, я вышел на берег. Капли моря, в которых утонуло солнце, стекали с успевших побронзоветь плеч. Я спрятал краба в банку и лег на песок, уже не такой горячий, как до купания.

Мысли шли. Придумывать ничего не нужно. Бумага и карандаш рядом. Строки выстроились сами:

Я хочу спросить тебя, море.

Почему ты такое глубокое,

Почему ты такое синее,

Отчего ты такое сильное, море?

— Пишу мои вирши, живется легко...

Я не сразу понял, что к чему. Мужчина, ослабившись, обнаружил два ряда вставных зубов. Улыбка мне не понравилась: оскал был неприятен да и глаза маленькие, глубоко сидящие, ничего не выражающие.

— Ну-ну. Вдохновение? Морские картинки. Экзотика.

Не спрашивая разрешения, он опустился на песок и вытянул у меня из-под рук написанное.

— «Я хочу спросить тебя, море...»

Я резко приподнялся и вырвал лист.

— Не кажется ли вам, что вы хамите?

— Нет, не кажется, — невозмутимо ответил он. — Зря кипятиться.

— А почему вы со мной на «ты»?

— А я со всеми на «ты». Со знакомыми и нет, с вожжами, с богами.

Мне показалось, что передо мной злонамеренный скептик, пытающийся иронизировать. Но я сдержался.

— С какими же богами?

— Конечно, не с Христом и уж, разумеется, не с Марией Магдалиной. Сейчас я на «ты» с Посейдоном.

— Вы считаете это остроумием?

— Нет, — снова осклабился он, — констатацией.

Заметив раздражение на моем лице, он пояснил:

— Не думай, я не детектив, просто потянуло на чужое вдохновение, вот и подсел к тебе.

— Откуда вы знаете, чем я занимаюсь?

— Знаю, — усмехнулся он. — Три дня за тобой слежу.

Я усмехнулся в ответ:

— А говорите, не детектив!

— Конечно, нет. Нравись ты мне.

— Даже? Любовь с первого взгляда, — попытался состричь я.

— Нравись, — он как бы не заметил моей реплики. — Что-то есть в тебе от меня, молодого. Я ведь тоже стихи писал, и, знаешь, в первой и пока последней моей книжке было много лирики. Я был молод, горяч и, кажется, любил весь мир, особенно небо.

— Когда и где это было? — осторожно полюбопытствовал я.

— До войны. В Ленинграде. В сорок первом 23 июня ушел на фронт. Дома остались мать и сестренки. Все они выжили в блокаду, да только я с ними увиделся через пятнадцать лет. Ушел от них парнем, пришел с седыми висками и плешью на голове. А волосы были твои: с гущиной и волнами, — только я все это растерял там...

Он умолк и долго смотрел на пену волн. Море мерно плескалось, как будто дышал кто-то огромный.

— Меня они взяли под Волховом. Они — это еще не наши. Немцы. Взяли тогда, когда снег и небо перемешались у меня в глазах. Выжил. Сам хотел этого. Потом Восточная Пруссия, потом... Впрочем, о плене ты много слышал и читал сам. Не в этом дело. Когда я бежал впервые, меня догнали уже в Литве. Выбили восемь зубов, сломали ребро. Отлежался. Живуч был, как кошка, потому как хотел жить, рвался к нашим. Вторично достали на Немане. Теперь уже не били, а просто послали пулю в спину. Небо, кажется, было в кучевых облаках. Помнится, мальчишкой я часто задумывался: можно ли что-то успеть вспомнить при расстреле, повешенье, в общем, при насильственной смерти? Хлопцем еще был, а дурные мысли лезли.

Когда они меня саданули промеж лопаток, я, кажется, так ничего и не вспомнил, хотя вроде не сразу упал... Очнулся ночью, под животом склизко, весь в земле, и во рту тоже земля. Была бы наша, а то прусская... Выходила полячка. Наши уже к тому времени под Минском были.

Потом хотел служить, до Берлина идти, попросился в часть, офицер, мол, я. Но комбат психованный оказался, кричать стал: «Я те покажу офицера!» Он-то

меня и подвел под трибунал. Начали тягать: как там и что, сознавайся, шкура. А в чем? В том, что трижды небо на голову падало, что земли немецкой глотнул, что в руки автомат хотел взять?

Еще пять зубов выбили. Сознавайся! Написал в Москву. Шиш! Сознавайся!.. Я в культурной семье рос, выдержан был, воспитан, бранного слова не трогал, а тут загнул с высотное здание. Чего же ради я упоминал вождей, подымая роту в атаку?! Сознавайся, и крышка. Кто-то подсказал: сознайся, хоть и невиновен, иначе — в ящик. Ох и злость тогда меня взяла. Скрипнул бы зубами, кабы были. В плену молчал, а тут... Пусть списывают. Потом узнал, что сознавались многие: ну осудят, зато поживут. Не мог я так. В общем, чудом уцелел. Полтора десятка дали.

Впечатлительный был я, как все поэты. Вначале думал: не свыкнушь там, в лагере. Либо чахоткой кончу, либо полоумием. Многие этим кончали. Но стал писать. Ни дня без строчки. Главное, не дать себя изморить. По ночам писал, при копилке, чтоб начальство не видело. Староста в бараке был ничего, молчал. А узнали б, новой статьи не миновать. Поэзия тогда во мне сгорела, огрубел, на прозу потянуло. Задумал я романище — во! О времени и о себе. Восемь лет этим жил, тюрьмы не чувствовал, знал, что сижу не без пользы. Восемь лет верил в жизнь и в то, что она не потеряна. Восемь лет каждый день по мысли вынашивал, каждый день строчки строгал, хотел попроще, понятнее.

В январе пятьдесят пятого нашу группу перевели в другой лагерь. Делали обыск. В фуфайку рукопись зашил — нашарили. Пропускали нас через каптерку, печка горела жарко. Конвоир эту рукопись в шестьсот страниц — в огонь, не читая... Восемь лет верил и ждал, и только в эту минуту, у огня, понял, что все восемь лет в трубу вылетели. Всю жизнь в одну минуту прожил! Вот тогда я и подумал: будет ли писать писатель на необитаемом острове? Нет, если он будет знать, что его никогда не прочтут люди. Конечно, Лев Толстой как-то сказал: «Если можете не писать, не пишите». Чепуха! Толстой знал, что есть его читатель. Он не мог не писать. А если б понял, что ни одной его строчки никогда не прочтут люди, — не писал бы.

Так и я в ту минуту очутился на таком же острове. Решил, что писать не для чего и ни к чему. Но не бросил. Во сне сочинять стал и понял: если не возьмусь за карандаш — убьют, задушат меня эти буковки. Однако карандаш не тронул, побоялся. Стал «писать» на память.

Ох, и трудно было. Мысли ломались, спешили, память отставала. Возраст сказывался да и условия. По сорок раз в день начинал. Нервы — волокна. Зажал себя в такой кулак, что пальцы разжать боялся... Мне это обошлось вот в эту плешь. — Он звонко и нервно постучал себя по макушке. — Хочешь, прочту рассказ? Вспомнилось однажды, как со мной обошлись после плена. Идея? «Люди не лгите! Не торгуйте совестью». Рассказ скуп и сжат, как жизнь ээка.

Меня поражала его манера разговора — четкая, красочная, необычайно свежая. Он стяхнул песок с колена, облокотился и поглядел в сторону пляжных грибков. — Если не устал — слушай.

* * *

...Солнце упало за горизонт. Небо еще краснело, как от натуги и, казалось, вот-вот зажжет лес.

Суздальцев пристально вглядывался в закат, который никак не ложился на холст. Нервно отбросив кисть, он закурил и поспешно вышел на улицу. В теле чувствовалась дряблость, не было уже того стремления вверх, от земли, потому что не было юности и удач.

Двенадцать лет Суздальцеву не везло. Несколько небольших полотен были проданы за гроши. Ни денег, ни славы. Суздальцев жаждал и того и другого. Его не прельщало посмертное признание.

Сытые лица горожан проплывали мимо — самодовольные физиономии, расплывшиеся в жирной улыбке. И сразу вспомнились язвительно-саркастические строки Федора Нагорского:

Тучные брюхи, обрюзгшие лица.

Пот, словно жир, над бровями лоснится.

Вносят они для мирской суеты

На тротуары свои животы.

До сих пор обыватели не простили этого поэту. И после смерти «Великий Федор», как звал его народ, не дает им покоя...

Когда критик Аполлон Таневич приблизился к Суздальцеву, тот все еще был под впечатлением Нагорского.

— Что я вижу? Художник опять в трауре.

Суздальцев покосился на него, но промолчал.

— Да, не везет, мой милый, — Таневич ухмыльнулся в пушистые усы. — А я к вам шел.

— Ко мне?

— К вам. Хотите стать миллионером?

Суздальцев плюнул на грязный тротуар и усталой походкой двинулся дальше.

— Я серьезно, — дребезжащим диском пропел Таневич. — Есть дело к вам. И важное. Даю вам тему и чек на пятнадцать тысяч. Остальное — потом.

Остальное началось потом. Суздальцев работал лихорадочно, по 10 часов в сутки. Картина была закончена через три с половиной месяца и выставлена в музее для обозрения. Больной, уставший Федор Нагорский сидел в кресле, опустив бессильные руки, прикрыв глаза; со стены смотрел большой Христос, как бы благословляя поэта. Картина называлась «Великий Федор». В правой нижней части холста были надписаны строки Нагорского:

«Извините меня, сограждане,

Я устал, я очень устал».

Пресса превратила картину в апофеоз. Суздальцев стал авторитетным и знаменитым. Обыватели, глядя свои животы, раскланивались с ним на расстоянии, а иногда подавали свои пухлые, мясистые руки. Но, приобретя славу, Суздальцев потерял покой. Он знал, что народ не поверит в смиренность поэта. Народ не прощает лжи и двуличия.

Равновесие не приходило. Суздальцев читал хвалебные статьи о себе, но славы, подлинной славы, которой жаждал годы, не ощущал. Более того, он с каждым днем убеждался в непреходящем величии Нагорского. Поэт взывал к поколению:

Но если вдруг писаки узкобольные

Заголосят, что я смирился все ж,

Я, умерший, сумею встать из гроба
И прокричать: «Не верьте — это ложь!»

Суздальцев пришел в музей к закрытию. Последние посетители учтиво раскланялись с ним и пошли к выходу. Таневич долго тряс ему руку.

— Слава, мой милый, слава! Все в восторге. Картину хотят увидеть и в других городах.

Суздальцев молча подошел к своему творению. Великий Федор все так же покоился под неусыпным взглядом Христа и все так же излучал собой смирение и всепрощение.

Суздальцев вынул сапожный нож и резкими звериными ударами исполосовал картину.

— Что ты делаешь?! — завопил Таневич. — Психопат! Двухликий Янус! Фрондер!

Но Суздальцев уже шел к выходу, держа перед собой нож, одним только видом расталкивая сбежавшихся.

Выйдя на улицу, он швырнул нож в канализационную решетку, сорвал манжеты и, почувствовав долгожданное равновесие, посмотрел на близкий, очень близкий пунцово-розовый закат...

* * *

Я не сразу понял, что мой собеседник смолк. Он долго смотрел на море, усмехаясь чему-то.

— И много у вас написано вот так? — спросил я.

— Весь сборник рассказов. Я сейчас хороший школьник — все наизусть. А вообще, я еще ничего не успел, но успею. Вальтер Скотт начинал в сорок пять. Мне сорок три. Еще два года на раскачку.

Успею. Толстой и Лопе де Вега писали до поздней старости. Это не то, что быть поэтом. Они сходят со сцены рано. Я же пока не чувствую себя старым. Нет. Сорок три — это только начало, у меня ведь не было молодости. Почему же не стать молодым на пятом десятке? А договор на сборник рассказов я уже заключил. Дел теперь невпроворот. А тут увидел тебя и потянуло на лирику, исповедаться, как Мцыри. Ты же пиши. У тебя это неплохо.

И он, к моему изумлению, процитировал наизусть:

Я хочу спросить тебя, море,
Почему ты такое синее,
Отчего ты такое сильное, море?

— Да, человек должен быть морем.

— Как вас зовут? — не выдержал я.

— Хм, — он улынулся одними губами. — Одни меня называют скептиком, другие — оптимистом, третьи — этим самым, — и он покрутил пальцем возле виска. — А какая разница? Главное, что я теперь человек, понимаешь? Вот так меня и зови.

И он легкой, решительной походкой пошел вдоль берега, как будто легкость и решительность всегда сопровождали его по жизни. Я смотрел вслед этому человеку,

все мои волнения и неудачи казались пустыми по сравнению с его судьбой. Я выбросил краба в море — не знаю зачем — и долго наблюдал, как он проворно уходит в свою стихию.

Море искрилось. Далекие рыбацкие сети стояли, как вежи, и хотелось ринуться с размаху в эту горьковатую синь и плыть, плыть туда, где море сливается с небом.

Вопросы и задания

1. История о человеке, который прошел войну, испытал ужасы фашистского и советского лагеря, вписана в атмосферу стихии моря. Сама жизнь бывшего заключенного предстает перед читателем в мощной энергетике сопротивления. Выберите и проанализируйте эпизоды, в которых это сопротивление несправедливости жизни ярче всего проявляется.

2. Почему первое впечатление о герое ближе к отрицательному? В каких репликах читается цинизм и чем он вызван?

3. Леонид Литвиненко предлагает несколько портретов главного героя:

а) *«Мужчина, ослабившись, обнаружил два ряда вставных зубов. Улыбка мне не понравилась: оскал был неприятен да и глаза — маленькие, глубоко сидящие, ничего не выражающие»;*

б) *«Ушел от них [родных] парнем, пришел с седыми висками и плешью на голове»;*

в) *«И он легкой, решительной походкой пошел вдоль берега, как будто легкость и решительность всегда сопровождали его по жизни. Я смотрел вслед этому человеку, все мои волнения и неудачи казались пустыми по сравнению с его судьбой».*

Какое из описаний ближе по духу характеру главного героя?

4. Разговор главного героя с поэтом представляет собой монолог-исповедь. Почему в этом ображении души много риторических вопросов, рублено-рваных предложений? В чем смысл аллюзии с лермонтовским Мцыри?

5. Что помогло герою выжить в советском лагере? Прокомментируйте строчки: «Конвоир эту рукопись в шестьсот страниц — в огонь, не читая... Восемь лет верил и ждал, и только в эту минуту, у огня, понял, что все восемь лет в трубу вылетели. Всю жизнь в одну минуту прожил!» Сломала ли героя лагерная действительность?

6. В исповедь главного героя включен рассказ о художнике Суздальцеве и поэте Федоре Нагорском. Как художник решил вернуть уважение к несправедливо забытому поэту? Почему Суздальцев после хвалебных статей о себе уничтожил полотно? Можно ли назвать рассказ о картине «Великий Федор» иллюстрацией советской эпохи?

7. Почему рассказ Леонида Литвиненко называется «Человек должен быть морем»?

ПЕТР ШПАКОВ

* * *

Ты видел, друг мой, что рисуют дети?
Зимой — снега,

поля в цвету — весной.

Такие вот все дети на планете.

С тобой так было, было и со мной.

В наряде белом, опушенном ватой,
Стоит береза в голубом снегу.

Вокруг — вооруженные солдаты:

По замыслу — березу стерегут...

<p>И танки, и орудия — рисуют... И даже взрыва атомного зонт. Рисуют дети все, что их волнует, Чтоб светел был и чист наш горизонт.</p>	<p>Когда ручонка детская упрямо Фломастером выводит: «Нет — войне! Пусть будут вечно небо, солнце, мама!» — Нельзя нам оставаться в стороне...</p>
---	--

Вопросы и задания

1. Можно ли сказать, в каком возрасте человек начинает осознавать себя гражданином?
2. Что роднит стихотворение П. Шпакова с песней Аркадия Островского на слова Льва Ошанина «Солнечный круг»?
3. Что обладает большей силой убеждения — рисунок или слово?

ЛЮДМИЛА ДЕНИСОВА

БЮРОКРАТАМ

<p>Спасибо вам, что мне отказали, Спасибо, что могли — не помогли, Что не моими смотрите глазами На тот маяк, что мне светил вдали.</p>	<p>И не секрет для вас, власть предержавшим, Давно мы дифирамбы не поем, Свой крест тяжелый, спотыкаясь, тащим Не на чужом горбу, а на своем.</p>
---	---

<p>А он погас. Зловещая пучина Меня глотает, погружая в ночь. Я не могу понять — что за причина Лежит в отказе вашем мне помочь.</p>	<p>«Примите все как есть и без обиды, — В ответах часто слышим между фраз, — Куда вы, к черту, претесь, инвалиды? Куда бы проще нам жилось без вас!»</p>
--	--

<p>Конечно, проще написать отписку, Пустить по кругу просьбу и меня, Все хорошо, и никакого риска, В верхах пока надежная броня.</p>	<p>Да, я пишу стихами, а не прозой, Порой мне волком хочется завывать, Обидно слыть для общества занозой, Но как хотелось мне всем нужной быть.</p>
--	---

<p>Бездушье, глыбой навалясь трехтонной, Бюрократизмом давит на меня, Я от пинков качусь вниз по наклонной, Но не бывает дыма без огня.</p>	<p>Возможно, по иронии судьбы, Смотрю на мир не вашими глазами. Спасибо вам, что мне не отказали, Спасибо за бесплатные гробы!</p>
---	--

<p>Верхи не могут слышать стон народа, Им все легко дается без труда, Не испытать им боль обид уroda, Беда чужая — ведь не их беда.</p>	<p>Мне наплевать, что будет после смерти, На свете том мы будем все равны. Льгот не дают ни ангелы, ни черти, И ваши льготы там мне не нужны.</p>
---	---

Вопросы и задания

1. Стихотворение Л. Денисовой «Бюрократам» представляет собой поэтический памфлет. Что характерно для этого жанра?
2. Оправдано ли критическое отношение к власти поэта?

«ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ...»

«Если кто спросит, что такое душа Японии, — писал японский поэт Мотоори, — покажи ему цветок, благоухающий на утреннем солнце». Перефразировав Мотоори, скажем: «Если хочешь понять душу Приднестровья, открой себе его мир через слово». Слово, разрушающее иллюзию эгоистичного счастья, несут современникам приднестровские авторы. И в этом они идут вслед за Олегом Юзифовичем, который дарит своим читателям «любовь, обнимающую мир, свет, окрыляющий слепых, и, наконец, музыку, возникающую из немоты несовершенства».

Приднестровская литература сегодня способна стать серьезным оппонентом в диалоге времени, в диалоге культуры и бескультурия. Отражающая не только болевые точки эпохи, но и менталитет приднестровского народа, эта литература заявляет свои права, и не без основания, на воспитание Человека, учит жить «светло и щедро, порядочно и честно, покоряя окружающих величием духа, остротой ума и таланта» (О. Юзифович, «Металлическое время»). Эта литература воспринимается в едином культурном потоке с русской классикой: вечные темы, которые интересуют приднестровских писателей, своими корнями уходят в Золотой век русской литературы. Единое культурное пространство не минус нашей государственности. Напротив, единство веры, культуры, духовности — свидетельство солидарности в вопросах человечности, любви и взаимопонимания. О таланте слышать друг друга говорят приднестровские писатели — слышать через бронированную стену эгоизма, болезненного самолюбия, ломающей человека ненависти и разрушительной зависти; слышать, несмотря на разницу в социальном статусе, возрасте; слышать и учиться быть Человеком.

О человеке, о «закоулках его подсознания» размышляют сегодня многие приднестровские авторы. Александр Загородний в рассказе «Продавец рассветов» показывает, как непрост путь возвращения человека к самому себе, особенно если на тебе кровь других людей. «Продавец рассветов» — так жестко-иронично называет автор снайпера. Красота и холодная поступь времени слились в едином образе. А в поле зрения читателя попал человек, позволивший себе «продавать» тишину и жизнь на передовой.

А. Загородний размышляет о последних десятилетиях XX века: его герой — участник афганской войны и очевидец событий 1992 года. У снайпера нет имени, но есть вполне сложившаяся философия: мужчины делятся на две явно неравные категории — на «волков» и «сусликов». Первые расчетливые, неотвратимые в своих решениях и поступках, всегда готовые отразить удар. Вторые суетливые и трусоватые. Первые сроднились с опасностью, вторые привыкли прятаться за чужими спинами. А. Загородний не романтизирует образ снайпера — изнутри показывает человека с изломанной судьбой, сознательно снимает пафос военных

конфликтов, чтобы у читателя не сложилось ложного мнения о легкости убийства. Убийство — это всегда грех, может быть оправданный на войне, но не поощряемый совестью.

На читателя рассказ действует как эмоциональное потрясение. Почти исповедальная форма повествования — несобственно-прямая речь — позволяет увидеть испепеленное сердце и почувствовать холод «гранитной» души главного героя. Каждое слово рассказа воспринимается как точные команды, короткие и безапелляционные. Слово — и палец на курке. Слово — и видишь свою жертву. Слово — и уже пуля неотвратно несетя в сердце «мишени». Такой принцип повествования вызывает нужную и верную в смысле нравственных приоритетов реакцию: читателю жутко рядом с таким героем. Пугает все: его сила ненависти, легкость, с которой он убивает, болезненное желание расстрелять свое прошлое. Читатель понимает, что ненависть разрушительна и порочна, а будущее строить на ненависти опасно.

Как настоящий психолог, А. Загородний проникает в подсознание своего героя и показывает причины нездоровой злобы. Одиночество и предательство матери, которая больше любила сводного брата и отчима, чем сына, полоснули по ранимой душе главного героя. Сводного брата он считал самозванцем и ненавидел всей душой, на позиции каждый раз хладнокровно и расчетливо посылал ему пулю, пытаясь отомстить за свои детские обиды.

Человек не может жить только силой злобы, убежден А. Загородний. Тернистая дорога всегда ведет к свету. Этот свет снайпер начинает видеть после серьезного ранения. Пропустив через себя смерть, он вытеснил ненависть, выжал из сердца боль и обиду, смог вернуться к жизни. Жена и рассветы, которые он рисовал сотнями, стали теперь для него смыслом жизни. «Каждый рассвет солнца, каждый новый день он теперь принимал как милость, как награду», — пишет Александр Загородний. «Самозванец канул», остался человек, которому нужно было еще отмолить свои грехи.

Рассказ написан с расчетом на неогрубевшее сердце и подростка, и взрослого. А главная идея сводится к тому, что даже в уродливом мире надо учиться замечать капельки добра. Не убивать добро ненавистью, а множить его всепрощением и верой.

Достаточно часто встречающийся в приднестровской литературе персонаж — герой-одиночка, лишенный семьи. Чем вызвана эта тенденция? Почему не гармонию безоблачного счастья, а мир изломанных судеб отражают в своих произведениях наши соотечественники? Наверное, стоит вспомнить слова Л.Н. Толстого: «Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастна по-своему». Беда многолика, и горе изобретательно, а зло всеильно, если у человека нет крепкого духовного стержня — семьи. И когда человек семейным ценностям, таким как верность, забота, любовь, предпочитает дорогу греха, он становится пленником одиночества. Психологический портрет героини, разорвавшей всякие связи с близкими, родными, рисует в своем рассказе *«Надо жить»* Лариса Стойлова.

Рассказ начинается с описания онкоцентра. Боль, отчаяние, состояние глубокой депрессии — все это пугающая реальность для тех, кого не пощадила

болезнь. Анна, главная героиня, тоже среди обреченных. Сейчас это ее новая семья, в которой нет места скандалам, изменам, предательству. Спрятаться от мира и близких так, чтобы прошлое не напоминало о себе, — это сознательный выбор Анны. И болезнь помогает ей уйти от этого мира, хотя жизнь еще теплится в ее хрупком теле. Но все же убежать от себя невозможно. Предательская память рисует картины счастливой юности, первой любви, свадьбы. И сердце тоскует по тому, что утрачено навсегда.

История любви и предательства не нова в литературе. Но Лариса Стойлова смещает нравственные акценты: в ситуации «муж-изменник и оскорбленная жена» большую долю вины автор возлагает на Анну. Не на мужчину, призвание которого — защищать слабого в семье. Не на разлучницу-подругу Ингу, которая стала демоном-искусителем в этой ситуации. А на Анну, вина которой, с точки зрения автора, на порядок выше, чем вина мужа Вадима. Анна убила в себе ребенка — сделала аборт. Убила, поддавшись уговорам подруги Инги: «Рожать нужно лет в двадцать восемь! А то и в тридцать. Только наивные дуры рожают сразу, чтобы муж разлюбил!» Анна так ничего и не рассказала Вадиму. Только через год поняла роковой смысл сделанного: детей может не быть. Никогда.

Автор не оправдывает жестокого выбора своей героини, списывая все на юность и неопытность. Лариса Стойлова предельно категорична: если ты выбрала легкомысленную молодость и развлечения в ущерб жизни ребенка, будь готова к страшным испытаниям судьбы. Рак грудной железы — это та цена, которую заплатила Анна за то, что отказалась вскормить грудью своего ребенка.

Наказан и муж Вадим. От Инги у него рождается слепой мальчик. Образ ребенка-инвалида запускает в рассказе механизм духовного перелома в жизни героев. Мотив слепоты тоже не случаен. Ослепленная счастьем, Анна не видела, кого можно впускать в свой мир, а кому дорога туда закрыта. А потом, после предательства, героиня оказалась в плену обиды и одиночества.

Финал рассказа вселяет надежду на чудо. Бывший муж вместе со слепым ребенком приезжает в онкоцентр к Анне. Две половинки разбитой семьи соединяются. Чужого ребенка Анна признает как своего, из сердца уходят боль и обида. И как знать, может, отступит и болезнь.

Нравственное прозрение — об этом большинство произведений приднестровских авторов. Прошло время ненависти и саморазрушения. Наступило время созидания и духовного возрождения.

АЛЕКСАНДР ЗАГОРОДНИЙ

ПРОДАВЕЦ РАССВЕТОВ

1

Командир ему сразу не понравился: здоровенный, жилистый, эпатажно грубый. Этаким лихой рейнджер местного розлива — сначала делает, а думать ему всегда некогда. У таких, как он, все на страхе, на кулаке держится. И совещания

у них короткие: созвал, приказал — отрубил. За то начальству и нравится: незаумный, значит, надежный и под начальство копать не будет.

Позиции ему тоже не понравились. Окопы были широкие, но зато глубокие. Стратеги, блин! Рыли, где грунт помягче, а на взгорке даже НП (наблюдательный пункт) не оборудовали. Как же — там камень!

Себе же позицию определил на том самом взгорке, позади окопов. И помрачнел — уж очень она удобная для работы, но единственно возможная, а значит, легко вычислялась. И взгорок этот был как стол у сдвинутой на чистоте хозяйки: ни складочки, ни крошки, ни кустика, ни камешка. И места для запасной точки не было — тоже минус существенный. Напротив, у супостата, самым приметным был курган, говорят, что скифский. На нем наверняка был НП, за ним КП (командный пункт). Вот этот-то курган и был его целью.

Кажется, что работа снайпера — дело простое: появилась цель — стрельнул, сделал победную «засечку» и жди следующую. Он, правда, «засечки» не делал — считал пижонством (классные парашютисты на знак висюльку с циферкой не цепляют — чего каждый день менять, когда счет прыжкам проще сотнями вести). И еще — он пытался убить прошлое.

Желательно, конечно, офицеришку подстрелить или технаря какого. Да как их отличить от серости? Умные стали, ходят в одинаковом. Вот «стеклышки» — это приметка: бинокль солдатику не доверяют. А если снайпер блеснул, то совсем хорошо — желторотик напротив неопытный. Еще примета. Если кто без «калаша» ходит — значит, ему автомат без надобности, он пистолетиком воюет. Начальство, значит.

Все уже, конечно, знали о прибытии снайпера, но только опытные волки догадывались, что пришел конец их тихой жизни в обороне. Там, где снайпер, обязательно заварушка: внеплановые артналеты, а то и в противовес с той стороны снайпер объявится. И начнутся «олимпийские игры», а мишенями будут они.

Он настолько привык к своему особому положению, что воспринимал как должное и не в меру любопытные взгляды, и то почтительное расстояние, на котором старались от него держаться, как если бы он был прокаженным. Когда ему надо было пройти по окопам, аборигены ныряли в свои закутки, спеша уступить дорогу. Ныряли, как суслики в норки.

2

Мужиков он делил на две, явно неравные категории — на «волков» и «сусликов». И отличал их по ритму, по тому первому движению после принятия решения. И никакой бравадой или погонами это сусличье нутро не прикроешь. И еще отличал по взгляду, пусть затравленному, но волчьему — оценивающему дистанцию для броска, для удара. Волки не ныряют — просто сторонятся, уступая дорогу. И в атаку волки ходят по-волчьи — расчетливо, даже как-то медлительно, но неотвратимо пробираясь к цели. Волка подстрелить трудно, он шанс редко дает — залегает, когда и где нужно, метр в метр, секунда в секунду. Суслик рядом с волком — фантом отвлекающий: волк задачу выполняет, суслик обеспечивает. И горе такому, который в себе волка возомнит — главное свое потеряет, шустрость. Волками рождаются — так мир устроен. Особенно волка заметно в момент

триумфа: вскинутые руки и вопли восторга — это для сусликов, волк же энергию хранит, не тратит на сантименты. Если есть возможность, поест, слегка водки выпьет и спать заляжет...

3

После Афгана жизнь для него стала совсем пресной. Не хватало привычного адреналина. Внешне в нем не было ни блеска, ни даже привлекательности. Отличала его казавшаяся напускной мрачность. Женщины шарахались от него — те, которые по неистребимой своей природе пытались пококетничать с ним. Он умел и делал это намеренно грубо, несколькими фразами превратить бедняжку в самку, в мартовскую кошку. Единственная, кто не реагировала на его колючки, — жена. Она видела в нем ту самую каменную стену — мечту, которая редко становится явью. Мужики не приглашали его быть «третьим», потому как пить с ним было не интересно — не пьянел, а становился еще более желчным, чем обычно. В гости не ходил и сам не приглашал.

Терпеть не мог фильмы «про войну». Его раздражали ложь и дилетантство. Герои, как правило, красивые, а он подметил, что красивые воюют плохо, трусят. Любят себя очень, боятся шкуру свою подпортить.

Когда великая империя развалилась, вспыхнули ее бывшие окраины. Когда занялась и его земля, он, не раздумывая и не советуясь с женой, направился в военкомат: в его жизнь вернулся смысл, которого так не хватало.

4

Солнце привычно и незаметно в середине дня, пока его не закроют облака, как привычно и незаметно счастье, пока его не потеряешь. Рассветы и закаты волнуют человека своей пограничностью — переходом из одного состояния в другое. Кажется, раз солнце после заката-смерти возрождается с рассветом, то и человек не умирает, а всего лишь переходит в иное, разумеется, лучшее состояние. И значимость приобретают не подробности бытия в этом лучшем, а сам процесс перехода в него. Потому так популярны у художников и поэтов картины рассвета и заката — рождения и смерти солнца. Славные герои романов и баллад если уж и умирают, то так красиво (на миру и смерть красна!), что не понятно, почему они не сделали этого раньше. Отрицательным негодьям, естественно, в красивой героической смерти отказано.

Заката проще дожидаться, чем рассвета. У каждого на счету тысячи увиденных закатов, а кто может похвастать знакомством с сотней июньских рассветов, если, конечно, не работает на ферме? Солнце, как правило, раньше встает. И снайпер встает раньше — рассвет вдохновляет не только художников и поэтов!

5

Для оборудования позиции помощников себе не брал — наследят. И грунт — известняк вперемешку с глиной — требовал особой аккуратности. И времени отводилось на это ситуаций всего-то тридцать предрассветных минут: лучи рождающегося солнца слепят ПНВ (прибор ночного видения) супостата, и можно работать без опаски. Как в сказке, трех заходов хватило ему на рытье и маскировку. Запаску

и ход к ней предположил рыть позже. Предстояло куковать на позиции сутками — будет время и на запаску.

В первой половине дня солнце — его союзник, но оно светит для всех и потому после полудня переходит на сторону противника. Он придумал ставить лоушки-зайчики (осколки стекла или зеркала) в «интересных местах» для желторотиков. И в этот раз поставил парочку — может, повезет поработать и вечером?!

6

В детстве он, как и все мальчишки его двора, летом пропадал на речке. Быстро плавать не умел, но, ныряя, обгонял всех. Глубина нравилась, манила. Там, в глубине, как в другом измерении, время текло по-своему, в такт с рекой. И звуки были другие — тягучие и мягкие. И лишь на поверхности гармония нарушалась визгом пляжа, но горло уже тянулось к зеркалу воздуха, и вместе с ним он получал порцию криков. Потому старался купаться вдалеке от суеты, в одиночестве.

В одиночестве он проводил, старался проводить, и большую часть своего времени, если, конечно, во дворе не затевался футбол или хоккей. И тому были свои, веские для него причины. Он рос в обычной, но несколько странной семье: с матерью, отчимом и сводным одногодком-братом. Колорита прибавляло то, что звали их с братом одинаково. Все это служило почвой для различных казусов, шуток и для... ненависти.

В свою новую семью он попал, когда место любимчика уже было прочно занято: после развода родителей он жил несколько лет, до школы, у бабушки. Потому и оказался на положении гостя, чужого. Казалось, со временем все утрясется и будет как надо, но не утряслось, не сложилось. Все в доме принадлежало отчиму, брату, кому угодно, но не ему.

Сводного брата он считал самозванцем и ненавидел всей душой, не скрывая этого, за то, что тому безраздельно принадлежала еще и любовь его матери, которая простодушно «жалела сиротку». Сиротка ловко, виртуозно этим пользовался. Все шалости не только сходили ему с рук, к тому же он умудрялся подставить еще и его. Конечно, самозванцу потом доставалось крепко, часто до крови, но и здесь тот извлекал немалую для себя пользу: добавлял в свой арсенал ореол мученика. А за ним закрепилась слава драчуна, с которой он свыкся и уже намеренно подерживал ее угрюмостью.

Свыкся и с ненавистью, которой жил и которую переносил на тех, кто был рядом. На отчима — за частые побои, на мать — за равнодушие к нему. И ненавидел все то, что нравилось им: сладости, яркую одежду. Ненавидел ходить в гости, а когда к ним заявлялись — дерзил и пакостил как мог. Ему претило показное, фальшивое радушие домашних и чрезмерное поначалу, до первой рюмки, благонаравие гостей...

Закончив восьмилетку, подался в Ленинград. Главным было стремление бежать подальше от дома. В ПТУ стал заниматься боксом и скоро добился результатов — дорос до КМСа (кандидат в мастера спорта). Дыхалка у него была еще та, боли не боялся — побои отчима и дворовые драки закалили, а умение ненавидеть делало его на ринге непредсказуемо опасным лютым зверем. Занимаясь боксом, он вывел для себя аксиому: чтобы победить, нужно желать убить соперника. Без

этого чувства делать на ринге нечего. И когда пришло время служить, было ясно, что дорога у него одна — ВДВ (воздушно-десантные войска).

7

Часто снайперы дают своим винтовкам имена, как правило, женские. Ухаживают за ними, как за живыми, разговаривают ласково. Он считал все это трусостью. Да, именно трусостью — желанием снять с себя ответственность за совершенное: «Это не я убил! Это все она!» А что эта мертвая железка без тебя сделает?

Каждому из нас в жизни приходится делать свой выбор. Выбор, от которого зависит жизнь. Твоя жизнь. Или от твоего выбора зависит чья-то. Миг этот наступает внезапно, потому решать надо быстро. Времени на сомнения нет. В жизни снайпера такие мгновения случаются чаще — такова специфика профессии. Цель появилась, и надо решать, или она решит за тебя, если ей дано. В бою все относительно просто — либо ты, либо тебя. Решают рефлексы. А перед снайпером цель беззащитна. Единственное, что ей остается, — не высовываться из норки. Снайпер — это судьба, рок для сусликов.

Но и снайперу необходимо психическое равновесие. И у каждого свои, часто неосознанные мотивы для выстрела. У него же был мотив осознанный — он мысленно подставлял на место мишени... своего брата-самозванца и хладнокровно, расчетливо посылал ему пулю. Цель у него была всегда одна и та же: каждый его выстрел был приветом ненавистному прошлому...

8

Раннее утро. Земля не успела за ночь остыть, потому ни тумана, ни ветерка не наблюдалось. Утро — хорошая пора для снайпера. Позабыты ночные страхи, и оптимизм ненадолго навещает окопы. Чистое небо, свежий, еще не скисший от пороха, воздух. Утренние звуки пронзительны и прозрачны. Трель какой-то сумасшедшей птички расслабляет зажатые до упора нервы, и человек теряет обычную осторожность. И похмельные страдания после вчерашних поминок еще одного прожитого дня располагают к чему угодно, но не к ясности мысли. И дело снайпера — напомнить, что война продолжается без перерыва на завтрак. Желательно ранить, да так, чтобы визг стоял на всю округу: «Привет, суслики! Я вас вижу!»

В то утро он не предполагал работать: нужно было осмотреться на месте, нанести на свою схему точки активности. Но не удержался. Солнце первым мощным лучом ударило по кургану, обнажив все, что было скрыто в предрассветных сумерках: блики заплясали по железу и стеклу, но один дерзко соперничал яркостью с самим солнцем. Видно, непуганые совсем. Глянул в прицел, привычно представил знакомый ненавистный образ и, в который раз, послал ему пулю. Попал.

Ответили споро: не долетая до его позиции, стали плюхаться мины. Били наугад, по площадям, но как-то истерически хаотично. Он к такому обхождению привык и не беспокоился — прямое попадание, конечно, возможно, но маловероятно. Риск не больше, чем при авианалетах. Обстрел, было, закончился, он еще успел подумать, что невеликую птичку завалил, но... небеса еще требовали крови. Солнце вдруг ударило и его! Небо осветилось нестерпимо оранжевым. В уши врзался истерический визг жирных теток в разноцветных ярких купальниках —

кто-то тонул. Визг невыносимый, пульсирующий, запредельный. И спасаясь, он рванулся на глубину...

9

Редко кому выпадает счастье знать, за что именно любишь человека. Он знал, за что любит жену — за то, что не бросила его, когда могла. Детей у них не было, и он уже не был той каменной стеной, за которую она его вроде бы когда-то ценила. Знал, что любит ее за то, что принимала его таким, какой он есть, со всеми его колючками (колючек, правда, уже значительно поубавилось). После ранения и госпиталя она выходила его. Но все же работать он уже не мог и жил на пенсию, которой ему хватало: привык довольствоваться малым. Жизнь открывала перед ним новые грани. Грани, о которых он знал, что они есть, но думал, что не для него сверкают. Чтобы занять избыток свободного времени, попробовал рисовать. Рисовать рассветы, поначалу наивные и красочные. Но постепенно втянулся, оброс техникой, и новое занятие стало давать вполне приличный доход. Себя он полшутя называл продавцом рассветов.

Каждый рассвет солнца, каждый новый день он теперь принимал как милость, как награду. И встречал их независимо от погоды, и радовался им как первым в своей жизни. А повидал он их немало и теперь рисовал по памяти. Видел наши рассветы, степенные и величавые, как сотворение мира. Видел афганские рассветы, когда солнце даже не восходит, а нетерпеливо выныривает из-за горизонта, зависает, высматривая, чего тут еще осталось испепелить, и так же быстро ныряет за горизонт, опасаясь собственного огня. И зелень там другая, почти черная, жадная: жизнь у нее короткая, вот и торопится урвать от солнца побольше, пока оно его не сожрет. Видел, как на Кубе вспыхивает все сразу: солнце шипит, елозя по морю и плюясь лучами, как кусочек натрия на уроке химии...

10

Но не рассветы были главной темой его картин. Десятки портретов жены, разных размеров и в разной технике, окружали его. Но ему все было мало, и он, казалось, безрассудно продолжал создавать новые. Адреналин, которого так жаждал раньше, теперь стал не нужен: самозванец канул. Теперь-то он знал наверняка, что ему нужно, и спешил насладиться образом, который всегда был рядом.

Май 2004 – март 2005 гг.

Вопросы и задания

1. Композиционно рассказ состоит из десяти глав. Выпишите ключевые образы и мотивы каждой главы.

2. Вторая глава построена на **антитезе**. Волк и суслик, охотник и добыча, убийца и жертва — вот он, изломанный мир снайперской души. Можно ли утверждать, что все снайперы на мир смотрят через прицел винтовки и вокруг себя видят только живые мишени?

3. Ребенок, которого не замечают в семье, которого не любят и даже ненавидят. Об этом шестая глава. В кого превращается подросток, прошедший такую школу?

4. В каждом человеке есть созидающие и разрушительные начала. Верность дружбе, умение прощать, потребность в красоте, отцовский или материнский инстинкт, благодарность родителям, бескорыстная любовь — это созидающие начала. А на другом полюсе —

зависть, обиды, желание во всем быть первым, неумение достойно переживать ситуацию проигрыша и, как результат, ненависть, которая делает тебя невыносимо раздражительным. Что должно произойти в жизни человека, чтобы он перестал быть пленником ненависти? Ответьте, следуя логике сюжета рассказа.

5. Название рассказа символично: есть прямое значение и переносное. Прокомментируйте образы в названии.

ЛАРИСА СТОЙЛОВА

НАДО ЖИТЬ

Посвящаю своей сестре Люде

Очень давно в какой-то книге Анна с изумлением прочитала: «Мир — это юдоль страданий». Теперь, когда она изо всех сил сопротивлялась поселившейся и коварно зревшей в ее теле болезни, эта фраза неожиданно всплыла, словно ждала своего часа. Опухоль была совсем небольшой. Она не болела и никак не давала о себе знать, но ужас охватывал от одного ее названия. Анна ненавидела ее. Называла «гадиной». А «гадина» вела себя агрессивно, росла и грозила дать отростки. Иногда ей казалось, что все происходящее — сон. Злой сон. Он кончится, она проснется, а болезнь исчезла! Анна слышала, что такое бывает. Но чуда не случилось, и все чаще она притрагивалась к «гадине», убеждаясь: есть, и слезы текли сами собой. Обидные чувства отверженности, неотвратимости мучительной смерти смешивались и давили так, что мутило. Тогда она выпивала водки и ложилась на старый диван. Обнимала свою большую собаку, бормотала, что скоро эту «гадину» вырежут и начнется другая жизнь.

«...Твою хозяйку, — лепетала она, — все любят: и соседи, и дети. Мы будем жить долго-долго, в любви и покое, ухаживать за моей старенькой мамочкой! Носить ей молоко... Ма-амочка-а!» — наконец, отчаянно выкрикивала она в пустоту комнат. Собака шевелила ушами, облизывала ее мокрое лицо и не покидала ее, пока хозяйка не засыпала.

До болезни Анна ни разу не лежала в больнице. В онкологическом центре ей впервые открылся весь ужас человеческой слабости и страданий. «Боже, — думала она, — вот что бывает на свете! Оказывается, женщины режут и режут каждый день. Все происходит обыденно и страшно, как на конвейере. Какой это подвиг — быть медиком и каждое утро приходиться в это жуткое место!»

Имя главного — Рогут — произносилось здесь как магическое заклинание. Бог наградил его даром отбирать «гадину» и возвращать людям надежду на нормальную жизнь. Вчера он внимательно осмотрел ее и удовлетворенно заключил: «Ну, милая, можно считать, что все самое плохое позади. Видишь, твою красивую грудь мы сохранили. Пройдешь еще один курс химии и отправишься домой...»

«Мне повезло. У других хуже», — думала Анна, входя в палату. На кровати у окна лежала смуглая, от сельской работы рано состарившаяся женщина. Все думали, что она старуха, а Марии, как оказалось, было пятьдесят с лишним. На днях ее оперировали. Она долго не верила в свой страшный диагноз, пыталась излечиться сама, надеялась на чудо. Молилась, ходила по бабкам, экстрасенсам,

прикладывала и пила разные травы, мочу. Предприимчивые «целители» выжали из нее последние копейки. Привезли ее в ужасном состоянии. Говорили, что главный был вне себя от гнева, даже на родственников накричал. Марийка упустила драгоценное время, а «гадина» разрослась так, что ей удалили обе груди. Она чудом осталась жива и уже вторые сутки лежит отрешенно, изредка постанывая. Ее темные глаза упорно смотрят в потолок. Все женщины понимают, что с ней неладно, и ласково ухаживают. Анна видит, как дрожит в ее руке стакан воды, и думает: «За что это?! Почему? По какой роковой причине им всем суждено оказаться рядом, принимать одни и те же муки?..» Утром к Марийке приезжали дети. Они долго стояли у ее кровати, разговаривали испуганным полусшепотом. Она даже не попыталась приподняться, только грустно смотрела на маленького внука и виновато улыбнулась, словно прощаясь. На ее тумбочке сиротливо лежат гостинцы: домашний сыр, плацинды с тыквой, курочка, мед и молоко. Все не тронут. Сейчас она не спит, но глаза ее закрыты. Бледная. «Наверное, хочет умереть...», — думает Анна, узнавая это тихое, безнадежное отчаянье пришибленного существа. Однажды ей тоже хотелось умереть. Очень.

Это случилось почти семь лет назад. Вадим не пришел ночевать. Она нервничала, хотя знала, что они допоздна репетировали, и муж остался у кого-то из друзей. Ключ тихо повернулся в замке около восьми утра. «Привет! Соскучился, у нас все класс! Завтра концерт!» Вадим был бодр, выбрит, хотел поцеловать ее, но она увернулась и вышла на балкон. Оглядывая лежащий в дымке город, судорожно затянулась сигаретным дымком. На языке вертелись слова упреков. Вадим тихо подобрался и примирительно пощекотал ее усами. Поймал тонкую руку в перстеньках, поцеловал и искушающе прошептал на ухо: «Смилуйся, государыня рыбка! Устал страшно... Спал всего два часа...» Его ласковость растворила обиду. И Анна, все еще напуская строгость, принялась накрывать на стол. Смеющиеся черные глаза мужа следовали за каждым ее движением, и она, нарезая батон, ощутила это любование. Анна уже не так обиженно блеснула взглядом в ответ, и Вадим ловко обнял ее и нежно притянул к себе...

Они встретились в дружеской компании четыре года назад, под Новый год. Высокий, широкоплечий красавец забрел со своим другом в самый разгар вечеринки. Вадим привлек внимание всех девушек, словно загипнотизировав их своими черными, как ночь, глазами. Произнес довольно пикантный тост за именинницу, выпил стопочку и налег на традиционное оливье. Потом сел под елку и остаток вечера, тихо перебирая струны гитары, напевал: «Ваше благородие, госпожа удача...». Он изредка бросал на девушек взгляды опытного сердцееда и не спешил флиртовать. Анне вдруг захотелось, чтобы он заметил ее. Она с удивлением обнаружила, что разволновалась и даже смеяться стала чуть громче, чем обычно.

Когда все расходились, Вадим вдруг подошел, помог ей надеть пальто и предложил проводить. Они отправились гулять по ночному городу. Разговорились. Анна спросила, давно ли Вадим играет на гитаре, и посетовала, что не сбылась ее мечта учиться музыке. Школа была всего в двух шагах от дома. Но пианино мама так и не смогла купить. Долго шли молча, потом Вадим вспомнил, как однажды под Новый год крупно рассорился с мачехой и ушел из дома.

Был сильный мороз. Поначалу он его и не почувствовал: обида жгла. А потом продрог и всю ночь, чтобы окончательно не замерзнуть, бродил по улицам. Топал, прыгал, но не сдавался. Хлопнул дверью так, что пути назад не было. Да еще вспоминал брошенные вслед презрительные слова отца: «Замерзнешь, быстро прибежишь!», — и упрямо отворачивал подальше от дома. Под утро, совсем измученный, он приземлился на скамейке у чужого подъезда. Чувствовал себя таким жалким, одиноким и несчастным, что захотелось умереть. Но его остановила музыка: кто-то начал наигрывать на фортепиано. Тихая мелодия пробивалась с верхнего этажа. Звуки ложились на душу, просто и ясно рассказывая об измученном человеке, его страданиях, жажде и боли. Это было так нежно, так прекрасно, что злость растаяла. Потом Вадим узнал, что это была «Лунная соната» Бетховена. Долго, как зачарованный, он стоял под чужим окном. Стало так легко, как бывает, когда ранним весенним утром выйдешь во двор и непонятно почему почувствуешь необъяснимое счастье, вдохнув сырой запах тающего снега и тонкий, едва уловимый запах влажных пробуждающихся деревьев. Словно нарыв прорвался в его душе, рана очистилась, и домой он вернулся другим человеком.

В тот вечер Вадим разоткровенничался и рассказал о том, как его отправили воевать в Афганистан, как впервые проснувшись в пустыне, весь их взвод хором заорал: «Девять граммов в сердце, постой, не спеши...» После молодые солдаты, вчерашние пацаны, по-настоящему поняли, что такое смерть и пустыня, и песня... Жили они в палатках. С водой было плохо. И однажды после боя объелись трофеей черной икры. Сначала ели и по-детски радовались, хохотали. А потом захотели пить, а воды-то и нет! Тогда у всех «жадин» случилось белковое отравление. Пока им в медсанбате промывали желудки, некоторых ребят после боевой операции увезли на родину в цинковых гробах...

Был свежий, морозный вечер. Они вышли на набережную. С черного неба крупными, редкими хлопьями плыл снег. Только река внизу не сдавалась, еще темнела и двигалась, издавая тихий шелест. Ее берега уже бледнели нетающим ледком. Склонившись с парапета, Анна и Вадим молча смотрели на бездну. Темная, живущая своей тайной жизнью вода заморозила их. Как два воробушка, они глядели в ее мрачный провал и невольно прижимались друг к другу. Неожиданно Вадим повернул лицо Анны к себе и заглянул в самые зрачки. Она почувствовала нежное прикосновение его прохладных губ и увидела в небе несколько неярких звезд и жемчужно-желтый овал луны. Казалось, они наблюдали за ними. Анна улыбнулась, озорно стряхнула с волос Вадима налипшие снежинки и тоже поцеловала его. Они взялись за руки и молча пошли по первозданной белизне дороги. Вдруг, нарушив сонную тишину, из подворотни прямо на них с грохотом вылетел грузовик. Вадим рванул Анну к себе. Бешено лязгая прицепом, громадина промчалась совсем близко, обдав их дымным, смешанным со снежной пылью ветром. Несколько секунд они стояли, крепко обнявшись, пораженные ужасным осознанием того, что могло сейчас случиться. А потом, как это часто бывает с чудесно спасенными, дружно расхохотались. Анна вспомнила, как в детстве играла в отвагу, перебегая дорогу перед самым носом мчащейся машины. Кто ближе грузовик подпустит, тот и считался героем. Было и страшно, и весело. Вадим

притянул ее к себе и горячо прошептал: «Так ты у меня экстремалка?!». «Да!» — выдохнула она.

Избалованная вниманием мужчин Анна поняла: влюбилась. Вадим, видимо, тоже потерял голову. Он забросил учебу, приходил к ней каждый день. Они почти не расставались. Хотя и понравился он ее маме, все равно она недовольно ворчала: «Мамка что? Где промолчит, где согласится! Мы — женщины... Был бы жив отец, он бы с вами иначе разговаривал!» Только бабушка ее понимала: «Ах, Анюточка, — лукаво вздыхала она, выслушивая счастливое щебетание внучки, — мне бы твои годы, я бы такого красавца не упустила! Нравится? Бери! Падать с коня, так с белого!»

Вадим рассорился со всей родней, уверенной в том, что ему еще рано жениться. «Музыкант — это не профессия, — лютовал отец, — это забавы, безделушки! Ремесло в руки возьми, потом женись!» Мачеха надеялась, что забот поубавится, и не сильно упиралась. Только тогда, когда Вадим в отчаянии пригрозил покончить с собой, отец согласился женить сына. Он был поздним, болезненно любимым ребенком, да к тому же вырос без матери, и отец — человек суровый, вояка — сдался. Свадьбу сыграли веселую. На фотографиях лицо у Вадима было сияющее и смущенное, словно у ребенка, получившего самую желанную игрушку. А для Анны, как для всех девушек, это был миг волшебного превращения в прекрасную принцессу.

В первые годы семейной жизни между ними не произошло обычного охлаждения, наоборот, укрепилась особенная, неразрывная связь. Их счастьем завидовали. Его друзья, не скрывая, обожали ее. Иногда заигрывали, напевая популярное: «Потому что нельзя быть красивой такой...». Их однокомнатное гнездышко с желтыми шторами и огромным диваном стало излюбленным местом встреч и праздников. Вадим обожал хорошую музыку. Анна — книги. В доме не прекращались споры, шахматные и карточные баталии, друзья шутили, дурили, здесь все чувствовали себя, как сорок тысяч братьев. Вокруг Анны вилась своя стайка подруг. Но самой близкой была Инга. Они так часто встречались, что мама предупреждала ее: «Смотри. Это не доведет до добра! Сильно уж Инга липнет к твоему мужу». В ответ Анна только смеялась.

К Вадиму, действительно, липли. Женщины особенно. Он был красавец, да к тому же талантливый саксофонист, неутомимый выдумщик кулинарных и иных удовольствий, знаток человеческой натуры. К его многочисленным друзьям присоединялись все новые и новые знакомые, попадавшие под власть его чар. Каждый вечер для них становился праздником. Загулявшись, веселая компания частенько не расходилась, а под утро валилась на «многоуважаемый» диван. Спали вповалку.

В тот день, перед самым началом концерта, Анна забежала за кулисы. Это было решающее выступление группы «Кредо». Волнение незряшнее: их будет прослушивать худсовет филармонии. Впереди возможный успех, гастролы. Ребята давно разложили шнуры, наладили аппаратуру и сейчас возбужденно шутили, настраивая инструменты. Из зала доносился шумок. «Все будет окей! Моцарт с вами!» — игриво благословила друзей Анна. Вадима на сцене не было. Она нетерпеливо постояла среди свисающих с блестящей черной гитары шнуров, и,

стуча каблучками, быстро прошлась по сцене. Машинально откинув край, заглянула за большой темный задник. Там в полумраке кто-то был. Вдруг сердце ее нехорошо стукнуло: Вадим! Анна узнала его большое красивое тело. Он стоял спиной, и женские руки обвивали его шею. Долгий, смертельно долгий поцелуй... Потом еще... Чужие руки скользят по его рубашке, ерошат волосы... Он тоже обнимает ее, что-то шепчет... В груди Анны еще сильнее заколотилось и вспылками понеслись мысли: «Кто она? Сделать шаг вперед? Спросить спокойно и уверенно: «Привет, а что вы здесь делаете?» Увидеть их смятение?! Ударить его?!» Сердце стучало так тяжело и так гулко, что она, опасаясь, что его услышат, опустила угол занавеса. Шагнула за кулису в тень. Исчезли запахи и звуки, только в мозгу колотилось: «Нет! Это невозможно! Это неправда... Ложь! Ложь! Все ложь...» Поставив немного, чувствуя, как начинает гореть лицо и странно леденеть руки, она увидела, что на свет софитов с другой стороны сцены кто-то вышел... Это была Инга! Окинув сцену возбужденным взглядом, она снова нырнула за кулису.

Они были неразлучной парочкой, дружили с пеленок, вместе ходили в школу, болтали на уроках, катались на велосипедах, даже влюблялись одновременно. В институт тоже поступили вместе. И только после замужества Инги стали видеться реже. Она вышла первой и замкнулась в своем счастье. Даже с мужем толком не познакомилась. Анна сначала обижалась, переживала, а потом перестала звонить, искать встреч. Поняла: детство ушло навсегда. Через какое-то время снова сблизилась. Как и раньше, подруга звонила, заскакивала почти каждый вечер. Болтали, мерили обновки. Инга любой шарфик умела повязать так, что все оглядывались. Все чаще вместе готовили ужин и встречали Вадима. Втроем вечер проходил веселее, спорили, играли в карты. Гостя засиживалась и оставалась ночевать. Инге Анна доверяла как себе, она была умной, надежной и лучше всех понимала ее. Когда Анна забеременела, первой об этом узнала лучшая подруга. Вадим был в отъезде. В воскресенье они вместе смотрели телевизор. Анна робко заикнулась о том, что у нее задержка. Инга радостно взвизгнула, затискала Анну в объятиях, а потом открылась, что у нее это уже было, но она сделала микро-аборт. «И тебе советую! Рожать нужно лет в двадцать восемь! А то и в тридцать. Только наивные дуры рожают сразу, чтобы муж разлюбил! — убеждала она. — Не успели насладиться любовью, и давай пеленки-распашонки стирать, горшки выносить! Представь себя с огромным животом, опухшую! То нельзя, это нельзя... Да к тому же группа «Кредо» выходит на большую арену, начнутся поездки, гастроли! Вадиму нужна будет твоя поддержка...»

Слова, сказанные Ингой, да еще начинающаяся тошнота, ужас перед будущим животом, страх перед родами... Она так ничего и не рассказала тогда Вадиму. Хотя знала, что он ее, конечно, не бросит... Только через год поняла роковой смысл сделанного: детей может не быть. Никогда!

Все это молнией пронеслось в ее сознании, пока она стояла за кулисой, и вдруг сложилось в какую-то крепкую, злую цепь. Звеньями встали в нее и слова мамы, и знакомой, которая, недавно встретила Анну на рынке и, словно на что-то намекая, игриво спросила: «А куда это твой муж мимо моих окон гуляет? То вечером, то утром? А бывает, и днем!» Анна тогда отшутилась, предположила, что муж посещает очередного друга: «...Их у него, как грибов в дождливое лето!»

И только теперь ее обожгла разгадка: «Инга живет рядом, в соседнем доме! Так вот оно как! Вот куда Вадим ходит ночевать!»

В эту же секунду, чуть прищурившись от яркого света, из темноты задника вышел муж. За ним выпорхнула и сразу же исчезла в кулисах Инга... Вадим уже взял инструмент, но вдруг заметил жену. Позвал. Анна, словно потеряв ориентиры, неверным шагом ступила на освещенную сцену. Все вокруг слилось для нее в болезненную мешанину. Он взял ее за руку, и во всем ее теле зазвенела неведомая, тонкая струна, от звука которой Анна теряла силы. Она бессмысленно смотрела на расстегнутую рубашку мужа и не понимала его слов: «...Наконец-то! А я тебя ищу...» — губы его, извиваясь, шевелились. Вадим тронул горячим дыханием ее щеку и потянул в зал...

Инга уже сидела в первом ряду. Они оказались рядом. Музыка обрушилась шумом водопада. К Анне приближались чьи-то лица, что-то кричали, говорили, она растягивала одеревенелые губы в улыбке и чувствовала, что не может пошевелиться. В ней настойчиво, в такт грохоту, билось: «Ложь! Все ложь! Ложь! Ложь!..»

Неожиданно для себя она встала и медленно вышла из зала. Лил дождь. Шла прямо по лужам, быстро, не зная куда. Промокнув совершенно, забрела на вокзал. Почему-то совсем не плакала. Словно ее ударили, ударили сильно, а она не чувствует боли и смотрит, кто ударил, как. Только цепь догадок все теснее сдавливала ее горло, закручивалась и становилась длиннее. В нее вставляли новые звенья взглядов, слов, которым раньше она не придавала значения. До утра Анна, сцепив руки и уставившись широко раскрытыми серыми глазами в растресканную стену, сидела на жесткой лавке пустынного зала ожидания. Она изучила ее, как географическую карту. Проходивший мимо милиционер искоса поглядывал на оцепенелую странную пассажирку, но так и не решился подойти.

С рассветом дождь кончился, и Анна направилась прямо по железнодорожным путям за город. Она бежала через поле и лесополосу. Не оглядываясь, остервенело, как заплутавший путник, вдруг увидевший где-то далеко спасительный огонек. Подол ее платья намок. На туфли налипла грязь, один каблук сломался. Ноги были исцарапаны. Анна прихрамывала, но не сбавляла шага. У моста свернула к поселку железнодорожников. Быстро прошла по пустынному переулку и вбежала в обшарпанную пятиэтажку. На миг она остановилась перед старой, обитой дерматином дверью и позвонила, судорожно пытаясь собраться с мыслями и придумать что-нибудь... Но дверь скоро отворилась, и, увидев бабушку, Анна вскричала так громко, как рыдают по умершему, и рухнула вниз. Она обнимала старые натруженные ноги бабушки и, уткнув лицо в ее подол, измученно кричала: «За что?! За что?! Я хочу умереть!»

Старуха охнула и, взяв в ладони мокрое, неузнаваемо сморщенное лицо Анны, испуганно повторяла: «Встань, Аннушка! Дитяtko мое, встань!» Наконец ей удалось поднять внучку, она раздела ее и, как маленькую, уложила в постель. Подтыкая одеяло, села рядом и стала нежно гладить дрожащими морщинистыми руками ее спутанные длинные волосы, лоб и руки. Анна замолкла, закрыла глаза, но слезы непрерывно сбежали по ее бледному лицу. Взволнованная старушка ни о чем не расспрашивала. Анна выросла на ее руках, она обожала свою красавицу,

гордилась ею и потакала во всем и теперь понимала: так плачут только из-за любви. Ее сердце сжалось от жалости и боли.

Весь следующий день Анна плакала и вздрагивала от каждого звука. Бабушка поила ее духмяными настоями трав, ступала тихо, как ходят в доме при тяжело-больном. Ночью Анна встала и осторожно, чтобы не разбудить бабушку, стала бродить по комнате. Мучительная боль в груди, от которой хотелось заснуть и не просыпаться, не утихала. Анна отворила окно. Сырая весенняя прохлада хлынула на нее. Она села на подоконник и обняла своего старого плюшевого мишку. Долго сидела, не двигаясь, и смотрела в низкое, беззвездное небо. Верхушки деревьев чуть колыхались, словно знали и не могли сказать ей что-то важное, необходимое для нее, о чем ей никогда не догадаться. Анна взглянула на блуждающих по двору кошек и увидела, как одиноко засветилось окно в доме напротив. Представила, как легко она может сейчас покачнуться, упасть вниз, на ступени, и разбиться насмерть. «Стоит лишь оттолкнуться от подоконника, — думала она, — и все кончится... Боль, предательство... Их не будет! Мишка выкатится из ее рук... К нему подберется кошка и осторожно понюхает его потертую шерстку. А, может, кто-то там, в светлом окне, не спит и услышит звук падения. Или утром выглянет в окно и закричит. Позвонит. Приедет скорая. Выбегут соседи. Ее окровавленное и переломанное тело увезут...»

Она видела однажды, как увозили сбитого машиной юношу. У него было чуть сплющенное лицо с выпуклыми голубыми глазами. Его обезумевшая мать, схватившись за волосы и ритмично раскачиваясь, приседала и протяжно ойкала. Двое мужчин взяли безжизненное тело юноши и обыденно, как мешок картошки, положили в нутро грузовика. Он уехал, а сходящая с ума мать так и осталась посредине дороги... Анна представила, как будут убиваться ее бабушка и мама, по очереди поправляя тюль, которым накроют в гробу ее твердое тело. Вадим, конечно, придет на похороны, у него будет бледное, измученное лицо. У свежeverытой могилы он, рыдая, поцелует ее в последний раз... И тут почему-то за его спиной появилась Инга. Она тоже плакала... И смерть с этого мгновения уже не казалась Анне такой спасительной и желанной. Наоборот, она становилась глупой, отвратительной и даже злой, особенно по отношению к бабушке и маме.

Наконец, Анна ощутила холод, взглянула еще раз в пустоту сереющего неба и, окончательно продрогнув, сошла с подоконника. Легла в постель, постепенно согрелась и впервые за последние два дня крепко заснула. Ей приснился странный сон. Как будто она в чужом городе, одиноко блуждает по темным кривым улицам. Среди ветхих лачуг. Она не может отыскать своего дома. Вдруг навстречу ей — мальчик. Смуглый. «Похож на Вадима», — подумала она. Анна ускоряет шаг, бежит, хочет спросить его, что это за улица, а он не слышит. Вдруг оборачивается, почему-то протягивает к ней руки и... быстро ощупывает ее лицо. Ужас и отчаянье охватили ее. Она вдруг поняла, что он слепой. Щемящая боль, жалость и страх так сдавили ее душу, что Анна вскрикнула и проснулась...

Рано утром пришел Вадим. Она не плакала, не ругала его, лежала отвернувшись. Сначала он растерянно и настойчиво, каким-то петушиным голосом спрашивал о том, почему она исчезла и что случилось. Рассказывал, как искал ее, обзванивал знакомых, все больницы, обегал весь город, как переживает мама...

Попытался тормозить и даже отругал. Потом поговорил с бабушкой и все понял. Вышел, нервно выкурил две сигареты. Вернулся и жалким и срывающимся голосом покаялся, что да, он — идиот, боялся сказать: Инга его давно соблазняет, он просто запутался... «Ничего не было! Слышишь, ничего! Глупость одна!..» — встав на колени и обнимая дрожащими руками отвернувшуюся к стене жену, отчаянно твердил Вадим. Его неподдельные слезы, признания в любви не помогли. В груди Анны ворочались какие-то тяжелые, острые камни, ей казалось, что сердце ее вот-вот остановится. Она глухо отрезала: «Уходи! Навсегда, слышишь?!»

Вечером приползла Инга, она замешкалась на пороге. Анна вышла навстречу и, глядя ей в глаза, спокойно сказала: «Забирай его! Твоего милосердия мне не нужно! Будьте вы прокляты!» — и тихо закрыла дверь комнаты. Потом целый месяц она спала, читала старые книги, изредка плакала и... подала на развод. Жила у бабушки. Мама уговаривала смириться, простить. Потом совсем всполошилась и захотела отвести дочь к психиатру, но Анна сопротивлялась: «Я не сумасшедшая. Mamочка, не переживай, я больше не люблю его. Все сгорело! Все!» Правдой это было или нет, она еще и сама не знала. Записки рвала, на звонки не отвечала. Понимала: прекрасного прошлого, той любви, безоблачной и чистой, не вернешь. По-другому жить она еще не умела. Страшная ледяная бездна еще сосала ее изнутри, обида, стыд и предательство еще остро ранили душу. Ей казалось, что жизнь ее кончена. Как ни крепилась Анна, по утрам слезы сами начинали капать в чашку с чаем. Она прятала их от бабушки и уходила курить. Однажды вечером к ним забрел одноклассник Костя. Он был «своим парнем». Тонкий и умный, ни о чем не расспрашивал. В душу не лез. Заходил все чаще и смотрел на Анну, как на драгоценную и очень хрупкую вазу. Дотронуться боялся. Они ходили гулять в поле, подолгу сидели на обрыве у реки. Однажды он нарвал одуванчиков и надел ей на голову венки. Это было так трогательно, что она впервые за долгие месяцы улыбнулась. Они стали встречаться все чаще, подолгу болтать, вспоминали родную школу, только об Инге ни слова. Ненависти не было. На имя ее, напоминавшее Анне зловещую тень крадущегося в темноте убийцы, было наложено табу. Неожиданно для себя Анна согласилась вместе поехать в путешествие на Алтай. Так началась ее не совсем удачная вторая жизнь... А теперь вот третья...

В коридорах пусто. Только на химию очередь. В ней можно увидеть даже ребенка. Бедные дети, они появляются в приемном покое и уже через час в палатах пересказывают очередную страшную историю. Здесь женщины не только вместе стонут, плачут, боятся и ненавидят свою страшную «гадину», но и смеются, шутят и рассказывают друг другу амурные истории. Вечерами здесь говорят обо всем на свете. Это другой, неизвестный многим мир. Братство обрученных со смертью изгоев. В этих длинных коридорах Анна поняла, что по-настоящему люди делятся не на богатых и бедных, высоких и низкорослых, мусульман и христиан, не на мужчин и женщин, не на счастливых и несчастных, а на больных и здоровых. И не встретиться им, и не понять друг друга никогда! Здоровые люди смотрят на них с сочувствием и ужасом, как на прокаженных. Никому они не нужны, никому! Только главному! Боже, зачем ему мы, несчастные? Святой человек. Господи, если ты есть, спаси его и сохрани! «Он один влюблен в нас, девчонки! Как он

сегодня меня пощупал и даже подмигнул!» — часто шутила она после обхода и верила, что больше никогда сюда не вернется.

Но после первой операции прошло всего три месяца. И вот Анна снова в больнице. «Гадина» жива. Химия ее не убила. Снова нужно бороться за свою жизнь. Эта страшная битва отнимает все силы. «Теперь кто кого? — думает Анна. — Зачем я мучаюсь? Зачем мне эта жизнь?! Для кого жить?! Детей нет. Любимого мужчины тоже. Все думают: «Какая веселая, все время шутит...» Смотрят на меня с восхищением. Не знают, что моя душа придушена. В голове растет метастаз, а думать нужно о деньгах».

Злое, смертельное отчаяние все чаще закрадывается ей в душу. Но сверкающие молодой зеленью тополя за окном шепчут: «Живи, оживай! Как мы оживаем. Жизнь прекрасна!». Она разглядывает свежую розу на соседней тумбочке и размышляет о том, как раздобыть денег: сейчас это главное условие, чтобы выжить. Все ценное уже продано, а на лекарства понадобится еще уйма средств. Помощи от друзей не хватает. Да и сколько они могут ей давать?! У самих дети, проблемы. Осталась собственная квартира. «Заложу или продам! — радостно и легко решает Анна. — Куплю что-нибудь похуже. Вот и обед принесли. Надо поесть, — впереди операция. Нужны силы...» Вдруг ее рука с больничной котлетой замирает на полпути: в палату входит мужчина. Глаза ее медленно расширяются, и она узнает, еще не веря себе: «Вадим?!» Неужели это он пришел к ней?! Анна изумлена и не в силах пошевелиться: «Это сон?! Нет, Вадим обнимает ее!» В глазах вдруг становится горячо-горячо. «Как ты узнал?», — хочет спросить Анна и ничего не может произнести. Он ласково смотрит на нее, и его темные глаза говорят просто и ясно, что он пришел к ней.

— Я ненадолго. Давай выйдем во двор. Врач сказал, что можно, — как будто и не было стольких лет разлуки, просто и ласково говорит он.

Анна медленно натягивает на плечи теплую кофту и молчит. Неловко отвернувшись, она прячет брызнувшие радостью слезы. «Зачем они? Дальше-то что? Может, один этот день у нас и остался?! Завтра операция. Сколько я протяну? — вонзается в ее сердце вопрос. — Даже если все будет хорошо, два-три года...»

Спустившись по ступеням, они медленно идут по больничному двору. У Анны нарушена координация, ей приходится опираться на его руку. Она с удивлением замечает, как легко ей идти рядом с Вадимом, словно тогда, в первый раз. Шустрый ветерок надул пыли на скамейку. Вадим смахнул ее и бережно усадил Анну. Они долго, чуть удивленно, словно ощупывая что-то забытое и бесконечно дорогое, смотрят друг другу в глаза.

— Как ты? — тихо спрашивает Вадим и нежно поправляет платок на ее остриженной голове. Анна по его робкому движению догадывается, что он все-все знает.

— Завтра операция, — почти весело откликается она.

Из тысячи тысяч она узнала бы его. Сколько раз она представляла эту встречу. Как холодно и равнодушно пройдет мимо. Или рассмеется, если рядом будет другая. Когда узнала, что они с Ингой уехали, сбежала в глухомань. Целую неделю не выходила из номера гостиницы. Вены не резала. Перечитала «Милого друга» Мопассана и томик Цветаевой. Почти излечилась, решила жить. Забыть о боли. После устроилась на новую работу и не хотела никаких вестей. Если кто-нибудь

из сочувствующих начинал расспросы, беззаботно обрывала: «Это из другой жизни! Я теперь новенькая, «серебряю и сверкаю!». Потом перестала мечтать. Только по вечерам ей чудилось, что в темноте за приоткрытой дверью стоит Вадим. Тогда она вставала и с больно бьющимся сердцем закрывала ее.

Все камни истерлись, но ни разу до нынешнего дня не скрещивались их пути... «Вадим выглядит усталым, — замечает Анна. — Седина. В глазах покой. Нехороший какой-то...»

— Ты простишь меня? — он не опускает глаз и не дожидается ответа. — Знаешь, я больше жить не хотел, когда узнал, что ты уехала. Вены резал, водкой заливался. Понял: все! Кончилась жизнь. Инга сочувствовала. Сказала, что каждый имеет право на ошибку, но кто любит по-настоящему, тот борется за свою любовь. А я знал: тебя не вернуть. К тому же она оказалась беременной. Собиралась рожать. Мы уехали в Киев, там у нее тетка была, богатая и одинокая. Звала, говорила, что одной умирать не хочется. Жили ужасно. Правда, ни разу ее не ударил. Родился мальчик. Хорошенький, крепкий. На время наступило перемирие: малыш так плакал по ночам, что нам стало не до ссор. Засыпал он только у меня на руках. А через два месяца заметили неладное. Сын почти не реагировал на свет. Врачи сказали, что ребенок слеп от рождения... — Вадим замолчал и долго смотрел на купающегося в лужице воробья. Взъерошенный и серьезный птах встрепнулся и, высоко поднимая клювик, стал пить из лужицы. Оглянулся, вспорхнул на куст и скрылся в ветвях.

— Ездили по клиникам, профессорам, — грустно продолжил он. — Ничего не помогло. Даже надежды не было. Пережить такое, — он умолк, и лицо его переменилось. — Инга запила. В стране тоже обвал. Пришлось день и ночь работать, пошел в дальнобойщики. Надеюсь скопить валюты и поехать к Мулдашеву. Офтальмолог такой. Знаменитость. Говорят, глаз искусственный вживил... — Он снова замолчал, словно наткнувшись на что-то, и через секунду неуверенно продолжил. — Однажды вернулся из рейса. Застал Ингу с иностранцем. Ничего не сказал. Стал собирать вещи. Мальчик проснулся, начал реветь. Она в ногах валялась. Просила не уходить. А через полгода сама ушла. Уехала «по путевке» в Австралию. Сына оставила. Записку написала: «...Отдай Игоря в детдом. Сама не могу. Отдашь — вернусь». Остались мы с Игорьком одни. Пока тетка была жива, помогала нянчиться, недавно померла... Вот такие у нас «пирог»...

— С кем он сейчас?

— Здесь, со мной, сидит в машине. Мне работать нужно. Родители Инги согласились взять его. На время...

— Покажи мне его! — голос Анны было странно спокойным.

Они прошли к стоянке. Вадим открыл дверцу машины и вывел беленького пухлощекого мальчика лет пяти. Его большие, опушенные ресницами, черные глаза смотрели прямо на Анну.

— Игорь, — ласково обратился к нему отец, — это Анна. Помнишь, я тебе о ней рассказывал?

Анна наклонилась к мальчику. Он протянул к ней маленькие, теплые ручки и быстрыми мягкими движениями ошупал ее плечи и лицо. Сдерживая подступивший вдох, Анна замерла, потом порывисто и крепко прижала ребенка к себе

и расцеловала его. Усаживая улыбнувшегося малыша в машину, Вадим что-то прошептал ему, и они молча пошли назад. У самой палаты Вадим остановился, бережно взял в ладони ее лицо, скинул платок, потом провел по плечам и крепко сжал, словно желая слиться навсегда. Анна, плача, уткнулась в его свитер, пахнущий сигаретами, машиной и еще чем-то невыразимо родным. Вся гнилая боль слезала с ее души. «Спасены!» — шептали ее губы.

— Ты обязательно выздоровеешь, Анна! Я не могу без тебя! Слышишь?! Ничего не бойся, все будет хорошо! Хо-ро-шо, слышишь?! Надо жить, обязательно жить! Я заберу тебя отсюда. Ладно?! — он обнимал ее и нежно целовал остриженные волосы.

— Ты думаешь?! Да?! — она покраснела, задохнулась и, приподнявшись на цыпочки, порывисто спросила: — Вадим, отвези малыша к моей маме. Она будет счастлива! Так будет лучше! Я выдержу! Выздоровею, вот увидишь...

Анна смотрела в окно на удаляющуюся фигуру мужчины в расстегнутой куртке, из-под которой выглядывал черный свитер, когда-то очень давно связанный ее руками. «Я люблю тебя!» — шепнула она. Яркое весеннее солнце прорвалось сквозь серо-синие ключья туч и на миг ослепительно вспыхнуло. Анна зажмурилась, в груди у нее стало тепло. Эта теплота тяжелой и сладкой дрожью разливалась по всему телу. Она легла, чувствуя усталость, с удовольствием слушая частое биение своего сердца и ощущая, как покалывает в кончиках пальцев. Закрыла глаза. Лицо ее еще хранило прикосновение нежных детских рук. Это было что-то бесповоротно прекрасное. Впервые за последние недели Анна заснула крепким исцеляющим сном.

Вопросы и задания

1. Сколько временных пластов в рассказе? Что дает ретроспектива событий для понимания образов главных героев?
2. В рассказе представлены разные типы семей. Перечислите их. Обрисуйте психологический климат в каждой семье. Как можно защитить семью от зависти и предательства?
3. Что нового говорит Л. Стойлова в истории любви и предательства? Какие художественные средства помогают автору создать многоликий образ любви?
4. В чем глубокое значение мотива слепоты в рассказе? Как этот мотив реализован в произведении?
5. Прокомментируйте смысл названия рассказа «Надо жить». Как вы воспринимаете финал произведения?

☞ *«ПОКА ЖИВЫ ПОЭТЫ, ЖИВА И ДУХОВНОСТЬ НАРОДА...»* ☞

Тысячи дорог к человеческому сердцу, до которого порой не достучаться, которое зачастую откровенно цинично. Тысячи дорог до читателя, в борьбу за душу которого вступают поэты Приднестровья. Если бы они не понимали духовной силы слова, вряд ли бы в своих произведениях бередили старые раны. Не говорили бы о наших ошибках. Не боролись бы за добро в наших сердцах. Не зажигали бы для нас свечу, около огня которой так мечтает согреться громада человеческой

души. Но приднестровские авторы знают цену слову и поэтому побеждают звенящую пустоту наших душ своими произведениями.

Нравственные проблемы современности отражают в своих произведениях многие поэты Приднестровья. **Валентин Ткачѳв** (1946–2007 гг.) одним из первых заговорил о разрушительной силе мещанства, которое мимикрировало под внешнее благополучие. Что В. Ткачѳв понимал под мещанством духа? «Вещную жизнь» в слове и деле, набор удобных истин, типа «тише едешь — дальше будешь». Время застоя с его философией «Ты — мне, я — тебе» поэта не радовало. Как, впрочем, и время постперестроечное, не искоренившее установку на прагматическое преуспеяние, а скорее выведшее его на новый уровень кумовства, протекционизма и прочих взаимовыгодных связей.

Приезжая в Кишинев из Рыбницы, как Лев Толстой, из самолично обкошенной Ясной Поляны приезжавший в пресытившуюся Москву или прогнивший Петербург, В. Ткачѳв часто говорил: «Ну, коне-е-ечно... вы тут все, в Кишиневе!...» Подразумевалось: продались, жируете, мещане..., а где же ваш дух чести, правды, совести? Где ваше Слово?

На дне этих отчаянно чацких монологов лежало разочарование. Непростая жизнь по солженицыновской формуле «бодался теленок с дубом» обостряла в поэте чувство ненужности этому миру. Духовный голод и нехватка литературного пространства для реализации провоцировали депрессию и в чем-то ускорили его смерть.

Одним из ярких образов мещанского мира в лирике В. Ткачѳва стали *людигусеницы* из стихотворения «*Кому лучше?*». Следуя горьковской традиции, Валентин Ткачѳв противопоставляет сытость людей-гусениц окрыленности людей-бабочек. Печально, что этот мир отказывается от красоты полета и выбирает приземленность мещанства. Психология горьковского Ужа из «Песни о Соколе» для наших современников становится предпочтительнее полета Сокола.

Есть у автора серия стихотворений, объединенных жизнеутверждающими заглавиями: «*Праведность*», «*Демократия*», «*Выбор*». Но, к сожалению, за оптимистическими названиями скрывается печальная действительность: выбор приходится делать между подлостью и клеветой, демократия вскормлена фарисейством, а праведность воспринимается в извращенно-изломанном виде. Двойные стандарты бытия всегда были ненавистны Ткачѳву, поэтому поэт часто прибегал к иронии и сатире в изображении хозяев сытой жизни. Вскрывая язвы общества, он боролся за человека. И все же среди тотальной лжи застоя у В. Ткачѳва была своего рода «соломинка», за которую он держался. Это русская культура. Она помогала поэту быть совестью русского слова в Молдавии и Приднестровье.

Валентин Ткачѳв — автор сборников стихов «Преодоление зимы» (1975), «Тяга земная» (1982), «Свет наш насущный» (1987), «Запретный плод» (1990) и «Меч любви» (2001). Автор книги «Нелегкая стезя. Размышления о литературе, литераторах и литературных нравах» (2004). Руководитель литобъединения в городе Рыбнице. Первый редактор альманаха «Ларец-1» и составитель «Ларца-5», посвященного творчеству поэтов Приднестровья.

ВАЛЕНТИН ТКАЧЁВ

* * *

Кто православный, тот и русский.

Ф.М. Достоевский

Будет и горько и колко,
Что же поделать, мой свет, —
Надо быть русским — и только,
Тут даже выбора нет.

На человеческом поле —
Там, где немало всего —
Надо быть русским — не боле,
Но и не мене того.

Только уж не обессудьте
(Нас единит не мороз),
Надо быть русским по сути,
А не по месту, где рос.

Как говорил достославный,
Тот, кто лепил, не деля:
Русский, он есть православный,
Все остальное — земля.

И не широким, не узким
(Есть или нет борода),
Надо быть попросту русским
И человеком всегда.

Где бы меня ни носило,
Помню я дело свое:
Незачем славить Россию,
Надо быть частью ее.

ВЫБОР

Если глупостью не доконают,
То заставят построиться в ряд.
Загоняют, опять загоняют...
«Делай выбор скорее», — твердят.

Выбирать? И сторицей воздастся?
Да и выбор довольно простой —
Между подлостью и негодяйством,
Между лживостью и клеветой.

Расцветает глумливая придурь,
Кровеносную держит свечу...
Но не мой это, знаете, выбор,
И я делать его не хочу.

ПРАВЕДНОСТЬ

Ему выкручивали руки,
Но говорили: «Добрый будь».
Толкавшие его на муки
Ему твердили: «В добрый путь».

Какому дьяволу служили,
Какого славили врага?
Но кувыркались и кружили,
И обирали донага.

А если фразой неудобной
Он выходил за этот слой,
Тогда кричали: «Он недобрый!
Ты погляди, какой он злой!»

И прославляя добрых малых,
Не понимавших и аза,
Все мельтешили меж усталых,
Не поднимающих глаза.

А если горе и кручина
Так скрутят, что и не вздохнуть,
То говорили: «Молодчина,
Он не озлобился ничуть».

Все тархтели, руки грея,
Все — на ролях поводырей:
«Ах, что вы?.. Надо быть добрее...
Добрее надо быть, добрей...»

КОМУ ЛУЧШЕ?

Люди-бабочки все улетели.
Люди-гусеницы не летят:
То, что надо, они уже съели,
Но окукливаться не хотят.

Люди-гусеницы в самолетах,
Люди-гусеницы — в поездах.
Все в делах и семейных заботах
И опять в бесконечных трудах.

Им не нравится смерти подобный
Летаргический сон-формотвор,
Чтоб в полет уходить допотопный,
Допотопный полет через двор.

Есть у них и свои пьедесталы,
И вполне сладкозвучная медь.
Берегут свои мощные жвалы,
Чтобы ими опять захрустеть.

Все в округе они уже съели,
Но земля велика — не беда.
... Люди-бабочки вдаль улетели
И летят неизвестно куда.

ДЕМОКРАТИЯ

И вывели такую помесь,
Где нет ни капельки стыда.
Тут демократия и подлость
Неразделимы навсегда.

* * *

Все бежали, не знаю куда...
Выбегали, не знаю откуда...
И горела над миром звезда —
Лихорадочно-белое чудо.

Я хватал его за руку, лстыл.
Я летал вокруг него, словно птица,
И, заранее зная, грустил,
Что и к этой душе не пробиться.

Одинокий, я встретил в толпе
Человека, знакомого ликом.
«Погоди! — закричал я. — Тебе
Я сейчас расскажу о великом».

Он увел околдованный взгляд
И, как будто влекомый за нити,
«Виноват, — повторял, — виноват.
Тороплюсь, — говорил, — извините...»

...Все бежали, спешили, брели,
Освещали себя вполнакала.
А звезда полыхала вдали,
Полыхала звезда, полыхала.

Вопросы и задания

1. Докажите, что стихи В. Ткачева своеобразны и узнаваемы. В чем, с вашей точки зрения, проявляется авторский почерк поэта?
2. В стихотворении «Будет и горько и колко...» В. Ткачев дает несколько вариантов фразы «Надо быть русским — и только...». Как в этой палитре смыслов реализуется лирический герой? Почему для автора Россия всегда была главным жизненным маяком?
3. Почему понятия «демократия» и «выбор» в постперестроечном мире воспринимаются абсурдно? Докажите это цитатами из стихотворений.
4. Какие ассоциации рождают лирические герои стихотворения «Праведность»? Обрисуйте психологический портрет антигероя, привыкшего за лжеправедностью прикрывать свою низкую сущность.
5. Как ситуация неизбежности одиночества сюжетно воплощена в стихотворении «Все бежали, не знаю куда...»?

Размышляя о нравственных проблемах, приднестровские авторы обращаются к вечным образам. У *Ольги Молчановой* есть стихотворение «*Не странствую по миру Дон Кихоты...*», в котором слышится тоска по рыцарским временам.

Александр Вырвич в лирической миниатюре «*Можно*» реальность ада проецирует на сегодняшнее время, когда человек улыбается врагу, предает друзей, плывет по течению, при этом разрешая себе все.

В стихотворении «*Бендеры*» *Василия Маслова* судьба города, ставшего родным, раскрывается через понимание его значимости в истории «отчества родного». Связь прошлого и настоящего неразделима.

Уважение и доброжелательность к братскому народу звучат в строках стихотворения «*Молдаванам*» *Валерия Очварука*. Много в истории и судьбе народов переплелось навек. Кто может поколебать эту связь?

Причины такого тернистого для человечества пути в ошибках прошлого. Эта мысль ярко реализована в стихотворении *Владимира Полушина* «*Когда звонят колокола*». Но каждая ошибка может быть исправлена.

ОЛЬГА МОЛЧАНОВА

* * *

Не странствую по миру Дон Кихоты,	Сегодня все чрезмерно меркантильны.
Не охраняют Санчо Пансы их.	Романтика не манит, уж поверь.
Вставать с дивана нынче нет охоты,	И всякие ламанчи и севилю
Лишатся благ накопленных своих.	Не привлекают рыцарей теперь.

Не привлекают славные турниры,
Прекрасной дамы не влечет любовь.
Другие у людей сейчас кумиры, —
Но вспоминаю почему-то вновь

Кихота, и копье, и Росинанта,
И Санчо Пансу рядом на осле,
И главную идею, доминанту —
Добро творите, люди, на земле.

Сервантес, милый, не попало слово
Во вспаханную землю, как зерно.
И повторяю снова, снова, снова:
Желанных всходов не дало оно.

Лишь обожгло. И душу всколыхнуло,
И думы, думы мучают меня:
Ах, если б время, время жизнь вдохнуло
И в Дон Кихота, и в его коня.

Чтоб сердце беспокойно застучало,
Чтоб рыцарь наш отправился в поход.
Вот современной повести начало,
Вот к рыцарству желаемый подход.

Сегодня Дон Кихот, как воздух, нужен,
И постулаты странные его.
Он добр, он беззащитен, безоружен,
Но не откажется от гимна своего.

Он нас зовет в дорогу непростую,
Он поведет нас трассами любви.
Мой Дон Кихот, я по тебе тоскую,
Твой гимн поет, гудит в моей крови.

АЛЕКСАНДР ВЫРВИЧ

МОЖНО

Можно плыть по течению,
Пусть решает река.
Можно прикосновением
Сбить с пути мотылька,

А затем в том покаяться:
— Больше так не могу.
Можно вежливо кланяться,
Улыбаясь врагу.

Наизнанку все вывернув,
Тихо друга предать
И, оружие выверив,
Точно в спины стрелять.

Можно все, что захочется,
Даже то, что нельзя,
Свое имя для почестей
Тайно в списки внести.

Но запомни, пожалуйста,
Что, пройдя через ад,
Без какой-либо жалости
Зло вернется назад,

И заденет нечаянно
Тех, кого ты любил,
И заставит отчаяться
Тех, кого не забыл,

И ударит неистово,
Все сломает в судьбе,
Криком, болью и выстрелом
Отозвавшись в тебе.

ВАСИЛИЙ МАСЛОВ

БЕНДЕРЫ

Бендеры — город мой отлит
Из прочной стойкости былого,
На том и ныне он стоит
В краю Отечества родного.

Его не раз чужак топтал,
Война в огне своем сжигала,
А он под солнцем вновь вставал
Прочней бетона и металла.

Через него прошли века
Подобно силе урагана —
Под рев моторов, звон штыка
И лязг кривого ятагана.

Его и впредь убить нельзя,
Откуда б злоба ни рычала,
Ведь здесь, в Бендерах, Русь моя
Берет границ своих начало.

Еще здесь славою силен
На всем просторе пограничья
Былых суворовских времен
Неугасимый дух величья.

ВАЛЕРИЙ ОВЧАРУК

МОЛДАВАНАМ

Как доброжелательна природа —
Противоречивы языки.
Я всему молдавскому народу
Посвящаю русские стихи.

С детских лет со мною молдаване —
Виноделы, пахари, ткачи,
Трудятся они от зорьки ранней
И до поздней ночи иль ночи.

Песни их почти с цыганской грустью,
Над землей ухоженной летят.
Знаю я, их любит каждый русский,
Но поем мы их на русский лад.

Потому и не могу понять я:
Как сумел сатрап ушедших лет
В судьбы братьев с болью и проклятьем
Влить так много лжи и много бед?

ВЛАДИМИР ПОЛУШИН

КОГДА ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

Опять звонят колокола
Малиновым заветным звоном,
Мы очищаемся от зла,
Вдыхая музыку озона,

Забыв дорогу в светлый храм,
Мы высший свет порастеряли.
Чертополохом вырос хам,
А мы беде этой не вняли.

Мы забываем, как кресты
Летели наземь сиротливо,
Как окна маской пустоты
Зияли в храмах, и пугово

Кого теперь опять винить
В ошибках грубых и просчетах,
Когда мы не умели жить
В спасительных земных высотах?

Летели птицы из церквей,
Крылами черными махая,
Знаменьем скорби и смертей,
С вестями ада, а не рая.

Неужто не могли понять:
За злом всегда идет расплата?
И вновь о сыне плачет мать,
Скорбь, как и память, — вечно свята

О, эра гибельного зла,
О, время смутное, пустое!..
Когда звонят колокола,
Душа тоскует о покое.

1991 г.

Вопросы и задания

1. По каким качествам характера Дон Кихота тоскует О. Молчанова в своем стихотворении? Какие фигуры речи помогают автору воплотить идею стихотворения? Сформулируйте эту идею.
2. Чем опасна философия вседозволенности? Ответьте на вопрос, опираясь на стихотворение А. Вырвичка «Можно».
3. О каких исторических событиях вспоминает автор в стихотворении «Бендеры»?
4. Как бы вы ответили на вопрос, который ставит В. Овчарук в конце своего стихотворения «Молдаванам»?
5. Выпишите из стихотворения В. Полушина «Когда звонят колокола» яркие метафоры. Как они помогают понять идею стихотворения? В чем оно оказалось пророческим?

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

«ВСЕ СОВЕРШЕНСТВУЕТ ПРИРОДА...»

Красота природы таится во всем, что нас окружает: в солнечном дне и ласковом плеске прибоя, в буйной зелени летних садов и в морозных узорах на наших окнах. Красота рождается природой, а человек, неразрывно связанный с нею, не всегда замечает, как губит ее.

В традициях русской литературы любить природу и восхищаться ею. Только в единстве с природой видится смысл существования человека. А без этого бережного отношения к окружающему миру человек слаб, глуп и ничтожен. Природа — наш общий дом. А забота о доме — это и есть любовь к Родине. Как никто понимают это приднестровские авторы.

«О людях настоящих, о прекрасной природе и надо писать, рассказывая всему миру о таком уникальном крае, как Приднестровье», — убежден **Юрий Федорович Анников**, автор сборников рассказов «На дне Сарматского моря» (2013 г.), «Стихия» (2003 г.) и «Перевал» (2005 г.). Человек, трепетно любящий родные Дубоссары, Ю. Анников понимает жизнь природы, чувствует прекрасное и находит во всем этом великолепии милые моменты, которым радуется всей душой, отражая увиденное в своих очерках и рассказах.

Произведения Юрия Федоровича во многом автобиографичны, они повествуют об интересной судьбе этого человека. Многие трудности пришлось преодолеть ему, но ничто не смогло сломить человека с широкой душой, способного радоваться и сопереживать, тонко чувствовать и понимать природу, искренне болеть за судьбу Родины.

В авторском предисловии к книге «На дне Сарматского моря» писатель в обращении к читателю пишет: «...А потом побредем по нескошенным травам к братьям меньшим — соловьям да скворцам. И под трели их да под запахи Родины нас обнимет природа, встряхнет, силы даст, чтобы мы никогда ничего не забывали, а любили, любили, любили всегда».

Рассказ «*Измир*» из сборника «*Стихия*» написан в сказовой манере. Следуя традиции Н.С. Лескова, Ю. Анников делает героем-повествователем человека восторженного, умеющего замечать красоту жизни. Простодушный и добрый, впечатлительный и ранимый, герой словно рожден этим миром, уникальным в своей неповторимости. От природы унаследовал солдат-срочник неизбывный интерес к жизни. И этот мир открыл ему свои тайны.

Рассказ называется «*Измир*» по кличке арабского скакуна. Энергией силы и дикой вольницы веет от непокорного коня. И герой, чувствуя исконную мощь скакуна, открывает для себя неведомый мир. В военной части герой научился «не только умом и красотой лошади любоваться, но и по душам говорить с ней, заботиться». И Измир по достоинству оценил это внимание.

Сюжетная линия не ограничивается только рассказом о чутком и преданном Измире. Автор показывает, что душа, открытая красоте мира, легко впускает в себя и настоящее чувство. Любовь к Маше, жене капитана Диденко, для героя становится и радостью, и болью. Автор это чувство не осуждает, потому что оно лишено обмана. Маша прилетает в часть из Москвы, чтобы поправить здоровье (у нее белокровие). Прогулки с Измиром по степи в сопровождении главного героя окрашивают последние дни Маши в яркие краски. А смерть молодой женщины оставляет след раненого, но не убитого чувства: «Много, Коля, в жизни я всего повидал, а Измир да чужая жена Машенька вечно со мной рядом идут».

Что помогло герою не сломиться, ведь пришлось навсегда проститься и с Машей, и с Измиром? Автор считает, что уберегла героя от отчаяния память, а еще красота мира: «Все дороги замело, все надежды мои, что скоро открою двери нашего старенького дома, к матушке прижмусь и под тихое-тихое «тик-

так, тик-так» поплыву с Измиром в голубую даль Ягорлыцкого залива, а потом помчим с ним по солончаково-ромашковой степи, раскинувшейся у Черного моря, до самого горизонта, а там...»

Общение с природой исцеляет, избавляет от слепоты души и сердца, и человек, научившийся читать мудрую книгу природы, идет по жизни осененный светом добра. Что теряет тот, кто привык считать себя вершиной творения природы, самым разумным существом на планете? Этот вопрос задают себе многие приднестровские авторы. Бендерская писательница **Лариса Черникова** — одна из них. Ее рассказ «Баклан» отражает позицию равнодушного человека.

О чем рассказ «Баклан»? О птице, которую забывает человек. Две жизни, две сюжетные линии идут навстречу друг другу, чтобы потом пересечься в точке беды. Птица мало что знает о человеке. Она живет в своем мире. И это мир неба, где есть счастье полета, это траектория восхождения и обретения себя. А человек вписан в плоскость береговой линии. Человек приземлен и узколоб. Он не видит неба, потому что накачанная шея не позволяет ему смотреть вверх. Он разучился чувствовать, потому что пропил не только мозги, но и совесть. Баклан-птица и человек-дикарь на разных полюсах мира, созданного Богом. Но в рассказе инициирована встреча птицы и человека. Баклан видит Кирилла после бедовой разгульной ночи и не узнает в дикаре человека. «Венец творения» проигрывает сейчас в сравнении с бакланом, потому что птица наделена духовным зрением, а человек омертвел от удовольствий и вседозволенности. «Дичи хочу! Дичи!» — кричит обезумевший Кирилл и этим криком возвещает о своем ничтожестве.

Чем оборачивается встреча света и мрака? Гибелью птицы, но не победой зла. Человек, поднявший палку на птицу, в угаре похмелья словно избивает свою совесть, и она в муках оживает, начиная борьбу за человека уже вместе с чувством вины.

Литература родного края учит нас разумному отношению к природе. Человек должен заботиться о своем общем Доме, помнить, что и он сам — часть природы, которая такая же живая, как и мы с вами.

ЮРИЙ АННИКОВ

ИЗМИР

(В сокращении)

Нам кажется, что мы выражаем только себя, говорим только о себе, и вот оказывается, что из глубокой связи, из инстинктивной общности с окружающим мы создаем нечто сверхличное... Вот это сверхличное и есть лучшее, что содержится в нашем творчестве.

Томас Манн

Метет и метет. Хоть и март и весна где-то рядом, а куда ни глянь — белое безмолвие. Знаешь только, что если бы поднялись мы еще на две горки, то увидели

бы высоковольтные столбы, лесок небольшой проглянулся, а за ним — родные Дубоссары.

Все дороги замело, все надежды мои, что скоро открою двери нашего старенького дома, к матушке прижмусь и под тихое-тихое «тик-так, тик-так» поплыву с Измиром в голубую даль Ягорлыцкого залива, а потом помчим с ним по солончаково-ромашковой степи, раскинувшейся у Черного моря, до самого горизонта, а там...

Метет и метет. Сижу вот в напрочь застрявших в снежном заносе «Жигулях», друга поджидаю, греюсь, прислушиваюсь к завываньям метели, пою себе потихоньку песни любимые и мечтаю.

<...>

Случилось это в редкостную для нас зиму. Много тогда всякого транспорта застряло в пути. Застряли и мы.

— Ну, давай, рассказывай про свою первую любовь. Заливать ты, знаю, умеешь. Читаю твои фигли-мигли в газете. Получается...

Отставной капитан второго ранга, Колька Демьянов, а ныне гражданский начальник нашей газовой конторы, жаждал моих воспоминаний.

— А на чем мы остановились?

— Да о каком-то Измире ты хотел рассказать. Давай про него!..

Мы чокнулись, выпили малость, закусили, и откровение мое полилось тихим ручейком.

— Сколько уж раз, дорогой мой, за все эти годы порываюсь написать об Измире, стыдно сказать. Бывало, убегу, спрячусь в закутке каком темном, свечечку для вдохновения зажгу, ручку достану и только выведу на чистеньком листке бумаги одно-единственное слово «Измир», как тут же закрываются мои глаза, и я уже там. И вижу его, так отчетливо вижу. Далеко-далеко стоит с опущенной головой и гривой, травку теплыми губами пощипывает и все дожидается и дожидается моего протяжного зова: «И-и-з-м-и-и-р! Из-ми-ру-шка-а!..»

Учуял, слышу. Уши наострил, воздуха в себя вобрал, фыркнул, головой встряхнул, и вот мы уже мчим навстречу друг другу с ошалелой радостью. Все-то я помню, родной мой, все понимаю... Так ты слышишь меня, Колька?

— Да слышу, слышу, не тяни резину.

А свеча все горит-догорает. Ну, я сигаретку от огонька ее прикурю, дымком затянусь, а ни строчки, ни штриха хоть какого черкнуть о нем не могу. Только и того, что шепчу зачарованно: «Измир!..»

... Да никакой это не портовый город в Турции. И не кличка, вовсе не кличка, а имя моего незабвенного друга, на скаку вбирающего в себя всю мою радость. И до сей вот поры все никак не могу понять: как, откуда, из какого же места той бескрайней степи, где давно уже лежит он в вечном покое, исходит это неосоздаемое, никому не ведомое, но неимоверно сильное чувство любви и добра ко мне. Все никак не могу я замолить грехи. Бывало, в ночь-полночь проснусь, брошусь писать и побегу к нему по бумажному листочку, и к груди его уже прижмусь, а вижу-то совсем не его, а Машеньку, чужую жену, жену капитана Диденко. Ты слышишь меня, Колька?

— Да слышу, слышу. Сколько раз повторять. Давай рассказывай, что там такое случилось?..

— Слушай... Учился я тогда на третьем курсе Киевского ГИФКа. Боролся. И неплохо. О той жизни студенческой любо-дорого вспоминать, но о ней как-нибудь в другой раз. Предлагали мне тогда и квартиру в Киеве, и должность кусковую, только за ЦСКА борись в наилегчайшем весе. Четыре кг приходилось стонять!.. Словом, послушался начальство. Так они меня в Одессу упрятали. Ну, служу. На радиста учусь. Да с ротным подружились, с майором Жоголевым, замечательнейшим, золотым человеком. Он-то и спас меня от неминуемого дисбата. Бедранул я, помню, наглого и здоровенного сверхсрочника. Любил, гад, над молодыми солдатами поиздеваться. Так он аж к самому командиру части с рапортом побежал. А Жоголев и говорит: «Не робей, браток, украю я тебя от дисбата, нечего тебе там делать. Так упрячу, что никакая разведка тебя не сыщет. В в/ч 15586 поедешь. К другу моему, капитану Диденко. Может, жену его увидишь. Ох и красивая!.. Отдохнешь, стихата свои там попишешь, да и постучишь себе в удовольствие на морзянке. А я наведаюсь, обязательно наведаюсь...»

Усадил он меня в свой «бобик», и его крепкий водила через Херсон, через Гопри, через Краснознаменку пулей примчал в в/ч 15586 к капитану Диденко. Так и попал я в эту вот самую солончаково-ромашковую степь по правую сторону, а по левую — тихий и теплый Ягорлыцкий залив. Красотища неописуемая, Коля. Теперь бы хоть одним глазком на все это взглянуть.

Сухощавый, высокого роста капитан Диденко встретил меня приветливо. Как и положено по уставу, я первым отдал честь, а он козырнул нехотя, как-то сверху вниз опустил длиннющую руку и, крепенько так сжав своими музыкальными пальцами мою неуверенно вытянутую вперед ладошку, пробасил:

— Вот, вот... А-ить и нам хорошие спортсмены нужны! И мы здесь «самбомамбо» организуем. Вон у нас какие дивные просторы!..

И повел меня в часть. Я наблюдал за ним исподтишка. Глаза у него были блоковские! Такие же отрешенные, задумчивые, грустные. Потом я узнал, что и он ночами пописывает стихи.

В кабинете я вручил ему свои служебные документы и «секретное» сопроводительное письмо майора Жоголева, заложенное в выцветший без марки конверт. Читал он его с явным удовлетворением. То сидя тихо-тихо хихикал, а то вставал и заливался, утирая слезы, смехом. Некоторые строчки письма читал сосредоточенно, кивая головой и прикасаясь рукой к густым смолянистым волосам. Наконец облегченно вздохнул и сказал:

— Ну что же, ставлю тебя на довольствие. Да смотри: никаких драк, никакой самозащиты без оружия. Служи тише воды, ниже травы: А хорошую инициативу — проявляй, помогу...

Ну, я и развернул там такую военно-трудовую деятельность, что он, хоть и с улыбкой, а все-таки устало заметил: «А с тобой действительно не соскучишься!..»

Но ЧП все-таки произошло. В хозяйстве нашем был еще и гнедой красавец — арабский скакун Измир. Он доставлял нам из ближайшего села почту. Да почтовик, грузин по национальности, по неумению обращаться с лошадью, застудил его. Старший сержант Сухов, начальник радиостанции (а я служил при ней радистом, истистом да еще и телеграфистом), знавший толк в лошадях, говорил: «Погубит Коба, — так, кажется, звали грузина, — красавца Измира, погубит!..»

И вот как-то поутру, вижу, бьет грузин Измира уздой: не хочет тот, видите ли, в бедарку впрягаться. Ну, я и сцепился с ним. Он был, конечно, не в моей весовой категории, почти полутяж. Сильный, гордый и злой. Я к нему, а он как вмажет меня кулачищем — искры из глаз. Никак к себе не подпускает: знал, что если я хоть до пальца доберусь, то ноги уже точно на уши накручу. Пришлось прикинуться, что от очередного удара сознание потерял. Как мертвый на земле распластался. А он только нагнулся, чтобы удостовериться в этом, как тут же по позвоночнику схлопотал. От боли орет, русским матом меня кроет, убить грозит, а я, заламывая ножищи, криком кричу:

— Выручай, братва российская, грузины наших бьют!..

Вижу: бегут армейцы. А впереди, придерживая белый колпак на голове, мчит со столовым ножищем Володька...

Разняли нас. Потом, правда, на словах малость еще погрызлись, но Измира я все-таки отвел к Сухову. Он-то и научил меня не только умом и красотой лошади любоваться, но и по душам говорить с ней, заботиться. Вместе с Суховым выходили мы Измира. И меня зауважала армейская братва, избрала даже секретарем комсомольской организации. Я старался. Научился в прибрежных омутах залива ночью ловить кефаль, вялить ее, ромашку с солончаком косить, сушить и скирдовать для Измира и кроликов сено. Со временем и с грузином помирились.

...Пришла зима. И под самый Новый год вот такая же метель разыгралась. Ближайшее почтовое отделение — в 15-ти километрах от части. Когда наш грузинчик выехал с Измиром за почтой, то и намек на перемену погоды. Письма он взял где-то к обеду, да тут и заволокло небо, подул северный ветер, неся сплошной стеной большие снежные хлопья. Грузину бы переждать, заночевать даже, в степи же ориентира никакого нет, а он — в седло и погнал. Сначала по колее шел, а где-то в пяти километрах от части сбился с пути и стал тянуть Измира не в степь, а в залив. Даже с седла слез и за узду стал уводить его за собой, но Измир вырвался и поздним-поздним вечером воротился в часть один. Тут же забили тревогу. А метель еще пуще разыгралась, да с морозом, ветром.

Двое суток мела, на третьи стихла. Снега по колено намело. Из Одессы на вертолете прилетели начальники во главе с генералом. Опросили свидетелей, подсчитали время, вычислили: где-то в степи искать надо. А как? Это же иголка в сене! Набросились на капитана: тот, горем убитый, навывтяжку все это время стоял, а они его крыли вдоль и поперек.

Стали степь прочесывать. На подмогу роту солдат бросили, а что толку. Снег кругом, аж в глазах рябит. А меня будто кто-то толкает к Измиру. Иду, по дороге такую вспомнил песнь, матушка моя ее очень любила: «Когда я на почте служил ямщиком...». И тут мысль: «...И вдруг что-то замер мой конь на бегу, и в сторону смотрит пугливо...»

Ага, думаю, труп на дороге. Я — к Измиру. Он опечаленный стоит. Ну, я и бухнул перед ним на колени, да со слезами и запел эту вот песнь. «Помоги, — говорю, — дружэ, а то начальство вконец измордует капитана». (Он, кстати, Николай, твой тезка). Глажу, глажу его, а кожа вся у него вздрагивает, дрожит.

Поднялся, обнял его. Ну, пошли, говорю, пошли. И он пошел. Конюшня в пятистах метрах от части была. Я — скорее к капитану. Без стука врываюсь в

кабинет его, а меня назад: по уставу, мол, надо, каблучками пристукнуть, честь отдать, разрешения спросить. Наконец Диденко решительно успокоил разбушевавшегося генерала и разрешил мне взять наших ребят на подмогу. Пошли и они за Измиром. Я его за гриву держу, а пять километров — это не пять метров. Сзади ропот слышу. Оглянулся, вижу: и генерал топает.

В одном месте, помню, всегда на дороге крохотное озерко образовывалось. Когда дошли до него, вот тут-то и замер Измир. Заржал, да с поворота как вмажет назад галопом, только снег столбом из-под копыт.

Первыми подошли ко мне Диденко и Володя-повар, душевный парень-гармонист. Другие тоже оглядываются по сторонам, а Володя пригнулся и показывает мне, что вон там, в заливе, в метрах 30-ти, холмик какой-то снежный. Когда ребята расчистили с бугорка снег, то его и увидели там с почтовой сумкой. Я на это, Коля, тогда смотреть не мог. Вроде ничего не боюсь, а тут теряю сознание. Не дремлешь еще, а?..

Колька долго-долго смотрит на меня слегка недоверчивыми глазами, но знает: врать я не приучен, не умею.

— Но это, Колька, только присказка. Сказка впереди.

Однако же метет и метет. Может, и правда к хлебу метет?..

Пришла весна, пробилась травка, зацвела ромашка.

Ну, ты только представь себе, Коль: чистое небо, земля вся в ромашковых глазенках и сливающийся с горизонтом тихий, голубой залив.

К Диденко прилетела жена. И правда, неопишуемой красоты москвичка. Доставили ее на вертолете. Она была дочерью какого-то большого военного начальника. Я же за это время очень сдружился с капитаном. Инициативы у меня — пруд-пруди, сам знаешь.

Видимо, капитан рассказал жене о зимнем ЧП в части, и любопытство, конечно же, овладело ею: как же все это могло случиться?.. И вот вызывает командир меня к себе и по-дружески просит прокатить ее по степи на Измире, а заодно и почту в Краснознаменке захватить. Возле конюшни я кликнул Измира, он у меня всегда вольно по степи бродил, но на зов тут же прилетал. «Сегодня, — говорю, — в бедарке поедем, капитанову жену покатаешь. Заодно и почту прихватим. Да ты уж смотри, не подведи, сам приглядишься, какая она красивая!..» Измир слушает, глазом косит, головой машет, а я его запрягаю. Подъезжаю к части, она уже ждет. В платье светлом, льняном, с распущенными соломенными волосами и сумочкой для всяких там женских принадлежностей. Я сошел с бедарки и, как полагается, подсобил ей сесть в нее. Под локоточек, под локоточек, слышишь, Колька?..

— Да слышу, не тяни...

— А самого дрожь, понимаешь, пробирает. Чувствую, что боюсь я красоты такой. В двуколочке сено ромашковое, впереди — раздолье. Это же, брат, не набитое людьми метро с разными там запахами и надоевшими повторяющимися словами: «Осторожно! Двери закрываются! Следующая станция...». Тут воля! Да еще какая — прекрасная!..

Утро. Ветерок только-только пробуждается. А впереди огромное солнце выкатилось и светит, смотрит и греет...

Чтоб не мешать ей видеть все это, сжался я в уголочке бедарки, вожжи в руках меж колен зажал и слегка присвистнул Измиру: «Вот мчится тройка почтовая по Волге, матушке-реке...» И он тронулся с места, пошел легкой, такой красивой рысцой, с приподнятой головой, ровно по колее.

Впереди залив и степь, а меж ними — убегающая в бесконечную даль навстречу солнцу дорога. Едем. На душе хорошо. Чувствую, что и она все понимает. Суетит-то глазенками по просторам и блаженствует. Ветерком, настоящим морем и степью, дышим — не надышимся. Всю жизнь бы вот так с ней в любую даль, хоть на край света. Но себя крепко настраиваю: «И думать о ней не смей, чужая она жена. Да и куда, и зачем? Небо я с ней и земля. Сиди себе да посвистывай». Что и делаю. А только чувствую, рука ее обнаженная к моим коленям, где вожжи зажаты, потянулась и, прикоснувшись к рукам, такой теплой нежностью их обдала... Не шелохнувшись, сижу.

Вожжами я Измиром никогда не управлял. Словом, песней — да. А руки? Куда мне их было деть? Вот и зажал их меж колен. А она прямо в глаза мои тревожно как-то глядит и тихо-тихо молвит:

— А можно и мне вожжи подержать? Я в такой красоте еще никогда не бывала...

Разжались мои кулаки, но она держала вожжи совсем не так, как надо. Мне хотелось сказать: «Не робейте, смелей, подтяните хоть чуточку вожжи, дайте ему знать, Измир не подведет». А у самого сорвалось: «А ну-ка давай, любимый!..» Эх, как он пошел, прибавляя и прибавляя шаг, и вскоре перешел в стремительный, рвущийся вперед полет. Лицо ее, белое-белое, зарумянил ветерок, разбросал играючи соломенные волосы, а в голубые глаза бросил искорку, и помчала наша бедарочка, дух захватывая. Не удержать теперь Измира. А дорога с колдобинами, трясет, и надо уже вставать. Ну, я и подхватил ее за талию, чтоб не свалилась вдруг. Тут и она обняла меня, к гимнастерочке, давненько не стиранной, голову склонила и видит, тоже видит колышающуюся гриву лошади, подкову-дугу без колокольчика, устремленную к солнцу голову Измира и убегающую вдаль дорогу.

Что тут не понять, Коля. До мозга костей я влюбился. Но человеческая честь куда сильней тогда была. Я с силой потянул на себя вожжи. Измир понял, плавно перешел на тихую рысь, а мы медленно, как стояли, так и присели в бедарку. Впереди была уже видна ближайшая деревенька.

Думал ли я, Коля, что так жестоко, не на жизнь, а, и правда, на смерть, схлестнутся два этих чувства: честь и страстная любовь?.. Дай-ка я закурю.

<...>

Ну, живем, значит, службу несем. Командир, вижу, радостный ходит. Как-то говорит: «Спасибо тебе, друг. Дела ее пошли на поправку, щечки хоть порозовели. О тебе, Измире, степи да море только и ведет разговоры со мной».

А тут вызов мне пришел, бороться надо было: «Срочно прибыть в Одессу на сборы». Ребята-сослуживцы после некоторых передрыг меня уважали и все вместе стали собирать теперь в дорогу. Капитановский «бобик» из гаража выкатили. А он только для генералов был предназначен. Когда они прилетали, так по ночам гоняли по степи на нем и громадных зайцев бухали. Набьют черти-сколько, и домой. Я им с поваром Володей рыбку ловил. А нам не только бычки с полруки, а и белуги килограммов с «наддять» попадались. У меня на них великое чутье...

— Да заткнешься ты, заяц? Ну куда тебя опять повело? О ней рассказывай!

— Говорю, говорю. Так я ведь с ней и по сей день в мыслях живу, Коля. Одна она у меня, одна... Ну сел, затаренный черти чем, в «бобик», нарядненский, чи-стенский, а Асакян, водила капитановский, как врезал по скоростям, только и успел выхватить на миг всю ее, стоявшую чуть поодаль от помахивающих руками солдат и командира. Обмерло мое сердце, Коля, обмерло. Хоть дверцу открывай да прыгай и беги к ней. Соревнования по самбо проводились во Львове. Все во-енные округа команды выставили. Мне всего один килограмм до 56, слава Богу, пришлось сгонять. Борюсь, борюсь, а она со мной рядом. Ноготки грызет, пере-живает, болеет. Но мне это все мешает, я не могу сосредоточиться, а соперники не лыком шитые — ушлые мастера. Одного пальца, и то не давай...

— Да о ней, о ней говори, паразит! Что ты про какие-то пальцы!

— Тьфу! А я о ком говорю? Не о себе же... Короче, с горем пополам вырвал первое место. Да прихватил желудок. Он давно меня мучил. Ни вздохнуть, ни вы-дохнуть. Мог телеграмму дать, чтобы в Гопри встретили, да, сам знаешь, люблю внезапность. До деревни автобусом добрался, а знаю, что Измир меня, как всегда, где-то поодаль поджидает. Крикнул я его и ухом сразу же к земле прижался, жду. И вот, веришь, сначала совсем тихо, а через минуту-другую — сильнее приглу-шенные удары «та-дам, та-дам», и все ближе они, все слышней. Боже, Колька, как летит ко мне моя радость! Примчит, голову склонит, — обнимай, мол, скорей. Обниму, сахарочку немного дам. А он теплыми-теплыми, щекочущими губами — шлеп сахарок и хрум-хрум его зубами.

Жалуюсь ему, что вот, прихватила эта чертова болезнь, всего скручивает, вези потихоньку, может, в казарме отлежусь. Взобрался на него, здоровенную сумку с двумя бутылками «Московской» под живот уложил, вроде чуть легче стало. Тро-гай, говорю, сейчас запою. Схватил рукой его гриву и: «Однозвучно гремит ко-ло-ко-ль-чи-ик...» А он, как над пропастью, осторожно идет. Вижу, не в часть он правит, а к чабанам. Были там, далеко в степи, колхозные овечьи отары, а непода-леку от них — буркутный родник. Тухлым яйцом прет, а вроде как кто-то подска-зывает мне: попей, мол. Бухнулся я на колени, на руки оперся и хлыщу эту воду. Смотрю, и Измир ко мне пристроился, да так интеллигентненько посасывает ее. Чувствую — легчает. Я опять к воде. Голову свою к его морде подсовываю, и куль-турно так пьем и пьем воду буркутную. А Измир косится на меня и словно бы улыбается. Тут аппетит такой прорвался! Давай, говорю, вези меня скорее в часть, есть хочу, аж «сердэнько» вянет. Но он не в часть направляется, а к чабанам. «Куда прешь?» — спрашиваю. Идет себе, хвостом помахивая. Чабаны обрадовались мо-ему приезду, поздоровались, усадили за стол, я бутылочки достал и рассказываю, как эта вода помогает мне. Измир, говорю, на нее вывел и к вам притащил. И пра-вильно сделал, отвечают, цэ умная лошадь, скаун арабской породы, одно слово — Измир! А мы вот быстренько болезнь вашу прогоним.

Отрезает один чабан хороший пласт домашнего хлеба, намазывает на него толщиной в палец бараний жир, а поверх стелет нарезанный круглыми дольками лук и протягивает.

Слюни у меня как у бешеной собаки потекли. Жую и глотаю, жую и глотаю. А тут вижу, костер оживает, под ним казанище — руками не обхватишь, парком

дышит. Один из чабанов кинулся было за овцой, да я остановил, попросил угостить коронным блюдом капитанову жену. Она, говорю, городская, такой еды, видать, отродясь не пробовала, чтоб с дымком да под вечернюю зорьку...

— Ну, сколько там натикало? Может, уже светает?

— Да нет еще. Растравил душу, самому есть захотелось.

— Ничего, потерпим. Дальше слушай. Еду в часть и вижу: засекали меня служивые, издали руками машут. Вот я мимо полевой своей радиостанции-«рафушечки», командирского домика и баньки прямо к порогу части и прибываю. Передо мной друзья шумят, приветствуя, а спиной вижу: выскочила она на крыльцо в халатике, всплеснула руками и снова в дом юркнула. Грамоту — командиру, чемпионский жетон — Володьке: страсть, как он любил эти побрякушки. Я к обеду воротился. Володька мне запеченного зайца подсовывает и шепчет, что белужка в залив подошла. Вчера, мол, одну поймали, ничего, хорошая. Как велел, командиру отдали. Он побрыкался малость, но взял. Так ни она, ни он ни черта готовить-то не умеют. Ну, я им сделал блюдо, пальчики оближешь. Спасибо, говорит она мне, спасибо, а по тебе тоскует, вижу...

Володька все понимал. Он был старше меня на целых пять лет. В наш призыв, с сорокового по сорок пятый, в армию гребли и косых, и хромых, и с плоскостопием, как у Володьки. И были у него две зазнобушки на всю его неприветливую жизнь: старенькая-старенькая гармошка и жена Клава. Из тюрьмы он ее вытащил и полюбил, как говорил, до самой гробовой доски. Души, мол, их на весь отпущенный век сроднились. «А твоя, — он имел в виду жену капитана, — шибко тебя дожидалась, места себе не находила. Встанет, бывало, в степи и смотрит, смотрит на дорогу. Ты уж побудь с ней. Солдаты давно шумиху пакостную завели: разве ж такую упустит, раз кочет. А командир, видно, нервничает, ревнует. Я к нему заходил, сказал, что честь свою ты не опоганишь. Да он и так верит тебе. А ты ее покатай, покатай на Измире. В залив возьми, пусть посмотрит, как ловится рыбка. Скоро уедет, и все потихоньку позабудется».

А чего, Колька, таить, чего таить?.. Я и сейчас весь вот горю, ногу на ногу перекидывая... Только из столовки выхожу, а она уже в брючках белых и блузе васильковой дожидается и с такой радостью, с такой надеждой «здравствуйте» говорит! Ну, куда деваться?.. Покатал на Измире верхом. Ничего, в седле держится. А как смотрится! Был бы фотоаппарат, а тогда и в голову вся эта петрушка не приходила. Да мне и не нужны эти снимки. Она у меня и так вечно перед глазами.

<...>

Вот и теперь плывем мы с ней в старенькой лодчонке, опускаю я тихо в воду весла, гребу и напеваю эту песню, и туман вовсе не пронизывает нас и наши сердца, а укутывает, обнимает. «Может быть, оттого, что люблю одного, я в тревоге за всех моряков...» — тут нервы наши не выдерживают, и мы в едином шальном порыве бросаемся на колени, обнимаем друг друга, целуем, целуем, чуть не плачем... Но и в тот раз вся моя в конец ослабевшая мужская честь еще выстояла, победила. Да и туман рассеялся, и берег наш был уже виден, а значит, и мы пред чьими-то глазами, как на ладони. Бинокли у нас в части не театральные были.

Проглянул красный буй, начало сети мы нашли. Недолго кружились на воде, стали вдвоем выбирать сети. С азартом, конечно. Любо-дорого на нее смотреть.

Поначалу пошли, как всегда, крупные, с полруки, бычки с разъяренными глазами. Потом ерши и реже, уже на большой глубине, камбала. Но по натяжению сети, по ее редким, но сильным рывкам-ударам чувствовал: попалось что-то очень серьезное. И вот тут-то жуткая картина, Коля, вырисовывается. Я ощутил, что нас очень далеко отнесло от нашего берега, его уже не было видно. А на веслах — никого! Мы уходим и уходим в глубь залива. Нас тянет кто-то туда. Ну, не черт же? Рыба! Я поспешил, вижу: и сеть пошла изорванная, перепутанная, тянул ее уже один. Ей же велел сесть на весла, а когда показался у кормы белужий хвост, услышал за спиной ее испуганный крик. Дрожа от страха, она бросилась ко мне, прижалась и, закрыв глаза, только и того что шептала: «Смотри, смотри...» Ее испуг передался и мне, я настороженно повел вокруг взглядом. Набегала уже волна. Качало.

И тут, метрах в пяти от нас, натываюсь взором на громадную серую рыбу-тушу. Она кружила и все приближалась и приближалась к лодке. То была не акула, это я точно знаю. Она бы саданула по лодке. Вот дельфин другое дело. Запомнил, что по туловищу ее катились крупные водяные капли. Ни головы, ни хвоста я так и не увидел. Как ни удивительно, но я тоже обмер. Да ей только бочком поддать нашу лодчонку — и все. А жить-то ой как захотелось. Стою на коленях. В одной руке сеть держу с рвущейся в море белугой, другой Машу к груди прижимаю и жду: что будет, то и будет. Чего только не перемелькало в мыслях. Поднял я к небу взор и вижу образ святого Николая Угодника. Он с детских лет меня сопровождает, потом о нем расскажу: Пальцем мне не грозит, а доверчиво смотрит, словно решений моих ждет. Ну, думаю, может, сеть надо резануть, да отпустить эту белугу на волю, а ножа нет, забыл взять. Так и стою пред ним в раздумье, боясь на воду глянуть. Вижу, головой седой качая, благословляет он нас. Да, чему быть — того не миновать. Кричу: «Э-ге-гей!..» Исчез и страх, и святой образ. А по натяжению сети чувствую: сдается белуга. Глянул, а она уже в трех метрах на воде распласталась, устала. Ищу, ищу по сторонам эту чертову тушу и не вижу. Стал рыбину к себе тащить. Вместе с бумом и выволок в нервном таком азарте, в лодке уже лежит, поверх сети у Машиных ног.

Усадил я ее на белугу. Получается, что вместе и гребли к берегу. Целуемся, а что делать, все равно на берегу засекали. По сторонам бросаю взгляды, туши той рыбьей не вижу. Но чувствую, идет она с нами рядом, как бы сопровождает, как бы выводит нас, как бы оберегает. И понял: да она с нами, закричал: «Спасибо, спасибо тебе!». Машу на руки поднял. «Смотри, смотри, какая она красивая», — ору, а в ней, в любимой-то моей, всего с полтинничек веса будет. Радости во мне, Коля, аж в жар бросило. И берег уже вижу. Спиной к нему, теперь уже по-настоящему вдвоем гребем и всякие нежности лопочем друг другу. Разве ж такое можно забыть, а?..

— Ну, ты уже тут малость подзагнул, дорогой, — ерзяя на сиденье, засомневался Николай.

— Нет, все так и было. Зачем мне тебе врать, если я и сам до сей вот пробивающейся уже седины не могу никак разобраться в превеликом множестве аналогичных явлений в моей жизни. Кто нас ведет по земле? Бог, ангелы-хранители, высшие силы разума, судьба или товарищ случай? Да, в каких только переделках не довелось бывать, а вот видишь — живой! Да ты пока не сбивай с мысли.

Шел уже седьмой час, и я торопился дорассказать.

— Нас уже ждали. Когда нос лодки врезался в мягкий, устланный морской травой берег, я вдруг, сам не понимая, что творю, подхватил ее на руки и понес капитану, стоявшему чуть поодаль от солдат, бросившихся уже во главе с Володей-поваром к лодке поглядеть на добычу. Она горела радостным-радостным румянцем. «Ну как? — спросил меня, — вижу, вижу улов». Но она тут же вставила: «Прекрасно!..»

Белуга попалась с икрой. Жаль, очень жаль ее было. Но тешил себя лишь тем, что это ей, любимой моей, для жизни, для здоровья послали неведомые мне силы природы подарок. Для нее мы и засолили с Володией икру. «Правильно, правильно, — говорил он мне, — а то она прямо аж светится вся, гемоглобина в крови мало. Икра — самое лекарство для нее. А что случилось-то там, в заливе? Чего ты какой-то не такой?» «Потом, Володя», — выдохнул я.

Как обычно, вышел в назначенное время на связь, принял радиogramму, из рук в руки передал ее для расшифровки капитану, говоря предельно честным взглядом, что вот такие, брат, дела: сильные чувства в узде не удержишь.

«Ничего предосудительного в этом нет, — успокоил он меня. — Я тоже, друг мой, все вижу и все понимаю. Да улетит уже скоро она... Поезжай-ка в Гопри с ней — просится. Не удержу уже, да и кто ее удержит теперь. Какой там, огнем, пламенем вся горит. По магазинам там походите, а оттуда прямо к чабанам и езжайте. Со мной не хочет, а только с тобой и с Измиром».

Господи, Коля! Слышал бы ты, как билось в груди мое сердце. Будто стопудовый груз свалился с моих плеч. Ну, а этому ты веришь?

— Такое может быть, — отвечает Николай. Что-то подобное и у нас на службе случалось. Да ты давай, дальше рассказывай. Скоро уже снег начнем расчищать, пора и на свет белый выбираться.

— Да! Тут, как говорится, и кульминационный момент близок. Побывали мы в Гопри, к чабанам захали. На руках ношу, что скажет, то и делаю. А к ночи и говорит мне, что суббота сегодня, а значит, баньку истопили солдаты. Попариться хочу... Звездной тихой ночью и подъехали к ней. А уж что было, Коля, то было, а вот нет же ее теперь, нет, как видишь.

В полдень прилетел на большом вертолете ее отец. Строгий, с маршалскими погонами. Все, что она мне в баньке говорила, я на всю жизнь запомнил. Но больна она была, больна. Рак крови. Что ни делали — не спасли. Умерла. Капитан Диденко там, в Москве, с ней был и говорит, что последние ее слова такими были: «Передай ему, что пусть так же, как и Измира, всю жизнь меня любит».

Много, Коля, в жизни я всего повидал, а Измир да чужая жена Машенька вечно со мной рядом идут.

А с Измиром вот как простились. Пришел и мой дембель. Капитан Диденко, совсем уже седой, сам решил на «бобике» проводить меня. На скорую руку собрался, и гоним с ним по степи с грустью и тоской. Только чую, настигает нас кто-то. Оглянулся — Измир. Обогнал и встал на дороге. Господи! Выскочил к нему да на колени: «Прости, прости, дорогой, но куда же я тебя?..» Капитан тоже вышел из машины и подошел к нам. Так молча и стояли, пока простил. Измир, не оглядываясь, ушел в степь.

— Ну ты и даешь, если все это правда.

— Правда, Коля, чистая, чистая правда.

Было уже совсем светло. Метель стихла. Мы начали выкарабкиваться из машины. И мне, и Кольке удалось взобраться на крышу «Жигулей», стали расчищать снег. Багрово-яркое солнце выкатилось из-за горизонта и повисло над заводской крышей.

— Значит, Марья Петровна Осадчук, — говорю, — уже на работе, хлеб выпекает. А Раиса Степановна Негря, которая в самом Париже побывала за то, что умеет хорошо работать, сейчас икру мечет. Привалило ей теперь работенки.

Она-то и вызволила нас вместе со своими хлопцами из снежного заноса. Веселая, хохочущая, все согревала своим дыханием нам руки да отпаивала горячим-горячим черным кофе. Мы так были ей рады!

— Ну вот, Раиса Степановна, я же ему говорил, что выкарабкаемся, а он, — Николай кивнул головой в мою сторону и добавил: — Не верил.

Я же, согревшись и разомлев, уже пел:

Какая Марья без Ивана,
Какая зорька без росы,
Какая песня без баяна,
Какая Волга без Руси...

Красиво надо любить, Коля, красиво!..

Вопросы и задания

1. Герой-рассказчик и его друг Колька Демьянов оказываются пленниками снежных заносов. Вынужденное ожидание оборачивается откровениями души. Что мучает главного героя?

2. В рассказе представлены три группы образов: образы-персонажи, образы животных и пейзаж. Приведите примеры для каждой группы.

3. Арабский скакун Измир органично вписывается в просторы степи. Какими словами создается представление об Измире? Почему конь предан главному герою?

4. В каких отношениях с миром природы находится герой-рассказчик? Запишите ключевые слова и словосочетания для характеристики героя.

5. Параллельно истории Измира развивается история Машеньки. Зачем автору нужен этот прием сопоставления судеб и что эти персонажи оттеняют в характере героя?

6. Одна из характеристик героя — его любовь к народной песне. Какие песни поет рассказчик? Как это углубляет представление о нем?

7. В чем скрытый конфликт рассказа? Аргументируйте свой ответ.

~ ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА ~

У каждого народа есть свои певцы родной земли. В России это С.А. Есенин, Н.А. Заболоцкий, Н.М. Рубцов. На Украине — Т.Г. Шевченко, Леся Украинка. В Приднестровье это целая плеяда талантливых лириков. Ольга Молчанова, Марина Сычева, Владимир Ахмеров и другие авторы понимают, как важно на мгновение остановиться и увидеть то, без чего сердце бьется вполсилы. Таинственные

ивы у воды, Днестр, во время первых холодов курящийся живыми облаками, золотые аллеи осенних парков, цветная радуга солнечных зайчиков. Кто видел эту красоту, может с уверенностью сказать, что прикоснулся к хрупкой душе нашей родины.

Человек и природа — одна из центральных тем приднестровских поэтов. Большинство из авторов уходит только от пейзажных зарисовок и в природе видит воплощение своих задушевных мыслей. Многие стихи представляют собой путешествие в страну счастья, в реальность сказки, когда белые облака улыбаются цветущим абрикосам и «маленькими метелями нежности и восторга» (В. Ткачѳв) запоминаются деревья у причала. Это путешествие от себя взрослого к себе ребенку, прикосновение к тайне природы. И как долго потом эта сказка-встреча с листопадом, с «крохой-синичкой, дождинкой омытой» (П. Шпаков) теплится в душе.

Есть стихи, например М. Сычѳвой, где природа очеловечена и наделена вне-временной памятью. Для многих поэтов природа — не только объект эстетических переживаний, но и материал для постоянных размышлений о смысле жизни. Но большинство стихов — это выражение восторга перед красотой мира, это признание в любви к родному краю.

ОЛЬГА МОЛЧАНОВА

ЛЕТО

Я в лето звонкое вступила,
В траву высокую густую,
Мне словно фея уступила
Свою тропинку непростую.

Постель из трав прохладой манит,
Цветы помогут мне забыться,
И криком боли не обманет
Меня в лесу далеком птица.

Я к травам, нежная, склонилась,
Цветов веселых не срываю,
Почти лицом не изменилась,
Свою тоску-печаль скрывая.

Легко вызванивает лето
Над пышным разнотравным лугом.
И пусть тоска побродит где-то,
Подальше, за волшебным кругом.

* * *

Горизонт далекий в облаках,
Рвется солнце алое наружу.
И в своих заботливых руках
Желтый лист озябший обнаружу.

Я его укрою от ветров.
Меж страниц от холода укрою!
Я свою заботливость утрою.
Докажу — мой безопасен кров.

И потом, однажды поутру,
Лист скользнет ко мне из старой книги.
Все другие солнечные миги
Я с души возвышенной сотру.

АЛЕКСАНДР ВЫРВИЧ

* * *

Как хорошо от шума городского
В лесную окунуться тишину
И очутиться как бы в детстве снова,
А может быть — у времени в плену.

И развести костер среди поляны,
Так, для души, а не для шашлыка.
Смотреть на искры, что летят упрямо
Вверх, к звездам прямо, а не к облакам.

Найти под дубом желудя бочонок,
Еще раз рассмотреть кленовый лист.
Послушать крон зеленых перезвоны
В краю, где воздух так пьяняще чист.

И убедившись, что жива природа,
Гармонию в душе восстановить.
Раскрыть секрет незыблемого кода,
Как нам природа помогает жить.

МАРИНА СЫЧЁВА

ОПЯТЬ ОСЕНЬ

Опять закатов розовые ленты
Вплетает Осень в косы вечеров.
Опять дожди и листьев позументы
Преображают будничность дворов.

Опять — Она... Монаршею походкой,
Чуть прикасаясь к маковкам берез,
Плывет, чтоб после нищенкою кроткой
Примерить украшения из слез.

Опять закатов розовые ленты
Вплетает Осень в косы вечеров.
Опять дожди и листьев позументы
Преображают будничность дворов.

Опять — Она... Монаршею походкой,
Чуть прикасаясь к маковкам берез,
Плывет, чтоб после нищенкою кроткой
Примерить украшения из слез.

Укрыть туманом зябнущую спину,
Затеять с ветром дикий перепляс
И в листья — разноцветную перину, —
Раскинув руки, на спину упасть.

Дышать теплом и горечью минувших,
Беспечных разудалых летних дней.
И не просить умолкнувших кукушек
Пересчитать остаток жизни всей.

СЕНТЯБРЬ

Как сладко пахнет синий дым
Горящих у подъезда листьев.
Сентябрь движением простым
Сжигает свод осенних листьев.

И сеет на кору дорог
То дождь, то рыжие монеты,
И пьет туманов мутный грог,
И вновь заигрывает с летом.

Ласкает в пальцах паутин
Забывчивое «бабье счастье»,
И разноцветный палантин
Ложится на плечи ненастий.

АНАТОЛИЙ КРАСНИЦКИЙ

* * *

В холодных отблесках зари Печальны свежие руины. Над ними вечер, как старик, Склонил осенние седины.	Один. Вселенная и ты, И только там, в манящей бездне, Во чреве, в недрах темноты Огни мерцающих созвездий.
Забылся? Вспомнил ли о чем? Прощается ли с кем навеки? Закат малиновым лучом Прикрыл слабеющие веки.	Тот свет, тот мир... Постичь его, Свою, земную жизнь итожа, Не в силах мы, и ничего В том мире изменить не можем.
И все, что видел ты, мой брат, — Руины, лес и хутор дальний — Густой, тягучий ночи мрак Покрывл непостижимой тайной.	Но в час, когда — ты позови! — Восходит юная Селена... Она сияньем озарит И лес, и дальние селенья.

И ты поймешь: страна чудес —
Нет, не фантазия поэта.
Она жила, живет, как этот
Ночной, осенний тихий лес
Живет в обнимку с бабьим летом.

Вопросы и задания

1. Докажите, что для лирических героев стихотворений О. Молчановой природа становится неотъемлемой частью мира человека.
2. Тайна продолжения жизни зашифрована в природе. Как эта мысль отражена в стихотворении А. Вырвича «Как хорошо от шума городского»?
3. Стиль М. Сычевой отличается метафоричностью и особой мелодикой поэтической фразы. Как это проявляется в стихотворениях «Опять осень», «Сентябрь»? Совпадают ли стихотворения по лирическому настроению?
4. Какие чувства у вас вызывает стихотворение А. Красницкого? В каких строках заключена основная мысль произведения?

«БОЛЕЗНЬ ДУШИ НЕИЗЛЕЧИМА...»: ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Любовной лирике в поэзии отводится особое место и в мировой литературе, и в творчестве каждого отдельно взятого поэта. Она повествует об интимных чувствах и переживаниях, с которыми сталкивается лирический герой. Интимная лирика — это более общее и более правильное, чем любовная лирика, название жанра, изображение в стихах не только любви, но и других чувств — дружбы, обиды, разочарования, переживаний лирического героя.

У большинства приднестровских авторов любовная лирика занимает основное место в творчестве, особенно у авторов так называемой «женской» лирики, хотя и поэтам-мужчинам не чужды буря чувств и различные их оттенки. Стихи о любви, мужские и женские, изобилуют философскими размышлениями, живыми пейзажными зарисовками. Поэты играют на тонких струнах человеческой души, потому что переживания лирического героя, всегда личные, обостренные и неповторимые, далеки от фальши. Когда в рифмованных строчках начинает звучать боль — исповедально и пронзительно, — равнодушным остаться невозможно. Наверное, этим объясняется преобладание стихов трагической тональности в лирике приднестровских авторов. Тема любовных страданий, мук и томлений — одна из особенностей стихов о любви наших авторов.

В учебнике представлена разная палитра стихотворений о любви. Для **Владимира Ахмерова** характерно восприятие любви как чувственного взрыва. Отсюда такие метафоры, как «сердце, взрывающееся в ключья», «музыка огня». Но в эту стихию чувств вписана нежность, усиленная преклонением перед любимой. Еще одна особенность стилистического рисунка В. Ахмерова — обращение к выразительной детали, организирующей сюжет. За счет этого рассказ о чувствах превращается в исповедь влюбленного.

Валентин Ткачёв в своих стихах о любви играет оттенками и полутонами, при этом главный художественный образ (например, имя любимой) продолжает звучать лейтмотивом всего стихотворения:

*Только имя мое назвала
Так уж ласково, как не бывает, —
И сейчас же сгорело дотла
Все, что душу мою прикрывает.*

Обилие метафор характерно для творческой манеры Павла Оверина. В его стихах любовь — «ниагаровый шум», «тропический ливень», «Ариаднова нить». И за этим разнообразием образов скрывается целый мир взаимоотношений влюбленных.

Настоящая любовь невозможна без чувственности. Ее в избытке находишь в женской лирике. **Ольга Молчанова, Марина Сычёва, Татьяна Мунтян** и другие авторы пишут о ревности и обиде, воспоминаниях, болью отзывающихся в сердце, пишут и о редких минутах счастья. Для «женской» лирики характерно изображение любви в драматические моменты: в моменты разрыва, разлуки, утраты чувства и первого ослепления страстью. Доверительность, камерность, интимность — отличительные черты «женской» поэзии.

ВЛАДИМИР АХМЕРОВ

ЛЮБОВЬ

Я хочу подарить тебе небо
И звезду над уснувшей прохладой.
Говорят, что любовь — это небыль.
Может быть. Мне другую не надо.

Я хочу подарить тебе сказку,
Бесконечно-наивную нежность.
Говорят, что любовь — это маска,
Нерастраченная бесконечность.

Я хочу, чтобы в таинстве ночи
Беспощадно от счастья и боли
Снова сердце взрывалось бы в клочья —
Это то, что зовется любовью.

Тишина свои тайны скрывает.
Мы — ее непослушные дети...
Говорят, что любви не бывает.
А зачем тогда жить на свете?

* * *

Я заберу тебя у дня,
У раскалившегося лета,
И свежестью ночного цвета
Зажгу я музыку огня.

И ночь расстелет два крыла,
И хрупкое расправит ложе,
И изголовье переложит
Венком застывшего тепла.

Мы улетим в шальную даль,
И дождь раскроет нам объятья,
И слезы вымокшего платья
Разбавят нежную печаль.

Святая ночь! Благослови
Воспоминающие встречи,
Усталые укутав плечи
Прозрачным облаком любви.

* * *

Я так давно не видел Ваших глаз,
Что время на бегу остановилось,
Что показалось: свет давно погас,
И в мире что-то сразу изменилось.

Без Ваших глаз мне не хватает сил
Невиноватыми играть словами.
Я каждый раз Всевышнего просил
Разбить стекло, чтоб любоваться Вами.

* * *

Ты таешь медленно,
По капле, по глотку
В тумане прошлого
Фиалково-лиловом.
Уже опавшему
Сухому лепестку
Не быть по-прежнему
Заносчиво-багровым.
Не плыть, как прежде,
Белоснежным облакам
В небесных снах моих,
На вырванных страницах,

Не прикоснуться бережно
К застенчивым губам,
Жемчужин слез твоих
Не видеть на ресницах.
Ты таешь медленно,
По капле, по глотку
В осколках нежного,
Обманчивого лета.
Слова доверю я
Последнему листку,
И ветер унесет их
В тишину рассвета.

ВАЛЕНТИН ТКАЧЁВ

ТОЛЬКО ИМЯ

Только имя мое назвала	Даже не обнимали меня
Так уж ласково, как не бывает, —	Руки, вскинутые голубями.
И сейчас же сгорело дотла	Только имя на воздухе дня
Все, что душу мою прикрывает.	Начертала сухими губами.

Очень тихо сказала, а вздох	Только малое имя мое,
Был тревожен, как малое пламя.	Только имя — и больше ни звука...
Словно в речку упал перстенок,	Это нежность метнула копьё,
И прохлада прошла над полями.	И очнулась сердечная мука.

И под знаком, что подан двоим
Равнодушно лукавящим змеем,
Мы, как дети, над бездной стоим
И друг к другу прижаться не смеем.

ПАВЕЛ ОВЕРИН

* * *

Любви запоздалой слепая громада
Обрушилась вмиг: ни уйти, ни сдержать!
Отвергла сомнения: надо — не надо,
По-царски велела собою дышать!

Я ждал, но не кроху-любовь, а большую,
Чтоб с нею никто бы и сладить не смог,
Готовил покои в душе... Но такую
Громаду не ждал — захватило врасплох!

С амурчика ростом являлась, бывало!
Тоска: ни тревог, ни волнений, ни дум.
А эта такая — покоя не стало,
Все — только она — ниагаровый шум!

Тропический ливень! И некуда деться!
Сплошная и прочная чувств пелена.
Как бред в полусне из далекого детства:
Куда ни направлюсь — стена да стена.

Не знаешь, что ждать от нее, от незрячей.
Такие порою творит чудеса!

Душа то скулит собачонкой бродячей,
То вдруг загремит! Не душа, а гроза!

Влюбленный поэт, вон, срывался с простынок,
Дровишки рубил где-то в глуби двора,
Чтоб только от ревности малость остынуть,
Восславить любовь острием топора!

Кому-то любовь — хитроумная клетка,
Где словно в неволе и плоть, и душа.
Кому-то она — непоседа, кокетка,
Капризницей мимо пройдет не спеша.

Ко мне вот пришла — как крестом осенила!
Без спросу взяла — безрассудная власть!
Такая в ней воля, и гордость, и сила —
Умрет, не позволив себя обокрасть!

Я б сгинул навек в лабиринте исканий,
Но эта любовь — Ариаднова нить —
Помимо религий политик и знаний,
Меня удостоила радости жить!

ОЛЬГА МОЛЧАНОВА

* * *

Снег лица усталого коснулся,	И вернулась странная тревога, —
Нежно-нежно, словно ты рукой,	Вновь тебя увидеть я должна.
И во мне ответный зов проснулся,	Но к печали — белая дорога,
И вернулся зимний непокой.	Но к разлуке — полная луна.

* * *

Нашей памяти белый плен,	Наших чувств запоздалый взрыв,
Нашей роскоши красный цвет.	Где губам и рукам нет сна.
Все прошедшее — тлен, тлен.	Вы меня называли на Вы,
И соседей навет.	И была весна.

Расставанье случилось сухим, —
Ту весну мы испили до дна.
Я сижу среди снимков схимницей —
Одна.

МАРИНА СЫЧЁВА

ПОДРУГЕ

Примерь беспечности
дырявое пальто,
Тебе пойдет его фасон старинный
И длинный шарф
немыслимых цветов,
Пропахший горечью свиданий
и полыни.

Наделай глупостей,
нырни в хмельной загул,
Сбеги туда, где сосны прячут время,
Где ветер-ухарь тапочки обул.
Чтоб дерзкий путь шагами перемерив,

Обнять тебя по контуру спины,
Чуть подтолкнуть,
запутаться меж листьев.

Не мучайся предчувствием вины.
Решайся на побег, отбросив мысли

О неустроенности быта
в дебрях дней,
О зябкой нежности белесого тумана.
Туда, где все забудется скорей,
Чем ты успеешь раниться обманом...

Махни рукой, просторно — от плеча.
Мол, ну ее, обязанность скупую,
Сегодня лента жизни горяча.
Ты — обжигаяешься...
А я — на раны дую...

УХОЖУ

Ухожу... Отлистала годы.	Согласись полетать со мною,
Потушила окурки дней.	Под тугой колокольный звон.
Под линялым зонтом свободы	Может быть, я еще открою
Все равно остаюсь твоей.	Мир, где явь обнимает сон.

Замираю безвольной птицей,	Разгляжу горизонтов взрывы,
Обжигаясь твоим теплом...	Облаков каракуль смешной,
Разреши невзначай присниться.	Ветра шалого переливы...
Как-нибудь. Не сейчас. Потом.	Оставайся во сне со мной!

Ухожу... Разрываю строчки.
Тишина подолом метя,
Вместо имени ставит точки
В моей повести про тебя...

Вопросы и задания

1. Лексический повтор организует сюжет стихотворения В. Ахмерова «Любовь». Как этот поэтический прием помогает раскрыть отношение лирического героя к любви? Переживания, вписанные в пейзажные картины, рожают яркие метафоры. Найдите их в стихотворениях В. Ахмерова. Почему, создавая портрет любимой (стихотворение «Я так давно не видел Ваших глаз...»), В. Ахмеров избегает подробных деталей, обращая внимание только на глаза? Палитра эпитетов в стихотворении «Ты таешь медленно...» создает особый эмоциональный рисунок. Как лирический герой относится к своей любимой?

2. В чем выражается исповедальность лирики В. Ткачева? Ответ аргументируйте на примере стихотворения «Только имя».

3. Четырехстопный амфибрахий позволяет Павлу Оверину в стихотворении «Любви запоздалой слепая громада...» передать громаду бушующих чувств, вызванных любовью. Какие образы из этого стихотворения близки поэзии В.В. Маяковского? Обрисуйте психологический портрет лирического героя.

4. Стихотворение О. Молчановой «Нашей памяти белый плен...» интересно по ритмическому рисунку: каждая четвертая строчка строфы обрывается на эмоциональном подъеме. Как такая строфика помогает автору выразить чувства лирического героя?

5. Лирические герои М. Сычевой удивляют разнообразием переживаний. Докажите это на примере стихотворений «Подруге» и «Ухожу». Какие изобразительные средства создают образ любви-разлуки?

РАЗГОВОР СО ВРЕМЕНЕМ И КУЛЬТУРОЙ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Термин «литературный портрет» в современном литературоведении до сих пор не обозначен конкретно как жанр. Есть несколько вариантов определения литературного портрета. В.С. Барахов, например, рассматривает типологию жанра литературного портрета с четырех позиций: 1) как жанр мемуарно-биографической литературы; 2) как документальное биографическое повествование о давно умершем историческом деятеле, основанное на использовании всякого рода документов; 3) как жанр критики; 4) как жанр научно-монографического исследования в творчестве известного деятеля искусства. Феномен приднестровской лирики позволяет говорить еще об одной грани литературного портрета — поэтическом литературном портрете. В нем создан образ реально существовавшего человека, раскрыта неповторимость личности в пределах поэтической строфы.

Одним из родоначальников поэтического портрета в приднестровской литературе можно назвать **Владимира Полушина**.

ВЛАДИМИР ПОЛУШИН

Владимир Леонидович Полушин родился в 1950 году в Тирасполе. Окончил Одесский электротехнический институт связи имени А.С. Попова и Литературный институт имени А.М. Горького. Автор книг «В лабиринтах Серебряного века», «Тень от пальмы», «Жизнь на краю пропасти», «Дорогой любви», «Генерал Лебедь — загадка России» и других.

Владимир Полушин много лет занимался исследованием биографии Н.С. Гумилёва. В драме «Жизнь на краю пропасти» представлена история гибели знаменитого поэта. Итогом многолетней работы стала книга В. Полушина «Николай Гумилёв: жизнь расстрелянного поэта», изданная в серии «Жизнь замечательных людей» в 2006 году. В 2013 году за эту книгу писатель-исследователь был удостоен всероссийской литературной премии имени Николая Гумилёва.

Грани таланта В. Полушина невероятно разнообразны. Кроме исторической прозы, перу Владимира Леонидовича принадлежит и целая серия стихотворений, вошедших в циклы «Портреты ушедшего века», «Пушкинский цикл», «Подмосковье». Яркие фигуры Серебряного века, личность А.С. Пушкина и его родных, литературные места Подмосковья — это история, которая стала для В. Полушина своеобразной культурной библией. И среди 10 заповедей этой библии есть один завет: культурное наследие защищает личность от вседозволенности и саморазрушения.

«Смотреть и не уметь прозревать истину — хуже, чем быть слепым» (Хелен Адамс Келлер). От этой слепоты оберегает современников В. Полушин. Диалог с прошлым, с культурным наследием становится для автора разговором о времени и о себе. Мозаику настоящего и отчасти будущего предлагает нам поэт через призму восприятия ярких индивидуальностей XIX и XX вв. Лев Толстой, Александр Блок, Николай Гумилёв, Сергей Есенин, Владимир Маяковский — все они сошлись на перекрестках вечности и оттуда узрели человечество и бранный мир, где «царствуют ложь и склока», «где невозможно стало жить». В одном из стихотворений В. Полушин говорит о Блоке:

*А он стоял
Среди Вселенной
Один неведомый изгой,
И взгляд таинственно-нетленный
Уже стремился в новый бой.*

Защищать мир, который выжил тебя из настоящего и от тебя отказался, защищать этот мир от тлена бездуховности — такую миссию берут на себя апостолы культуры. Им, по мысли В. Полушина, даровано знание, некая тайна. Они, осиянные светом вечности, в силах уберечь человечество от слепоты разрушительной вседозволенности. «Лучше говорить истину, которая причиняет боль и затем исцеляет, чем говорить ложь, которая успокаивает, а затем убивает», — этому постулату следует В. Полушин в жизни и в творчестве.

Из цикла «Портреты ушедшего века»

ЗАГАДКА ТОЛСТОГО

Анафему грозно отпели,
От церкви спеша отлучить,
Как будто швырнули в метели,
Забыли в далеком пути.

А был ли он грешен душою
Пред миром и Богом навек?
Лучившийся весь доброю
Сквозь тяжесть опущенных век.

Попав в ледяные объятья,
Большой человеческий сын,
Что думал он, слыша проклятья,
Оставшись пред Богом один?

Во что он, таинственный, верил,
Идя сквозь глухие года?
Ушел...
И распахнуты двери
Не в рай и не в ад...
А куда?..

2001 г.

БЛОК

Мир начал летопись сначала,
Взметнув разгневанный кумач,
Россия Блока умирала
Над скукой загородных дач.

Пьоро в разбитом балагане
Сидел у вечных трех дорог,
Фонарь и улица в тумане,
В тумане призраки и Бог.

Христос не стал томить поэта
Видением ушедших лет,
Он знал, кому так мало света!
«Я есмь, — ему сказал он, — Свет!»

И ветры поля Куликова
Вдохнул знаменьем перемен,
И скифский дух порвал оковы —
Дух рабства превращая в тлен.

Костры горели, шли солдаты,
Чеканя выверенный шаг,
Летели над страной плакаты,
Холодный разрывая мрак.

А он стоял
Среди Вселенной
Один неведомый изгой,
И взгляд таинственно-нетленный
Уже стремился в новый бой.

Туда, где не было Офелий
И храмов для Прекрасных Дам,
И эхом канувших веселий
В церквах курился фимиам.

Он слышал
Траурное пенье,
Он видел!..
Что он видеть мог?!
Когда весь мир пришел в движенье,
И рухнул нерушимый Бог!..

1981 г.

Н.С. ГУМИЛЁВ

Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.
...Словом разрушали города.

Н. Гумилёв

1

Он выбрал великие годы
Далеких скитаний удел,
Под парусом гордой свободы
Он жить на земле захотел.

Изысканный денди и воин,
Прославивший озеро Чад,
«Георгиев» был удостоен
За доблесть, как храбрый солдат.

Вскипели могучие страсти
Добра и смертельного зла,
И муза неведомых странствий
Его за собой увела.

Романтика моря кипела
В его неумной груди,
И воле послушное тело
Покорно кричало:
— Веди!

Он в доме своем стал изгоем,
И дом он потом потерял,
Сражаясь с бездушным покоем —
Словесных полков генерал.

И плыли его «Капитаны»
В далекий неведомый свет.
Стекали морские туманы
С высоких брабантских манжет.

2

Идущий к дуэли с усмешкой,
Презревший измену и смерть,
Он жил в ослепительной спешке,
Умея немислимо сместь.

Рассудком не ведая рая
И ада, где ждет Азраил,
Он, душу менять не желая,
Лишь тело к отцам отпустил.

И, вспыхнув,
Душа Гумилева
Сгорела, как в небе звезда.
... Поэта заветное СЛОВО
Не рушит — берет города!

1987 г.

СОЛЖЕНИЦЫНУ

Сажали...
Пытали...
Не взяли!
Купить, обмануть не смогли,
Хоть книги нахально сжигали,
Но душу его — не сожгли.

Пропали и Сталин, и иже...
В живых нет его палачей,
А он распрямился и выжил,
Пройдя через сотни смертей.

Россия встречает героя,
Который пробился сквозь тьму,
Не после, а в сполохах боя
Встречает теперь по уму...

1994 г.

Вопросы и задания

1. «Лучившийся весь добротою / Сквозь тяжесть опущенных век» — такой портрет дает В. Полушин Льву Толстому. В силах ли доброта растопить «ледяные объятия» грешного мира? Как вы понимаете название стихотворения «Загадка Толстого»?
2. Стихотворение, посвященное А. Блоку, изобилует реминисценциями. Что этот прием дает для понимания творчества поэта? Какие еще приемы и художественные средства создают литературный портрет А. Блока?
3. Из стихотворения «Н.С. Гумилёв» выпишите строчки, создающие психологический портрет лирического героя. Прокомментируйте фразу «Он жил в ослепительной спешке, / Умея немислимо сметь».
4. Что вы знаете о А.И. Солженицыне? Как вехи его биографии отражены в стихотворении «Солженицыну»? Что ценит в людях В. Полушин?

Владимир Полушин стал лауреатом премии VI Артиады народов России, Беларуси и стран СНГ в области литературы. Этой премией была отмечена книга «Потомки великого древа: записки нестороннего наблюдателя», представляющая собой биографическое исследование, посвященное судьбам потомков Пушкина. В. Полушин разыскал около трехсот писем, имеющих отношение к семье Александра Сергеевича, и составил роспись потомков поэта с девятнадцатого по двадцать первый века. В этой сложной, кропотливой, но интересной работе автору помогали друзья и единомышленники. Так, из Королевского Двора Англии пришли документы, в которых подтверждается, что «пушкинская кровь» перемешана с кровью некоторых членов королевской семьи.

Еще до глубокого исследования истории рода А.С. Пушкина В. Полушиным был создан цикл стихотворений, написанных к 200-летию юбилею поэта. Эти стихи стали размышлением о прошлом и современности.

Из «Пушкинского цикла»

В ЦЕРКВИ БОЛЬШОГО ВОЗНЕСЕНИЯ

(Венчание Пушкина с Натали)

Стремительно, томительно скольжение...	Пылают свечи, и пылают щеки,
К летящему божественно венцу.	Теряют силу смертные слова,
О, чудное безбрежное мгновение...	И только голос Бога одинокий
О, Натали! Оно тебе к лицу.	Звенит в ушах: «Навеки ты права!»

Дрожит рука в божественном волнении:
Ужели явь, а не причуды сна?..
Шажок навстречу Пушкину...
 к спасенью —
Пока невеста...
 на века жена!

1999 г.

МАРИЯ ПУШКИНА У ПАМЯТНИКА ОТЦУ В 1918 ГОДУ

В строгом платье траурного цвета
Через бури пагубных невзгод
К памятнику бронзового цвета
По Тверскому женщина идет...

Между ними бронзовые звоны,
Пропасьть поминального стола,
Между ними рухнувшие троны
И безумных дней колокола.

Взгляд высок!.. Надежды прахом мимо,
Будь ты проклят разоренья год!
«Здравствуй, Пушкин! Папенька любимый!
Как тебя, родной, недостает!»

Выпрямилась гордая старуха,
Осенила памятник крестом
И пошла, стуча по камням глухо,
Думая о Пушкине живом...

Ветер треплет прядь ее седую,
Холодит уставшие глаза,
К бронзовому Пушкину ревнуя...
...И стекает на руку слеза.

Думаю и я порой ночами:
Почему так наша жизнь крива?
О поэте пафосно кричали,
Наплевав на дочери права.

Помнят эти сухонькие руки
То тепло не бронзовых высот.
Как унять души разбитой муки,
Как открыть печалью сжатый рот?

Пушкина стихи приговорили,
В этом не виновен был никто?
Но за что же дочь его убили,
Заморили голодом за что?..

1999 г.

Вопросы и задания

1. Быть женой первого поэта России — непростой крест. Как эту мысль в стихотворении «В церкви Большого Вознесения» образно воплощает В. Полушин?

2. Трагически сложилась жизнь старшей дочери А.С. Пушкина Марии. В стихотворении «Мария Пушкина у памятника отцу в 1918 году» образ несломленной женщины дан через серию портретных деталей. Выпишите из каждой строфы ключевую деталь-образ и обрисуйте психологический портрет героини.

БОРИС ЧЕЛЫШЕВ

ПЯТЬ ВСТРЕЧ

Мастерская художника. На стенах этюды, рисунки. На мольберте незаконченная картина. Заслуженный деятель искусств Молдавской ССР Алексей Александрович Васильев рассказывает мне о своих встречах с Луначарским, Стефаном Цвейгом, Маяковским. Он так живо воспроизводит обстановку 20–30-х годов, так ярко, по-своему, «рисует» словом, жестом тех, о ком рассказывает, что я невольно перебиваю его:

— Вы должны написать об этих встречах. Обязательно.

— Да, да, как-нибудь на досуге займусь...

Но проходят год, другой, третий. «Досуг» не находится. Тогда я слушаю его рассказы о встречах с Маяковским и записываю сам.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Мое знакомство с Маяковским не носило характера дружбы и даже близкого товарищества. Было всего лишь несколько встреч. Помню, как во ВХУТЕИНе (Высший Художественно-технический институт, созданный в 1926 году в результате преобразования ВХУТЕМАСа — Высших государственных художественно-технических мастерских) вывесили объявление: «Сегодня в 2 часа 30 минут гостем профессуры и студентов будет В.В. Маяковский».

Поэт только что вернулся из Италии, был в гостях у Горького. Все мы с нетерпением ждали этой встречи, рассказа о его впечатлениях, новых стихов.

Актный зал на Рождественке переполнен. Открывается дверь. Буря аплодисментов. Маяковский прошагал вдоль эстрады, снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку стула.

— Извините, что снял пиджак в присутствии такой массы людей. Когда работаю, он мне мешает.

Мне показалось, что такое объяснение нужно было ему «для разгона». Ловлю каждое слово, слежу за его жестами. Поэт делится с нами своими зарубежными впечатлениями, читает стихотворения. Потом рассказывает об итальянской живописи, о соборе св. Петра.

Маяковскому задавали много вопросов и устно, и в записках. На вопросы отвечал остроумно, с юмором, отчего все смеялись и часто аплодировали.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Вскоре после выступления Маяковского в актовом зале института заседал наш литературный кружок. Вел заседание Иван Рахилло. Кто-то предложил:

— Давайте пригласим Маяковского на заседание нашего литкружка. Он не откажет.

Мне поручили организовать встречу с поэтом.

Набравшись храбрости, отправился на Лубянку. Было, как помню, около четырех часов. Кто-то мне открыл дверь. В комнате возле письменного стола — Маяковский. Он мне показался более рослым, могучим, чем на встрече в инсти-

туте. Там он «вписывался» в просторный зал, потому и не выглядел слишком большим.

— Владимир Владимирович, я студент ВХУТЕИНа. Мы до сих пор под впечатлением от ваших стихов и рассказов о загранице. Я пришел попросить Вас прийти на наш литкружок, хотим прочитать Вам наши стихи, очерки.

Маяковский пригласил меня сесть. Сам присел на край письменного стола. Он расспрашивал, как живем, учимся, о нашем литкружке. Запомнил его фразу. Говоря о целеустремленности в творчестве, Маяковский заметил: «Не смотрите на мир глазами коровы». Потом расспрашивал о преподавателях. Обещал прийти к нам на кружок, только просил предварительно созвониться с ним о дне и часе встречи. К сожалению, встреча эта не состоялась. Что-то помешало...

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

Зал Политехнического музея всегда привлекал молодежь, особенно творческую. Сюда сходились на диспуты, на встречи с известными писателями, поэтами. Однажды в афише было объявлено, что в большом зале музея состоится встреча с Всеволодом Ивановым, Пантелеймоном Романовым, Александром Бзыменским, Иваном Молчановым, Владимиром Маяковским, Александром Жаровым и другими поэтами, писателями.

Такой встречи я, разумеется, пропустить не мог, запасся билетом заранее.

Открыл вечер Всеволод Иванов. Маяковского в президиуме не было. Выступают один, другой, третий. Вот в президиум поступает записка. Всеволод Иванов встает и оглашает:

— Поступила записка: где Маяковский? Почему его нет, а в афишах упомянули? Сообщая, что Маяковский будет. Он сейчас на премьере своей «Бани», а по последним сведениям он уже в «предбаннике», вот-вот придет.

В глубине сцены открылась дверь. Входит Маяковский. В зале — буря оваций. Маяковский подошел к трибуне.

— Я прочитаю отрывок из моей последней поэмы «Во весь голос».

Зал притих. Эта поэма, вернее отрывок, нигде еще не печаталась, и поэтому все были особенно внимательны.

Он читал. Громовому голосу его, казалось, было тесно в стенах огромной аудитории, он словно рвался на площадь. Поэт не жестикулировал, а «брал в плен» богатыми звуковыми интонациями, в жесте не нуждался, так как строй стихов был рассчитан именно на звуковое воспроизведение, а не на обычное чтение.

Маяковский читал минут пять. Но тут кто-то бросил реплику. Надо сказать, что такое на его выступлениях бывало не раз: в зале находились не только его сторонники, но и противники, не понимавшие и не принимавшие его стихов. Поэт вдруг остановился. Секунду молчал. Потом бросил:

— Что?!

Тот, кто кинул реплику из зала, стушевался, ничего не ответил. Маяковский вдруг повернулся и вышел в дверь, которая была в глубине сцены. В зале поднялся невероятный шум. Все требовали удалить хулигана, вернуть Маяковского. Кто-то через сцену бросился за ним. Шум не смолкал. Маяковский вернулся. Он был в сером пальто, в руках шляпа или кепка. Подошел к трибуне. Из зала чей-то голос:

— Неудобно, Владимир Владимирович, вы начали читать, не дочитали до конца и ушли!

Маяковский оглядел зал, заметил:

— Я сказал, что прочитаю отрывок. А отрывок не имеет ни начала, ни конца...

ВСТРЕЧА ЧЕТВЕРТАЯ

Это было 14-го апреля 1930 года. Я пришел в институт к началу занятий. Стал работать в мастерской. Слышу:

— Знаете новость: Маяковский застрелился.

— Кто?! Откуда узнали?

Это для меня было совершенно непостижимо, не укладывалось в сознании.

Я выскочил из мастерской и помчался к дому на Лубянке. Это было очень близко. У подъезда была санитарная машина. Люди. Я поднялся на четвертый этаж. И вот тут на лестничной площадке мне пришлось посторониться: открылась дверь, и два санитары в белых халатах вынесли носилки. Лица Маяковского не было видно — весь закрыт простыней. За носилками показались Борис Пастернак, Михаил Кольцов, Николай Асеев, Семен Кирсанов и еще несколько человек, мне не знакомых. Кирсанов и Асеев плакали. Я прижался к стене, пропустил всех и стал спускаться...

ВСТРЕЧА ПЯТАЯ

17-го апреля был последний день прощания с телом покойного поэта. С утра я пришел на улицу Воровского и хорошо сделал: толпа прибывала с каждой минутой. Другим ходом я попал в комнату, соседнюю той, в которой был установлен гроб с телом Маяковского. Проходила нескончаемая череда людей.

Дошла очередь до меня. В почетном карауле стояли по четыре человека. Я встал по левую сторону. Еще перед тем, как встать в караул, я попросил распорядителя разрешить мне зарисовать покойного поэта. Он разрешил и указал место у окна. Я сделал рисунок карандашом. На мою беду, в годы Великой Отечественной войны этот рисунок у меня пропал...

Не помню, что было дальше. Только скажу: этот день был для меня днем большого горя. Как и все, я особенно осознал именно в этот день, что мы потеряли не просто одного из поэтов, а народного трибуна, человека исключительного таланта, гения современности.

Вопросы и задания

1. Совпадает ли ваше представление о Владимире Маяковском с тем образом, который создает Б. Чельшев в очерке «Пять встреч»?

2. Выпишите из очерка слова, подчеркивающие масштабность личности В. Маяковского.

3. Почему для автора очерка важно было записать воспоминания художника Васильева о поэте-трибуне?

«ЖИЗНЬ, В КОТОРОЙ СУДЬБЫ НАЗВАНЫ РОЛЯМИ»: ДРАМАТУРГИЯ

Говоря о драматургии как о совокупности драматических произведений отдельного писателя, страны или народа, надо отметить, что драматургия Приднестровья представляет собой неоднородную палитру. Есть пьесы, написанные в рамках реализма как художественного направления: драма В. Полушина «Жизнь на краю пропасти» о поэте Н.С. Гумилеве, пьеса О. Юзифовича «Металлическое время» о событиях 1992 г. в Приднестровье, «Встреча» В. Кожушняка, «Общага, или Любовь по субботам» В. Ахмерова и др. Новая волна молодых авторов (например, Елизавета Ковач) пробует себя в разных художественных направлениях: это реализм, постреализм (внедрение в реалистическую драму кодов сентиментализма, модернизма, постмодернизма) и драма абсурда.

Елизавета Ковач родилась в г. Тирасполе, окончила Одесский национальный политехнический университет, магистратуру. Член Союза писателей Приднестровья. Дипломант европейского конгресса литераторов. Лауреат литературных международных фестивалей «Под небом рязанским», «Славянская лира», «Славянские традиции», «Центр Европы», «Русский стиль». Стихи и проза Елизаветы Ковач печатались в литературных альманахах Приднестровья, России, Белоруссии, Германии.

Автор трех поэтических сборников, Е. Ковач кодовую стилистику поэтических произведений переносит в плоскость драматургии, поэтому пьесы этого автора рассчитаны на читателя, способного расшифровывать культурные коды. В этом отношении интерес вызывает мини-пьеса *«Выбор»* (2016 г.), написанная в рамках постреализма. Главными героями становятся Учитель и Маргарита. Их существование вписано в скромную обстановку маленькой квартиры. Детали декораций (письменный стол, много книг), узнаваемые реплики (Учитель о Маргарите: «Она скоро придет... Вот я слышу ее шаги»), символические эпизоды (герои едят печеную картошку) и, конечно, имя героини рождает ассоциации с романом М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Но на этом сходство заканчивается. Наоборот, Е. Ковач, играя на узнавании классического сюжета, показывает, как деформировались отношения *творца* и его *Музы*.

Маргарита в пьесе — патологоанатом, за ее профессионализмом стоит цинизм и безверие. В репликах: «Моя церковь — мой анатомический театр...», «„Справочник судмедэксперта” — моя Библия», «Да здравствует нигилизм, помноженный на атеизм!» — угадывается еще один герой русской классики — Евгений Базаров. Такое странное перевоплощение булгаковского Воланда — через культурную память, через проекцию вечности, выходя за рамки своего романа — носит характер обреченности. Добро побеждено злом повседневности.

Но вот в сюжете пьесы появляется новая героиня — Ляля. Она — балерина, та, которая цитирует Шекспира, — для Учителя становится настоящей Музой. Жизнь обретает смысл, и кажется уже, счастьем ничто не угрожает. Но когда

герой решается сделать окончательный выбор (уйти от Маргариты), судьба в лице Владимира (мужа Ляли) рушит все надежды. Ляля уезжает из города. Учитель в порыве бурных эмоций сжигает книги с криком: «Ненавистный Шекспир!!!», бросает в огонь крестик, подаренный Лялей, а потом выпускает из клетки лабораторных мышей. Из клетки серой действительности герою уйти, на первый взгляд, не удастся. Но пьеса заканчивается письмом, которое получил Учитель от Ляли: «Вы выбирали путь. И этот путь выбрали еще тогда, когда пришли к театру вечером с букетом цветов. Путь к свету. Я даю этот свет всем...». Герой действительно находит в себе силы уйти от Маргариты, а память о Ляле живет в нем и спасает от мрака безысходности.

Драму абсурда представляет собой пьеса Е. Ковач «Искусство любви» (2016 г.), которая была включена в лонг-лист в номинации «Мини-пьеса» Международного конкурса «Время драмы — весна 2017» (Санкт-Петербург) и вошла в шорт-лист Международного литературного фестиваля «Славянские традиции — 2017» (Щелкино, Крым; Прага, Чехия). Пьеса построена на аллегории. Действие происходит в наши дни в маленьком портовом городке в кабинете врача-психолога.

Врач — это Любовь; ее автор рисует как молодую, красивую, ухоженную 30-летнюю женщину с длинными рыжими волосами, собранными в высокий хвост. Запах черной амбры — одна из характеристик героини. Первая пациентка — Литература, меланхоличная дама бальзаковского возраста в сером костюме, выцветших бархатных туфлях, седые волосы уложены в прическу-пирожок. Запахи валерианки, средства от моли, аромат духов «Красная Москва» — характеристика этой пациентки. Литература жалуется на то, что ее никто не любит. Врач советует уйти от консерватизма.

Вторая пациентка — Музыка, сангвиник, высокая худощавая 35-летняя женщина с короткой стрижкой, в деловом брючном костюме, в классических лодочках. Духи — Chanel Chance.

Третья — Драматургия, молодая девушка 25 лет, холерик, интеллектуалка; две косички, оранжевая шапочка, клетчатая мужская рубашка, узкие джинсы, кеды, рюкзак. Духи — Baby Doll YSL. Врач советует этой пациентке меньше показывать со сцены драм и трагедий, которых хватает в жизни: «...покажите поцелуй, покажите ребенка, сцену уважения к родителям, почитания старших, заботы о ближнем, почитайте Евангелие, в конце концов. Несите со сцены луч света, и он польется потоком в души и сердца».

Четвертая пациентка — Живопись. Строгая неэмоциональная женщина сорока лет. Волосы уложены в пучок. Короткое платье-милитари. Сумка-клатч с шипами наперевес. Классические ботильоны. Духи — Givenchy Ange ou Demon le Secret. Этой пациентке Врач показывает свою галерею искусств любви, где есть статуя Давида, макет Пизанской башни, яйца Фаберже и картина Боттичелли «Рождение Венеры». В конце пьесы Любовь уходит в картину.

Елизавета Ковач населяет свою пьесу условностями, культурные реалии этого мира представляя в коконе вещей. Это драматизирует ситуацию, когда в защиту культуры выступает не человек, а сама культура. Муляжность мира ошеломляет. Куда исчезли люди, непонятно. Они словно живут в параллельном мире. А врач Любовь мечтает соединить эти миры.

В рамках реализма создает свои пьесы **Валерий Кожушнян**. В пространстве его произведений повседневная жизнь оказывается интереснее масштабных социальных потрясений. В 1986 году появляется пьеса *«Встреча»*. Это история о людях, ожидающих вылета самолета в маленьком таежном городке. Из-за метеоусловий рейс задерживается, и пассажиры становятся пленниками аэропорта.

В. Кожушнян инициирует ситуацию случайных встреч, что дает возможность через частное увидеть общее. Герои, отличающиеся по социальному статусу, возрасту, национальной принадлежности, отражают картину человеческих взаимоотношений. Автор предлагает разные модели поведения в ситуации обыденного хаоса. Кто-то злится на свою беспомощность и срывает эту злость на слабых. Кто-то пробует держаться в рамках интеллигентности. Есть те, кто потешается над пассажирами, — Галя-кассир и Люда-диспетчер. Но всем героям приходится принять правила игры: терпение — условие выхода из временного коллапса.

Мотив затерянности во времени усиливается сюжетной линией: молодая девушка Света приезжает в тайгу, чтобы встретиться с братом Веней, которого не видела 15 лет из-за развода родителей. Но встреча не состоялась, так как брат уехал в экспедицию. Разорванные когда-то связи восстановить не удастся, и сама ситуация разъединения и разделения оказывается пророческой. Брата Света так и не увидит, потому что он погибнет в горящей тайге.

Общая беда — пожар в тайге, гибель геолога — объединяет разрозненных пассажиров. Каждый обнаруживает в себе чуткость, заботу. Человеческое берет верх над эгоизмом.

Приднестровские драматурги возвращают интерес к личности обычного человека, в его судьбе видя отражение судьбы Отечества.

ВАЛЕРИЙ КОЖУШНЯН

ВСТРЕЧА

Одноактная пьеса

Действующие лица:

СВЕТА — девушка привлекательной наружности, из приезжих, 19 лет.

ГЛЕБ — мужчина неопределенных лет в потертых джинсах.

МАРК ЗАХАРОВИЧ — интеллигент зрелого возраста.

ВИКТОР — геолог лет тридцати.

ЛЮДА — диспетчер аэропорта.

ГАЛЯ — кассир «аэрофлота».

АЛИМЖАН-АКА — пожилой таджик, 70 лет.

КОЛЯ, МИША — учащиеся ПТУ.

НЕВЗРАЧНЫЙ МУЖЧИНА среднего возраста, работник аэропорта.

Зал ожидания небольшого северного провинциального аэропорта.

Зашарканный пол, три ряда деревянных кресел. Вид их довольно невзрачный. Часть кресел занята чемоданами и сумками. Справа — застекленная витрина буфета. Он закрыт. Слева — две двери, в углу — небольшое окно с видом на летное поле. В пространстве

между дверьми на стене висят плакаты, расписание полетов, над ними прикреплен динамик радиоточки. Дальняя стена являет собой кассу и диспетчерскую, в ней виднеются овальные прорези для общения с пассажирами.

В маленьком зальчике ожидания несколько человек. Среди них выделяется стройная симпатичная девушка. Она стоит, облокотившись на едва выступающий барьер стойки у кассы. Девушка неподвижно смотрит на плакаты, приглашающие на трех языках в счастливый полет.

Чуть поодаль у стены стоит пожилой мужчина в темном костюме и скромном галстуке. В руках у него технический журнал. Мужчина сосредоточенно читает, изредка подчеркивая что-то шариковой ручкой.

Мужчина, в потертых джинсах, изрядно плешив. Он обходит по периметру зал размеренным шагом. Ступает он мягко, пружинисто. Мужчина обут в красивые импортные кроссовки. Он старается казаться равнодушным. Однако движение его рассчитано так, чтобы не упустить из виду девушку.

Из присутствующих сидит один — старый таджик. На его бритой голове тубетейка. Одет он в стеганный национальный халат, лавсановые штаны, обут в мягкие кожаные сапожки (ичиги). Старик сидит на своих узлах, неотрывно наблюдает за движениями мужчины. Таджик часто вздыхает и бормочет что-то на своем языке.

В зале сумрачно, горят два плафона. Дело к вечеру. Из-за фанерной перегородки диспетчерской доносятся приглушенные звуки и голоса.

Мужчина в джинсах останавливается у буфета. Внимательно рассматривает витрину, которая почти пуста.

Г л е б. «В грэческом зале, в грэческом зале... В Третьяковке хоть солянка была)... *(Копируя голос известного актера, оглядывается на девушку — она неподвижна. Повышает голос.)* Закуска в духе палеонтолога. Судя по этим экспонатам, мезозойская эра. Продукту этому — место в археологическом музее. Интересно, во сколько общепит оценивает эти находки? Так-так, селедка — ого, наценочка, сыр — тоже не слабó! С точки зрения науки, этим экспонатам цены нет, а...

С в е т а *(не меняя позы)*. Боже, какая эрудиция! Видно, бывалый человек. А слабó взять эту крепость? *(Небрежно взмахивает кистью в направлении диспетчерской)*.

Г л е б *(мгновенно оборачиваясь)*. Какую именно, мадам?

С в е т а *(чуть повернув голову в сторону собеседника)*. Мадемуазель, если быть корректным. Долго еще нам здесь находиться?

Г л е б. Пардон, конечно. Тонкостей иностранного этикета мы не проходили. Извините, от сохи-с!

С в е т а. Ах, оставьте! Я прекрасно понимаю вашу игру. Спросите прямо: замужем я или нет?

Г л е б. Ого, как мы прямолинейны! Мне не хотелось показаться вам невежливым, вот и все.

С в е т а. Мне как-то не до церемоний. Господи, ненавижу ожидания!

Г л е б. Такую крепость *(кивает на закрытое окошечко диспетчерской)* только терпением и берут. Опыт частых вояжей подсказывает мне...

А л и м ж а н - а к а. Вай-вай, люди добри, нада Дюшянбе ехать, жина дома *(к Глебу)*. Памагай, пожалуйста! Жидать не нада, ехать нада.

М а р к З а х а р о в и ч *(сумрачно глядит на старика)*. Вы, уважаемый, не к тому свои просьбы адресуете.

А л и м ж а н - а к а. Ми имя тожи имеем — Алимжан-ака, уважаемый.

М а р к З а х а р о в и ч. Очень приятно, Заварский Марк Захарович.

Г л е б (*несколько запальчиво*). Па-азвольте, что значит не к тому? Старик интуитивно чувствует сильную личность.

А л и м ж а н - а к а. Памагай, шеловек хороший!

Г л е б. Видите ли, уважаемый, тут дело такого рода: без самолета никуда мы не денемся.

С в е т а. Господи боже мой, что за объяснения для детского сада?! Попробуйте выяснить у них сроки нашего ожидания.

А л и м ж а н - а к а. Жидите, жидите, люди не табуретка...

Г л е б (*решительно подходит к перегородке, стучит*). Девушки! Пожалуйста, откройте ваш терем. Публика волнуется, жаждет получить информацию.

Л ю д а. Граждане, не шумите! Билеты у вас на руках, что вам еще надо? Ждите.

Г л е б. Верхом на билетах далеко не улетишь!

Л ю д а (*привычно напрягает голос*). Сказано: ждите! Нет же, этот остряк-самоучка еще нервировать будет. Шастают туда-сюда!

Г л е б (*волнуясь*). Па-азвольте! Это уж не ваше дело. Засели, понимаешь, там и...

Г а л я (*выглядывая в окошечко*). Кто там ерепенится? Ну-ка! Ох ты, господи, жентельмен с Крыжополя!

Г л е б. (слегка растерялся). У такого ангела — и вдруг замашки пьяной прачки. Нехорошо-с!

В окошечке заметно движение и появляется Люда.

Л ю д а. Прыткий, хотя и поношенный, как его джинсы.

Г л е б. Ну, это уж слишком! Я бы попросил поаккуратней на поворотах.

Фанерка со стуком закрывается. За перегородкой заразительно смеются. Девушка у стойки тоже улыбается.

И вы туда же, женская солидарность! (*Отходит, опускает со стуком откидное сиденье, почти падает в кресло.*)

С в е т а. Ну, как крепость?

М а р к З а х а р о в и ч (*сочувственно поглядывает на мужчину*). Сик транзит глория мунди (с лат. — «Так проходит мирская слава»). Не принимайте близко к сердцу. Они (*кивает в сторону перегородки*) от скуки это.

Г л е б. Пусть тренируются на собачках.

М а р к З а х а р о в и ч. В таком случае надо обижаться на всю страну, имеющую такой незатейливый сервис. Сил неостанет. Примите правила их игры — и все будет в порядке.

Г л е б. Игрища и забавы пусть устраивают в другом месте. Начальства нет — вот и балдеют.

А л и м ж а н - а к а. Зашем девушки дразнишь? В самолет не пустит...

Г л е б. Уважаемый, или как там у вас, ака! Вам-то какое дело? «Не пустит!» Никуда она не денется. Тоже мне, радетель нашелся! Фрукты-овощи загнали втридорога, так и сидите, деньги пересчитывайте, не ровен час, пропадут.

А л и м ж а н - а к а (*легко встает с узлов, проявляя удивительную для пожилого человека подвижность. Горячо жестикулируя, подступает к Глебу*). Какие фрукты, какие овощи? В гости ехал, внуки смотрел. Зашем продавай? Совсем башка нету.

С в е т а. Нашли на ком зло срывать. Ведь пожилой человек перед вами.

А л и м ж а н - а к а. Спасибо, дошка! Шеловек не думай башка. Алимжан — таджик, знашит купи-продай? Вай-вай, нехароший мужик.

М а р к З а х а р о в и ч. Успокойтесь, ака. Он, не подумав, сказал это. Нам только и осталось — друг друга дергать. Возможно, придется ночь вместе коротать, а вы собачитесь, прошу прощения. Мне бы очень не хотелось (*посмотрел в сторону диспетчерской*), но к этому дело идет.

С в е т а (*с тревогой*). И такое может случиться? Какой ужас! Я в этих краях впервые. Говорят, здесь этих полно, ну, как их, бывших заключенных. Мне страшно. А вдруг сюда придут? И зачем я приехала? Господи боже мой, хоть бы самолет поскорей прилетел!

М а р к З а х а р о в и ч. Без паники! Мы с вами. Зэков, к сожалению, много в этих краях, но они под надежной охраной. А вот хулиганов хватает. Да и где их нет? И все же здесь, на стройке, в большинстве своем довольно симпатичные ребята работают. Немало и вашего возраста.

Г л е б (*слегка подобрался в кресле, явно заинтересованный, внимательно оглядывает девушку*). Работали здесь? Теперь в отпуск?

С в е т а (*растерянно*). Нет, я приехала к брату. Представляете, а он ушел на целый месяц, говорят, в экспедицию. Отпуск у меня короткий. Вот и приходится уезжать, как говорят, не солоно хлебавши.

М а р к З а х а р о в и ч. К брату?

Г л е б (*с нажимом*). Чтобы замуж выйти. Знаем мы этих братьев. Очерк, наверное, о каком-нибудь передовике-новаторе прочитала — и сюда!

С в е т а. Знаете что? Поклонников у меня и дома хватает... Я не могу понять, почему мне никто не верит? В общежитии все допытывались, зачем и к кому я приехала. Не верили, что я к брату. Столько лет его не видела...

М а р к З а х а р о в и ч. Скептиков здесь пруд пруди (*смотрит неодобрительно на Глеба*), но не все такие.

Г л е б. Но-но, без намеков, товарищ оптимист!

С в е т а (Марку Захаровичу). Прошу вас, не ссорьтесь.

М а р к З а х а р о в и ч. Извините, вам показалось.

Г л е б. Мадемуазель, вы ошибаетесь. Скандалы мы не заказывали.

С в е т а. Боже, как я устала! Так хотела брата увидеть...

М а р к З а х а р о в и ч. Вы что, давно расстались?

С в е т а. Недалеко от истины.

М а р к З а х а р о в и ч. И все же?

С в е т а. Нас еще в детстве родители поделили...

А л и м ж а н - а к а. Вай-вай! Нишево не понимаю. Зашем дели ребенка? Дыня — дели, яблоко — дели, шеловек — нельзя дели.

Г л е б. Прошу извинить. Дело, конечно, деликатное, но (*делает короткую паузу*) родители разошлись?

С в е т а (*тусклым голосом*). Да.

М а р к З а х а р о в и ч. Ничего не понимаю. Обычно мать остается с детьми. Редко, но бывает, когда отец остается, но чтоб поровну детей делить, впервые встречаюсь с такой ситуацией.

С в е т а. Веня сам захотел остаться с отцом. Он его боготворил.

Г л е б. Да, история. Хотя чему удивляться? Жизнь выкидывает штучки и похлеще. Не так уж все и странно.

М а р к З а х а р о в и ч *(с неожиданной досадой)*. Не понимаете? Право, что за страсть такая по всякому неординарному поводу тут же разводить, извините, уличную философию?! Ничем уже его не удивишь, и все-то он знает, прямо напасть всезнайства! Хотя о чем это я? Откройте любую советскую газету, и вы в этом легко убедитесь. Нет в мире таких явлений, таких проблем и тайн, которые не были бы непонятны нашим ученым. Все ясно им. «Наша жизнь — железная дорога, вечное стремление вперед!» Вот и вся философия. Звону много. В ушах звенит. А реалии наши куда страшней, сплошные диспропорции. Маленький, но убедительный пример *(показывает на буфет)*. Уверен, работник прилавка покинула свой пост не по случаю позднего времени, а по случаю отсутствия продуктов. Как вы изволили давеча *(слегка наклоняется к Глебу)* назвать их — археологическими экспонатами, кажется...

Г л е б *(явно кого-то копируя)*. Тэ-а-кс! Далеко заводящие выводы. Ну-ну, гражданин интеллигент, продолжайте.

М а р к З а х а р о в и ч. Ах, оставьте! Пуганый. Я, молодой человек, бывал в местах и поотдаленней этих.

А л и м ж а н - а к а *(с искренним участием)*. В Дюшанбе все есть. Приезжай, уважаемый! Плев кушать, дыня, арбус, урюк.

М а р к З а х а р о в и ч. Не в этом дело, ака. Можно и в Душанбе слетать, только накладно получится. Надо, чтобы всюду было так: захотел человек нормально поесть — пожалуйста. Болтология одна в меню. Господи, будет ли просветление жизни на одной шестой суши земной?

Г л е б *(Свете)*. Можно подумать, он верующий.

М а р к З а х а р о в и ч. Больше не к кому обращаться.

Г л е б *(уверенным тоном)*. Как это — не к кому? А ЦК? Стоит здесь, скулеж разводит. Вы только посмотрите на него! Допустим, дерьма у нас навалом. Так что, руки будем заламывать? У небес милости просить?.. Не могу, гадство, зудят, ноют, а загляни к любому жалобщику в холодильник — все есть и с голоду пухнуть никто не собирается. Не так ли?

С в е т а. Фу, как грубо!

Г л е б. Зато правда.

М а р к З а х а р о в и ч. Притворяетесь что ли? *(Слегка ослабляет галстук.)* Или в самом деле на полставки в известной конторе служите?

Г л е б. Но-но, товарищ, поаккуратней.

М а р к З а х а р о в и ч. В таком случае, зачем перед нами комедию разыгрываете? Сами ведь прекрасно все видите. Надеюсь, розовые очки давно не носите?

А л и м ж а н - а к а. Совсем плехо без стикле. Нишево не видно.

Г л е б *(смеется)*. Он вас не понимает, ему и растолкуйте.

М а р к З а х а р о в и ч. Он мудрый или чрезмерно хитрый.

А л и м ж а н - а к а. Плехо нет стикле для аксакал в балшой сакля...

С в е т а (*усталым голосом*). Неужели я так и не увижу Веню?

Г л е б (*встает, делает несколько дружеских шагов*). Каждому свое (*Свете*). Простите, и сколько же лет вы не виделись?

С в е т а. Что? Неужели это я вслух подумала? Господи боже мой, скоро заговариваться начну.

Г л е б. Спокойно-спокойно, не надо так расстраиваться. Какие ваши годы, еще увидите.

С в е т а. «Увидитесь!». Я помню, когда Веня в школу пошел, а мне четыре года было. Пятнадцать лет прошло!

Г л е б (*присвистывает*). Дела!

М а р к З а х а р о в и ч. У вас что, адреса не было?

С в е т а. Мы как разъехались, Веня с отцом словно в воду канули. Мама и слышать не хотела о них. Тетя Даша мне написала, папина сестра. Она мне адрес Венин сообщила. Большое было письмо (*достаёт платочек, вытирает уголки глаз*). О папиной смерти там... Представляете, нам даже письма не разрешалось писать друг другу.

А л и м ж а н - а к а. Нехароший шеловек.

М а р к З а х а р о в и ч. Это вы о ком, ака?

А л и м ж а н - а к а. Нехароший суди шеловек. Нельзя дели шеловек. (*Снимает тюбетейку, промокает мятым платком бритую голову*.) Вай-вай, Дюшянбе нет такой. Дети вырасти нада, потом ходи к женщины, какой тебе наравится. Но надо дамой иди.

Г л е б. Во дает старик! Правда, средневековьем попахивает? Однако надо поразмыслить над этим, ака.

А л и м ж а н - а к а. Я не старик (*с достоинством*). Я — мужчина! Мне всего семьдесят! Маладой бил, целый гарем мог иметь. Дошка, не слюшай старий ишяк. Дети низя дели. К Зульфия два раза в год едем, сердце болит. Дома есть ище. Все балшой, хороший дети. Уважаемый люди. Старший син балшой шеловек-милиционерь! Машина пускает туда-сюда в Дюшянбе.

Г л е б (*с иронией*). Действительно, важная персона.

А л и м ж а н - а к а. Какой простой мушук ти! Уважают! Очень строгий. С родной отец один раз штраф брал.

Г л е б (*не сбавляя иронического тона*). Ну, это вы, ака, загнули. С родного отца?

А л и м ж а н - а к а. Опять простой. Он — милиционерь! Пошему не понимай?

М а р к З а х а р о в и ч. Вот и не верь, что Восток — дело тонкое. Стереотипами живем. Наш родитель бы оскорбился до мозга костей. Может статья, и не простил бы до гробовой доски. А вот Алимжан-ака в восторге от суровости сына.

А л и м ж а н - а к а. Очень порядок любит. Девушка, приезжай Дюшянбе! Мой Кирым очень уважаемый шеловек.

С в е т а (*с улыбкой*). Спасибо, дедушка! Вот найду брата, с ним куда угодно поеду. Я ни разу не была в тех краях. Говорят, жарко там.

А л и м ж а н - а к а. Зашем жарко? Типле! Солнце будит — шай пить будим, арбус кушать.

Г л е б. Я прямо сейчас бы съел арбуз, не дожидаясь визита в Душанбе. Ух, трубы горят!

Беседу прерывает диспетчер. Стук открываемой фанерки.

Л ю д а (*заученным голосом*). Граждане пассажиры, ваш рейс задерживается по метеоусловиям. (*Делает короткую паузу и добавляет будничным голосом.*) Товарищи, тайга горит. Видимость ухудшилась, дым относит в нашу сторону.

М а р к З а х а р о в и ч. Предположения оправдались.

Г л е б. Влипли!

С в е т а. Ужас!

А л и м ж а н - а к а. Девушка, балшой дим?

Л ю д а. Что?

А л и м ж а н - а к а. Нишево не видно, такой дим?

Л ю д а. Если направление ветра не изменится, видимость упадет до нуля.

А л и м ж а н - а к а. Вай-вай! Совсем плехо. Нада летшик с хароший глас.

Раздается стук входной двери. Все оборачиваются. На пороге стоит молодой человек лет тридцати. Одет он в полинялую джинсовую куртку, вельветовые брюки явно местного покроя, легкие туфли. В руке у него черный дипломат. Лицо у него простое, славянское. Обращают на себя внимание оттопыренные уши, стрижка короткая, голова его напоминает одуванчик. Он широко улыбается. С интересом оглядывает присутствующих.

В и к т о р. Привет попутчикам! (*Обращается к диспетчеру, но вместо Люды выглядывает Галя*). Хозяйка облаков, чем порадуешь авиапассажиров, следующих рейсом до Канарских островов проездом через Катангу?

Г а л я (*обращается к Люде. Подруга тоже высовывается в окошко*). Веселый! А то с этими серьезными со скуки увянешь.

В и к т о р. Разрешите представиться: Виктор, геолог. Биография кристально чистая: не сидел; не имел, не значился, не привлекался. А главное — холост.

Г а л я. Так говорит — значит алиментщик.

В и к т о р. Я, кажется, ясно выразился. В данном случае это имеет существенное значение. Давно не видел такого созвездия красавиц (*девушки в окошке хихикают*). Так что мы имеем на горизонте?

Г а л я. Дым, мой лопухий алиментщик.

В и к т о р (*смотрит на кассиршу, улыбка исчезает с его лица*). О, какая раскованность! И каждому вошедшему вы дарите столь выразительные комплименты?

Г а л я (*продолжает игривым тоном*). Нет, милый Витя, только лопухим. В породистых ушах есть что-то интимное (*визгливо смеется, приглашая остальных к веселью*).

В и к т о р. Фекла Дормидонтовна, на нашем балу вы явно лишняя. Мне кажется (*смотрит на ручные часы*), вам пора приступать к вечерней дойке. Свечи тушить не надо, бал продолжается. Но без вас.

Г а л я (*ошарашенно*). С цепи сорвался? (*Она продолжает по инерции улыбаться, но через несколько секунд лицо ее меняется. Виктор внимательно наблюдает за эффектом своего ответного выпада.*)

В и к т о р. Закройте рот, я не дантист.

Г а л я (*злым визгливым голосом*). Хамло! Шатун! Алиментщик проклятый! Ты у меня здесь будешь торчать до второго пришествия. Да я...

В и к т о р (*подражая тону лечащего врача*). Больной необходим полный покой и снотворное. Не помешает и выговор по административной линии. Общение с окружающими нежелательно, дабы избежать коллапса. Полезны прогулки (*делает паузу*) на свежем воздухе, с метлой по аэродрому.

А л и м ж а н - а к а. Вай-вай! Маладэць! Акын, настоящий мужчина!

Г л е б. Вот как причесал!

М а р к З а х а р о в и ч. Комментарии излишни.

С в е т а. Зачем вы так?

В и к т о р (*тоном диспетчера*). Граждане пассажиры, слабонервных прошу покинуть зал.

Г а л я (*явно растерянна, она еще мгновение ловит ртом воздух, затем истерично выдыхает*). Идиот!

В и к т о р. Не люблю, блин, хамов. Просто органически не перевариваю. Куда ни сунься, везде тебя облают, обложат, оскорбят, унижат. Бр-р! К черту их всех, букашек ползучих! «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке» (*он улыбнулся*). До смертной тоски надоела эта мелкота. Объявляем, товарищи, ударный месячник по борьбе с хамством!

М а р к З а х а р о в и ч. Справедливо, но все это прожекторство, молодой человек. Вы разве не убедились в бесполезности всяческих кратковременных мероприятий? Здесь нужна долгая и кропотливая культивация, дабы очистить нашу духовную почву. А все эти наскоки ни к чему хорошему пока не привели. Психология у многих еще лакейская. Сами раболепствуем налево и направо, а на таких (*жест рукой в сторону диспетчерской*) зло срываем.

Г л е б. Здравствуйте, я ваша тетя! «Раболепствуем!» А как быть? Позвольте вас спросить. Вот я, например, снабженец. Дадут мне две недели срока для «выбивания» очень нужных заводу материалов — и делай что хошь. Назад только со щитом, другого — не дано. И что мне прикажете делать? Вся система наша так устроена! «Лакейская психология»? А кто в семнадцатом пришел к власти? Кухарки и лакеи. Я просто принимаю правила их игры. Да, унижаюсь! Выпрашиваю билетик или железяку для завода. Потому что надо! Я уже 15 лет в снабжении и не припомню случая, чтобы по заявке все было. Приезжаешь, нету, говорят, вчера было, а сегодня нету. А я знаю — есть! Вот и подмыливаюсь. Совесть, скажете, достоинство где мои? Дома оставляю как ненужный багаж.

М а р к З а х а р о в и ч. Отчасти я с вами согласен. Но не надо все доводить до абсурда. Вы духовными ценностями оперируете, словно запчастями. И формулу «Ты — мне, я — тебе» выдумали люди из вашей когорты. Наверняка, у вас в блажененьких да в дурачках числятся люди честные, не умеющие жить по вашим законам.

Г л е б. Послушайте, не надо мне втирать в уши. Я прекрасно понимаю, куда вы клоните. Со мной ваш номер не пройдет. Вы же сами утверждали: на вещи нужно смотреть реально. Главное в моем деле — завод не будет простаивать. И, представьте себе, радуюсь. Или вы и в этом мне отказываете?

М а р к З а х а р о в и ч. Ну почему же? Радуйтесь на здоровье. Я боюсь одного, в погоне за тоннами, километрами, кубометрами, декалитрами мы рискуем потерять в себе все человеческое. Духовные ценности — для него роскошь, ненужный багаж, видите ли. Раскройте глаза. Ведь существуют вечные законы бытия, на которых и держится вся разумная жизнь на планете. И всякие отклонения вызывают у нормального человека болезненные ощущения. Вспомните классику. Вы хоть и браврируете снабженческими подвигами, а наслаждения от них, право, мало испытываете.

Г л е б. А зачем маяться? Дело идет — и ладно.

В и к т о р (*с интересом следит за диалогом*). Уважаемые джентльмены! Вообще-то о чем разговор? Вы что, решили одним махом мировые проблемы на рога поставить? Бесперспективное дело. Вы оба правы, но идете к истине с разных концов. Если вы тренируете голосовые связки — это одно дело, но если вы на самом деле взяли в этом убогом храме добывать истину, замечу, с кондачка — я сожалею! Клоунада!

Алимжан-ака пристроился на своих узлах, с восхищением следит за Виктором, причмокивает, покачивает головой, после каждого его слова вскидывает руки, словно молится.

М а р к З а х а р о в и ч. Однако!

Г л е б (*с усмешкой*). Александр Македонский.

С в е т а (*с интересом поглядывает на Виктора. Она несколько раз порывалась что-то спросить у него, наконец решилась*). Извините, Виктор, вы на самом деле геолог?

В и к т о р. Не похож?

С в е т а. Что вы! Просто я представляла их несколько иными. Наверное, кинофильмы виноваты. Там геологи всегда с бородами, сумрачные. Я таким и брата представляю. Он тоже геолог.

В и к т о р. Вот как? Любопытно. У кого же такая симпатичная сестра? Простите, как к вам обращаться?

С в е т а (*протягивает руку*). Светлана.

В и к т о р. Очень приятно. А я, как вы уже слышали, Виктор (*чуть задерживает девичью ладонь в своей руке*). А брата?

С в е т а. Вениамин. Кудров.

В и к т о р (*морищет лоб*). Так-так, Кудров... Он светленький такой?

С в е т а. Белокурым был.

В и к т о р. Такой цвет волос, как у вас?

С в е т а. Может быть, не знаю точно.

В и к т о р. Вот тебе раз! Как так?

С в е т а. Просто давно не виделись. С самого детства.

В и к т о р. Понятно. Он, наверное, в геофизической разведке работает. У меня несколько другой профиль. Потому мы близко и не знакомы.

С в е т а. Как жаль, я думала, вы расскажете мне о брате.

В и к т о р. Кое-что я о нем слышал. Интересный мужик. Если он тот, о ком я думаю.

С в е т а. Я помню, у него шрам на запястье правой руки. Это от ожога. Заметный очень.

В и к т о р. Шрам говорите? Пойдите! Так это же Беляк! Извините, так у нас его прозвали. Вот не знал, что у него такая сестричка имеется. Весьма любопытный человек. Со своей философией.

С в е т а. В каком смысле?

В и к т о р (*делает неопределенный жест рукой*). Как-то старомодно выглядит он среди наших. Здесь все поголовно увлекаются охотой и рыбалкой, а он не любит. Говорит, праздное убийство живой плоти противоречит самой сути природы. Не пьет, не курит, будто старовер. У него еще сундучок такой затейливый имеется. Экспонат старины глубокой. Всюду таскает его за собой. Все с рюкзаками, а он — с сундучком. Ни подковырки, ни насмешки ему нипочем. Не дай Бог кто к его антикварному сокровищу притронется — убьет.

С в е т а. Сундучок? С красивыми железками?

В и к т о р. Ну да!

С в е т а. Это он, Венья! А сундучок этот нашей бабушки. Мы когда-то в детстве хранили там свои секреты. Боже мой, неужели свидимся?

А л и м ж а н - а к а. Вай-вай, как харашо! Всем сделал порядок. Кассирша — рот узкий, девушка — успокоил, мущина — спор решай. Слюшай, приезжай Дюшянбе. Гость будишь.

Г л е б. Подожди, отец. Дай людям поговорить. Тебя еще на сутки оставь — полный Душанбе гостей назовешь. Всех баранов съедят.

А л и м ж а н - а к а. Какой простой шеловек! Всем места найдем, Алимжан любит люди хороши.

М а р к З а х а р о в и ч. Непременно, ака, приедем. Вот только бы отсюда побыстрей выбраться.

А л и м ж а н - а к а. Приезжай, уважаемый.

С в е т а. Виктор, а правду говорят, что тайга горит?

В и к т о р. К сожалению. Сутки назад полыхнуло. Отсюда далеко.

С в е т а. Но там же где-то экспедиция. Венья там...

В и к т о р. Ну что вы, Света! Было бы опасно — давно бы вывезли ребят. А пока ничего не слышно.

Г л е б. Ну, это непременно. Когда тайга горит, у нас на заводе почти всех мобилизуют. В первую очередь людей вывозят из зоны пожара.

М а р к З а х а р о в и ч. Истинное бедствие — пожары. У меня в памяти до сих пор огонь войны не гаснет. Ко всему привыкаешь на войне, но я лично так и не привык к пожарам. Запомнились строки одного поэта современного о детстве: «Помню, что дома большие были, очень уж горели высоко».

В и к т о р. Вы воевали?

М а р к З а х а р о в и ч. Захватил, как говорят, вторую половину войны. Помню, освобождали какой-то городок на Украине. Детали не запомнились, а вот обгоревшие трупы до сих пор снятся. При отступлении немцы арестованных погнали из огнеметов. Не приведи господь кому видеть...

Тяжелая пауза. Все сочувственно смотрят на интеллигента. Алимжан-ака тяжело вздыхает, незаметно вытирает глаза полкой халата. Марк Захарович прислонился к стене, тербит задумчиво журнал. Виктор и Света тихо присели в кресла. Глеб остановился у окна.

Г л е б (*неестественно громко*). Эх, ака, твоего бы плова сюда!

В и к т о р. Молодец! (*То ли с осуждением, то ли с восхищением.*) Уважаю людей, умеющих выходить из ситуаций. Гениально насчет плова.

М а р к З а х а р о в и ч. Нет-нет, не волнуйтесь, это я виноват, нагнал на всех тоску.

А л и м ж а н - а к а (*Марку Захаровичу участливо*). Уважаемый, садись, пожалуйста. Балшой шеловек, не нада ноги мушить.

М а р к З а х а р о в и ч. Не беспокойтесь, ака.

В и к т о р. В самом деле, прошу (*снимает чью-то сумку, приглашая Марка Захаровича*). Как бы там ни было, а перекусить не мешает. С нашей торговлей намаешься...

А л и м ж а н - а к а. Шуреки имеем. Дошка пекла, мягкие, как хлепок.

С в е т а. А у меня, кроме жвачки мятной, ничего нет. Легкомысленно, да?

Виктор рассмеялся, остальные кинулись к сумкам. В суете не сразу улавливают посторонний звук. В зал все явственней проникает стрекот вертолета. Со свертком в руках застыл Глеб.

В и к т о р. Господа ожидающие, вертолет!

Г л е б. Точно.

М а р к З а х а р о в и ч. Ну вот и окончились все наши мытарства! Конечно, самолет лучше, но на безрыбье...

В и к т о р. Что-то не похоже.

М а р к З а х а р о в и ч. Так иногда случается. Мне уже пару раз приходилось улетать на вертолете. Вы знаете (*обращается ко всем*), а мне жаль расставаться с вами. Сведет ли судьба опять? Я ведь отсюда навсегда уезжаю. На родину. Как говорят, на заслуженный отдых.

В и к т о р. От имени всех попутчиков желаем вам всего доброго.

Г л е б. Я сам бы с удовольствием ушел на заслуженный отдых. Эх, был бы в правительстве, обязательно внес предложение...

С в е т а. И какое же?

Г л е б. Всем с тридцати лет отдыхать до пятидесяти, а там — снова в ярмо (*потягивается, мечтательно возводит взгляд к потолку*).

А л и м ж а н - а к а. Совсем простой шеловек.

М а р к З а х а р о в и ч. Ну, батенька, это вы загнули. Доживете до моих лет и узнаете, как это трудно — менять привычный ритм жизни.

В и к т о р. Это точно. Я без тайги болею. Ладно, пойду взгляну, может, кто из знакомых прилетел. (*Свете.*) Командуйте моим дипломатом, там бутерброды припасены. Я — мигом.

С в е т а (*вдогонку выбегающему Виктору*). С удовольствием.

А л и м ж а н - а к а (*подмигивает Свете*). Хороший маладой шеловек. Кирым мой тожи хароший.

С в е т а (*смуценно*). Дедушка, я пока замуж не собираюсь.

А л и м ж а н - а к а. А шито? Он сириезный шеловек. Милицинерь, время нету жина искать. Говорю, Кирым, штрафуй красивый девушка, потом штраф обратно отдавай, сразу невеста будит. Скажит, добрый шеловек Кирым. Женщина любит, когда денги дают.

Шум двигателей стихает, за окном слышны невнятные голоса. Через мгновение дверь распахивается, и входят два долговязых паренька. Они слегка навеселе. Одежда выдает в них пэтэушников. У одного из кармана торчит начатая бутылка с вином. Сидящие в креслах с недоумением смотрят на неожиданных гостей. Один из вошедших сильно икает, одновременно хлюпая носом.

М и ш а. Колян, а буфет закрыт.

К о л я. Вижу, ик. Закусан где брать будем, ик? Я без жратвы не могу, ик.

М и ш а (*оглядывает сидящих, решительно направляется к ним*). Попросим. Ребята, жратва найдется? А мы вас портвягой угостим.

Никто не отвечает, сидящие молча наблюдают за поведением наглеца.

Колян, тут глухонемые, неси пузырь, покажем.

Коля неверными шагами идет на зов товарища. Таджик проворно вскакивает со своих узлов. Света ставит поближе к себе кейс, тревожно наблюдает за подростками. Марк Захарович торопливо накрывает еду газетой. Глеб медленно приподнимается.

К о л я. Здравсьте, ик. А где рубон? Ик, Мишель, ты не прав. Угощения не вижу, ик.

М и ш а. Я говорю, здесь глухонемые. Покажь товар.

Г л е б. Сопли сначала подбери. И вообще, подаяние так не просят. Усек? Не забудь про волшебное слово.

К о л я. А говорил — глухонемые, ик.

М и ш а. Колян, ошибочка. Тут кто-то дергается. Не вижу, глаза слепит. Кто это? (*Прикладывает ладонь козырьком ко лбу.*)

К о л я. Не бери в голову, ик. Тут один в джинсах и лысине, ик, нервы покачивает.

М и ш а. Может, ему тесно в джинсах, мучается человек?

С в е т а. Нахалы! Ни совести, ни уважения к старшим. И кто только таким вино продаст?!

Г л е б (*он вышел из шока, весь подобрался*). Брысь отсюда, шантрапа! Пока шеи не свернул!

К о л я (*тупо смотрит на обозлившегося Глеба*). Ты чо пену пускаешь? Ик. Мы тебе счас за жадность, ик, твою лысину будем отрывать.

А л и м ж а н - а к а. Какой плехой дети! Совсем пропал: нет ни мама, ни папа. Гулять ходи, воздух харашо.

М и ш а. Душман, не суетись, а то без мешков оставим.

Глеб решительно хватает за шиворот Колю, он стоит ближе к нему. Паренек, довольно резко и точно для выпившего человека, бьет Глеба локтем в живот. Тот, охнув, выпускает паренька и медленно оседает на пол. Света вскрикивает. Марк Захарович встает, застегивает пиджак. Таджик, размахивая руками, подскакивает к Мише и Коле.

А л и м ж а н - а к а. Шакали ви есть! Дюшмани сами ви есть!

К о л я. Мишель, только глянь, ик, какой шухер поднялся из-за жратвы, ик. Ну и граждане, кулаки недорезанные, ик.

С в е т а (*от гнева расхрипалась*). Сопляки, выпили на рубль, а куражитесь на десять! За что человека ударил, мерзавец? Я сейчас позвоню в милицию! (*Решительно направляется к диспетчерской*).

В окошечке мелькают испуганные лица. В это время за окном раздаются голоса, открывается дверь, входит Виктор. Света бросается к нему.

С в е т а. Виктор, как долго! А нам уже успели снова нахамить.

В и к т о р. Кто еще? *(Оглядывается, замечает притихших пэтэушников. Он удивлен, увидев согнувшегося Глеба, присвистывает)*. Оп-ля! Резвитесь, елки-моталки? Ну-ка, марш отсюда! Группа вкалывает на сенокосе, а эти портвейном забавляются. Поганцы! Бегом отсюда!

Пэтэушники торопливо, насакивая друг на друга, кинулись к двери.

Стой!

Подростки были уже у выхода, но от окрика замерли как вкопанные. Света взяла Виктора под руку. Он легонько освободился.

Пойдете со мной!

М и ш а. Дядь Вить, мы лучше на сенокос, а?

В и к т о р. За мной, я сказал!

К о л я *(заплетающимся языком)*. Так точно, есть, ик.

В и к т о р. Солдат, едрен паслен.

С в е т а *(Виктору)*. Откуда они вас знают?

В и к т о р. Подшефные, черт их навязал на нашу голову!

М а р к З а х а р о в и ч *(держит туго свернутый журнал как короткую дубинку)*. Не черт, а райком, вероятно.

В и к т о р. А, один... *(Посмотрел на Свету)*. Товарищи, нужна помощь вертолетчикам. У них там... *(Опять посмотрел на Свету и обрывает себя)*. Вперед!

С в е т а *(испуганно)*. Что случилось?

Г л е б *(морщась от боли)*. Веди, шеф. *(Паренькам, каменно застывшим посередине зала.)* У-у, салаги!

М а р к З а х а р о в и ч *(растегивая пиджак)*. Что-то серьезное?

В и к т о р. Да. Побыстрой, товарищи! Света и ака остаются здесь.

С в е т а. Нет-нет, я должна пойти с вами.

В и к т о р *(мягко, но с нажимом)*. Света, вам лучше быть здесь.

С в е т а. Что-то связано с пожаром?

В и к т о р. Сам толком еще ничего не выяснил. Честное слово!

С в е т а. Боже мой, неужели что-то с людьми?

Мужчины гуськом тихо выходят.

А л и м ж а н - а к а. Затем переживай, дошка? Нада думать харашо, и будет все харашо!

С в е т а *(не слушая)*. Нет, так не может быть! Я уверена, пострадали люди. Наверное, из экспедиции. Веня! Боже мой, мы должны встретиться! Господи, как все глупо и ужасно! Надо было телеграмму дать. Сюрприз захотела сделать. Вот и сделала. Что это я? Еще ничего не ясно, а я паникую. Нет, и все же беда случилась... Я чувствую.

Открывается окошечко диспетчерской. Появляется встревоженное лицо Люды. Она жестом подзывает к себе старика.

Л ю д а. Слышь, дед...

А л и м ж а н - а к а. Не дед — ака!

Л ю д а. Дед-ака, геологов привезли погоревших, трое их. Господи, вот беда, так беда!

А л и м ж а н - а к а. Тс-с! Зашем криши, глупий баба? Видишь *(показывает на Свету)*, шеловек переживай. Брат тама.

Снова за окном голоса. Слышны отдельные возгласы: «Невероятно!», «Как же так?», «Судить надо», «Безобразие!». Дверь медленно отворяется. Один за другим входят мужчины. По их движениям, лицам видно: они растеряны.

В и к т о р *(своим спутникам)*. Никаких подробностей. *(Света молча наблюдает за мужчинами. Затем медленно прислоняется к стене. Виктор бросается к ней.)* Света! *(Встревоженно.)* Что с вами? Принесите воды! *(Поддерживая под руку, ведет ее к креслам.)* Да принесет кто-нибудь воды?!

За фанерной перегородкой слышны звуки. Открывается едва обозначенная в стене дверь. В зал выходит Люда с чашкой в руке. В полной тишине она подходит к Виктору и Свете.

В и к т о р. Светлана, выпейте, пожалуйста, воды и успокойтесь. Все нормально, моя хорошая, успокойтесь.

С в е т а. *(Отпивает несколько глотков, слабым голосом)*. Виктор, скажите правду, что-нибудь с экспедицией? Веня есть среди пострадавших? Я уже все знаю...

В и к т о р *(укоризненно глядит на Люду, качает головой)*. Ничего страшного, ребят маленько подпалило. Базу обороняли от огня. Сейчас там орудуют спасатели. Вени там нет.

Все без слов наблюдают за Виктором и Светланой. За окном слышится далекий вой сирены «скорой помощи». Светлана выпрямилась, повернула голову к входной двери. Вой сирены становится все громче. Еще мгновение — и звук резко обрывается.

В и к т о р *(нервно)*. Ну, не могут они без спецэффектов!

С в е т а *(очень спокойно)*. Вы можете мне все объяснить толком?

Ответить Виктор не успевает. Дверь резко распахивается.

Н е в з р а ч н ы й м у ж ч и н а *(в форменном комбинезоне)*. Геологи есть?

В и к т о р. А в чем дело?

Н е в з р а ч н ы й м у ж ч и н а. Велено передать. Дело тут такое... Помер один. *(Он аккуратно ставит кованный сундучок у ног Виктора.)*

Немая сцена. Вдруг из динамика вырывается с хрипом песня «И снится нам не рокот космодрома...». Опять хрип, слов не разобрать, и через мгновение звук из динамика обрывается.

З а н а в е с

Вопросы и задания

1. На какие группы можно разделить героев? Какие принципы деления для автора являются определяющими: возраст, национальность, общая культура?

2. Какую роль в обрисовке внутреннего состояния героев играют ремарки и речевая характеристика?

3. Автор предлагает в пьесе несколько типов семей: многодетная, неполная, семья единомышленников. Какие герои включены в структурно-образную систему «человек — семья»?

4. Ситуация ожидания позволяет героям задуматься о времени и о себе. В репликах каких персонажей дана нелицеприятная характеристика советского государства?

5. Пожар как стихийное бедствие разворачивается за пределами сценического действия и все же символически отражает психологический настрой застрявших в аэропорту пассажиров. Докажите это.

6. Прокомментируйте название пьесы. О каких встречах идет речь? Почему автор отказывается от счастливого финала?

«РЕАЛЬНОСТЬ, ДОВЕДЕННАЯ ДО АБСУРДА...»: ФАНТАСТИКА

Когда-то признанные классики советской фантастики братья Стругацкие дали следующее определение жанру: «Фантастическое произведение — это всякое художественное произведение, в котором введен элемент чудесного, невозможного или чрезвычайно маловероятного». Фантастика — это не только литература о будущем, она вырастает на почве сегодняшнего дня, черпает в нем свой материал. Разные писатели идут разными путями, но идут всегда к одной цели. Главным остается одно — художественная ценность произведения.

В силу того, что в 1980 — 90-х годах, когда в Тирасполе проживал один из основателей Союза писателей ПМР Виталий Пищенко и здесь собирались для проведения своих семинаров молодые писатели-фантасты, в Приднестровье получили развитие фантастические жанры. В этом направлении стали активно работать **Виталий Пищенко** и **Юрий Самусь**.

Как писатель-фантаст Виталий Пищенко дебютировал в 1981 году рассказом «Равные возможности». Его фантастические произведения объединены в авторские сборники «НЛО из Грачевки» (1988; в соавторстве с М. Шабановым), «Баллада о встречном ветре» (1989), «Разлом времени» (2002). Кроме того, у него выходили книги очерков и детских сказок. Виталий Пищенко — лауреат литературной премии имени Константина Симонова, Государственной премии Приднестровской Молдавской Республики и др. С 2001 года Виталий Пищенко живет в Москве, работает заместителем главного редактора издательства «Вече», которое сразу же запускает в производство четыре серии фантастики — «Параллельный мир», «Жестокая реальность», «Магические письмена» и «Зазеркалье». Член Союза писателей России (1992), Приднестровья (1995) и Крыма (1995).

В соавторстве с Юрием Самусем Виталием Пищенко была написана книга «Полынный мед» в жанре научной фантастики.

Юрий Николаевич Самусь родился в 1963 году в г. Одессе. После окончания Одесского мореходного училища работал на судах рыболовного флота по специальности механик-холодильщик. В 1986 году переехал в г. Бендеры. Работал

ответственным секретарем журнала «Экономика Приднестровья», корреспондентом радио ПМР, в книжном издательстве Союза писателей Приднестровья. В 2002 году был главным редактором журнала фантастики и приключений «Млечный путь». В 2003 году окончил Приднестровский государственный университет (отделение журналистики филологического факультета).

Первая публикация художественных произведений была в 1989 г. В 1994 г. Юрий Самусь стал членом Союза писателей России, в 1995 г. — Союза писателей Приднестровья. Автор 6 романов, 7 повестей и более 60 рассказов, Юрий Николаевич с 1990 г. сотрудничает с газетами «Сфера», «Тигина», «Версии», «Новый детектив», «Улица вязов», «Самая новая газета».

Рассказ «Последнее желание» вошел в книгу Ю. Самуся «Игра воображения». Главное, что интересует писателя-фантаста в этой книге, — вопрос о смысле человеческой жизни в кризисные моменты истории. Юрий Николаевич пристально всматривается в этот мир, пытается понять, где его современник допустил ошибку, почему оказался «бездомным эмигрантом». Рассказ «Последнее желание» дает ответы на эти вопросы.

Произведение написано в жанре фантастики, для которой характерно изображение вполне вероятного будущего. И в этом будущем человеку подвластны время и пространство. Он, покорив космос, стал гражданином планеты, но при этом утратил свои национальные черты. Автор показывает губительные последствия ошибок, которые совершает современный человек. Среди этих ошибок — отказ от общения с людьми и предпочтение одиночества, неудовлетворенность тем, что дает тебе судьба, обман и хитрость как норма жизни, отказ от христианских истин и Бога. Следствием этих ошибок становится мир, лишенный семьи; планета, израненная экологическими катастрофами; человек, превращенный в игрушку мистического разума.

Главный герой рассказа «Последнее желание» — Джеймс Уоркер. У него нет семьи, родителей, родственников — словом, у него нет корней. Нет дома — он снимает комнату. Нет никаких привязанностей. Это и не патриот, и не космополит, поэтому Джеймс так легко соглашается на обмен мирами. Уоркер не выносит людей, в одном из монологов раздраженно замечает: «Что за идиотский мир! И меня угораздило в нем родиться. Каждый лезет с расспросами, норовит забраться в твою душу, а потом там нагадить». Герой предельно раздражителен, он ненавидит людей, даже собирается записаться в общину глухонемых.

Почему реальный мир вызывает у Уоркера раздражение и страх, а мистический притягивает? Над этим вопросом автор заставляет задуматься читателя. Из сюжета мы узнаем, что Джеймс уже целый месяц постигает тайны мистики, читает книгу «Гадание: как это делается», в которой рассказывается о том, как можно с помощью зеркала и двух свечей установить контакт с параллельным миром.

Герой попадает под влиянием фальшиво-глянцевого жизни. Несколько лет подряд целая волна рекламных роликов и поток дешевых сериалов о красивой жизни убеждали таких, как Джеймс, в том, что мир за экраном — это то, к чему надо стремиться и ради чего стоит жить. Целая армия легко поддающихся внушению людей стала бездумно копировать экранную жизнь. В погоне за призрачным счастьем человек не заметил, как потерял друзей, близких, семью. А каждый, кто не

соответствовал экранному стереотипу, стал вызывать у таких, как Джеймс, раздражение и ненависть.

Ю. Самусь предлагает неожиданный для читателя, но вполне ожидаемый для фантастического произведения поворот сюжета: гадание подействовало — Джеймс установил контакт с параллельным миром. Меняясь мирами, Уоркер раз за разом проигрывает. А иначе и быть не может, потому что надо уметь ценить тот мир, в котором живешь.

ЮРИЙ САМУСЬ

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Возвращаясь с работы, Джеймс Уоркер зашел в магазин и купил две свечи. Удивленный и обрадованный продавец попытался всучить ему еще парочку.

Этот товар абсолютно не пользовался спросом и который год пылился на самой дальней полке.

— Больше не надо, — отрезал Уоркер, засовывая в карман покупку.

Продавец расстроился, но тут же забыл об этом. Ему до желудочных колик хотелось узнать, зачем понадобились этому господину свечи.

— Вы хотите поставить их в церкви? — спросил он.

Уоркер приподнял брови:

— А разве они еще существуют?

— О да, сэр. В Бронксе сохранилась одна маленькая церквушка. Там иногда проходит служба. Я рядом живу, — как бы извиняясь, пояснил он.

— Нет, религия меня не интересует.

Уоркер бросил на прилавок десятицентовую монету и поспешно вышел из магазина.

«Всюду суют свой нос, — раздраженно думал он, идя по сорок второй улице. — Что за идиотский мир! И меня угораздило в нем родиться. Каждый лезет с расспросами, норовит забраться в твою душу, а потом там нагадить...»

Размышляя над этим, он дошел до четырехэтажного кирпичного дома, в котором снимал комнату и, открыв дверь, оказался в холле. Сразу же из пристройки слева выглянуло заплывшее жиром лицо хозяйки дома миссис Домблунус.

— А, это вы, мистер Уоркер, — пробасила она голосом Поля Робсона. — Что-то вы сегодня раньше обычного.

«Проклятье! — мысленно возопил Уоркер. — Неужели я вечно должен буду выслушивать эти дурацкие вопросы?»

— Вы ошибаетесь, мэм, — мобилизуя все свое терпение, ответил Уоркер. — Я пришел как обычно. Видимо, у вас остановились часы.

— Да? Надо будет...

Но Уоркер уже бежал вверх по лестнице, на ходу вынимая из кармана ключи. Он распахнул дверь в свою комнату и с грохотом захлопнул ее за собой.

— О, черт! — прорычал он. — Они достали меня! Все вместе и по отдельности. Это просто невыносимо. Завтра же запишусь в общину глухонемых...

Уоркер на всякий случай проверил содержимое холодильника и, убедившись, что в нем, кроме пустых полок, ничего нет, выдернул шнур из розетки. Он долго

прислушивался к урчанию в своем желудке, затем, отбросив грустные мысли в сторону, взял со стола книгу и лег на диван.

Эту книгу он нашел месяц назад. Кто-то забыл ее на сидении в автобусе. И Уоркер подобрал ее, не зная тогда, что она станет вскоре единственным светлым пятном в его жизни. Книга называлась «Гадание: как это делается». В ней описывались тысячи способов гаданий, начиная с кофейной гущи и кончая телячьими хвостиками.

Более интересной книги Уоркер никогда не читал. Теперь он спешил как можно скорее вернуться с работы и окунуться в сладкий омут таинств предсказания. Сейчас он знал намного больше любой трехдолларовой гадалки. Он мог бы зарабатывать неплохие деньги, но никогда не задумывался над этим. Его просто завлекал сам процесс постижения таинств, скрытых от человеческого глаза.

Уоркер открыл книгу на странице, заложенной закладкой. Вчера он дошел до главы «Гадание с помощью зеркала и двух свечей».

«Итак, — прочитал он, — у вас есть все необходимое. Вы садитесь к зеркалу, ставите слева и справа от себя по одной зажженной свече и пристально смотрите на свое отражение. Причем вас ничего не должно отвлекать. В комнате царит полумрак. Только свет от свечей освещает ваше лицо и его зеркального двойника. Думайте о том, что вы хотите увидеть, и вы добьетесь своего. Ни время, ни пространство для вас не станут помехой».

Уоркер дочитал последнюю строчку, захлопнул книгу и поднялся с дивана. У него чесались руки, и зуд нетерпения нарастал с каждой минутой.

Усевшись на стул и поставив свечи рядом с собой, Уоркер принялся педантично изучать свое отображение.

«Боже мой, до чего обычное, ничем не примечательное лицо, — подумал он, будто видя его в первый раз. — Средних размеров уши, средний нос, обычный рот, пробор с левой стороны, стандартные голубые глаза, и на подбородке нет никакой ямочки».

Уоркер тяжело вздохнул и тут же вспомнил, что надо думать о том, что он желает видеть. Полчаса он размышлял над этим, но так ничего толкового придумать не смог.

Свечи уже наполовину оплыли, и Уоркер, проклиная свое атрофированное воображение, решил, что с него хватит узнать о дне завтрашнем и что он ему принесет. Сосредоточившись, он начал думать об этом. Но...

Уоркер честно пытался не отвлекаться. Он дважды подавлял в себе желание почесаться, трижды — высморкаться, но все было напрасно. В зеркале по-прежнему маячила его физиономия, при виде которой хотелось плакать.

Прошло двадцать минут, затем еще столько же. Уоркер облизал пересохшие губы, громко выругался и решил навеки выбросить из головы эту бредовую идею. В этот момент отражение моргнуло. Уоркер мог поклясться, что он этого не делал. Бешено заколотилось сердце. Уоркер стал пристально вглядываться в свое лицо за стеклом. Но ничего не изменилось. Как и прежде, его двойник повторял каждое движение, не допуская вольностей. Уоркер напряг все мышцы и резко встал. Его отображение продолжало сидеть.

— Ага! — обрадованно воскликнул Уоркер. — Получилось!

— Что получилось? — спросило отражение.

Уоркер опешил. Действительно, он рассчитывал узнать свое будущее, увидев его как бы со стороны. Но произошло нечто иное.

— Кто ты? — спросил Уоркер.

— Я? Хм... Я — Джеймс Уоркер.

— Значит, ты — это я?

— Не совсем так. Я — есть я, а ты — есть ты. Ты когда-нибудь слышал о параллельных мирах?

«Понятно, — подумал Уоркер, — у меня, кажется, начались галлюцинации».

— Получается, ты — это я из другого параллельного мира? — недоверчиво спросил он.

— Что-то вроде того, — кивнуло отражение.

Только сейчас Уоркер заглянул ему за спину и увидел абсолютно чужую комнату. Она была обставлена гораздо богаче его, и, хотя в ней царил полумрак, Уоркер заметил резную деревянную мебель, красивую посуду в серванте, толстый ковер на полу, ярко расписанные шторы, закрывающие окна.

Рядом с его двойником стояли позолоченные подсвечники, и в них горели свечи, напоминающие фигурки львов.

— Так ты тоже пытался вызвать меня? — догадался Уоркер.

— Разумеется. Это обычный способ перемещения между параллельными мирами.

— Перемещения? Ты хочешь сказать, что я могу попасть в твой мир, а ты — в мой?

— Вот именно.

Уоркер вновь почувствовал сердцебиение, лихорадочно заработал мозг.

«Это шанс! Надо попытаться его уговорить. Вот только согласится ли он на это? Вероятно, он значительно богаче меня, я же что могу ему предложить? Ничего. Выходит, надо действовать хитростью».

Уоркер посмотрел на своего двойника и увидел, что тот также находится в состоянии задумчивости.

— Эй, — позвал его Уоркер.

Отражение подняло на него глаза.

— Скажи, в твоём мире к тебе пристаёт каждый встречный с дурацкими вопросами? — затаив дыхание, спросил Уоркер, понимая, что от полученного ответа зависит дальнейшая его судьба.

— Нет. У нас такого не бывает.

— А как вообще у вас там жизнь?

— Так себе.

— И у нас ничего. Только вот любопытных — хоть отстреливай.

— Нет. У нас это не принято. А на улицах так вообще никто не пристаёт с расспросами. Хотя жаль. Я был бы только рад собеседникам.

Уоркер решил поставить на кон все. Теперь от него требовалось лишь красноречие. Но как он ни пытался, нужные слова не лезли в голову.

— Знаешь что, — наконец выдавил он, — давай поменяемся мирами.

— Что ж, я не против, — на удивление легко согласился двойник.

Уоркер от радости даже вскрикнул. Будь он более наблюдательным, он бы наверняка насторожился. Но этого не произошло.

— А как это сделать?

— Очень просто. Ты шагнешь в зеркало, а я тебе навстречу. Только учти, канал срабатывает только раз. Потом он сворачивается навсегда, и ты уже не сможешь попасть в свой мир.

— Плевать, — мелко дрожа от возбуждения, выкрикнул Уоркер. — Я никогда не жалею о том, что оставил.

— Тогда приготовься. На счет «три» входи в зеркало. Раз... два...

Уоркер шагнул, ощутил слабое сопротивление, но в следующий миг увидел, что находится уже не в своей комнате. Он резко повернулся. Перед ним было зеркало и в нем — он сам, повторяющий каждое движение.

Уоркер плюхнулся в кресло и рассмеялся:

— Ловко же я его надул. Через неделю его будет тошнить от собеседников, а через месяц он захочет сбежать из этого мира хоть к черту на рога.

Еще несколько минут Уоркер не переставал хохотать, затем вытер набежавшую на глаза слезу и принялся исследовать свои новые владения. В холодильнике он нашел ветчину, несколько баночек искусственной красной икры, фунта полтора мяса, с десятков бутылок пива и разную зелень.

Уоркер сделал себе бутерброд и, запивая его пивом, начал расхаживать по комнате, пытаясь разглядеть богатства, хозяином которых он теперь стал.

В помещении по-прежнему царил полумрак, так как оно все еще освещалось свечами. Впрочем, свет также пробивался из-под штор.

«Похоже, в этом мире сейчас день», — подумал Уоркер, подходя к окну. Он отдернул шторы... и остолбенел. Перед ним, сколько хватало глаз, простирались заводские трубы. Они выбрасывали клубы черного дыма, заслонявшие небо, солнце и весь мир.

Люди, бежавшие по тротуарам, были закутаны в пластиковые плащи, лица были скрыты противогазами. Сверху капал кислотный дождь и, касаясь одежды, испарялся, оставляя на пластике черные отметины.

Уоркер выронил бутерброд и медленно осел на пол. Только сейчас ему вспомнилось странное поведение двойника.

«Это не я вызвал его, это он — меня, — пронеслось в голове у Уоркера. — Мерзавец, подлец! Он надул меня... Но, может быть, можно еще что-то изменить. Этот подонок мог наврать, что канал сворачивается».

Уоркер поднялся, задернул шторы и, шатаясь, побрел к зеркалу.

Он просидел возле него целый час, пока не понял, что видит перед собой не свое отражение, а двойника. Но это был не прежний двойник, это был новый Джеймс Уоркер, и все же, как две капли воды, похожий на него самого. Уоркер понял это, увидев за его спиной еще более богато обставленную комнату. Но и здесь окна были занавешены шторами.

— Привет, — сказал двойник.

— У-гу, — хмуро ответил Уоркер.

— Ищешь обмен?

Уоркер приподнял брови.

— Поздно мы, братец, вступили в это дело. Все лучшие миры давно расхватали.

— А твой? — Уоркер начал кое о чем догадываться.

— Мой ничего. Но скучновато здесь. Хотелось бы, конечно, получше. Может, махнемся?

Уоркер подозрительно посмотрел на него.

— Отодвинь шторы.

— Что? Ах, да. Это — пожалуйста.

Двойник подошел к окну и сделал, как его просили.

В комнату хлынул яркий солнечный свет. Белые облака медленно и величаво плыли по небосклону.

Двойник вернулся к зеркалу и сел в кресло.

— Ну что?

— Ничего, — ответил Уоркер. Сомнения его не покидали. — Это твой родной мир?

— Нет. Я попал в него из другого.

— А почему ты не хочешь остаться в этом?

— Он разительно отличается от моего, и я никак не могу привыкнуть. К тому же у меня еще не исчерпана последняя возможность обмена. Я решил воспользоваться этим.

— Последняя?

— Да. А ты разве не знаешь, что менять миры можно только трижды? Потом все каналы сворачиваются.

Уоркер нервно заерзал в кресле.

— Но почему ты не попытался вернуться в свой?

— Выйти на него снова практически невозможно. Тем более, если двойнику твой мир понравится, он просто прекратит дальнейшие поиски.

— Черт! Это похоже на какую-то игру, — выругался Уоркер.

— Что-то вроде того.

— И кто ее придумал?

— Увы, — двойник развел руками.

Уоркер задумчиво почесал переносицу.

— Ну, что, будем меняться? — спросил двойник.

— Выходит, это твой последний шанс?

— Да.

— Значит, у тебя там не так уж и хорошо, раз ты хочешь использовать его.

— Ну как тебе сказать, — замылся двойник. — Жить можно.

— И все же?

— Одиноко тут.

— И только из-за этого ты захотел поменять мир?

— Понимаешь, я привык к обществу.

Уоркер задумался: «Там наверняка не хуже. По крайней мере, небо на месте и солнце светит. Если этот болван желает общества, пусть получит его. А меня устроит и одиночество».

— Хорошо, я согласен, — услышал он собственный голос. — Один, два...

Через секунду Уоркер был в ином параллельном мире. Он огляделся и направился к окну. Но не дойдя до него двух шагов, внезапно остановился.

Это не было настоящим окном, это был экран, на который проецировалось изображение. Уоркер повернулся и увидел у противоположной стены видеопроектор.

— О боже, — застонал он и бросился к двери.

Она медленно и со скрипом сдвинулась с места, и Уоркер лишь успел отметить чрезмерную ее толщину, прежде чем увидел перед собой уходящие за горизонт развалины. Иногда, правда, попадались и целые здания, но их можно было сосчитать по пальцам. В куче щебня и битого кирпича что-то копошилось. Уоркер разглядел огромных червей и тараканов, достигавших в длину полуметра. По улице бежал человек, покрытый кровотокающими язвами. За ним гналась гигантская серая крыса, не уступавшая в размерах беглецу.

Уоркер медленно закрыл дверь, затем разбил об пол видеопроектор и сел в кресло перед зеркалом.

Лишь через полтора часа он вновь вызвал следующего двойника. Молча Уоркер окинул взглядом пустые стены и пол, окно без стекол, но с решеткой, через которое в комнату проникал солнечный луч, деревянную лежанку в углу. Затем он просунул руку в зеркало, схватил двойника за шиворот и втащил к себе в комнату. Тот не сопротивлялся, видимо, опешив от неожиданности. Уоркер скользнул по нему взглядом и шагнул навстречу своей судьбе.

Как обычно, первым делом он направился к окну. Волна свежего воздуха коснулась его лица, в ноздри ударил запах трав и цветов. Уоркер увидел перед собой персиковый сад, в небе порхали пичуги, и яркое полуденное солнце слепило глаза.

«Я не ошибся», — подумал он, и улыбка заиграла на его губах.

Сзади со скрежетом отворилась дверь. Уоркер повернулся и увидел мрачного человека, облаченного в серого цвета одежду.

— Ну что, Джеймс, вот и полдень, — сказал он. — Электрический стул готов, надеюсь, и ты тоже?..

Уоркер недоуменно посмотрел на зеркало и все еще горевшие свечи.

«Вполне возможно, это было последним желанием того малого», — догадался он...

Вопросы и задания

1. Почему, высвечивая проблемы современного мира, Ю. Самусь обращается к фантастике?

2. Обрисуйте психологический портрет главного героя. Выпишите слова, которые передают предельную раздражительность Джеймса Уоркера. В чем причина ненависти героя к людям?

3. Чем восполняет Уоркер отсутствие друзей, семьи?

4. В ходе сюжета появляется несколько двойников Джеймса. Несмотря на то, что Джеймс и его двойники похожи друг на друга, как две капли воды, все же психологические портреты героев не дублируются. В чем разница между Джеймсом и его двойниками?

5. Прокомментируйте название рассказа. В чем заключается идея произведения?

САТИРИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ. ПАРОДИИ

В литературной среде бытует мнение, что пародия — жанр вторичный в отличие от поэзии, прозы и драматургии. Безусловно, это так. Пародия — это зеркало, а зеркало не способно отражать пустоту. Но стоит согласиться и с другим утвердившимся мнением: все жанры хороши, кроме скучного. Литературные пародии, действительно, не дают скучать. Главные достоинства их как жанра — узнаваемость пародируемого автора и доброжелательность. В пародии характерные черты пародируемого автора доведены до нелепости и абсурда. Метафоры чрезмерно выпуклы и болезненно надрывны. И в этом кривом зеркале отражается стиль пародируемого, причем автор не выходит за рамки такта и вкуса, помня об элементарной литературной корректности.

Родоначальником литературных пародий в Приднестровье можно назвать *Сергея Чернолева*. Его сборник пародий «*Восьмая нота*» представляет нам доброжелательного, умного, тонкого и немного лукавого автора. Сергей Чернолев считал пародию особой формой литературной критики и никогда не опускался до уровня развлекательности.

СЕРГЕЙ ЧЕРНОЛЕВ

ВЕЧНЫЙ ВИНОВНИК

Кто виноват? Конечно, Пушкин!
Все перепуталось в стране...

Александр Вырвич

Березы о чем-то друг дружке
Вещают, листвою шумя.
На улице Пушкина — Пушкин
Встречает рождение дня.

Василий Маслов

Березовым плесом оваян,
С надеждой встречаю восход.
На улице Ленина — Ленин
Стремительным шагом идет.

И те же пространные речи,
И тот же бунтарский порыв.
Он замер — совсем недалече
Стоит супермаркет «Шериф».

Надбровий могучая лепка
И взгляд, устремленный в века.
Свою бутафорскую кепку
Он спрятал в карман пиджака.

Ильич пожимает плечами
При виде торговых палат.
О том ли глухими ночами
Он грезил с Инессой Арманд?

Нет, батеньки, так не годится.
Здесь властвует вновь чистоган.
Должно быть, и впрямь заграница,
Заброшенный штат Мичиган.

Ильич улыбается хитро,
Вопрос задает с юморком:
— Неужто ползучую гидру
Добить не сумели штыком?

Не стóбите вы и полушки.
Да кто же во всем виноват?
И Вырвич отвечает: — Пушкин!
Нашелся такой ренегат.

ИЛЬИЧ — И БАСТА!

О. Максимов — М. Цветаева

Как будто тягостный кирпич
Залег в душе моей — и баста!
...А ночью снился мне Ильич,
Но не бровастый, а лобастый.
Олег Максимов

Тоска по Ленину! Давно
Разоблаченная морока.
Сколь это дико и смешно —
В своем отечестве пророка

Не обольщусь и языком —
Картавым или шепелявым.
Мне безразлично, на каком
Быть оболваненным на славу.

Искать. Украдкой, как беглец,
Брести по щебням и по кварцам,
Чтоб возвеличить, наконец,
Пришельца или самозванца.

Едино мне — над кем ревмя
Реветь вблизи сырой могилы.
О, Господи, помилуй мя,
Вероотступника помилуй

Мне все — равны, мне все — родня:
Тунгусы, чехи, бедуины.
Душой нисколько не кривя,
Ответствую, что мне едины —

За пошлость, за ничтожность уст
Мужей, стоящих у кормила,
За созерцанье (ну и гнусь!),
За сотворение кумира.

Кумачный праздничный насест
И броневик, обдутый ветром.
Едино — как он пьет и ест,
Как смотрит — букой или фертом.

Как ягель — сух, как дятел — глух,
Равно — на воле иль на дыбе.
Но если замаячит вдруг
Ильич, особенно — в Разливе...

НА СТРАЖЕ МОРАЛИ

И доллар стал всему основой,
И голос памяти затих,
И заменили Казановы
Корчагиных и Кошевых.

Леонид Литвиненко

И в прах разрушены основы,
И грубо поправа мораль.
Прошу, ответьте, Казановы,
Как закалялась наша сталь?

Какое чудное мгновенье!
Предвидя злобные смешки,
Я рву и рву с остервененьем
Презренный доллар на клочки.

Нельзя укрыться от разврата
Ни в клубе, ни в пивном ларьке.
Висит портрет маркиз де Сада
На стенке, в красном уголке.

Как худо-бедно мы ни жили,
Не примем вашего добра,
Мне тотчас грубо пригрозили
С capitoлийского бугра.

И это все терпеть должны мы...
Кругом — измена и подлог.
Священным гневом одержимый,
Я плюнул в красный уголок.

Понятно всем, что я не промах.
С врагом брататься не привык.
В моих пороховницах — порох
Корчагиных и Кошевых.

НИКОЛАЙ КУЛИК

* * *

Раз не сумела обольстить, —
За это будет мстить и мстить.

Валентин Ткачёв

Раз — не сумела обольстить,
Два — не сумела облапошить.
За это мало просто мстить,
За это надо укокошить.

АЛЕКСАНДР ВЫРВИЧ

РАЗВЕДЧИЦА У ЗЕРКАЛА

Говорят, у человека одно лицо,
От рожденья ему дарованное.
У меня ж много лиц и имен, —
Не знаю, какое подлинное.

Ирина Маринова

На себя посмотрела с утра —
Абсолютно лицо незнакомое.
Может, все оттого, что вчера
Укусило меня насекомое?

Попыталась я вспомнить тогда,
Как зовут это чудо прикольное.
Не смогла. Губит нас не вода,
А зависимость алкогольная.

У меня много лиц и имен,
Все они мне в спецшколе подарены.
По субботам я вроде Семен,
А по средам, конечно, И. Мáринова.

Вопросы и задания

1. Почему приднестровские авторы обращаются к пародии как литературному жанру?
2. В пародиях Сергея Чернолева дан сатирический портрет современности. Что осуждает автор?
3. Обозначьте тематику предложенных пародий. Творческий стиль какого автора ярче всего передан в пародии?

СОДЕРЖАНИЕ

10 КЛАСС

ЖИЗНЬ В «КАПСУЛАХ ВРЕМЕНИ»: ДИАЛОГИ О ПРИДНЕСТРОВЬЕ	3
<i>В. Кожушнян</i>	4
Магарыч	6
<i>Ю. Баранов</i>	20
Пряники московские (в сокр.)	21
ЛЕТОПИСЬ ВРЕМЕНИ	39
<i>Л. Литвиненко</i>	39
Встреча с веками (отрывки)	39
Тема исторической памяти. Великая Отечественная война (1941–1945 годы)	42
<i>Р. Кожухаров</i>	43
Штрафники против «тигров» (отрывки)	43
Мой Тирасполь	62
<i>А. Вырвич</i>	63
Купейные истории (отрывок)	63
Чужая беда как своя	69
<i>С. Чернолев</i>	
«Погребите в земле...»	69
<i>А. Вырвич</i>	
Горе Беслана	69
<i>А. Мельничук</i>	
Цхинвал, октябрь 2008 года	69
ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА И ПРОЗА	70
<i>Н. Фридман</i>	72
Жизнь	72
<i>С. Ратмиров</i>	72
«Звучит мелодия дудуки...»	72
«Что осталось мне от детства?...»	72
Стихотворения в прозе	73
<i>В. Скоробогатый</i>	73
Рассказы	73
<i>С. Багнюк</i>	74
Набат	75
Валаам	75
Иконы	75
Клятва (в сокр.)	76

«ЛЮБОВЬ — ОГРОМНАЯ СТРАНА...»	81
<i>А. Дрожжин</i>	81
Наши матери	82
«Доброту не растим и не сеем...»	82
«Родное царство законное...»	83
<i>Л. Кудрявцева</i>	83
Три возраста	84
Воспоминание	84
Неосторожность	84
Победа горькая моя	84
<i>О. Молчанова</i>	85
Одноклассница	85

ШТРИХИ К ЛИТЕРАТУРНОМУ ПОРТРЕТУ

Поэты Приднестровья о Пушкине и Лермонтове

<i>Л. Кудрявцева</i>	
Поездка в Долну	92
<i>Р. Стукало</i>	
Бендерский Арбат	93
<i>Л. Кудрявцева</i>	
М. Лермонтову («Его душа – загадка...»)	93
Сонет (М.Ю. Лермонтову)	93
<i>О. Сизова</i>	
«Поэты уходят рано...»	94

Литературный портрет как публицистический жанр

<i>Б. Чельшев</i>	94
«В степи молдаванской...»	95

11 КЛАСС

ХАРАКТЕРИСТИКА ТРЕХ ЭТАПОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

<i>В. Кожушнян</i>	
Кровная связь	98

ИСТОРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПРИДНЕСТРОВСКИХ АВТОРОВ

Уроки прошедших веков

<i>В. Худяков</i>	
Тропа войны (глава из книги «Под сенью крепости Бендерской, или История южной интриги Карла XII»)	104

Приднестровские авторы о Великой Отечественной войне

<i>П. Данич</i>	
Первый день Победы	111
<i>Б. Чельшев</i>	
Дезертир	113

<i>П. Шпаков</i>	
«Чем дальше мы уходим от войны...»	118
Медсестры	118
«Опушка рощи вся черна от дыма...»	119

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ТЕМАТИКА 119

<i>Б. Парменов, Н. Божко, В. Пищенко</i>	
Гимн Приднестровской Молдавской Республики	121
<i>О. Сизова</i>	
Спас рукотворный	122
<i>Н. Елагин</i>	
Побратимы Арктики (главы из книги)	126
<i>Л. Литвиненко</i>	
«Человек должен быть морем...»	130
<i>П. Шпаков</i>	
«Ты видел, друг мой, что рисуют дети?...»	135
<i>Л. Денисова</i>	
Бюрократам	136

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО ПРОЗРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

«Время собирать камни...» 137

<i>А. Загородний</i>	
Продавец рассветов	139
<i>Л. Стойлова</i>	
Надо жить	145

«Пока живы поэты, жива и духовность народа...» 155

<i>В. Ткачѳ</i>	
«Будет и горько, и колко...»	157
Выбор	157
Праведность	157
Кому лучше?	158
Демократия	158
«Все бежали, не знаю куда...»	158
<i>О. Молчанова</i>	
«Не странствуют по миру Дон Кихоты...»	159
<i>А. Вырвич</i>	
Можно	160
<i>В. Маслов</i>	
Бендеры	161
<i>В. Овчарук</i>	
Молдаванам	161
<i>В. Полушин</i>	
Когда звонят колокола	162

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

«Все совершенствует природа...» 162

<i>Ю. Анников</i>	
Измир (в сокр.)	164

Пейзажная лирика	174
<i>О. Молчанова</i>	
Лето	175
«Горизонт далекий в облаках...»	175
<i>А. Вырвич</i>	
«Как хорошо от шума городского...»	176
<i>М. Сычёва</i>	
Опять осень	176
Сентябрь	176
<i>А. Красницкий</i>	
«В холодных отблесках зари...»	177
«БОЛЕЗНЬ ЛЮБВИ НЕИЗЛЕЧИМА...»: ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА	177
<i>В. Ахмеров</i>	
Любовь	178
«Я заберу тебя у дня...»	179
«Я так давно не видел Ваших глаз...»	179
«Ты таешь медленно...»	179
<i>В. Ткачёв</i>	
Только имя	180
<i>П. Оверин</i>	
«Любви запоздалой слепая громада...»	180
<i>О. Молчанова</i>	
«Снег лица усталого коснулся...»	181
«Нашей памяти белый плен...»	181
<i>М. Сычёва</i>	
Подруге	182
Ухожу	182
РАЗГОВОР СО ВРЕМЕНЕМ И КУЛЬТУРОЙ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ...	183
<i>В. Полушин</i>	184
Загадка Толстого	185
Блок	185
Н.С. Гумилёв	186
Солженицыну	186
В церкви Большого Вознесения	187
Мария Пушкина у памятника отцу в 1918 году	188
<i>Б. Чельшиев</i>	
Пять встреч	189
«ЖИЗНЬ, В КОТОРОЙ СУДЬБЫ НАЗВАНЫ РОЛЯМИ...»: ДРАМАТУРГИЯ	192
<i>В. Кожушнян</i>	
Встреча	194
«РЕАЛЬНОСТЬ, ДОВЕДЕННАЯ ДО АБСУРДА...»: ФАНТАСТИКА	208
<i>Ю. Самусь</i>	
Последнее желание	210

САТИРИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ. ПАРОДИИ 216

С. Чернолев

Вечный виновник 216

Ильич — и баста! 217

На страже морали 217

Н. Кулик

«Раз — не сумела обольстить...» 218

А. Вырвич

Разведчица у зеркала 218

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА ПРИДНЕСТРОВЬЯ

(Литература родного края)

Учебник-хрестоматия

10–11 классы

Авторы-составители:

Татьяна Афанасьевна **Арабаджи**, Наталья Вячеславовна **Плацында**,
Ольга Вячеславовна **Плацында**

Редактор *Л.Г. Соснина*

Корректор *Л.Г. Соснина*

Компьютерная верстка

и изготовление оригинал-макета *Н.В. Надькина*

Подписано в печать 12.11.2019 г. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл.-печ. л. 14,0. Тираж 8500 экз. Заказ № 2831.

ИРОиПК, г. Тирасполь, ул. Каховская, 17.

Отпечатано с готового оригинал-макета

на ГУИПП «Бендерская типография „Полиграфист“»

Государственной службы средств массовой информации ПМР,
3200, г. Бендеры, ул. Пушкина, 52.